ИЗВЕСТИЯ

Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»

Выпуск 7

Иркутск, 2015

УДК 050+39(571.53)
ББК 63.3(2Рос-4Ирк)я43
И 33

Издается по решению Ученого совета
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»

Редакционная коллегия: канд. ист. наук, доц. В.М. Ветров, д-р ист. наук А.В. Дулов, канд. культурологии Е.Ю. Колганова, канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин, канд. культурологии В.В. Тихонов, канд. ист. наук А.И. Шинковой

Ответственный редактор Ю.П. Лыхин

И 33 Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» / отв. ред. Ю.П. Лыхин. Иркутск, 2015. Вып. 7. 314 с.

ISBN 978-5-91344-936-8

ISBN 978-5-91344-936-8 © ИОГАУК АЭМ «Тальцы», 2015

NEWS

of Architectural and Ethnographic Museum «Talci»

Issue 7

Irkutsk 2015

Edition by permission of Scientific Council of
Architectural and Ethnographic Museum «Talci»

Editorial board: Candidate of History, Associate Professor V.M. Vetrov; Doctor of History A.V. Dulov; Candidate of Culturology E.Yu. Kolganova, Candidate of History T.A. Kriuchkova; Candidate of History Yu.P. Lykhin; Candidate of Culturology V.V. Tikhonov; Candidate of History A.I. Shinkovoy

Editor-in-Charge Yu.P. Lykhin

News of Architectural and Ethnographic Museum «Talci». Irkutsk, 2015. Iss. 7. 314 p.

ISBN 978-5-91344-936-8

978-5-91344-936-8 © AEM «Talci», 2015

ИСТОРИЯ

А.А. Павлов

АНГАРСКИЙ ПОХОД СОТНИКА ПЕТРА БЕКЕТОВА 1628/1629 ГОДА
(к вопросу о времени основания первого Братского острога)

В 1619 г. был основан Енисейский острог и русским служилым людям открылся путь для дальнейшего продвижения на восток по Ангаре, которая в XVII в. до устья Оки называлась Верхней Тунгуской. Первые походы русских по ней были неудачными из-за сильного сопротивления коренного населения – эвенков (тунгусов). Лишь в 1627 г. отряд Максима Перфильева достиг Илима и выше его устья под первым Братским (Шаманским) порогом построил зимовье. Преодолеть порог на судах Перфильев не смог, но по берегу прошел за него и от тунгусов получил сведения о богатой земле бурят за большими ангарскими порогами [1].

В 1628 г. на годовую службу в Илимское зимовье отправился отряд сотника Петра Бекетова, которому удалось преодолеть все пять ангарских порогов, выйти к устью Оки и подняться вверх по Ангаре до Уды [2].

Некоторые исследователи считают, что во время этого похода были построены в устье Оки острог или зимовье и Бекетов является основателем первого Братского острога. Данная точка зрения присутствует в публикациях известных историков, вошла в учебное пособие по истории Сибири [3], встречается в краеведческих изданиях [4] и на сайтах в Интернете [5].

Основанием для такого утверждения являются две челобитные Петра Бекетова и справка Сибирского приказа о его службах [6]. Однако изучение этих, а также других документов XVII в. и известных сведений о походе 1628–1629 гг. не позволяет однозначно утверждать, что Бекетов вообще что-то строил в устье Оки.

Документы

В своих челобитных П. Бекетов писал о службе в Енисейском остроге с 1627 по 1650 г.: «А в те годы я, холоп твой, по многим рекам и по многим землицам розным по Тунгуске реке и на Рыбной и на усть Оки реки и на Илимском волоку и верх Лены реки и на низу реки Лены в Якутах острошки и зимовья поставил многие...» [7]. В документах не указывается, где им были построены зимовья, а где – остроги.

Продвигаясь в новые земли, служилые люди строили различные оборонительные укрепления – зимовья и остроги, предназначенные для зимовки и обороны отрядов, в задачу которых входили сбор ясака и присоединение новых территорий.

Острог, «острожек» документов XVII в., отличался от зимовья (срубной избы с боевой надстройкой – нагородней) наличием стен из заостренных бревен, врытых в землю. Простейшим типом острога было зимовье, окруженное такой тыновой стеной [8].

Служилые люди в своих донесениях иногда называли острожками зимовья, не имевшие ограды в виде тыновых стен. Историк XVIII в. Г.Ф. Миллер отмечал, что М. Перфильев в своих отписках называл построенное Илимское зимовье острожком, но это название не прижилось. Вероятно потому, что строение не было окружено стеной. Так же, как зимовье в устье Куты, которое называлось острогом, по словам историка, только благодаря своему положению [9] на восточной оконечности Ленского волока. В 1664/65 г. десятник Ф. Ездоков, имевший приказ принять Кучидский острог, писал, что острожка нет, только одно зимовье, а острожком его назвал и «пролгал» пятидесятник А. Михалев [10].

Преувеличение собственных заслуг, видимо, имело место и в то время. Поэтому на поданные служилыми людьми челобитные царю в Сибирском приказе составлялись справки, в которых, на основании донесений воевод, перечислялись заслуги челобитчиков в сборе ясака и строительстве острогов. В справке Сибирского приказа на челобитные Петра Бекетова от 22 (по старому стилю) февраля 1651 г. отмечены поставленные им острожек на Рыбной ловле и два острога на Лене [11], т. е. Рыбенский, Ленский и Олёкминский остроги. Не упомянуты зимовья или остроги на Ленском волоке и в верховье Лены. Однако из опубликованного донесения Петра Бекетова (1631 г.) известно, что он принял в устье Куты только одно неукрепленное зимовье на десять человек, и ему, очевидно, пришлось строить избы для своего отряда в 30 человек, чтобы перезимовать. В этом же донесении он сообщает о строительстве укреплений во время похода в верховья Лены. Перед боем с бурятами он приказал «срубити струб» с бойницами и установить надолбы. После боя отряд отошел к устью Тутуры и построил «острожек», в котором сотник оставил десять человек для сбора ясака, вернувшихся в Усть-Кутское зимовье через некоторое время из-за отсутствия продовольствия [12].

Известно, что после зимовки в устье Куты отряд Бекетова отправился вниз по Лене в Якутию [13] и русские больше не возвращались в верховья Лены. Поэтому нет смысла искать сведения о Тутурском острожке позднее 1631 г. и на основании их отсутствия делать вывод, что укрепление не строилось, как получается у некоторых авторов [14].

Таким образом, документами подтверждаются указанные в челобитных Бекетова места строительства острожков и зимовий на «Рыбной ловле», «Илимском волоке», на «верх и низ Лены». Кроме «усть Оки реки».

В опубликованных выписке Сибирского приказа о походах П. Бекетова в Братскую землю (1635 г.) и челобитной самого сотника о поверстании его казачьим головой за службу в предыдущие годы (1638 г.), в которой он писал и о походе на Оку и Ангару, не упоминается о строительстве им зимовья или острога в устье Оки [15].

Поэтому следует еще раз рассмотреть уже известные сведения о походе Бекетова в 1628/29 г.

Поход сотника Бекетова в 1628/29 г.

Служилые люди использовали для плавания по рекам различные типы парусно-гребных судов: коч, дощаник, струг [16]. Но первое время из Енисейска вверх по Тунгуске ходили только на кочах [17]. По «росписи рек от Енисейска до Ленского волока», на Верхней Тунгуске (Ангаре) от устья до впадения Илима было четыре порога и шиверы, на которые судно «взводили» канатами, на что уходило от одного до трех дней [18]. Это было не только трудно, но и опасно. Русский посланник в Китай Николай Спафарий писал: «А как тянут канатами и с канатов людей срывает. И утопают в том месте. И ниже той шиверы поставлено крестов с 40, а иные многие от пожаров пригорали» [19].

Сотник Петр Бекетов был отправлен на годовую службу в Илимское зимовье летом 1628 г. В отряде было 30 служилых и 60 промышленных людей, поскольку он должен был усмирить и привести в ясачный платеж тунгусов, напавших на возвращавшийся из-под Братского порога отряд М. Перфильева. Бекетов построил на Рыбной ловле острог и отправился дальше с 19 казаками [20].

Правда, некоторые авторы публикаций считали, что Бекетов после постройки Рыбенского острога, вернулся сначала в Енисейск и только осенью 1628 г. отправился в зимовье под Шаманским порогом [21]. Если бы это было так, не было бы похода через большие ангарские пороги до устья Оки и далее вверх по Ангаре до Уды. Время в пути от Енисейска до устья Илима, по росписи рек 1639/40 г., составляло 58 дней [22]. То есть ему понадобилось бы два месяца, чтобы добраться от Енисейска до Братского порога, и в Илимское зимовье он пришел бы в конце октября. В 1653 г. Д. Фирсов писал в Енисейск, что 9 октября (19 по новому стилю) дошел до устья Оки, но дальше вверх по Ангаре не пошел, «потому что речки многие стали и из Оки реки лед идет» [23].

В донесении енисейского воеводы (июль 1629 г.) написано, что Бекетов послан под Братский порог и в Братскую землю на годовую службу в 7136 г. [24], который по методике перевода на современное летоисчисление [25] начинался 1 сентября 1627 г. и заканчивался 31 августа 1628 г. То есть отряд сотника вышел из Енисейска летом 1628 г.

Когда большая часть работ по строительству Рыбенского острога была закончена, Бекетов отправился дальше в Илимское зимовье [26]. Остановка на Рыбной ловле, видимо, не заняла у него много времени. Он и не дождался окончания строительства, и острог, как известно из документов, был небольшой по размерам крепостью с одной башней «с верхним и нижнем боем» [27].

Вероятно, экспедиция за большие ангарские пороги в бурятскую землю планировалась еще в Енисейске. Воевода не мог оставить без внимания сведения о богатстве бурятской земли, доставленные М. Перфильевым. Годом ранее М. Перфильеву не удалось преодолеть Шаманский порог на большом судне – коче. У Бекетова же были два струга, на которых он и отправился через пороги [28]. Экспедиция была немногочисленной, потому что часть из 19 служилых людей сотник должен был оставить в Илимском зимовье для охраны коча и годовых запасов.

Струги – легкие, маневренные парусно-гребные суда, пригодные для разведки [29]. На разведывательный характер похода указывает и количество припасов. Бекетов взял в поход только по два пуда на человека. А потеряв один струг, разбитый на Падунском пороге в щепки, лишился запасов на нем, хотя люди спаслись [30].

В 20-е гг. XVII в. служилые люди в Енисейске получали хлебное жалованье (мука, крупы, толокно) по 7,5 четырехпудной чети на человека в год [31], т. е. в месяц по 2,5 пуда. Следовательно, поход в Братскую землю предполагался на срок чуть более месяца.

Потеря части запасов привела к голоду. В донесении енисейского воеводы говорится о семи неделях похода Бекетова по Братской земле, во время которого казаки «терпели голод, ели траву и коренье…» [32]. Русские, основу рациона которых составлял хлеб, не могли долгое время питаться одной рыбой и мясом диких животных. Отсутствие хлеба воспринималось ими как голод [33].

Тем не менее, Бекетов прошел от устья Оки до Уды и взял с бурят ясак, как считали служилые люди. Как отмечали исследователи, русские никогда сразу же не устанавливали размер ясака, а просили столько, сколько им могли дать, одаривая князцов подарками (медной и оловянной посудой, другими товарами). Отдаваемая пушнина воспринималась князцами не как дань, а как ответные дары. А малочисленность русских отрядов не вызывала опасения [34]. Ясак, собранный Бекетовым на Оке и Уде, как раз и отражает суть первых контактов с коренным населением, которые устанавливались во время первых, разведывательных, походов в новые земли. Всего с бурят было собрано 87 соболей, из них 83 на Оке, а остальные на Уде [35]. У отряда просто закончились подарки. Ясак был взят мирным путем, без войны [36] и представлял собой обмен товаров на пушнину.

Целью первых походов русских в новые земли был сбор в первую очередь информации о численности будущего ясачного населения, его вооружении, природных условиях нового края. По сведениям, собранным отрядом Бекетова, Перфильеву в 1630

г. был дан наказ строить острог, как советовал сотник, против устья Оки, на другом берегу Ангары, где бурят не было [37].

Описывая поход Бекетова, Ю.В. Попов туманно писал, что, придя к устью Оки, «с места событий» сотник послал донесение в Енисейск [38], чего не могло быть, поскольку после прохождения порогов у отряда оставался один струг. Донесение могло быть послано только после возвращения в Илимское зимовье. В ответ на донесение Бекетова в январе 1629 г. ему было послано подкрепление с наказом поставить острог в устье Илима, но острог он ставить не стал [39] и в июле 1629 г. вернулся в Енисейск [40].

Судя по имеющимся сведениям, во время похода в бурятскую землю отряд Бекетова не строил ни зимовья, ни острога. Мирные отношения с бурятами не требовали постройки какого-либо укрепления. Зимовка, а значит постройка зимовья, в устье Оки из-за отсутствия продовольствия исключалась. Голод в течение семи недель указывает на возвращение отряда в Илимское зимовье под Шаманским порогом, где находились взятые на годовую службу припасы. А количество продовольствия для этого похода свидетельствует о его намеченной непродолжительности и разведывательных целях экспедиции. «Проведывая» новые земли, казаки и не вытаскивали свои суда на берег, а для безопасности ночевали на судах, чтобы в случае опасности сразу же отплыть от берега [41].

Документы

Утверждение, что Бекетов построил в 1628 г. острог, основанное только на челобитных Бекетова и справке Сибирского приказа, следует признать неубедительным, поскольку челобитные были поданы сотником после годовой службы в Братском остроге в 1649/50 г. [42]. Тогда же была составлена справка Сибирского приказа от 22 февраля (по старому стилю) 1651 г. [43].

В справке, на основании донесения енисейского воеводы 1629 г., в описании похода на Ангару не упоминается о строительстве острога или зимовья в устье Оки. Составитель справки пересказывает содержание письма Бекетова о службе в Братском остроге в 1649/50 г., предваряя пересказ словами: «В прошлых годах из Енисейского острогу сын боярский Петр Бекетов посылан для ясаку на Тунгуску реку и на Ангаре де реке на усть Оки реки поставил Брацкий острожек…» [44]. Частица «де» означает «дескать», т. е. передачу чужих слов [45]. Автор справки передает слова самого Бекетова, изложенные в челобитных и письме, в которых сотник указывает места своей службы с 1627 по 1650 г.

А в 1638 г. Бекетов в своей челобитной писал об ангарском походе так: «Ходил ис Братцкого порогу по Тунгуске вверх и по Оке реке, и до усть Уды реки и твой, государев, есак з братцких княжцей и улусных людей взял вновь, и братцких под твою, государеву, высокую руку подвел. И по се число те братцкие твой, государев, есак дают в Енисейский острог. А преж, государь, меня в тех местах никакой русский человек не бывал» [46]. Судя по этому документу, никакой зимовки и постройки острога во время похода не было, хотя в этой же челобитной сотник писал и о зимовке, и о строительстве острога во время похода на Лену [47].

До середины XVII в. упоминаний о строительстве Бекетовым в устье Оки острога или зимовья в документах не встречается.

Служба Петра Бекетова в Братском остроге в 1649/50 г.

За время годовой службы сотник организовал пашенное дело и приложил немало усилий для укрепления острога на правом берегу Оки в ее устье [48]. Как командир гарнизона он должен был следить за состоянием укреплений острога, построенного больше десяти лет назад.

В 40–50-е гг. XVII в. началась борьба русских острогов за ясачное население, получившая в исторической литературе название «войны острогов». В 1646–1648 гг. в междоусобных столкновениях удинских и окинских бурят принимали участие с одной стороны красноярские казаки, с другой – гарнизон Братского острога [49]. В ответ на набеги красноярских казаков ангарские буряты подступали к Братскому острогу и осаждали его в 1646 и 1647 гг. [50].

В 1651 г. буряты также совершили набег под острог и осадили его. Снял осаду отряд М. Перфильева, посланный из Енисейска [51]. А затем было принято решение о переносе Братского острога с правого берега Оки. В 1653 г. для этого был послан отряд Дмитрия Фирсова, построивший острог в 1654 г. на левом берегу Оки [52]. Затишье в боевых действиях как раз пришлось на 1649/50 г., время годовой службы Петра Бекетова в Братском остроге.

Конструктивные особенности двух сохранившихся башен острога позволяют предположить, что одна из них строилась раньше 1654 г. и была перенесена с правого берега Оки на новое место [53]. Башня вполне могла строиться во время годовой службы Бекетова в Братском остроге. Это объясняет, почему в документах устье Оки как одно из мест строительства сотником зимовий и острогов во время походов появляется только после его службы в Братском остроге в 1649/50 г.

Ангарский поход сотника Петра Бекетова через пороги к бурятам с самого начала планировался как поход разведывательный. На это указывают наличие у него стругов и взятый запас продовольствия, количество которого предполагало не зимовку в бурятской земле, а возвращение в зимовье под Братским (Шаманским) порогом. Проведенная Бекетовым разведка позволила наметить место для строительства острога на берегу Ангары против устья Оки. Мирный характер взаимоотношений с бурятами исключает возможность постройки на Оке какого-либо укрепления, тем более острога. В документальных источниках до середины XVII в. нет сведений о строительстве Бекетовым в устье Оки зимовья или острога.

Все это, пока не найдены новые документы, позволяет утверждать, что русские во время похода на Ангару в 1628/29 г. не строили ни зимовья, ни острога, а первый Братский острог был основан отрядом Максима Перфильева, как известно, в 1631 г. у Падунского порога на Ангаре.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: «Вост. лит». РАН, 2005. Т. III. С. 40–41; Сборник документов по истории Бурятии. XVII век (далее – СДИБ). Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. № 8. С. 14–15.

2. Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 37–38.

3. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск: Наука, 1993. С. 28; Зуев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI–XIX вв.): учебное пособие. 2-е изд. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1999. С. 38.

4. Попов Ю.В. Истоки Братска. Братск, 2006. Ч. I. С. 45–46.

5. Бекетов Петр Иванович // Арктика-Антарктида (сайт). Режим доступа: http://www.arktika-antarktida.ru/sever/beketov.shtml (дата обращения: 26.02.2014); Полунина Н.М. Хроника основания сибирских острогов в XVI–XVII вв. // Прибайкальский район Республики Бурятия (сайт). Режим доступа: http://az-kozin.narod.ru/novosty.html (дата обращения: 12.03.2015).

6. СДИБ. № 55. С. 175–186.

7. Цит. по: СДИБ. № 55. С. 176–177.

8. Баландин С.М. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 11; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. С. 35; Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. С. 75.

9. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 41, 54.

10. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 23. Л. 138 об.–139.
11. СДИБ. № 55. С. 178, 180.
12. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 175–179. Прил. 22.
13. Там же. С. 55.
14. Красноштанов Г.Б. Существовал ли Тутурский острожек? // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2006. Вып. 5. С. 67–75.
15. СДИБ. № 19. С. 26–27; № 21. С. 33–34.
16. Вершинин Е.В. Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 89–92, 123–127.
17. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 76.
18. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 30. Л. 41–42.
19. Спафарий Н. Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Spapharij/text2.phtml?id=1756 (дата обращения: 12.03.2015).
20. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 41; Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов. С. 37; СДИБ. № 19. С. 26.
21. Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов. С. 37; Попов Ю.В. Указ. соч. С. 42.
22. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 30. Л. 41–42 об.
23. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 322 об.
24. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 141. Прил. 8.
25. Пронштейн А.П., Кияшко В.Я. Хронология. М.: Высшая школа, 1981. С. 110.
26. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 41.
27. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 23. Л. 237 об.
28. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 41.
29. Вершинин Е.В. Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.). С. 89– 90.
30. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 164. Прил. 16.
31. Бродников А. Енисейский острог. Красноярск: Енисейский благовест, 1994. С. 67, 122.
32. СДИБ. № 55. С. 179.
33. Зуев А.С. Указ. соч. С. 290.
34. Павлинская Л.Р. Коренные народы Байкальского региона и русские: Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе Государства Российского: (очерки этнической истории). СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 195.
35. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 139. Прил. 7; СДИБ. № 19. С. 26; № 16. С. 23.
36. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 36.
37. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 163. Прил. 16.
38. Попов Ю.В. Указ. соч. С. 42.
39. Павлинская Л.Р. Указ. соч. С. 198; Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов. С. 38.
40. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 142. Прил. 8.
41. Багрин Е.А.Тактика ведения боевых действий русскими служилыми людьми в Восточной Сибири в 40-60 гг. XVII в. (по материалам Прибайкалья и Приамурья) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ostrog.ucoz.ru/publ/b/41 (дата обращения: 12.03.2015).
42. Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов. С. 40.
43. СДИБ. № 55. С. 186.
44. Цит. по: СДИБ. № 55. С. 182–183.
45. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I: А–З. М: Прогресс, Универс, 1994. С. 1050.
46. Цит. по: СДИБ. № 21. С. 33.
47. СДИБ. № 21. С. 34.
48. Окладников А.П. Указ. соч. С. 87.
49. Павлинская Л.Р. Указ. соч. С. 234, 243.
50. Окладников А.П. Указ. соч. С. 83, 86, 396.
51. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 238 об.–239, 249 об.–250.
52. Там же. Л. 322 об., 336 об.–337.
53. Маковецкий И.В. Деревянное зодчество Приангарья XVII–XX вв. // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. I: Приангарье. М., 1971. С. 117–118.

Ю.И. Чивтаев

ВЫХОД ЕНИСЕЙЦЕВ НА ЛЕНУ
(к вопросу о возникновении Усть-Кута)

Путь в Восточную Сибирь с южного направления лежал по Ангаре – Илиму – Куте – Лене, но специальных исследований о возникновении города Усть-Кута нет. Дело ограничивается краткими сведениями.

«1627. Из Енисейска отправлены две партии казаков: одна – для разведки р. Лены, из 10 человек, с казачьим десятником Василием Бугром (достиг верховьев Лены в следующем году) и другая – чтобы привести в подданство бурят, из 40 человек, с атаманом Максимом Перфильевым <…>

1631. Атаманом Иваном Галкиным, при впадении Куты в Лену, заложено зимовье, потом возведенное в острог – Усть-кутский», – сказано в хронологии И.В. Щеглова [1].

«В 1631 г. Иван Галкин прошел до реки Лены и заложил Усть-Кутский острог. В этом же году Галкина на реке Лене сменил сотник Петр Бекетов, который, докончив Усть-Кутский острог, направился с людьми вверх по Лене для сбора сведений о бурятах», – повторил в 1887 г. составитель нескольких книг по истории Сибири В.К. Андриевич [2].

В составленной им же «Истории Сибири» в двух частях, изданной через два года, он уже не говорит о достройке строения И. Галкина Бекетовым до острожка, отметив в предисловии, что в первой части книги им использованы опубликованные к тому времени материалы Г.Ф. Миллера [3].

Бекетов на самом деле ходил с устья Куты в 1631 г. вверх по Лене, а в 1632 г. отправился вниз по реке. Сохранилось несколько отписок, челобитных Петра Бекетова, в которых тот подробно рассказывает о своих действиях в первом своем походе на Лену. И там нет ничего о достройке зимовья Галкина до острога. Не нашли таких сведений и исследователи жизни и деятельности Петра Бекетова [4].

Этнограф Л.Р. Павлинская пишет, что русские «поставили весной 1631 г. в устье Куты новое зимовье, перестроенное позднее Петром Бекетовым в острог, получивший название Усть-Кутский». Дает ссылку: ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, с. 103–108, № 41 [5]. Перепроверка по источнику показала, что документ № 41 в деле № 22 в фонде 21 («Портфели Миллера»), хранящийся в Санкт-Петербурге в отделении Архива Академии наук, это челобитная Ивана Галкина, которая теперь опубликована в третьем томе «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера [6], в ней нет ни слова о Бекетове. Ниже мы не раз обратимся к этому документу

Тщательно исследовавший историю Илимского края В.Н. Шерстобоев составил таблицу, в которой указаны годы первого упоминания в документах того или иного селения, и этой таблицей вовсю пользуются историки и краеведы Приленья, ошибочно считая, что первое упоминание в документах того или иного селения означает и возникновение в соответствующем году этого селения. По таблице первое упоминание Усть-Кутского острога относится к 1631 г. [7], и это на самом деле так, но исследователь не нашел документов, подтверждающих год возведения острога, поэтому и не указал его в рассказе о самом остроге [8]. Есть множество примеров, когда сибирские селения впервые упоминаются в документах значительно позже, чем на самом деле там поселились русские. А что касается упоминания 1631 г., то это не что иное, как отписка самого Ивана Галкина, о которой подробнее будет сказано ниже.

Крупнейший знаток сибирской истории С.В. Бахрушин в своих трудах обошел молчанием вопрос о возникновении Усть-Кута, хотя уделил достаточно внимания путям выхода землепроходцев на Лену [9].

Специалист по истории Якутии Ф.Г. Сафронов мельком говорит о строительстве Усть-Кутского острожка к 1631–1632 гг., не делая никаких ссылок [10].

В фундаментальном пятитомном труде «История Сибири» сказано лишь, что походы Бугра и Галкина – это первые походы на Лену, о возникновении Усть-Кута или Усть-Кутского острога ничего не сказано [11].

Известные новосибирские ученые Д.Я. Резун и Р.С. Васильевский писали: «Первые зимовья на Ленском волоке» с р. Илима на р. Лену по р. Кути возникли еще во время похода В. Бугра в 1630 г. Однако в устье р. Куты на р. Лене впервые енисейский атаман И. Галкин в 1631 г. поставил «зимовье по-промышленному. Одна изба с сенцы десяти человеком едва можно жить, а острожного заводу около тово зимовья нет никакого». Затем это зимовье было обнесено частоколом, а в начале 1640-х гг. поставлен «острожок» [12].

Эти слова авторитетных ученых повторены в энциклопедическом издании [13]. Какие «зимовья», кем и где они построены на Ленском волоке, не сказано, зато зимовье Галкина названо первым в устье Куты, а цитируемое высказывание принадлежит Петру Бекетову.

В противовес этому в путеводителе по Лене, изданном в Якутске, сказано, что острог «как зимовье был заложен казачьим десятником Василием Бугром» в 1628 г. [14].

«Сведения о первом Ленском остроге есть не что иное, как выдуманный И.А. Галкиным миф. На самом деле в устье Куты в 1631 г. продолжало функционировать одно и то же зимовье, которое было поставлено В.Е. Бугром летом 1629 г.», и поход Ивана Галкина «не оставил особого следа в истории региона», считает якутский историк профессор П.Л. Казарян [15].

В труде группы известных иркутских ученых о возникновении Усть-Кута есть такие слова: «Первый раз по Илиму, не останавливаясь, прошел енисейский казачий десятник В. Бугор, который сумел поставить зимовье на р. Куте и острог в устье р. Киренги (1631 г.). Почти одновременно с ним по Илиму на Лену прошел атаман И. Галкин» [16]. Признается строительство зимовья Бугром на р. Куте до прихода туда Ивана Галкина, и указан год 1631-й.

В книге С. Гольдфарба сказано: «Усть-Кутский острог был построен землепроходцами в 1631 году» [17]. Источник не назван, хотя во многих других случаях автор это делает.

Московский исследователь Г.Б. Красноштанов, изучивший тысячи страниц документов XVII в., хранящихся в разных архивах, с удивлением отмечает, что в документах периода заселения на Лену черкасов, а это 1642–1649 гг., никаких упоминаний об Усть-Кутском острожке нет [18]. Ниже убедимся, что это не совсем так.

Из всего многообразия суждений, вовсе не явно указывающих на роль Василия Бугра и Ивана Галкина в возникновении города, администрацией Усть-Кута выбран 1631 год как год строительства Иваном Галкиным острога [19]. В центре города установлен памятник И.А. Галкину, основателю Усть-Кута.

Академик А.П. Окладников отмечал, что честь открытия Лены с южного направления принадлежит Василию Бугру и Петру Бекетову [20], об Иване Галкине ученый не упомянул.

Внимательный анализ давно известных, а также ранее не опубликованных документов позволяет утверждать, что В. Бугру принадлежит и первенство в основании Усть-Кута, а Усть-Кутский острожек был построен значительно позже 1631 г.

Новосибирский историк А.А. Бродников установил, что в сентябре 1627 г. для сбора ясака в Нижнее Приангарье были отправлены стрельцы Василий Ермолин и Кондратий Федоров и с ними торговый человек Фрол Сколков. Тунгусы напали на отряд, товарищей Василия Ермолина убили, а ему самому чудом удалось остаться в

живых и вернуться в Енисейск 9 января 1628 г. После этого похода Василий Ермолин получил прозвище Бугор [21].

Найденная информация опровергает сложившееся еще в XIX в. мнение о начале похода на Лену в 1627 г. [22], повторяемое некоторыми современными исследователями [23]. Возможно, это утверждение основывалось на отписке енисейского воеводы В.А. Аргамакова, отправленной в Москву не ранее июля 1629 г., в которой тот сообщал, кто и куда был послан на службы. О Бугре сказано: «…в прошлом во 136-м году <…> Васка Бугор с товарищы десять человек, посыланы для ясачново ж сбору по И[лим]у реке…» [24]. Но по григорианскому календарю это период с 1 сентября 1627 г. по 31 августа 1628 г.

Начаться поход на Илим не мог в 1627 г. еще и потому, что об этой «землице» *е*нисейский воевода достоверно узнал годом позже от Максима Перфирьева. Атаман в 1627 г. ходил «в Брацкие земли», туда не сумел добраться, но построил зимовье, расположенное в двух днях пути выше устья Илима, где зимовал и собрал первый ясак с нижнеилимских тунгусов, вернулся он в Енисейск в конце весны – начале лета 1628 г., после ледохода [25].

Василий Бугор был опытным служилым, возможно, еще в 1619 г. участвовал в строительстве острога [26]. Походу на Илим именно в 1628 г. способствовало умиротворение нижнеангарских тунгусов благодаря успешным действиям Петра Бекетова, сумевшего поставить Рыбенский острог в самом центре земли беспокойных инородцев. Это давало возможность двигаться вверх по Верхней Тунгуске до устья Илима относительно малыми силами. И тогда же возникли особые обстоятельства, заставившие В.А. Аргамакова действовать безотлагательно и отправить на годовую службу на Илим всего десять человек.

Дело в том, что с весны 1628 г. из Тобольска в Енисейск шел полк, сформированный из 150 человек, набранных из разных сибирских городов. Возглавлял полк московский дворянин, бывший енисейский воевода Яков Игнатьевич Хрипунов [27]. В маршруте движения Хрипунов не был ограничен, людей у него хватало, и енисейский воевода не без основания подозревал, что Хрипунов начнет собирать ясак и десятинную пошлину. Собранные Хрипуновым ясак и пошлина по существующему порядку пошли бы в казну от Тобольска, а не от Енисейска, что подрывало всю с огромным трудом организованную в регионе деятельность, наносило бы удар по репутации воеводы в глазах и подчиненных, и вышестоящих властей, поскольку количество собранной в казну пушнины было своего рода мерилом качества службы воевод и острогов. К тому же уже было получено распоряжение из Тобольска приписать к полку Хрипунова десять енисейцев и того же М. Перфирьева, становившегося на время подьячим, т. е. правой рукой Хрипунова [28]. Подозрения подтверждались тем, что еще при подходе к Енисейску полковые люди отбирали у промышленников соболей [29]. Аргамаков не мог допустить, чтобы на новые земли первыми пришли тобольцы.

В то же время надо было продолжать держать силы на Ангаре, уделять неослабное внимание продвижению «в Брацкие земли» выше ангарских порогов, к Байкалу. Поэтому на Верхнюю Тунгуску отправляются два отряда: 19 человек только что вернувшегося со строительства острога на Рыбной ловле сотника Петра Бекетова и десять человек Василия Бугра [30]. Аргамаков надеется, что если его люди опередят Хрипунова, придут и «в Брацкие земли», и на Илим раньше, действия Хрипунова будут ограничены. Опасения енисейского воеводы еще больше возрастают, когда Хрипунов во время зимовки отправил на Верхнюю Тунгуску отряд своего шурина М. Воейкова с 12 казаками. «Нет надобности говорить о том, какие жалобы из-за этого возникли», – заметил академик Г.Ф. Миллер [31]. Еще бы, под угрозу ставился сбор ясака енисейцами, трудная, но доходная служба стрельцов и казаков, ведь зима – это самый удобный период сбора ясака и десятинной пошлины, в это время добывается самый лучший соболь. Воейков вскоре вернулся, результаты его разведки неизвестны.

В январе 1629 г., пока Хрипунов зимует в Енисейске и ждет подготовку судов для весеннего похода, Аргамаков посылает Бекетову небольшое подкрепление и предписание о срочной постройке нового острога, «чтобы Яков Хрипунов Илима реки не отнял и ясаку по Илиму збирать не послал» [32], что явно указывает на особую озабоченность воеводы по поводу новых земель. Тогда Бекетов не стал строить острог ни в устье Илима, ни выше на Верхней Тунгуске, не было ни сил, ни запасов, а Бугор уже был далеко впереди. Такое указание одновременно свидетельствует о том, что в Енисейске еще не имели представления о существовании водораздела между Верхней Тунгуской и Леной, хотя слухи о какой-то большой реке на востоке были.

Отряд Бугра был самостоятельным, и уровень казенной переписки в связи с этим походом, казалось бы, должен быть достаточно большим, как и при походах отрядов во главе с атаманами и сотниками, но неизвестны ни челобитные, ни наказы и отписки из Енисейска, Тобольска и Москвы о первом выходе на Лену. Имеется лишь одна-единственная отписка самого десятника, есть скупые сведения о его походе в переписке между Иваном Галкиным и Енисейском. Поэтому приходится довольствоваться косвенными данными, общей информацией о действиях енисейских служилых в то время.

Вероятно, как и все енисейцы, Бугор двинулся в путь на коче, возможно, имел с собой и струг, понимая, что придется идти вверх по боковой реке. Впрочем, струги служилые строили и в походах. Так, в наказе енисейского воеводы С. Шаховского Ивану Галкину было сказано, чтобы тот, перейдя волок, «поделав струги», посылал «по Лене реке вверх и вниз служилых людей с толмачи» [33].

Бугор торопился. Время в пути до устья Илима уже было известно (4–5 недель тяжелого подъема), а до зимы нужно было подниматься и по Илиму, собирая по пути ясак. Конечно, многое зависело от загрузки судов, от количества людей, их сноровки. Боевые отряды шли довольно быстро. Иван Галкин с отрядом в 30 человек отправился из Енисейска 20 июля 1630 г. [34] и уже «последним летним путем» отправил передовой отряд Ильи Ермолина в разведку по Лене [35]. Петр Бекетов с отрядом в 40 человек, выплывший 31 мая 1631 г. на смену Ивану Галкину, добрался до устья Игирмы 16 июля, т. е. за 47 дней. А воевода Головин за 93 дня [36]. Скорее всего, Василий Бугор через 1,5 месяца уже был в устье р. Игирмы, построил зимовье и приступил к сбору ясака еще в 136 г., как написал Г.Ф. Миллер [37], т. е. не позднее 31 августа 1628 г., иначе академик указал бы 137 г. Это зимовье позже укреплял Иван Галкин, «зделал городком, и башню де для караулу поставил» [38].

Тогда же Бугор выходит и на Куту. Это подтверждается его отпиской, написанной не ранее 25 октября 1629 г., где десятник, говоря о себе «енисейские стрелцы Васка Бугор с товарыщы», сообщал, что два служилых человека и толмач «ходили на Куту» и взяли с «ясашного» князца налягов Акинеги 40 соболей [39]. Так как тогда ясак брали за 1629/30 г. (период с 1 сентября 1629 по 31 августа 1630 г.), а Акинега уже был «ясашным», значит, он уплатил ясак за предыдущий 1628/29 г. Ясак собирали во всякое время года, но старались брать в позднеосенний – зимний период, в это время наиболее крепкий и ценный мех. Поскольку, кроме Бугра, поздней осенью 1628 г. и зимой 1629 г. енисейских сборщиков на Куте не было, значит, именно бугровцы сходили на Куту до октября 1629 г. В отписке Бугор называет себя и своих товарищей стрельцами, а не казаками, как иногда о них пишут историки, применительно именно к походу отряда на Лену. О выходе на Лену не сообщается, а на Куту сборщики могли выходить не в устье, а выше по течению, так как именно этот маршрут стал известен Бугру.

Об открытых Бугром путях на Лену Иван Галкин, прибыв в устье Игирмы в конце августа 1630 г., сообщал: «А по Идирме, государь, водяного ходу до устья Чюхтармы реки три дни, а по Чюхторме идти до волоку день водяным же путем, а волок на реку на Ялыку, а сухово волоку с Чюхтормы на речку на Ялыку днем переходят рано, а по

Ялыку до Куты плыти день, а до другого волоку идти по Идирме реке вверхь до усть Дидилмы два дни, а с усть Дидилмы сухово волоку идти на реку на Куту, на усть Кутоя два дни» [40].

Река Чюхторма (Чюхтарма) сейчас называется р. Читорма, это левый приток р. Игирмы. Верховья Читормы близко подходят к р. Малая Ялыка, Ялыка впадает в Куту.

Названия Дидилма на современных картах нет. Но так как по описанию Галкина до Читормы три, а до «Дидилмы два дни», то это может быть речка, которая сейчас называется Черная. От устья Игирмы до устья Черной как раз 2/3 того расстояния, что от устья Игирмы до устья Читормы.

В эвенкийском языке слово «диды» означает «водораздельный хребет», есть и река по названию Диды [41]. Илим и Игирма относятся к Ангарскому речному бассейну, Кута – к Ленскому. «Ма» – суффикс приблизительности от имени пространства [42]. Место, откуда начинался путь через водораздел, могло закрепиться в эвенкийском названии речки у начала этого пути. То есть Дидилма – это речка недалеко от тропы через перевал, можно сказать – Перевальная речка.

«С усть Дидилмы сухово волоку идти на реку на Куту, на усть Кутоя два дни», – написано в отписке Галкина, скопированной для Миллера. Очевидно, что слово «Кутоя» – это описка либо переписчиков, либо Галкина, речь может идти только об устье р. Купы, впадающей в р. Куту, так как дойти за два дня до устья самой Куты с устья Игирмы (около 200 км) невозможно. В этом же документе Иван Галкин, описывая уже им самим найденный новый маршрут в устье Купы, употребляет для этой реки название «Купой» [43]. Так, по-видимому, и звучало местное название этой реки, трансформировавшееся затем в слово «Купа» [44]. По современной карте напрямую до устья Купы не менее 65 км. Но напрямую в тайге не ходят. Стрельцы Бугра вполне могли, поднявшись на судне к Дидилме, начать движение на восток и юго-восток, следуя в этом направлении, попасть на речку, называемую теперь Каймонка, и, спустившись вдоль нее, выйти на р. Куту, почти напротив устья р. Купы. На этом известном тунгусам маршруте удается обойти севернее крутые водораздельные склоны между речками, текущими на юг к р. Купе. Общее расстояние на таком маршруте 75–80 км, что первопроходцы вполне могли преодолеть за два летних дня. Якутский ученый П.Л. Казарян считает, что «именно по этому пути В.Е. Бугор весной 1629 г. перешел на Лену» [45]. Такой полностью сухопутный маршрут действительно не исключается. Вряд ли в этом случае стрельцы тащили бы с собой судно, удобнее строить его там, куда вышли, т. е. на р. Куте у устья р. Купы.

Представляется, что Бугор использовал оба маршрута. Отряд на судне поднимал груз по Игирме до Дидилмы. Потом несколько человек пошли с небольшим грузом пешком по тунгусской тропе к Куте в устье Купы, а другие продолжили подъем до Читормы и по ней. Перетащив судно и груз через короткий волок в Ялыку (ныне Малую Ялыку), спустились вниз до Куты, сплыли по ней до встречи с первой группой. Оттуда служилые двинулись дальше к Лене, предварительно построив в устье Купы еще одно судно. Такой вариант наиболее практичный, а о двух имевшихся у Бугра на Лене судах упомянул И.Э. Фишер [46].

Так был обнаружен водораздел между Верхней Тунгуской (Ангарой) и Леной, что впоследствии привело к изменению направления движения на восток с северного мангазейского на южное енисейское, ставшее основным в Якутию [47].

Узнав путь на Лену, Бугор решил не ждать смены на Илиме, а идти дальше. Безусловно, он понял значение обнаруженного волока и знал, что всегда в верхних и нижних концах волоков строятся зимовья, становящиеся опорными пунктами. Зимовье давало ему возможность сразу плыть дальше и воспользоваться им на обратном пути, а в будущем использовать его как начальный пункт для дальнейшего закрепления в новых землях.

Перебираясь на Лену весной – в начале лета 1629 г., Бугор не мог оставить без присмотра запасы и судно в устье Игирмы. Хотя тунгусы тогда не проявляли никакой враждебности, но рисковать было нельзя. Поэтому на Игирме оставалось два служилых, что следует из содержания отписки. Имея в своем распоряжении восемь человек, Бугор переходит на Лену и принимает решение плыть дальше на обоих судах.

Г.Ф. Миллер писал: «Находясь в зимовье на устье Идирмы, он собрал здесь ясак. Далее он перешел на реку Куту, которая впадает в Лену; спустился по Лене вниз до устья Чаи, собирая кое-где ясак. В устье Киренги он оставил четырех человек служилых и двух других – в устье реки Куты. Летом 1630 г. Бугор благополучно возвратился в Енисейск» [48]. У Миллера какая-то ошибка: по пути вниз по Лене нельзя оставить людей сначала в устье Киренги, а потом в устье Куты.

Академик И.Э. Фишер, пользовавшийся документами Миллера, пишет иначе: Василий Бугор «…с данными ему десятью казаками пошел вверх по реке Идирме до другой реки Куты, по течению которой следовал до ея устья к славной в свете и великой реке Лене, которою плыл вниз до устья реки Чаи. Язычники принуждены были везде давать ему ясак, где он ни проходил; и как он увидел, что на сей раз довольно собрал дани, то в 1630 году возвратился в Енисейск, оставя у устья Киренги четырех человек из своих товарищей, да двух еще у устья Куты для ясашного сбору» [49].

Сообщения академиков слишком общие, но можно думать, что в 1629 г., построив в устье Куты зимовье, Бугор занялся сплавом по Лене, собирая ясак, добрался до Чаи, там тоже собрал ясак, зимовал, в 1630 г. при возвращении с Чаи оставил на Лене людей и отправился в Енисейск. О зимовке на Чае сказано и в «Исторической энциклопедии Сибири» [50].

В ясачной книге Енисейского острога есть сведения о сборе ясака «с тунгусских и брацких людей енисейскими служилыми людьми за 138 [1629/30] г.». Общий сбор енисейцев записан так: «В Тунгуске ж реке, под Брацким порогом с верхних тунгусов с князца Корота, да с шаманских людей с князца Когуня, да по Иму (Илиму. – *Ю. Ч.*) реке с налягов с князца Мукилги, да с мунгулей с князца Евока, да с Куты реки с князца с Кинеги и с людей их взято государева ясаку на нынешней на 138 год 8 сороков 24 соболя да 7 недособолей с пупки и с хвосты, да за 2 соболя взято кошлок рыж да лисица красная.

С Лены реки, с налягов взято государева ясаку на 138 год вновь 3 шубы собольи тунгуские, а в них 44 соболя» [51]. Эта запись еще раз подтверждает нахождение людей из отряда Бугра на Куте и Лене после 31 августа 1629 г.

В той же отписке Бугор жаловался, что с Игирмы ходили 25 октября 1629 г. «для государева ясаку на Куту реку, два человека служилых людей, да толмачь (вот они, оставленные на Игирме для охраны. – *Ю. Ч.*), да Якова Игнатьевича полку служивые два ж человека, да толмачь, и взяли государева ясаку с ясашных людей с князца Акинеги с товарыщы сорок соболей, да с новых людей с атягов взяли государева ясаку две шубы собольи. И как пришли с Куты, и Якова Игнатьевича полку литвин Григорей Кулик с товарыщы те соболи и шубу у него на Игырме взяли к себе и сослали с Ыгырми в Ынимское зимовье Якову Игнатьевичю и Яков Игнатьевич те соболи, которые взяты с ясачных людей, с князца Кипеги с товарыщы, сорок соболей, отдал нам, а две шубы собольи, что взяты с налягов вново, себе взял в государев ясак, а нам тех шуб не отдал и паю в них нечево не дал, то де взяты с новых людей, а ходили за един человек» [52].

Худшие опасения Аргамакова подтвердились. Люди из отряда Хрипунова не только пришли на Илим, но и занялись сбором ясака с тунгусов Куты и Лены. В выписке из ясачной книги Енисейского острога о сборе ясака отрядом Хрипунова есть запись за 26 декабря 1629 г.: «…с Лены реки с новых людей, с князца Елдеги с товарыщи» в количестве «восмьнатцать соболей с пупки и с хвосты, да восмьнатцать

соболей с пупки без хвостов, да восмьнатцать недособолищей с пупки и с хвосты, да девять недособолишек с пупки без хвостов, две выдришка, три бобришка карих, да кошлочишко карей, лоскутишко соболей взято» [53]. А в записи от 4 февраля 1630 г. говорится, что «…с реки Куты с наляжских людей с князца Кинеги с товарыщи государеву ясаку две шубы тунгуских собольи новы взято. В одной шубе сшито двадцать два соболя, а в другой шубе двадцать один соболь» [54]. Это немало, учитывая, что среди ясака, собранного Хрипуновым во время похода, есть партия в 40 соболей, оцененная в 45 руб., есть партия, оцененная в 25 руб., и есть партия, оцененная всего-то в 2 руб. 1 алтын и 4 деньги [55]. Может быть, это не те две шубы «атягов», о которых жаловался Бугор, а просто тот же князец Акинега принес еще раз ясак, на этот раз не Бугру, а хрипуновцам. Видимо, ему было весьма интересно встречаться с русскими. Еще бы, всякий раз, отдавая ясак, тунгус получал «государево жалованье», угощение «в волю», в том числе и вином. Тунгусы ясак воспринимали как выгодный обмен.

Получение хрипуновцами в декабре 1629 г. ясака с Лены подтверждает наличие в устье Куты зимовья, так как выход на Лену возможен только в этом месте, если, конечно, эти сборщики, так же как и бугровцы, ходили с Илима за ясаком сами. А это, скорее всего, так и есть. Имеется документальное подтверждение того, что в устье Куты у тунгусов было постоянное стойбище. Позже, в начале 1644 г., якутский воевода П.П. Головин во избежание конфликтов с этими тунгусами приказал выселить их в другое какое-нибудь место, куда теперь станут сборщики ясака приходить сами [56].

Выход хрипуновцев на Куту и Лену был вторым по счету, состоялся он до появления там людей Ивана Галкина. Так как они ходили за ясаком зимой, то, скорее всего, это маршрут от р. Дидилмы через хребты.

Находясь в Илимском зимовье, Хрипунов в феврале 1630 г. умирает [57], его люди, руководимые теперь подьячим Максимом Перфирьевым, постепенно возвращаются в Енисейск.

Бугор, не зная о событиях в тылу, дождавшись спада воды в Лене после половодья, а происходит это к концу мая – началу июня, отправляется с Чаи назад. На Киренге остаются четыре человека, а остальные четверо на двух судах продолжают путь вверх по Лене. Вряд ли Бугор сразу оставил в устье Куты двух человек, а сам с одним отправился пешком вверх по Куте до устья Купы, чтобы потом уйти через хребет и Дидилму на Игирму. Скорее всего, вся группа поднялась на одном струге до устья Купы, а уж потом двое вернулись в устье Куты, а двое ушли на Илим. С возвращением в Енисейск сначала хрипуновцев во главе с Максимом Перфирьевым и немного позже Бугра с тремя стрельцами здесь узнают о новом открытии.

Имена первых жителей, оставленных в зимовье в устье Куты Бугром в 1630 г., известны из переписки Галкина и Енисейска. Атаман писал, что когда передовой отряд десятника Ильи Ермолина вышел в устье Куты (а это самый конец августа – начало сентября 1630 г.), то он пришел к тем, «которые остались на усть Куты реки на Лене от Васки Бугра, к Тренке Корешу и Фетке Михайлову» [58].

Можно приблизительно установить, когда Бугор оставил своих людей в устье Куты. Раньше прохода льда по Лене в районе устья Чаи двинуться вверх по Лене он не мог, а это середина мая. Расстояние до устья Куты около 400 км могло быть преодолено в течение 10–15 дней. Путь вверх по Куте до устья Купы около 60 км потребовал еще 2–3 дней. Значит, первые постоянные жители в зимовье в устье Куты остались примерно с первой половины июня 1630 г.

Еще до Ильи Ермолина в устье Куты побывали промышленные люди. Когда Илья Ермолин сплыл до устья Киренги, а потом и до устья Чаи (а это сентябрь 1630 г.), он узнал от местных тунгусов, что оставленные Бугром в устье Киренги служилые отправились вниз. «И тунгусы им сказывали, которые де перешли промышленные люди с Ылима реки,

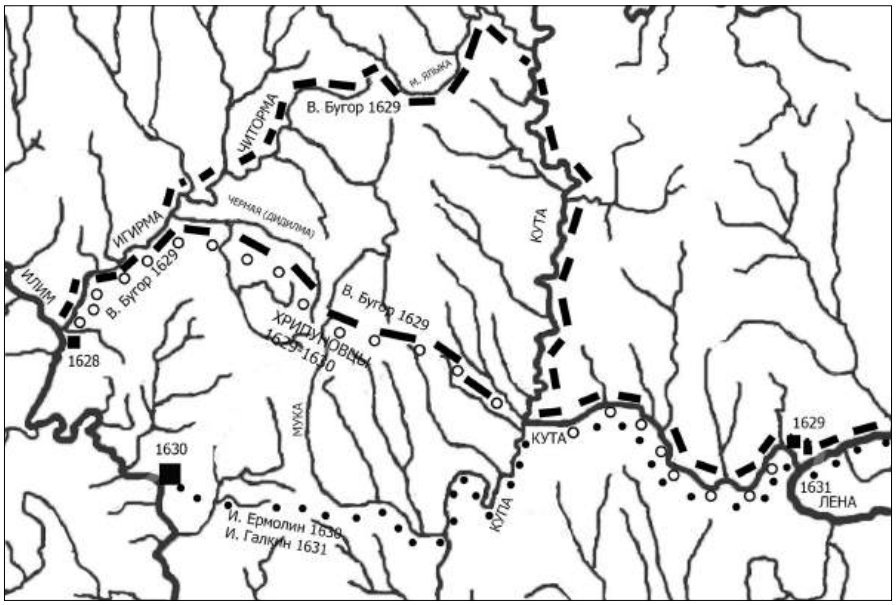
Ортюшка Кырнай с товарыщы, осмнатцать человек, на Лену реку, и иные де промышленные люди с Нижней Тунгуски на Лену реку, и они де, промышленые и служивые сошлися вместо и поплыли вниз по Лене реке в Яколскую землю. А Якольскую, государь, землю сказывают тунгусы людну и скотну, и скот всякой есть, и кони, и коровы, и овцы, а ясаку де они, яколские люди, не платят никуда с себя, а живут они на край Лены реки.

А про тех служивых и промышленных людей вести подлинные нет, что они живы или мертвы. И Илья с товарыщы на усть Чаи на Лене реке заосеновал для государева ясаку» [59]. В челобитной Ерофея Хабарова и других промышленных и торговых людей, участвовавших вместе с отрядом атамана Ивана Галкина в боях против якольских людей в 1634 г., сказано, что в 1633 г. кангаласский князец Тусерга и его люди убили «енисейских служилых людей Василья Быстрова, Ивана Тельново да промышленых людей Ортюшку Кырная, Ондрюшку Мартемьянова, Понька [?] Оникиева» [60]. Может быть, это как раз та группа, что прошла в 1630 г. вниз по Лене.

Таким образом, в устье Куты в 1629 г. строится первое небольшое зимовье, это место не позднее декабря 1629 г. обживается, а в первой половине лета 1630 г. в нем поселяются два стрельца из отряда Бугра – Терентий Кореш и Федор Михайлов, о которых советский географ академик Л.С. Берг сказал, что «это были первые оседлые русские на Лене» [61].

Между тем оставшийся на Илиме энергичный атаман Галкин занимается сбором ясака, получает все новые сведения об окрестных тунгусах и землях. Атаман от местного тунгуса узнает о пути на Лену, более удобном, чем тот, что нашел Бугор: «…на реку на Купой (Купу. – *Ю. Ч.*), с усть Идирми идти в верх по Иниму водяным путем до подволочья два дни» [62], оттуда «с ношами идти два дни, а Купуем и Кутою до Лены плыти судном два же дни» [63].

Этот путь стал знаменитым Ленским волоком, единственной дорогой из Руси в Якутию на протяжении 80 с лишним лет, не потерявшей своего значения и с организацией Якутского тракта. В начале волока в том же году возникло зимовье, вскоре укрепленное и ставшее основой Илимска и Илимского острога [64].



Походы Бугра, хрипуновцев и Галкина на Лену. Карта-схема. Составлена автором

Еще находясь в устье Игирмы, атаман отправляет отряд вверх по Лене [65], а на Покров день (по моим подсчетам, это 4 октября 1630 г.) к нему приходят «брацкие люди князец Котогур да брат его Кодокур», которые «сказали мы де з государевыми людьми мирны» [66]. 4 ноября 1630 г. Иван Галкин собирает в укрепленном им Игирминском зимовье князцов окрестных тунгусов, приводит их к шерти, берет принесенный ясак, выслушивает жалобы на тунгусов с Нижней Тунгуски, которые нападают, разоряют и убивают кутских и ленских тунгусов, от имени царя обещает защиту, устраивает князцам угощение, одаривает их подарками [67].

В конце ноября возвращается из похода отряд Ильи Ермолина, который, опасаясь нападения с Нижней Тунгуски шилягиров и мучугиров, не решился зимовать на Чае или Киренге и с нартами пять недель добирался до Игирминского зимовья, едва не погибнув от холода и голода [68], и все же принес ясак в пересчете на соболей пять сороков шесть соболей, собранный со впервые объясаченных тунгусов Лены [69]. Он вернулся с тремя служивыми, а Марка Любовкова и Григория Ярославца еще по пути на Чаю оставил в устье Куты зимовать и собирать ясак с Лены [70]. Это еще двое первых жителей устья Куты, обосновавшихся в зимовье Бугра с начала сентября 1630 г.

25 января 1631 г. Ивану Галкину из Енисейска отправлено напоминание об отправлении весной всего собранного ясака в Енисейск, а самому атаману с людьми велено в построенном в устье Куты острожке служить «до перемены» [71]. Это напоминание поступает на Илим 28 марта 1631 г., и вскоре с устья Куты с 61 соболем приходят зимовавшие там Марк Любовков и Григорий Ярославец [72], а бугровские стрельцы все еще живут в устье Куты.

И вот наконец Галкин, зная теперь обстановку на Лене, имея для начала первое небольшое зимовье в устье Куты, организует перевозку на нартах всего груза к устью Купы, здесь строят струги, и после вскрытия рек в мае 1631 г. отряд сплывает в Лену в устье Куты. Перезимовавшие здесь бугровцы Тренька Корешек и Фетька Михайлов, дождавшись атамана, просят отпустить их вверх по Лене «в сторонную реку в Камту», по которой «живут цынгогарские люди, а государева они ясаку с себя никуда не плачивали и русских людей они не видали». Галкин отпускает их и «государева запасу дал пуд муки для ради их службы» [73].

Если пребывание хрипуновцев в зимовье в устье Куты и сбор из него ясака в декабре 1629 г. можно назвать еще только посещением русскими этого места, то проживание двух бугровских стрельцов в устье Куты в течение почти года и двух галкинских сборщиков ясака в течение полугода невозможно не признать началом Усть-Кута.

Сейчас реки под названием Камта нет, но в 150 км выше устья Куты есть речки со сходными названиями, впадающие в Лену слева, – Нижняя Кытыма (Катыма) и Верхняя Кытыма (Катыма), и несколько выше р. Кухта. Название тунгусов «цынгогарские люди» в других документах и исследованиях не встречается.

То есть уже прожившие около года в устье Куты стрельцы Бугра остаются служить на Лене и в 1631 г.

А Илью Ермолина и еще двух человек атаман с ясаком и ясачными книгами отправляет в Енисейск с Игирминского зимовья на одном из оснащенных парусом кочей. Всего по Илиму, Куте и Лене и по другим речкам Галкиным собрано и отправлено в Енисейск 11 сороков 28 соболей [74]. Прибытие Ермолина в Енисейск означало, что там узнали об истинном положении дел у Ивана Галкина, о находке им более удобного пути на Лену, чем тот, что нашел Бугор, а также о строении в устье Куты.

Признание за Бугром первенства в основании Усть-Кута ставит под сомнение решающую роль атамана Ивана Галкина в этом деле.

Что же нового построил здесь атаман?

Иван Галкин был послан на Лену «для государева ясачнова збору и острогу ставить», «выбрав угожее место <…> и укрепя гораздо» [75]. Перебрался он в устье Куты после ледохода весной 1631 г. Летом 1631 г. енисейский воевода Шаховский, отвечая на грамоту дьяка Приказа Казанского дворца, полученную в Енисейске 1 декабря 1630 г., написал о первых результатах выхода Ивана Галкина на Лену со слов самого атамана, отписку которого воевода получил с устья Игирмы с Ильей Ермолиным. В Москву ушло донесение о том, что Галкин, перейдя из Игирминского зимовья на Лену, «острог де за помочию божиею, выбрав угожее место, поставил» [76]. Вероятно, ко времени отправления этого сообщения воеводе уже поступила отписка Бекетова, который 16 июля 1631 г. добрался до устья Игирмы и там принял от Ивана Галкина казну. Бекетов писал, что «за волок ходил сам». Он сообщал, что ему, мол, было наказано, «пришед на Лену реку в новой острожек, розсылать служивых людей по Лене реке вверхь и вниз и по всем землицам для ради государеву ясаку» и призывать князцов и других тунгусов в острожек, и когда тунгусы подчинятся и в острожек придут, их «велено поить и кормить государевым жалованьем довольно», «землиц» по Лене «безчисленно», а вот когда «будут приезжать в острожек князцы и лутчие люди многих землиц», то ему, Бекетову, «поить и кормить нечем, потому что государева жалованья, вина и запасу, и олова, и одякую» послано с ним мало. Бекетов негодует по поводу того, что с Галкиным было отправлено государева жалованья только для тунгусов Илима, и тогда острога на Лене не было, а теперь на Лене много тунгусов, а одарить их нечем и взять не у кого. И в конце своей отписки Бекетов пишет, что Галкин дал ему именные ясачные книги тех тунгусов, с которых собирал ясак весною 1631 г., а вот «тех имянных книг у него нет, которые живут на Лене реке около острогу», и Галкин сказал, что эти именные книги он отправил в Енисейск с казною [77]. И ни слова о том, что на самом-то деле острога нет, а есть неукрепленное зимовье. Эта отписка сотника никак не ставила под сомнение сведения, отправленные в Москву о постройке острожка.

Но вот проходит несколько месяцев. За это время Бекетов сходил вверх по Лене не очень удачно, пришлось выдержать бой с превосходящими силами братских людей и уйти. А Галкин, вместо того чтобы вернуться после передачи казны, хотя он должен был сделать это немедленно, с частью своего отряда отправился вниз по Лене, сходил на Алдан, опередил сотника, первый добрался до богатых якольских земель, первым собрал там огромное количество пушнины. Вероятно, атаман на обратном пути с Лены и Алдана (а это начало осени 1631 г.) не преминул сообщить Бекетову, находящемуся в устье Куты, что везет 2 600 соболей [78]. Такие действия пробивного атамана не могли не вызывать досаду у сотника.

И вот после 25 декабря 1631 г. Петр Бекетов, зимуя в устье Куты [79], докладывает в Енисейск, что хотя Галкин еще в устье Игирмы сказал, «что поставил острог на Лене реке на усть Куты реки в угожем месте», но на самом деле «на усть Куты поставлено у него зимовье по промышленому, одна изба с сенцы, десяти человеком одва можно жити в твоем зимовье, а острожкова заводу около тово зимовья нет никаково, а ясашных людей блиско тово зимовья нет ни одново человека» [80].

Почему же Бекетов «разоблачил» атамана в декабре 1631 г., а не раньше?

Может быть, ответ на этот вопрос кроется во взаимоотношениях верхушки гарнизона Енисейска. Исследователи отметили, что эти два славных первопроходца были соперниками и сотник ни в чем не хотел уступать атаману, известному своей отчаянной храбростью [81]. Некую напряженность отношений между Галкиным и Бекетовым отметил академик Г.Ф. Миллер, который, как и почти все историки, поверил Бекетову. Вот что Миллер писал: «Весной 7139 (1631) г. отправился на Лену сам атаман Галкин. Ему было приказано поставить на Лене острог. Место для него он выбрал в устье реки Куты,

но он успел построить только зимовье наподобие тех, какие обычно строили промышленные люди, после чего отправился в обратный путь на реку Илим. Его преемник по ленским открытиям и завоеваниям Петр Бекетов старался опорочить выбор места для зимовья ввиду того, что поблизости нет тунгусов» [82].

Приходится согласиться с тем, что старался именно «опорочить», поскольку во время прихода туда Бекетова тунгусы в устье Куты были, он сам об этом докладывал в Енисейск. Да, до мест расселения их больших групп вверху в районе р. Тутуры и внизу в районе р. Киренги действительно далеко, но только потому, что тунгусы с более близких к устью Куты территорий «разбежались» от своих врагов, приходящих с Нижней Тунгуски. Конечно, о временном характере отсутствия некоторой части местных тунгусов Бекетов знал, но все же подчеркнул совершенную, по его мнению, ошибку атамана в выборе места строительства.

Между тем Галкин и его сослуживцы даже в челобитной, поданной 29 марта 1632 г. в Москве, куда он и несколько участников похода на Лену за достигнутые успехи были отправлены сопровождать пушнину, писали: «А сами, государь, мы, холопы твои, пошли, зимним путем на нартах за волок на Лену реку (март-апрель 1631 г. – *Ю. Ч.*)… И перешли на Куту реку, на усть Купуя. И тут, государь, мы, холопы твои, дождались вешние воды и поделали струги поехали вниз во Куту реку на Лену реку… И поставили тут на Лене острог середи многих землиц на усть Куты реки в угожем месте. И соль, государь, под тем острогом, самосадка, с версту от того острогу или мало больше. И в остроге оставили служивых людей. А иные мы, холопы твои, плавали вниз по Лене реки приводить под твою государьскую, высокую руку новые земли» [83].

Казалось бы, к этому времени декабрьское 1631 г. сообщение Бекетова должно дойти в Енисейск и атаману вводить в заблуждение дьяков Приказа Казанского дворца безрассудно, ведь там скоро станет известно о его лжи. Но быть может, огромное количество пушнины, привезенной Галкиным, перевесило чашу весов в его пользу, и никто потом не стал разбираться, а что же там построил атаман вместо острога. Во всяком случае, для карьеры атамана «разоблачение» сотника никаких последствий не имело, а в истории он остался как строитель Баргузинского острога [84].

Исследование других документов подводит к выводу о том, что строение в устье Куты в первые годы оценивалось современниками по-разному.

В наказе первым якутским воеводам были подробно изложены сведения о Лене, о путях на эту великую сибирскую реку, полученные в Москве от разных лиц. Дьякам в Москве енисейский стрелец Ивашко Иванов по прозвищу Падерка рассказывал, что «из Енисейского острогу на Лену реку Енисеею рекою в верх до Тунгуски реки 2 дни, а Тунгускою в верх же до Инима реки, а Инимом до волоку в кочах тяжелым ходом 5 недель, а волоком на реку Купу нартеным ходом – 3 дни, а Купою рекою до Куты реки судами – день, а Кутою рекою вниз же до реки Лены до острошку, что построил атаман Иван Галкин, день же…» И далее Падерка говорит о Ленском остроге, построенном Петром Бекетовым: «…где Петр Бекетов поставил острожек, в ином месте острогу или города поставить негде, потому что тот острожек поставлен в угожем месте» [85].

Сам наказ воеводам написан 6 августа 1638 г., но из рассказа Падерки понятно, что переданы сведения, относящиеся к периоду не позднее конца лета 1634 г., так как стрелец говорил и о тунгусах в «Изиганской землице», а о них стало известно только с лета 1632 г., когда находящийся в походе на Лену Петр Бекетов отправил вниз по реке отряд служилых во главе с Посником Ивановым и Михаилом Стадухиным. Тогда тунгусы и долганы «легко их в подданство приведены были, и у последних построено было зимовье для ясашного сбору» [86]. Ленский острог в землях якутов Бекетов поставил в сентябре 1632 г., сменивший его Иван Галкин перенес острог в 1634 г. с низменного бе-

рега на более высокий, а в 1643 г. острог был перенесен в последний раз выше по Лене на 70 верст [87]. Раз Падерка говорит только о выбранном Бекетовым месте нахождения острога, значит, эти сведения относятся к периоду не позднее осени 1634 г. Судя по подробному рассказу о пути на Лену и о походах вниз по реке, Падерка здесь был сам, знает не со слов. Из рассказа Падерки не следует, что Галкин построил острожек в 1631 г., но стрелец не сомневается в существовании острожка, построенного именно атаманом. В Сибирском приказе к этому времени не могло не быть информации из Енисейска о реальном характере строения в устье Куты. Если дьяки в Москве поверили рядовому стрельцу, то отчего же не поверить и нам. Но все не так просто.

В 1636 г. на Лену через Нижнюю Тунгуску и Вилюй добрался отряд из Туруханска тобольского сына боярского Воина Шахова. Несколько человек Воин Шахов отправил с собранным ясаком в Тобольск и Москву, но не обратным своим маршрутом, а вверх по Лене через Илимский волок и Енисейск. В Москве вернувшиеся с Лены участники похода подробно рассказали об обратном пути. Выплыли они с устья Вилюя 27 мая 1636 г. «И шли они вверх по Лене реке до усть Куты речки днем и ночью парусом и бечевою девять недель. И на усть Куты речки оставили парус, и якорь, и кочевые снасти в зимовье, где оставливают енисейские служилые люди всякие судовые запасы. А никому де они паруса и якоря и кочевых снастей не отдавали и не приказали, потому что в том зимовье людей не было и при[казать] было некому» [88]. Об остроге ничего не сказано.

Отсутствие в устье Куты тогда постоянного приказного человека от Енисейска может говорить либо о неполной устроенности этой стороны Ленского волока, либо о временном отсутствии назначенного сюда служилого. С большой вероятностью можно предположить, что зимовье, в котором оставлены «кочевые снасти», и есть зимовье Василия Бугра, которое, в отличие от жилой избы Ивана Галкина, использовалось как кладовая для хранения судовых запасов. Ведь парус, съемная мачта, весла, веревки, смола, якори, конопатка, скобы, гвозди и прочее занимало немало места, все это требовалось развешать, просушить и т. д.

Но вот документ следующего года. 18 июня 1637 г. в Москве опрашивался енисейский пятидесятник Василий Иванович Колесников, прибывший туда по какому-то делу. Он сказал: «А с Илима реки до Муки реки сухого ходу два днища. А перешед волок делают суды собою, кочи, а на ладейное дело шитые. Да в тех судах от волоку от Ленского по Муке реке до Купы реки судового ходу днище. А по Купе реке на вниз же до Куты реки судового ходу днище. <…> А Кутою рекою на низ же до Лены реки два днища. А перешед на Лену на той на усть Куты реки стоит острожек…» [89].

Проходит почти десять лет, и в 1646 г. второй якутский воевода – В.Н. Пушкин – перечислял все ясачные зимовья и все острожки по Лене, в которые из Якутска посылаются служилые люди и где требуются дощаники. Этот воевода только год назад проплыл в Якутск.

И вот что было названо выше Якутска: «…да из Якутцкого же острогу вверх по Лене на Олекму в зимовье

Да вверх по Олекме в зимовье ж

да на Чичюйской волок в зимовье же

да под Ленской на усть Куты и в Верхоленской Братцкой острожек всего в дватцать мест надобно дватцать дощаников со всеми судовыми снастьми» [90]. Ни зимовье, ни острожек не называются. Вряд ли воевода имел в виду только географический ориентир. Значит, некое строение в устье Куты зимовьем назвать было уже нельзя, как в Чечуйске, а острожком, как в Верхоленске, назвать еще нельзя.

Окончательное представление об укреплении дает другой документ. Приведем нужный фрагмент из него: «156 [1648] году генваря в 20-й день били челом государю

Алексею Михайловичу и подали челобитную на Илимском волоку в Съезжей избе приказному сыну боярскому Григорию Демьянову и целовальнику Андрею Балакшину ленские служилые люди Илимского волоку годовальщики Богдашка Иванов, Сергунька Васильев, Родька Васильев, Малышко Карпов, Фетька Иванов, Семейка Васильев, а в челобитной их пишут <…> мы, холопи твои, пришли на усть Куты Якутского острогу к пятидесятнику казачью Ивану Пермяку с товарищы, которые посыланы за твоею государевою соболиною ленскою казною, и в то время на усть Куты острожек в недоставке. И он, Иван Пермяк, нас, холопей твоих, заставливал тово острожку доставливать. И мы, холопи твои, ставили тово острожку пять сажен…». И дальше, после описания других работ в устье р. Муки, сказано, что за поставленные пять саженей «острогу на усть Куты хлебное жалованье получили» [91].

Как видим, илимский приказчик Григорий Демьянов в 1647 г. организовал не только строительство Илимского острога [92], но и достройку острога Усть-Кутского.

О том, что именно при воеводе Пушкине острожек был достроен, говорит еще один документ. Это выписка дьяков Якутской воеводской канцелярии, потребовавшаяся в 1689 г. для разрешения челобитной жителей нескольких ленских волостей об отписке этих волостей от Якутска к Илимску. Для этого, как было заведено, была сделана выписка из имеющихся документов, так сказать, об истории вопроса. В ней говорится: «В Якутцком городе, в Приказной избе, сыскано на письме в столах: в прошлых во 144 [1636] и 145 [1637], и во 146 [1638], и во 147 [1639], и во 148 [1640] годех <…> посыланы были из Енисейска в Якутцкой <…> для ясачного збору на житие дети боярские и служилые люди. И, идучи в Якутцкой… поставили в Ылимском и в Верхоленском, и в Усть-Кутцком, и в Киренском, и в Чичуйском зимовья. (Разумеется, речь идет не о первых в этих местах зимовьях. – *Ю. Ч.*) А со 149 [1641] году <…> с приезду в Якутцкой воевод, и по наряду окольничево и воеводы Петра Петровича Головина с товарыщи, и воеводы Василья Пушкина с товарыщи ж в Ылимской и в Верхоленской, и в Усть-Кутцкой, и в Киренской для ясачного соболиного и всяких зборов посылались ленские дети боярские и служилые люди.

И будучи в тех посылках, те служилые люди в Ылимском и в Верхоленском, и в Усть-Кутцком поставили острожки, и великих государей ясак по тому же збирали, и поселили около тех острожков многих пашеных крестьян» [93].

П.П. Головин приплыл в Якутский острог летом 1641 г., смещен в 1645 г.; сменивший его Василий Пушкин прибыл туда весной 1646 г., но с осени 1645 г. жил на Ленском волоке в Илимске и занимался делами своего уезда. Следующий воевода – Дмитрий Францбеков – сменил Пушкина весной 1649 г. Верхоленский острожек был построен в 1641 г. по приказу П.П. Головина [94]. Об Илимском сказано выше.

Сомнений не остается, мы имеем достоверные сведения о том, что укрепление в устье Куты строилось постепенно в течение долгих 16 лет. Таким образом, строительство Усть-Кутского острога Иваном Галкиным в 1631 г., достройка избы Галкина до острога именно Петром Бекетовым в 1632 г., так же как достройка этой избы до острога в начале 1640-х гг. – все это не соответствует истинному положению дел. Острога как законченного укрепления не было вплоть до 1647 г.

Академик Г.Ф. Миллер, объясняя, что́ в XVII–XVIII вв. считалось острогом, что́ острожком или ясачным зимовьем, сказал об этом так: «…в менее важных случаях их (остроги. – *Ю. Ч.*) заменяли всего лишь одной или двумя избами, в которых ясачники могли бы прожить безопасно зимою. Так же как и остроги, эти избы обносились частоколом. Жилища этого рода называются в Сибири острожками или зимовьями» [95].

Отсюда становится понятным, почему одни служилые называли строение в устье Куты острожком, другие просто зимовьем, а часто о нем и вовсе никак не

говорили, обходясь нейтральным «на усть Куты». Всякий воспринимал по-своему, сообразуясь со своим представлением о том, как должны выглядеть укрепления острога. За 16 лет через устье Куты прошли сотни служилых людей, достаточно сказать, что только отряд первых якутских воевод насчитывал почти 400 человек. Очевидно, что со времени построек Бугра и Галкина в устье Куты постоянно что-то дополнялось, например осенью 1640 г. строятся хлебные амбары [96], достраивался и острог.

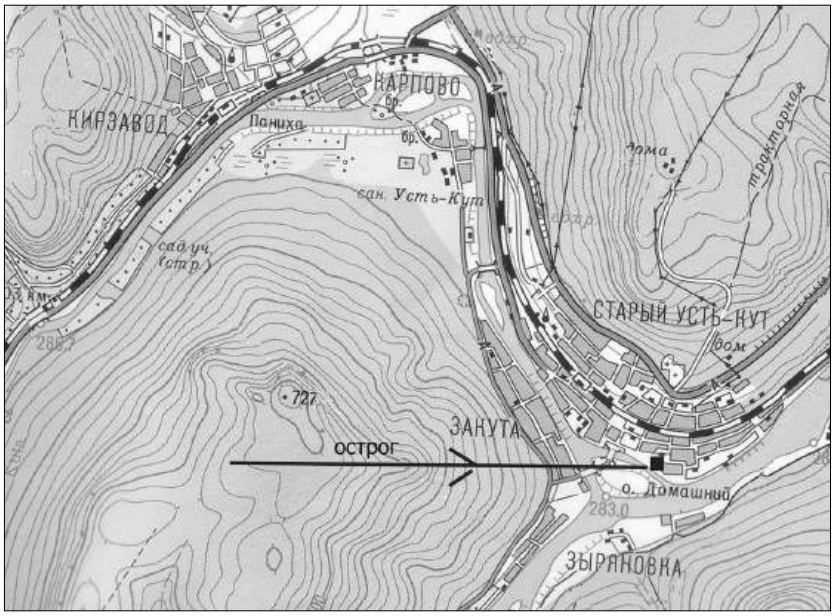
Первое известное официальное сообщение об острожке исходит от илимского воеводы С.О. Оничкова. Получив из Илимска предупреждение о подходе ватаги беглецов под водительством Якушки Сорокина, усть-кутские целовальники «с государевою казною и промышленные люди по той вести от воров со своими животы собрались в Усть-Кутцкой острожек», пишет воевода в Москву. Побег был в 1655 г. [97].

Таким образом, связывать основание Усть-Кута с фактом строительства в 1631 г. острога атаманом Иваном Галкиным исторически неверно. Можно сказать, что атаман был в числе первопроходцев, которые основывали Усть-Кут, и его изба, так же как зимовье Бугра стали первыми строениями в устье Куты и являлись элементами будущего острога.

Вообще в Восточной Сибири города возникали и как зимовья, например Среднеколымск, Олёкминск, Охотск, Чита, и как остроги, например Енисейск, Якутск и множество других [98]. А вот что сказано об Илимске: «Первоначально, в 1630 г., возникло зимовье… Зимовье, в виду его важного военного значения, было быстро укреплено, но превратилось в настоящий острог только в 1647 г.» [99].

Никаких материальных свидетельств места нахождения зимовий Бугра, Галкина и самого острога не сохранилось. Иван Галкин, говоря о своем строении, указал один ориентир – соль-самосадку, которая «под тем острогом» в версте от него или «мало больше», т. е. по метрической системе на расстоянии немногим более 1 км [100]. О соли-самосадке больше никогда не упоминалось, и сейчас выхода самосадочной соли по берегам Лены и Куты в этих местах нет.

Можно попытаться определить место нахождения острога в 1736 г. по сведениям Академического отряда Второй Камчатской экспедиции В. Беринга. Записи академиков были переведены (многие писали на немецком языке) и обработаны переводчиком экспедиции Ильей Яхонтовым в работе с названием «Описание реки Лены». Сам Яхонтов тоже проплыл по Лене, бывал в Усть-Кутском селении и написал: «Кута река пала с левой стороны в Лену. В полуверсте от ея устья есть из оной реки протока, которая немного пониже следующего острогу в Лену же впала. Устькутской острог Илимского уезду на левой стороне Лены пониже устья реки Куты» [101]. Указано только одно расстояние – полверсты от устья до протоки, и следующий ориентир: эта протока впадает в Лену «пониже острогу». Данное описание надо понимать так. Руслом Куты считается правый (верхний) рукав небольшой дельты, огибающий остров, который уже тогда назывался Домашним. Экспедиция проплывала по Лене весной 1736 г. в большую воду. В такое время расстояние по р. Лене вдоль острова Домашний между правой протокой (руслом, по Яхонтову) и левой (нижней) протокой приблизительно составляет половину 500-саженной версты. Левая протока впадает в Лену действительно ниже острога, если сам острог расположен (как считается и ныне) на левом берегу этой же протоки. Без сомнения, Усть-Кут начинался именно здесь, а невозможность назвать точно место, где были зимовье Бугра, изба Галкина и стоял острог, на такой вывод не влияет, поскольку в любом случае все эти строения располагались на территории нынешнего города.



Расположение острога по описанию И. Яхонтова. Карта-схема. Составлена автором

У В.Н. Шерстобоева приведен фрагмент документа за 1722 г. с описанием Усть-Кутского острога: «Именно в деле, арх. № 625, св. 68 говорится, что «Усть-Куцкой острог стоит над Кутой рекой. Кругом острог стоячей деревянной обветшалой: длиннику 17 сажен, нижняя стена 14 сажен с аршином, поперешнику от Куты 15 сажен, с горные стороны 15 сажен с аршином. Кругом всего острогу 54 сажен»». Шерстобоев заметил, что «подсчет дает 61 сажен» [102]. Разница в длине периметра составляет семь саженей (около 15 м). Проверить эти сведения не удалось. В РГАДА в описях фондов 494 и 214 за 1722 г. не указаны документы об Усть-Кутском остроге. На это обратил внимание и исследователь Г.Б. Красноштанов [103]. Описание, опубликованное В.Н. Шерстобоевым, находится где-то в ином месте. Ошибка в ссылке не является основанием для того, чтобы отвергать такую информацию.

Можно предположить, что замер длины стен производился именно по тыну, т. е. по собственно острожной стене, а «лишних» семь саженей – это наружные стены каких-то казенных зданий, к которым тын был пристроен. Внутриострожными строениями могли быть зимовья Бугра и Галкина, несмотря на то, что им больше чем по 90 лет. Хорошо известно, что стены стоящих на открытых сухих местах изб остаются прочными длительное время, а левый берег нижней протоки р. Куты как раз и является таким. Предположение о совпадении места нахождения строения Ивана Галкина и острога согласуется с мнением Г.Ф. Миллера о том, что Галкин выбрал место для строительства острога «в устье Куты, но успел построить только зимовье» [104]. Длину стен острога по периметру примерно в 60 саженей отметил в своем дневнике и И.Г. Гмелин в 1736 г., который написал: «Вокруг него квадратный забор со стороной примерно в 15 саженей, за которым стоит церковь» [105].

Не сказав о начале Усть-Кута с зимовья Бугра и его стрельцов, поселившихся здесь, а ограничившись невнятным «оставил», академики XVIII в. задали тон всем последующим исследователям. Повторив слова Петра Бекетова, «разоблачившего» Ивана Галкина, Г.Ф. Миллер, чтобы как-то устранить пробел, образовавшийся в результате отсутствия документов о действительном состоянии укрепления, обошелся лишь замечанием, что, мол, строение в устье Куты было названо острогом только благодаря его важному географическому положению [106].

Конечно, географическое положение объективно сыграло решающую роль для становления здесь опорного пункта и для строительства острожка. Но одновременно с этим устройство острожка диктовалось необходимостью обеспечить безопасность для существующего в трех верстах выше по течению р. Куты казенного соляного промысла. Об этом свидетельствуют документы.

На следующий после достройки Усть-Кутского острожка год, 31 июля 1648-го, воеводой В.Н. Пушкиным отправлен в устье Куты якутский служилый человек Нехорошко Павлов. Ему приказано, придя «к соляной варнице в ясачное зимовье и то зимовье ему укрепить накрепко всякими крепостьми. И около государевых соляных анбаров поставить надолбы, чтоб им в том ясачном зимовье жить для государева ясачного збору от немирных неясачных тунгусов и от приходу братцких людей безстрашно и без боязни. А как то зимовье всякими крепостями укрепи накрепко и учинить ему на том зимовье денно и постеной караул безпрестано, чтоб они немирные неясачные тунгусы и братцкие люди, пришед безвесно тайным обычаем, какова над тем зимовьем и над государевы анбары и над ними служилыми людьми дурна не учинили» [107].

Опасения не были беспочвенны. В 1645 г. верхоленские братские люди нападали на Верхоленский острожек и селения крестьян в районе Тутуры и даже Орлинги, намеревались дойти до Илимска, против них пришлось собирать большие силы [108]. Разорение ленского конца волока привело бы к серьезным проблемам для недавно созданного Ленского (Якутского) уезда, в том числе и в снабжении солью.

Усть-Кутский острожек никогда не подвергался нападениям немирных инородцев, но в случае необходимости он мог бы стать препятствием для аборигенов. Достройка острожка в 1647 г. свидетельствует и о том, что Усть-Кутское селение окончательно становится административным центром формирующейся волости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. / сост. И.В. Щеглов. Иркутск, 1883. С. 85, 87.

2. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. / сост. В.К. Андриевич. СПб., 1887. С. 16.

3. История Сибири. Ч. I: Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога / сост. В.К. Андриевич. СПб., 1889. С. 66.

4. Изгачев В.Г. Русский землепроходец Петр Иванович Бекетов // Ученые записки Читинского педагогического института. Чита, 1959. Вып. 4. С. 79–100; Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35–47.

5. Павлинская Л.Р. Коренные народы Байкальского региона и русские: Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе Государства Российского: (очерки этнической истории). СПб., 1999. С. 23.

6. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. III. Гл. 11. Прил. № 12. С. 153–155.

7. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. 1. С. 84.

8. Там же. С. 60–62.

9. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М., 1928. С. 107; Он же. Научные труды. Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 1: Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955. С. 111–162.

10. Сафронов Ф.Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке. Якутск, 1956. С. 13.

11. История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 47.

12. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 280.

13. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 3: С–Я. С. 383.

14. Павлов А.С. Лена от истока до устья: Путеводитель. Якутск, 1994. С. 26.

15. Казарян П.Л. Становление судоходства на Лене // Вестник ЯГУ. 2010. Т. 7, № 1. С. 73.

16. Иркутский край. Четыре века. Иркутск, 2012. С. 21.

17. Гольдфарб С. Лена-река. Иркутск, 2013. С. 404.

18. Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке. М.: Древлехранилище, 2012. Ч. 1. С. 611.

19. Город Усть-Кут [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.admustkut.ru/Город_Усть-Кут (дата обращения: 31.03.2015).

20. Окладников А.П. Открытие Сибири. М., 1981. С. 78.

21. Бродников А.А. Русско-тунгусские отношения в Нижнем Приангарье: сопротивление князца Тасея // Традиционная народная культура: региональные проблемы поддержки и развития: материалы междунар. науч.-метод. семинара (г. Новосибирск, 22–23 июня 2009 г.). Новосибирск, 2009. С. 349.

22. Хронологический перечень… С. 83; Краткий очерк истории Забайкалья… С. 13, 16.

23. Исторические хроники освоения Восточной Сибири / авт.-сост. И.И. Иванов, А.И. Иванов. Иркутск, 2012. С. 13.

24. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 141.

25. Там же. С. 41; Бродников А.А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев: (опыт биографического исследования) // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 218.

26. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1: А–И. С. 249.

27. Бродников А.А. Серебряная экспедиция Я.И. Хрипунова (1627–1630 гг.) // Провинция в русской культуре: II Ремезовские чтения-2005. Новосибирск, 2008. С. 374, 376.

28. Бродников А.А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев… С. 218.

29. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 46.

30. РГАДА. Ф. 214. Стб. 402. Л. 101; Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 37.

31. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 45.

32. Цит. по: Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 38.

33. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 159.

34. Там же.

35. Там же. С. 171.

36. Там же. С. 175–176. Подсчитано по: Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. Т. 2. Док. 89. С. 243–245.

37. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 51.

38. Там же. С. 170.

39. Там же. С. 143. В примечании к тексту этой отписки сказано, что последняя цифра даты выхода на Куту «написана неясно». Г.Б. Красноштанов ввел в доступный научный оборот эту отписку в 2002 г. (Красноштанов Г.Б. Когда основан Киренск? // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2002. Вып. 1. С. 41), и в варианте автора дата выхода на Куту – 25 октября.

40. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 152–153.

41. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. С. 117.

42. Там же. С. 703–704.

43. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 153.

44. Это название р. Купы употреблялось и в середине XIX в. В рукописи киренского коллежского асессора Ивана Затопляева (1841 г.) р. Купа перечислена среди притоков р. Куты и названа р. Купоя (женского рода). См.: РНБ ОР. Ф. 608. Ед. хр. 166. С. 7.

45. Казарян П.Л. Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII в. – 1920 г.). Якутск, 2012. С. 19.

46. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 354.

47. Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 122.

48. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 51.

49. Фишер И.Э. Указ. соч. С. 352–353.

50. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. С. 249.

51. РГАДА. Ф. 214. Кн. 22. Л. 490 об.–491.

52. Цит по: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 143.

53. РГАДА. Ф. 214. Кн. 22. Л. 505 об.–506.

54. Там же.

55. Там же. Л. 507.

56. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 1. Стб. 643. Л. 13.

57. Бродников А.А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев… С. 377.

58. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 153.

59. Там же.

60. Цит. по: Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 2008. С. 74.

61. Берг Л.С. Избранные труды. М., 1956. Т. I. С. 30.

62. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 153.
63. Там же. С. 171.
64. Шерстобоев В.Н. Указ. соч. С. 38.
65. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 162.
66. Там же. С. 155.
67. Там же. С. 170.
68. Там же. С. 153.
69. Там же. С. 171.
70. Там же. С. 155.
71. Там же. С. 159–161.
72. Там же. С. 162.
73. Там же.
74. Там же.
75. Там же. С. 158, 159.
76. Там же. С. 171.
77. Там же. С. 166–168.
78. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 390.
79. Фишер И.Э. Указ. соч. С. 358.
80. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 176.
81. Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 38.
82. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 54.
83. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 385–386, 388.
84. История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 53.
85. Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. II. С. 969–970.
86. Фишер И.Э. Указ. соч. С. 365.
87. История Сибири. Т. 2. С. 47.
88. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 52. Л. 245, 246.
89. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 53. Л. 740.
90. Цит. по: Красноштанов Г.Б. Существовал ли Тутурский острожек? // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2006. Вып. 5. С. 74.
91. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ед. хр. 821. Л. 1–3.
92. Шерстобоев В.Н. Указ. соч. С. 126.
93. Цит. по: Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке. М., 2013. Ч. 3. С. 306.
94. Фишер И.Э. Указ. соч. С. 531.
95. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 2000. Т. II. С. 63.
96. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 148. Л. 1.
97. Цит. по: Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях… С. 267.
98. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Указ. соч. С. 222–223, 224–225, 236–238, 287–288.
99. Шерстобоев В.Н. Указ. соч. С. 84.
100. Верста тогда считалась 500-саженная. См.: Черепнин Л.В. Русская метрология. М., 1944. С. 59.
101. Цит. по: Шишигина А.Н. Научное изучение Якутии в XVIII веке: (по материалам Второй Камчатской экспедиции). Якутск, 2005. С. 232.
102. Шерстобоев В.Н. Указ. соч. С. 60.
103. Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях… С. 601.
104. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 54.
105. Д.Г. Мессершмидт и И.Г. Гмелин в Верхнем Приленье (дневники и материалы). Иркутск, 2014. С. 27.
106. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 54.
107. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 1.
108. ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 20–33.

С.А. Гурулёв

К ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII В.)

В 1670 г. нерчинский воевода Д.Д. Аршинский направил группу служилых людей во главе с казачьими десятниками И. Миловановым и В. Захаровым в Китай к богдыхану Сюань Е, правившему страной (1662–1722 гг.) от имени маньчжурской династии Цин под девизом Кан-си или Шэнцзу. Десятникам воевода выдал наказную память. В памяти указывалось, что́ необходимо сообщить китайскому богдыхану. Ознакомимся с интересующими нас начальными абзацами этой памяти (опуская в ряде мест титулатуру русского царя):

«Лета 7178 году апреля в 13 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, указу и по приказу Данила Даниловича Аршинского память Нерчинским служилым людем десятником казачьим Игнатью Милованову, Василью Захарову, подьячему Василью Милованову, Онтону Хилеву, Григорью Кобякову, толмачю Офонасью Федорову.

Ехать им из Нерчинского острогу на Шингал-реку (Сунгари. – *С. Г.*) к богдойскому кану. Прислан он, Данило, от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, от его царьского величества и многих государств государя обладателя, на великую реку Шилку в Нерчинские остроги. А ему, богдокану, говорить, что:

У великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича… под его царьского величества и многих государств царя обладателя, под его царьского величества высокою рукою цари и короли и [с] своими государствы, а великий государь, их царьское величество, жалует и держит их в своем царьском милостивом призренье. А он бы, богдокан, также поискал великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича… его царьского величества милости и жалованья, и учинился под его царьского величества высокою рукою, а великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович… учнет богдокана жаловать и держать в своем царьском милостивом призрении и от недругов ево в оборони и в защищение, и он бы, богдокан, однолично у него, великого государя, был под его царьского величества высокою рукою навеки неотступно, и дань бы великому государю давал, и великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича… людем с их людьми в ево государстве и на обе стороны торговать повольною торговлею. И на чем он, богдокан, положит, с тем бы царьского величества посланцов отпустило безо всяково задержания и к великому государю, к его царьскому величеству, отписал, а буде у них грамот нет, и он бы, богдокан, и речью заказал» [1]

Миссия И. Милованова и его товарищей была удачно завершена. В составленном после поездки в Китай доезде Милованов подробно освещает географию Маньчжурии и Северного Китая. И хотя это было первое географическое описание европейцами этой части Китая, нас привлекает описание передачи документов китайским чиновникам. В составленном после возвращения доезде И. Милованов писал: «А приехали в Богдойское государство, поставили нас на посольский двор. А с приезду жили мы на посольском дворе неделю. А взяли нас к переводу, с чем… были посыланы из Нерчинского острога от Данила Аршинского, и то их посольство переведено на свою грамоту. И после того жили мы на посольском дворе 3 недели за крепкими караулы; а корм и питье от богдойского царя шел нам довольно» [2].

Позднее, когда И. Милованов, А. Хилёв и Г. Кобяков были в Москве, они в расспросных речах в Сибирском приказе более подробно говорили о церемонии передачи документов китайской стороне:

«А после недели взяли их, Игнашку с товарыщи, в приказ к бояром. А как они в приказ пришли, и в приказе сидит боярин да дьяк. И боярин де их спросил: с чем они к богдойскому царю приехали? И они, Игнашка с товарыщи, сказали: по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, прислал их к богдойскому царю из Даур Данило Аршинской, а о каких делех, и о том дана им наказная память.

И боярин де велел им наказную память честь, и они де, Игнашка с товарыщи, велели наказную память честь подьячему своему, а толмач сказывал, а богдойского царя дьяк писал. И как наказную память прочли и дьяк написал, и боярин де подлинную у них наказную за Даниловою печатью Аршинского взял. И они де, Игнашка с товарыщи, говорили, чтоб наказную память им назад отдали. И боярин де им сказал: отдать де им наказные памяти нельзя, потому что де будет к великому государю от богдойского царя лист. И пошли с тою памятью и с своим письмом к богдойскому царю, а их, Игнашку с товарыщи, послали с караульщики по-прежнему на посольский двор. А у них де, Игнашки с товарыщи, с той наказной памяти был список» [3].

Как видно из списка с доезда и из объяснений казаков в Москве, И. Милованов добровольно отдал все посланные Д.Д. Аршинским документы в руки китайских чиновников для перевода. Подлинник наказной памяти нерчинского воеводы посланнику И. Милованову хранится в Центральном государственном архиве КНР (отдел Минской и Цинской династий). Он публиковался в 1919 г. в Лондоне, в 1936 г. – в Бэйпине (Китай). Русские историки, со ссылкой на публикацию 1936 г., иногда указывают, что «подлинник этой наказной памяти был насильно взят у И. Милованова китайскими чиновниками». В комментариях к документам В.С. Мясников утверждал, что наказная память была отнята у И. Милованова [4]. Однако подобные утверждения противоречат тому, о чем писали и говорили казаки.

В ответном на грамоту Д.Д. Аршинского листе китайский богдыхан Канси писал на имя русского царя в весьма сдержанных выражениях:

«По твоему великого государя указу присыланы были ко мне из Нерчинсково острогу от Данила Аршинского послы нерчинские служилые люди Игнатей Милованов с товарыщи, чтобы нам с тобою, великим государем, посольство сводить, и с торгами к вам и к нам ездили безо всякие помешки безпрестанно. А надежно, буде с коих земель сторонних под нерчинские остроги и к нам каких воинских людей, и нам друг другу помогать. А для ради де Гантемира Данило Аршинский к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, писал в отписке.

Да были мои промышленые люди на Шилке реке для соболиного промыслу, а приехав, те мои промышленые люди сказали мне: по Шилке де реке в Олбазинском живут руские небольшие люди Микифорко Черниговской с служилыми людьми, и воюют де наших украинных людей даур и чючар. И я, богдакан, хотел послать на руских людей войною. И мне сказали, что живут твои великого государя люди. И я воевать не велел. И послал я своих людей проведывать, впрямь ли в Нерчинском остроге живут твои великого государя люди? И воевода из Нерчинского острогу по твоему великого государя указу Данило Аршинской присылал ко мне послов и письмо. И я ныне узнал, что впрямь в Нерчинском остроге воевода и служилые люди живут по твоему великого государя указу. И впредь бы наших украинных земель людей не воевали и худа б никакого не чинили. А что на этом слове положено, станем жить в миру и в радосте.

И для того я, богдокан, к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, послал лист» [5].

В русских публикациях по поводу обращения нерчинского воеводы Д.Д. Аршинского непосредственно к китайскому богдыхану, минуя якобы центральные москов-

ские власти, сложилось мнение как о необычном явлении, нарушавшем дипломатические каноны. В 1969 г. историк В.С. Мясников во введении, предпосланном 1-му тому «Русско-китайских отношений в XVII веке», определил наказную память нерчинского воеводы, выданную И. Милованову, следующим образом: «Наказная память Д.Д. Аршинского, данная И. Милованову с товарищами, является уникальным в своем роде документом. Нерчинский воевода предложил цинскому императору, привыкшему рассматривать весь окружающий мир, в том числе и Россию, как вассалов, присылающих ему дань, вступить в русское подданство! <…> Неизвестно, узнал ли император Шэнцзу от своих приближенных смысл наказа, данного Д.Д. Аршинским казакам, но приняты русские посланцы были исключительно пышно. Император удостоил их аудиенции, во время которой поинтересовался лишь возрастом каждого, а затем, молча, целый час рассматривал русских» [6].

В комментариях к доезду И. Милованова историк писал о сокрытии китайскими чиновниками от императора основного смысла наказной памяти нерчинского воеводы – о подданстве: «Все исследователи (? – *С. Г.*) истории русско-китайских отношений считают, что столь благоприятный прием, оказанный в Пекине Милованову и его товарищам, следует объяснить тем, что министры (шаншу) Лифаньюаня (ведомства, отвечающего и за отношения с Россией. – *С. Г.*), принимавшие послов, скрыли от императора Шэнцзу… смысл отнятой у Милованова наказной памяти» [7].

Мнение В.С. Мясникова излагалось в последующем во многих публикациях, причем к нему присовокуплялись различные и порою вымышленные описания событий, особенно связанных с деятельностью Д.Д. Аршинского. Так, историки Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников и И.Т. Мороз в комментариях к документам 2-го тома «Русско-китайских отношений в XVII веке» о нерчинском воеводе пишут: «Данила Аршинский – нерчинский воевода, смещенный с должности в 1670 г. за самовольное предложение маньчжурскому богдыхану перейти под «высокую руку» Московского царя» [8]. Историк Г.И. Слесарчук, составитель сборника документов «Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691», оценивает поступок нерчинского воеводы также в негативном плане: «По всей вероятности, поступок Аршинского остался без последствий, хотя Н. Спафарий и сообщал в Пекине об «опале» нерчинского воеводы» [9]. Позднее В.С. Мясников повторил свою оценку факта отправления обращения к китайскому императору перейти в российское подданство: «Хотя Д.Д. Аршинский понимал, что, действуя без указаний Москвы, он рискует карьерой, но у него не было времени для доклада и ожидания санкций правительства… Д.Д. Аршинский направил в Китай через Маньчжурию свою миссию во главе с казачьим десятником И. Миловановым и В. Захаровым. В ее задачу входило доставить и вручить цинскому императору памятку воеводы, в которой Канси предлагалось принять русское подданство и стать данником русского царя. Замысел воеводы был очень дерзким. Если бы это предложение было доложено императору маньчжурскими дипломатами, то оно несомненно вызвало бы серьезные осложнения в русско-китайских отношениях, может быть даже открытое вторжение маньчжуров в пределы русских владений на Амуре. Но этого не произошло. Очевидно, цинские дипломаты Мала и Монготу, исказив смысл послания русского воеводы, доложили Канси о «покорности» Д.Д. Аршинского цинскому двору» [10].

Негативная оценка обращения Д.Д. Аршинского непосредственно к китайскому богдыхану сохраняется и ныне. Так, анонимный автор в Интернете, не заботясь о документальных доказательствах, оповещает весь мир: «Вместе с тем этот поступок Аршинского не остался без последствий. За дерзость свою Аршинский лишился места Нерчинского воеводы. В 1673 году его сменил Павел Шульгин» [11].

Д.Д. Аршинского никто не смещал с должности воеводы. Он ушел в отставку по собственной челобитной [12], и не в 1670 г., как пишут историки, а в 1673-м. Никто не ставил

в вину нерчинскому воеводе его обращение к богдыхану. После отставки Д.Д. Аршинский был допущен «к руке царя», царь пожаловал его за даурскую службу серебряным ковшом и одним сороком соболей. Смещенных с должностей и совершавших поступки, противоречащие политике царского правительства, не удостаивали ни царскими милостями, ни царскими наградами. Утверждение В.С. Мясникова о том, что китайскому императору не была доложена суть письма нерчинского воеводы, основано лишь на предположениях, чтобы оправдать «уникальность» и «дерзость» обращения воеводы.

Между тем, обращение Д.Д. Аршинского к китайскому богдыхану полностью укладывалось в русло политики, проводимой Москвой в отношении Китая и ханств Монголии и Маньчжурии. Обратимся к фактам, характеризующим эту агрессивную и экспансионистскую политику. В том же томе документов по русско-китайским взаимоотношениям, к которому историк В.С. Мясников писал вышеуказанное введение, опубликована наказная память, выданная якутским воеводой Д.А. Францбековым и дьяком О. Степановым в 1650 г. приказному человеку Е.П. Хабарову, отправленному в Даурию. В памяти писалось:

«И Ерофею и ко князю Богдаю посылать посланников. А велеть им говорить, чтоб князь Богдай с родом своим и с племенем и со всеми улусными людьми был под государевою нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии высокою рукою в холопстве, потому что государь наш страшен и велик, и многим государствам государь и обладатель, и от его государскаго ратного бою никто не мог стоять. А про их землю государю нашему было неизвестно, а ныне ему, государю, ведомо учинилось, велел послать своих государевых ратных людей не для бою, для того что велел им говорить, чтоб он себя не разорял и бою бы с его государьими людьми не чинили, потому что многих государств государи живут при его государеве милости в холопстве, в тишине и благоденстве, и ему, государю, служат, и дань дают. И он бы, Богдай, потому ж с себя и своих людей государю дань давал златом и серебром и драгим каменьем и узорочными. И будет князь Богдай с родом своим и со всеми оными улусными людьми под его государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всея Русии высокою рукою будут послушны и покорны, дань и ясак с себя и рода своего и со всеми улусными людьми по вся годы учнут платить, и им, князь Богдаю со всеми своими улусными людьми, жить на прежних своих городах без боязни, велит государь их оберегать своим государевым ратным людям. И того князя Богдая с родом своим и с племянем и с его улусными людьми по их вере привесть к шерти на том, чтоб бытии со всем своим родом и улусными людьми под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всея Русии высокою рукою навеки неотступно в прямом холопстве.

А будет князь Богдай с родом своим и племенем и улусными своими людьми учинятся да непослушны и непокорны и государева ясака и аманатов давать не учнут, и ему Ярофею, с товарищи, служилыми и промышленными людьми, безвестным и тайным обычаем смирить их ратным боем. И как бог помощи подаст и будет под государевою высокою рукою, и с него, Богдая, имать дань или ясак…» [13].

Такие же предложения о холопстве и, в случае непослушания, об угрозе разорения ратным боем содержатся в грамоте Д.А. Францбекова и О. Степанова непосредственно князю Богдаю, а в наказной памяти Е.П. Хабарова также князьям Лавкаю, Шильгенею, Гильдигею [14].

В 1651 г. Е.П. Хабаров известил, видимо, якутского воеводу, что на Амуре нет князя Богдая, а правителем здесь выступает «царь» Шамшакан, и что князья Лавкай, Шилгин, Албаза, Атей, Десаул, Балбулай, Гбучюдар, Атей, Янорей, Исенал ушли, покинув свои улусы, под защиту «царя» Шамшакана. Тогда Д.А. Францбеков и О. Степанов направили в отряд Е.П. Хабарова якутских служилых людей Т.Е. Чечигина и А.Ф. Петриловского в качестве специальных посланников к князю Шамшакану. Им выдали наказные памяти,

одну с указаниями Е.П. Хабарову о принятии отряда служилых людей (137 человек) в свой отряд и о посылке служилых людей в качестве посланников к князю Шамшакану и вторую на случай поездки посланников к князю Шамшакану. Непосредственно для князя была подготовлена грамота с предложением о принятии им русского подданства. В грамоте подробно перечислялись «титлы» русского царя, предлагалось прекратить сопротивление русским отрядам и, конечно, давать беспрепятственно дань русскому царю: «Тебе б, царю Шамшакану, против государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии ратнево бою не стоять, и с ево государя нашего людьми не битца, и государя нашего тем не прогневить, и велеть дань давать серебром и золотом и самоцветным каменьем и узорочными товары и мяхкою рухлядью, что у вас в вашем государстве родитца, по вашей силе, как бы вам в мочь» [15].

Е.П. Хабаров по поводу отправки посланников к князю Шамшакану писал в отписке Д.А. Францбекову в 1652 г., где он Т.Е. Чечигина называет по имени и отчеству Третьяком Ермолаевым: «Ис под тех улусов дорога к Богдоеву землю [к] царю Шамшакану. Что Дмитрей Андреевич и Осип Степанович, велено по государеву указу и по наказной грамоте выбрать из войсково 10 человек и отдать служилому человеку Третьяку Ермолаеву, хто ему люб, и он, Третьяк, излюбил и выбрал и роспись подал. И яз, Ярофейко, против росписи ему, Третьяку, из войска людей тех дал 10 человек. И выбрав велено ему, Третьяку, итти в Богдойскую землю в посланниках. И яз, Ярофейко, тех даурских людей призывал и того Третьяка им давали, и они блиско не едут и того, Третьяка, с товарыщи не емлют. И яз равно тут стоял 4 недели, и те иноверцы и блиско не едут. А что у нас есть аманаты их, и яз тем аманатам Турончe з братом говорил: для чево де тово Третьяка твои люди не возьмут и к царю Шамшакану не везут? Он то говорил: как де им взять, стала де земля с вами топери задралася, и вы де многих богдоевых людей побили, да и понече де к вам будет войское богдоево большое, тысяч 10 и больше, и как де взять нашим людем того Третьяка с товарыщи? Их де к вам не отпустят, и вы де нас побьете» [16].

Политика предложений перейти в подданство России и выплачивать дань продолжалась и в последующем. Достаточно познакомиться с наказной памятью, выданной первому нерчинскому воеводе А.Ф. Пашкову Сибирским приказом не ранее 12 декабря 1654 г. В наказной памяти говорилось: «Прислан он, Афонасей, от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, от его царьского величества и многих государств государя и обладателя, на великую реку Шилку, а к ним, богдойскому Андри-кану и никанскому царям, велено ему, Афонасью, послать царьского величества посланников и ведомо им, богдойскому Андри-кану и никанскому царям, учинить, что у великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца и многих государств государя и обладателя, под ево, царьского величества, высокою рукою цари и короли с своими государствы, а великий государь, ево царьское величество, жалует, держит их в своем царьском милостивом призренье. И они б, богдойской Андри-кан и никанский цари, так же поискали великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, его царьского величества, милости и жалованья, учинилися под ево, царьского величества, высокою рукою, и дань ему, великому государю, давали, а великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец и многих государств государь и обладатель, учнет их, царей, жаловать и держать в своем царьском милостивом призренье и от недругов их во оборони и в защищенье. И они б, богдойской Андри-кан и никанский цари, однолично у него, великого государя, были под его, царьского величества, высокою рукою навеки неотступны, и царьского величества посланцов, которых он, Афонасей, к ним от себя пошлет, отпустили к нему,

Афонасью, безо всякого задержанья; и к великому государю, к его царьскому величеству, на чем они под ево государевою царьскою высокою рукою учинятца, отписали с теми посланцы, а будет у них грамот нет, и они б о том речью приказали» [17].

А.Ф. Пашков не смог осуществить заранее предусмотренное Сибирским приказом намерение послать посланников и обратиться к правителям Богдойской и Никанской земель с предложением о подданстве. В 1658 г. он сообщал в Москву о невозможности сделать это по причине отсутствия толмача: «По вашему государеву указу велено мне, холопу вашему, пришед в Даурскую землю, послать выбрав служилых людей человек пяти или шти, да с ними язычново человека толмача в Богдойскую и в Никанскую земли к царям для ваших государевых дел. И мне, холопу вашему, по вашему государеву указу в Богдойскую и в Никанскую земли к царям для ваших государевых дел послать служилых людей без язычново человека без толмача немочно. А в прошлом, государи, во 163 году (1655. – *С. Г.*) послан был из Якутцково острогу за вашею государевою даурскою соболиною казною к вам, государем, к Москве Даурския земли толмач новокрещен Тимошка Иванов и я, холоп ваш, по вашему государеву указу для вашей государевы даурской службы оставил ево, Тимошку, в Енисейском остроге для толмачества китайсково и даурсково и тунгусково языка. Да он же, государи, Тимошка, учен китайской грамоте, а оприччно, государи, ево, Тимошки, иново такова толмача со мною, холопом вашим, в вашей государеве даурской службе никово нет. И я, государи, холоп ваш, по вашему государеву указу поверстал ево, Тимошку, в Енисейском остроге в казачью службу на выбылое место и дал ему ваше государево денежное и хлебное жалованье вперед на 165 год сибирских городов с служилыми людьми вместе, да для вашей же государевы службы дал ему на платье своих 20 рублев денег, чтоб ему, Тимошке, на той вашей государеве службе в посылках платьем быть одежну, и взял, государи, ево, толмача Тимошку, из Енисейсково острогу с собою на вашу государеву службу в Даурскую землю. И в прошлом, государи, во 164 году июля в 18 день тот толмач Тимошка своровал, по подговору Ивана Акинфова с вашей государевы службы от меня, холопа вашего, з дороги с Енисея-реки в Енисейский острог збежал к нему, Ивану Акинфову, на двор. И Иван Акинфов тово толмача Тимошку из Енисейсково острогу свез с собою к Москве. И о том, государи, я, холоп ваш, к тебе, государю царю и великому князю… к Москве писал в прошлом же во 164 году Пелымсково города с служилыми людьми с Ваською Ивановым, с Ывашком Михайловым. И нынешнего, государи, 166 году июля по 29 число о том мне, холопу вашему, ваш государев указ не бывал и тот толмач Тимошка не присылыван. А в Богдойское и в Никанское государствы о ваших государевых делах послать мне, холопу вашему, служилых людей не с кем, и тех государьств вестей ведать и к вам, государем, отписать не по чему. И о том, государи, толмаче Тимошке мне, холопу своему, как укажете» [18].

Так вот наказная память Д.Д. Аршинского И.М. Милованову в содержательной части полностью, слово в слово, повторяет тексты наказной памяти А.Ф. Пашкова; изменилась лишь титулатура адресатов, вместо богдойского и никанского царей теперь стоит одно лицо – богдокан (китайский император – богдыхан).

То, что должны были и не смогли осуществить якутский воевода Д.А. Францбеков и двумя-тремя годами позже первый нерчинский воевода А.Ф. Пашков, осуществил Д.Д. Аршинский. Руководствовался он при этом, скорее всего, своей наказной памятью на воеводство, которая, к сожалению, по утверждению историка-документалиста Г.Б. Красноштанова, не сохранилась [19]. Аршинский мог ориентироваться как на свою наказную память, а она непременно должна была быть при нем, так и на наказные памяти А.Ф. Пашкова и второго, после А.Ф. Пашкова, нерчинского воеводы Л.Б. Толбузина, хранившиеся, возможно, в копиях в Нерчинской приказной избе.

Нельзя не заметить отличий в текстах грамот Д.А. Францбекова и А.Ф. Пашкова. Несмотря на то что Францбеков ранее выполнял дипломатические поручения, устанавливая связи России со Швецией (он по происхождению был ливонским немцем с фамилией Фарсисбах, принявшим православие [20]), грамота князю Богдою составлена в выражениях, далеких от дипломатии, и с прямыми угрозами, о чем может свидетельствовать лишь один фрагмент этой грамоты: «А будет ты, князь Богдай, не учнешь под ево государевою царевою и великого князя Алексея Михаловича всеа Русии высокою рукою в вечном холопстве быть… тебя, князя Богдая, за твое непослушание велит государь разорить, и город твой взять на себя, государя, и тебя, князя Богдая, и иных князей и всех вас и жен и детей без остатка…» [21] .

Конечно, без ведома царя и Сибирского приказа Францбеков вряд ли отважился бы на рассылку подобных грамот и на столь откровенные угрозы, выраженные в них. В отличие от грамоты Францбекова наказная память Пашкову (и, надо полагать, Аршинскому) составлена в значительно смягченных выражениях, со значительными оговорками, без прямых угроз. Здесь явно чувствуется направляющая рука дьяков Сибирского приказа. Все это наводит на мысль, что якутский воевода Д.А. Францбеков рассылал грамоты с предложениями о подданстве на основании устных приказов и разъяснений Сибирского приказа, в то время как нерчинские воеводы имели уже строгие предписания по этому вопросу.

В ответной грамоте Канси на грамоту Д.Д. Аршинского вопрос о подданстве даже не упомянут, обойден молчанием. В.С. Мясников видит в этом уловки маньчжурских чиновников, побоявшихся якобы полностью перевести текст грамоты нерчинского воеводы для императора в той его части, где речь идет о подданстве. Однако подобная оценка вряд ли заслуживает внимания, хотя бы из-за той степени риска, на которую могли отважиться китайские придворные чиновники. Канси, хотя и был молодым императором, тем не менее понимал, что нельзя вступать в противоборство с малоизвестным противником. Его удерживали также события на юге Китая, где маньчжуры не могли сломить сопротивление многочисленных провинций, каждой из которых управлял свой император. К тому же земли Амура, из-за которых могло идти противоборство двух держав, населяли племена, причислявшиеся всегда Китаем к варварам, жившим за пределами империи.

Имя Д.Д. Аршинского упоминалось в 1675 г. при переговорах Н.Г. Спафария с китайскими чиновниками. Китайская сторона требовала возвращения эвенкийского князя Гантимура, а нерчинский воевода в наказной памяти И.М. Милованову не упоминал о князе вообще. Спафарий объяснял эту ситуацию китайским чиновникам следующим образом: «И великий государь на него (Аршинского. – *С. Г.*) зело гневался для того, что он без указу великого государя с таким великим государем пословался и лист принел, а людей, которые язык разумели китайского, от вас не просил послать к великому государю, а в листу неведомо что писано, пристойно ли государские чести или нет? И видя он, что государской гнев на него великой, приказал тем казаком, с которыми послал лист, объявить только великому государю, что бугдыхан желает дружбу и любовь в торг завесть, то в листу писано и словесно то ж приказано, а про Гайтимура ничего не поминал для того, что ведает, что Гайтимур прямой холоп великого государя. И будет он объявил про Гайтимура, что бугдыхан просит ево у великого государя, еще больши привел бы гнев на себя от великого государя, и для того то дело он утаил и казаки. Да и ныне, как великий государь меня изволил послать сюды, взят был Данила к Москве для того ж, и я ево на отпуске по указу великого государя роспрашивал накрепко, что бугдыхан желает от великого государя, и что в листу пишет, и что казаком словесно приказано? И он то ж говорил, что и в листу и словесно то приказано, что бугдыхан с великим государем желает дружбу и любовь и чтоб торг завесть меж обоих государств, а кроме того, иного не приказано» [22].

Это упоминание Н.Г. Спафария о гневе русского царя на Д.Д. Аршинского много позднее В.С. Мясников определяет как опалу бывшего нерчинского воеводы [23], однако подобное определение неправомерно, ибо опала в XVII в. на Руси предполагала лишение чинов, конфискацию имущества и ссылку, чего в отношении Аршинского не делалось. В описании Спафария высказан гнев царя на Аршинского в связи с его переговорами, «пословaнием», в Нерчинске с китайским чиновником Монготу, приехавшим вместе с И. Милованoвым, но оставшимся на территории Китая (в Науне), и его принятием адресованной царю грамоты богдыхана, а вовсе не с посланием грамоты китайскому императору с предложением о подданстве. Кроме того, в связи с отставкой нерчинского воеводы Н.Г. Спафарий мог в своих дипломатических целях говорить о царском гневе. Даже если был гнев у царя на нерчинского воеводу, то этот гнев сменился милостью и Д.Д. Аршинский получил, как уже говорилось, щедрую царскую награду.

Негативная оценка деятельности Д.Д. Аршинского на посту нерчинского воеводы, данная впервые В.С. Мясниковым, сопряжена с другой его оценкой – оценкой политики российского правительства в отношении Китая во второй половине XVII в. В том же введении, о котором говорилось вначале, автор пишет: «Внутренняя и внешняя политика Русского государства в первые десятилетия XVII в. и в последующие имеет существенные различия. Конец XVI – начало XVII столетий отмечены крупными потрясениями во всех областях экономической и политической жизни страны, связанными с польско-шведской интервенцией и крестьянской войной. Успешное завершение борьбы за освобождение от иноземных захватчиков сопровождалось постепенным восстановлением и расцветом экономики, а также укреплением международного значения Русского государства» [24].

И далее автор говорит о Китае. А где же оценка хотя бы внешней политики Русского государства во второй половине XVII в.? Ее нет. Не находим этой оценки и при освещении вопроса освоения Сибири: «Длившееся не одно десятилетие присоединение Сибири к Русскому государству было сложным историческим процессом. Основная его цель сводилась к экономическому освоению огромного края, колонизации его как «хозяйственной территории», общению трудящихся масс русского населения с местными племенами, развитию здесь русскими земледелия, разведыванию природных богатств, строительству городов» [25].

Между тем подобная оценка внешней политики России в отношении Китая получала в советской печати положительные отзывы. Так, в работе Г.В. Мелихова можно прочесть: «В 1969 и 1972 гг. вышел в свет фундаментальный труд «Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы». <…> Исторические введения, принадлежащие перу В.С. Мясникова, представляют собой глубокое исследование по истории русско-китайских отношений в XVII в., в котором изложена научная концепция этих отношений» [26].

Вопрос о колонизации Сибири, а, надо сказать, процесс колонизации не отрицался, в исторической литературе советского времени, особенно с начала 60-х гг. XX в., определялся как присоединение, более того, как мирное присоединение Сибири к Российской империи. И если в указанном введении В.С. Мясникова речь идет о простом присоединении, то другие историки писали и говорили о мирном присоединении или употребляли выражение «мирное завоевание», не задумываясь о всей противоречивости фразы. Примеров подобной трактовки очень много, и нет необходимости в данном случае об этом говорить, ибо трактовка вопроса находилась под «опекой» идеологических органов КПСС, особенно в 60-е гг. XX в., в период крайнего обострения советско-китайских отношений.

Документы второй половины XVII в. показывают, что политика царской России в отношении Китая была экспансионистской, завоевательной. Она, конечно, отличалась от средневекового ультиматума «иду на вы». Сначала предлагались условия данничества, а при непринятии этих условий следовали прямые угрозы разорения и пора-

бощения. Говорить при этом о мирном присоединении земель Сибири к Российской империи, как усиленно утверждала советская пропаганда с 60-х гг. XX в., не приходится. И современные историки рассматривают колонизацию Сибири как результат завоевательной политики царского правительства Российского государства [27].

Вопреки утверждению, что В.С. Мясниковым обоснована «научная концепция» русско-китайских отношений, можно ясно и доказательно говорить об игнорировании этим историком фактов российской политики в отношении Китая во второй половине XVII в. Документы, приведенные нами выше, показывают, что историк не провел их элементарного анализа. Не сделал он этого как в 1969 г., когда готовил введение «Становление связей…», так и в начале нулевых годов нового тысячелетия, когда готовилось юбилейное издание его статей на исторические темы. Как прежде, так и теперь им отстаивается неверная оценка позиции нерчинского воеводы Д.Д. Аршинского по вопросам взаимоотношений с Китаем, российского воеводы, в отличие от многих его предшественников и современников, не погрязшего в злоупотреблениях и получившего царское одобрение. Возможно, Мясников и проводил подобный анализ, но он был снят партийной цензурой 60-х. Однако спустя свыше 30 лет и тем более в отсутствие порядков того времени такой анализ мог быть проведен при подготовке материалов к юбилейному изданию. Этого не сделано. И, видимо, неспроста.

В материалах юбилейного сборника статей В.С. Мясникова в разделе «Востоковедение и востоковеды» помещена статья «Становление и развитие отечественного китаеведения» [28], датированная 1974–2004 гг. В статье привлекает внимание оценка автором постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», опубликованного в 1967 г. Автор говорит о большом значении этого постановления «для китаеведческих исследований». Однако он, несомненно, сознательно опускает из виду то обстоятельство, что с выходом этого постановления по инициативе функционеров КПСС и с молчаливого согласия как ведущих историков страны, так и ведущих институтов гуманитарного профиля АН СССР началась травля и проработка, как правило, на закрытых партийных собраниях тех историков, в трудах которых упоминались артефакты, говорящие о китайской культуре [29]. Как пишет В.С. Мясников, только спустя целых четыре года после выхода постановления была подготовлена и проведена 29 ноября – 1 декабря 1971 г. первая Всесоюзная научная конференция китаеведов, посвященная «обсуждению актуальных проблем советского китаеведения, координации дальнейшей работы по изучению Китая в масштабах всей страны». На что же ушли эти четыре года? Сейчас прямо можно сказать – на экзекуцию исследователей, историков и, особенно, археологов, на запрет публикаций, содержащих даже малейшие сведения о Китае. Когда была проведена подобная «координация» исследователей, когда была вышколена научная элита, особенно московская, академическая, тогда и состоялась в конце 1971 г. указанная конференция.

О партийном запрете на публикацию любых сведений о Китае, которые, по мнению ЦК КПСС, могли быть истолкованы в целях китайских территориальных притязаний, хорошо помнит в то время молодое, теперь же повзрослевшее поколение историков. Однако вот оценки этому запрету никто не дает. К сожалению. А историк В.С. Мясников и Институт востоковедения РАН, который он представляет, явно не заинтересованы в этом. Осуждение запрета и даже простой разговор о нем, по-моему, как о партийной инквизиции могут выявить и инквизиторов, и соглашателей. А там выявятся и неблаговидные приемы замалчивания и игнорирования исторических фактов в угоду идеологам КПСС, отстаивавшим лженаучную концепцию «мирного присоединения Сибири» к Российской империи и наложившим запреты на изучение русско-китайских отношений.

В.С. Мясников в своих юбилейных изданиях упорно навязывает китайской историографии вовсе не присущее ей понятие «квадратура круга». Если воспользо-

ваться этими метафорами, хорошо понимаемыми, видимо, и самим автором, и коллективом Института востоковедения РАН, то из всего вышеизложенного можно сделать один вывод: по вопросу оценки русско-китайских отношений XVII в. как сам историк, так и институт все еще находятся в сладком для них плену квадратуры порочного советского идеологического круга.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. I: 1608–1683. М.: Наука, 1969. С. 270–271.
2. Там же. С. 273–274.
3. Там же. С. 284.
4. Там же. С. 557.
5. Там же. С. 276.
6. Мясников В.С. Становление связей Русского государства с Китаем // Русско-китайские отношения… Т. I. С. 5–28.
7. Русско-китайские отношения… Т. I. С. 557.
8. Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. II: 1686–1691. М.: Наука, 1972. С. 774.
9. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691: Сборник документов. М.: «Вост. лит.» РАН, 2000. С. 407.
10. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1: Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. С. 150–151.
11. Аршинский Даниил Данилович // Города и остроги земли сибирской: сайт. Режим доступа: http://ostrog.ucozm.ru/pervoprohodcy/0_25.htm (дата обращения: 27.04.2015).
12. Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: Документальное повествование. Иркутск, 2008. С. 183.
13. Русско-китайские отношения… Т. I. С. 126–127.
14. Там же. С. 127.
15. Там же. С. 133–134.
16. Там же. С. 138.
17. Там же. С. 201–202.
18. Там же. С. 236.
19. Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский. С. 147.
20. Якутия: Хроника, факты, события. 1632–1917 / сост. А.А. Калашников. 2-е изд., доп. Якутск: Бичиг, 2002. С. 36.
21. Русско-китайские отношения… Т. I. С. 129.
22. Там же. С. 505.
23. Мясников В.С. Квадратура китайского круга: Избранные статьи. М.: «Вост. лит.» РАН, 2006. Кн. 1. С. 307.
24. Мясников В.С. Становление… С. 5–6.
25. Там же. С. 9.
26. Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. С. 14.
27. Константинов А.В., Константинова Н.Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Иркутск: КРУГ, 2011. С. 45.
28. Мясников В.С. Квадратура китайского круга… С. 57–78.
29. Меры в отношении историков и археологов в свете указанного постановления применялись на закрытых партийных собраниях и ни в какой печати не освещались. Мне в силу служебного положения стало известно в устной форме решение закрытого партийного собрания Бурятского филиала СО АН СССР о вынесении строгого выговора члену партии доктору исторических наук П.Т. Хаптаеву и о рекомендации партсобрания администрации филиала о вынесении выговора беспартийному кандидату исторических наук Г.Н. Румянцеву. За что – не разъяснялось. Администрация беспрекословно вынесла выговор уважаемому историку. Будучи знаком лично с пострадавшими и уважая их, я, беспартийный, долго добивался в устных беседах с П.Т. Хаптаевым только одного – за какую публикацию они пострадали. Ответ на мои вопросы пришел немного позднее и от других лиц. Решения закрытых партийных собраний того времени были, надо сказать, секретом полишинеля. О них вскоре знали многие. Так вот указанные историки пострадали лишь из-за одной фразы, уложившейся в две строчки и говорящей о находке в одном русском сибирском поселении китайских монет.

Г.Б. Красноштанов

ЕЩЕ РАЗ О ЧЕРНОМ ПОПЕ ЕРМОГЕНЕ

При сборе материалов для ленской истории в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) меня заинтересовала романтическая история казачьего пятидесятника Никифора Черниговского, основавшего в 1666 г. Албазинский острог на Амуре.

А интерес к исследованию жизнедеятельности черного попа Ермогена (Гермогена) объясняется тесной связью его истории с историей Черниговского. Ермоген основал Киренский Троицкий монастырь, впервые построил на берегу Амура церкви и основал там Спасский монастырь. Его рукой написаны некоторые челобитные албазинских казаков. Он был свидетелем первой осады Албазина китайцами и оставил ее краткое описание.

На основании материала, собранного в архивах и литературе, в «Известиях Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»» в 2005 г. была опубликована статья «Возвращение черного попа Ермогена в Киренск» [1]. Она без изменений была включена в книгу «Никифор Романов Черниговский» [2]. Эта же статья включена в книгу «На ленских пашнях в XVII веке» с добавкой лишь небольшой челобитной Ермогена [3].

Не всегда удается собрать сразу все документы на интересующую тему. Уже после опубликования статьи мне стало известно о существовании «Жития Ермогена», но было оно в Петербурге, и я не проявил особого усердия, чтобы заполучить его. Однако любопытство взяло верх. Сейчас «Житие» у меня есть.

Я надеялся, что в нем будут какие-нибудь неизвестные значительные сведения. К сожалению, таких сведений не оказалось, наоборот, есть утверждения, которые не согласуются с архивными документами. В исторической литературе об Албазине встречаются сведения, как теперь выясняется, почерпнутые не из архивных документов, а из «Жития», однако ссылок на него никто не дает. Его как бы не существует. Но предпочтения надо всегда отдавать архивным документам.

Д.С. Лихачёв писал:

«Историк, который изучает источники, пьет живую воду. Тот, кто бездарно пользуется чужими выводами, пьет мертвую воду» [4].

«Житие», если к нему не отнестись критически, может оказаться такой мертвой водой.

Будем приводить текст «Жития», по ходу сопровождая замечаниями. Если эти замечания касаются расхождений с архивными документами, то текст документов приводить не будем, так как это сделало бы статью слишком громоздкой. Вместо этого сошлемся на указанные публикации, в них текст архивных документов имеется.

«Житие преподобного Гермогена Киренского, основателя Свято-Троицкого, Албазинского, Камарского Спасских монастырей, в двух словах на день его преставления изображенное.

Киренск, сентября 14 дня, 1858 года.

Слово на память преподобного отца нашего Гермогена, основателя Киренской обители, декабря 10 дня (день ангела попа Гермогена. – *Г. К.*)

Так! Вся жизнь преподобного отца нашего Гермогена, основателя сей богохранимой обители, есть истинное скитальничество чрез горы, чрез вертепы, чрез пропасти земли и воды из святой России в Усть-Киренскую пустынь, из Усть-Киренской пустыни в Албазин на Брусяной камень, из Албазина в Нерчинск (в Нерчинске он не бывал. – *Г. К.* [5]), из Нерчинска в сию обитель.

Вы собрались в святой храм к гробу преподобного отца нашего Гермогена почтить память его. Не беспричинно будет вспомнить о тех богоугодных трудах и подви-

гах, которыми в земной жизни украшался сей почтенный старец основатель Киренской обители.

В 1663 году народонаселение в Киренском Никольском погосте так было велико, что илимской Спасской церкви священник Амвросий Леонтиев Толстоухов, согласясь с приходскими людьми Ленского волока, 15 марта подал челобитную илимскому воеводе Лаврентию Авдеевичу Обухову о дозволении построить в Киренске монастырь, собрать братию и отвесть к монастырю приличное количество земли. Просители в челобитной назначили строителем монастыря иеромонаха Гермогена.

Преподобный Гермоген июля 1 числа (не 1 июля, а 10 июня. – *Г. К.* [6]) от себя подал прошение тому же воеводе, испрашивая разрешения на Киренском Никольском погосте устроить храм Живоначальныя Троицы с пределом Алексия человека Божия и основать монастырь.

И по указу великого государя, царя Алексея Михайловича, воевода Обухов отдал прописанную землю преподобному Гермогену под Троицкий монастырь. По сей грамоте преподобный Гермоген при устье реки Киреньги основал монастырь и назвал его Усть-Киренскою пустынею. (Во всех документах вначале он назывался не пустынею, а монастырем; лишь потом вперемежку монастырем и пустынею. – *Г. К.* [7].)

Вскоре по благословенной грамоте Симеона, митрополита Тобольского и Сибирского он построил первоначальную церковь Живоначальные Троицы с пределом Алексия, Божия человека. Неукротимый Ерофей Хабаров, смягченный наставлениями преподобного, обогатил монастырь землями, мельницами и рыбными ловлями. Еще при жизни преподобного обитель владела всеми землями Хабарова от Усть-Куты до Олекмы (это неверно. – *Г. К.*) и от устья Киренского (видимо, вверх. – *Г. К.*) по Окуневское имение (в документах не упоминается. – *Г. К.*) со всеми угодьями и крестьянами (при жизни Хабарова не владела. – *Г. К.*).

Но человек Божий не успел привесть в совершенство достохвальных своих подвигов. В 1665 году приехал в Киренск илимский воевода Обухов, разумеется, для надзора за сбором ясака, а может быть, для того, чтобы присутствием своим извлечь больше пользы для казны или для себя. Доселе сохранившаяся легенда говорит, что он, снимая лучшие собольи и лисьи шубки в Киренске, приговаривал: не вам их носить! (В документах этого нет. – *Г. К.*)

Излишнею ли строгостию и точностию в соблюдении должности, или увлекаясь обычною в то время корыстью, Обухов озлобил народ до того, что на 25 число июля (в документах: 28 июня. – *Г. К.* [8]) ночью 84 человека киренских и криволуцких туземцев, предводительствуемые поляком (Никифором. – *Г. К.*) Романовым Черниговским, в 20 верстах от нынешнего города, близ острова Хозарея (в документах это название не употребляется. – *Г. К.*), напав на его судно, разграбили рухлядь, и умеревши его (так в тексте. – *Г. К.*). С этого времени остров Хозарей и в настоящее время называется Обуховским.

Мучаясь совестью, страшась достойного наказания, они решились спастись бегством. Издавна, сильный словом и делом Хабаров, нуждаясь в толпе отчаянных людей для завоевания Даурии, прославил прибрежья Амура райскою в Сибири землею, Новою Россией, так, что многие ленские жители бежали туда и тайно, и явно, оставляя даже домы, жен и детей.

И вот преступники, запасшись всем нужным, взяв насильственным образом преподобного Гермогена и несколько его учеников для исправления духовных треб (чувства нравственные – замечательные в злодеях), спустились вниз по Лене до устья Олекмы. Они частенько приговаривали старцу: тебя, батька, оставить в Киренске – ты всех нас погубишь. (В документах этого нет. – *Г. К.*)

Неизвестность места, быстрота реки, пороги, одним словом, ничего не могло остановить их предводителя. Поднявшись до вершины Олекмы, они перевалили через

Становой хребет и вышли к устью Шилки (точнее, Урки. – *Г. К.*). Спустившись еще до 237 верст по течению Амура, они достигли Албазина, разоренного китайцами (разорил Хабаров, а не китайцы. – *Г. К.*), и на пепелище они пока заложили Албазинский острожек. Албазин снова принял вид крепости и народонаселение увеличил. Здесь преподобный Гермоген был руководителем беглецов на пути их спасения. Он отличился не только святостию жизни, но живым умом, смелостию и распорядительностию. Так во время новой постройки и последней осады Албазина китайцами, в которой уже по распоряжению правительства был назначен воеводою Алексей Ларионович Толбузин, Гермоген много способствовал умными советами и в строении города, и в управлении оным, и в отражении неприятелей. (Ермоген убыл в Киренск после первой осады Албазина, а Алексей Толбузин был в Албазине и при первой осаде. – *Г. К.* [9].)

Он был так сказать самым бдительным стражем Албазина от врагов, как видимых, так и невидимых. Смиряя строптивость убийц силою слова, благородством поступков, святостию жизни, он стяжал глубокое уважение самых злодеев, и когда в 1666 году предложил им построить монастырь, то предложение сие поголовно с радостию было принято не только казаками, поселившимися на Амуре, но и самими убийцами. (Монастырь построен в 7181 [1672–1673] г. – *Г. К.* [10].) Тогда немного повыше Албазина, при месте, называемом Брусяной камень, Гермоген заложил монастырь во имя Спаса всемилостивейшего, как бы ходатайствуя о прощении вины заблудшим. Его же старанием построена в Албазине кладбищенская церковь Воскресения Христова. Это показывает, что преподобный тогда уже не думал возвратиться в свою Киренскую пустыню.

В 633 верстах от Стрелачного караула на устье Камары был издавна также острожек. И русские выходцы упросили там воздвигнуть церковь во имя Спаса Явленного. Преподобный исполнил их желание, и по его ходатайству определен к той церкви священником его воспитанник Дмитрий Несторов. Впоследствии и здесь образовался монастырь. Преподобный Гермоген был игуменом сих монастырей. Но казаки при малом числе людей при беспрестанных набегах манжу[ро]-китайцев в Камарском остроге не удержались, и священник их возвратился в Албазинский монастырь.

(Это утверждение не соответствует действительности. Задолго до появления черниговцев в Албазине, в 1655 г., была осада китайцами Комарского острога. В 1658 г. русские окончательно покинули Комарский острог и больше туда не возвращались. – *Г. К.* [11].)

В 12 лет монастырь Албазинский приобрел многие сенокосные и пахотные земли и рыбные ловли по речкам, в Амур впадающим. И 12 лет Провидению было угодно внимать усердным мольбам благочестивых тружеников, обращавших к православной вере китайцев и окрестных жителей.

1685 года, июня 12 дня, манчжуры и китайцы опять водою и сушей подступили под Албазин (в архивном документе: июня 24 числа. – *Г. К.* [12]). Русские защищались отчаянно, у них вышел весь порох и свинец, оставалось биться на саблях. Воевода Толбузин не хотел и слышать о сдаче. Албазинцы, претерпевая сами голод, дабы показать обилие в продовольствии, посылали в подарок богатые пироги врагам, их осаждающим. (Первая осада длилась, по китайским источникам, всего лишь один день, по русским – десять дней, никакого голода не было. Голод был при второй осаде Албазина. – *Г. К.* [13].)

Игумен Албазинского и Камарского Спасских монастырей (Камарского монастыря не существовало. – *Г. К.*). Иеромонах Гермоген 22 июня (получается, еще до прихода китайцев. Китайцы пришли 24 июня. – *Г. К.*) начал просить воеводу, чтобы он, хотя для опыта, послал к китайцам переговорщика с требованием свободного пропуска всем жителям Албазина в Нерчинск. Толбузин, убежденный просьбой старца, послал к китайцам толмача, приказав объявить им, что тогда только Албазин сдастся, когда китайцы обяжутся дать свободный пропуск в Нерчинск всем албазинским жителям с их имением. Неприятель согласился.

Но оставляя город, русские должны были проходить чрез китайский лагерь между двумя сплошными стенами вооруженных воинов, среди коих по местам на столах поставлены были роскошные яствы и пития, лакомые для человека голодного. Китайцы их останавливали, угощали, обольщали всеми мерами, осыпали дарами, похвалами, ласками, обещаниями, склоняли перейти к ним. (Этого в архивных документах нет. – *Г. К.*) Обольщение не имело успеха. (На самом же деле более 50 человек добровольно перешли на сторону китайцев. – *Г. К.* [14].)

Старец с воеводой и народом отправился в Нерчинск и там основал Введенский Нерчинский монастырь.

(Ермоген пошел не в Нерчинск, а на Лену. В архивном документе написано:

«И с усть Амура (так в тексте, надо: Урки. — *Г. К.*) реки пошол Алексей (Толбузин. – *Г. К.*) да с ним всяких чинов людей з двести тритцать человек вверх по Амуру реке в Нерчиской острог. А достальных албазинских полонных, **черного попа Гермогена да белого попа Федора Иванова да с ними служилых и промышленых людей и пашенных крестьян, сто девятнатцать человек, по их челобитью для хлебной скудости, что[бы] им всем голодною смертью не помереть, отпустил с Амура реки, с усть Урки речки, в Якутцкой**». Здесь и далее выделено мной. – *Г. К.* [15].)

А Спасский и Камаринский монастыри в Албазине и кладбищенская церковь были разрушены китайцами до основания. Ученики преподобного, священники: Албазинской Воскресенской церкви Максим Леонтьев и Камарской Дмитрий Несторов с сотней албазинцев увлечены китайцами в Пекин, и там в средине города, недалеко от дворца, в русском подворье, от богдыхана дарованном, по благословению Тобольского митрополита основали Сретинский монастырь и приходскую церковь Успения пресвятой Богородицы подле северной стены города. Албазинцы все причислены к войску желтого знамени, или к гвардии. И богдыхан, как лучших своих телохранителей, почтил их званием мандаринов. Пекинский монастырь ныне великолепно процветает при покровительстве китайских и русских монархов. Русская духовная миссия, и вообще русские, пользуются полным в Китае уважением.

(Воскресенский поп Максим Леонтьев в документах об Албазине не упоминается, там упоминается воскресенский поп Федор Иванов [16].

А о попе Максиме Леонтьеве епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин высказал следующее предположение:

«Священник Максим Леонтьев, вероятно, родной брат илимского священника Амвросия Леонтьева Толстоухова» [17].

Это высказывание потом стали повторять другие авторы. Родным братом Толстоухова он не был. В документах в Пекине в 1690 г. упоминается поп с другой фамилией, Максим Ворожейкин [18].

Но реально Максим Леонтьев существовал. Амвросий (Орнатский) сообщает, что в Пекин была послана «грамота, данная в 7203 [1695] году от бывшего преосвященного Игнатия, архиепископа Тобольского, находившемуся тогда в Пекине священнику Максиму Леонтьеву, на освящение данного от тамошнего богдыхана храма и на отправление в нем священнослужения» [19].

Далее там приводится текст этой обширной грамоты. А в конце поясняется: «Грамота сия найдена бывшим в Пекине архимандритом Софонием в архиве тамошнего Сретенского монастыря и представлена святейшему Синоду по возвращении его оттуда в 1809 году в Санкт-Петербург» [20].

Дмитрий Несторов в документах об Албазине вообще не упоминается. В Пекине он был церковным старостой. – *Г. К.*)

Скорбя об уничтожении многолетних трудов своих употребленных на устроение двух (одного. – *Г. К.*) амурских монатырей и кладбищенской церкви, Гермоген еще оставался в Введенской Нерчинской обители до 1689 года.

(Ермоген в Нерчинске вообще не был, он был в Киренске. В июле 1688 г. илимский воевода Федор Михайлович Павлов по запросу Сибирского приказа описал состояние Киренского Троицкого монастыря. Помимо всего прочего там сказано и об Ермогене:

«Братьи в той пустыне ныне: игумен Иосиф, строитель старец Иосиф же, да прежней строитель черной поп Ермоген, да рядовые братьи и з больными сорок пять человек». – *Г. К.* [21].)

В этой обители весьма много он оставил святых икон, книг и ризницы, вывезенных им из албазинских монастырей (монастырь был один, в нем всего четыре монаха, обстановка не благоприятствовала вывозу. – *Г. К.*) и церкви.

Но вследствие заключения трактата с китайцами, по которому земли, за Амуром лежащие, были совершенно оставлены казаками по недостатку хлеба, пороха, свинца и прочих потребностей житейских, Гермоген с чудотворною иконою Нерукотворного образа возвратился в Киренск. Сею иконою он благословил Свято-Троицкую обитель и город. Сия икона была отослана ученику его Дмитрию Несторову в Пекин по смерти преподобного Гермогена.

Подвизаясь в посте и молитве, земной ангел и человек небесный в 1690 году, декабря 19 дня, кончил многотрудную благочестивую жизнь свою. Тело его опочивает в Алексеевской церкви на том месте, которое еще при жизни избрал сам старец и сам копал себе могилу. Пламя, истребившее в 1831 году первую церковь, построенную над усопшим, не смело коснуться даже надмогильной деки его. Его могила, как купина, горела и не сгорела.

Тезоименитство (именины, день ангела. – *Г. К.*) Гермогена воспоминается декабря 10, успения (кончины. – *Г. К.*) – 19 числа.

Слово на день преставления преподобного отца нашего Гермогена,
основателя Киренской обители, декабря 19 дня

Совершая годичную память преподобного отца нашего Гермогена, мы беседовали о тех крестных трудах и подвигах, коими знаменит блаженный старец. Теперь мы будем беседовать о посмертной жизни сего священного старца.

Воспоминания киренского мещанина Ильи Пежемского, иеромонаха Иосафа Казанцева, купеческой дочери Ирины Полосковой, киренского мещанина Сергея Пежемского, вдовы священника Косыгиной, киренского мещанина Михаила Петрова Попова, киренского купца Василия Лаврушина.

Августа 1814 года церковь Иоанна Предтечи, колокольня, кельи и службы были пожраны пламенем. От церкви Предтеченской деревянная Алексеевская церковь, где погребены мощи преподобного Гермогена, находилась в малом расстоянии, не более 10 сажен. Пламя было так сильно, что не было возможности стоять у монастырских ворот, отстоящих от пожара более 50 сажен. Спасение сей церкви должно приписать заступлению преподобного Гермогена.

Большая часть братии померла, и монастырь опустел бы, если бы к его восстановлению не приложил особенного старания преосвященный Михаил, епископ иркутский. Монастырь снова восстал. Но 16 ноября 1831 года пожар снова истребил деревянную Троицкую церковь, кельи монахов и духовное училище. Но дека деревянная, покрывавшая гробницу преподобного Гермогена, в самом пламени находившаяся, осталась вцелости».

Дописано на форзаце:

«21 октября 1864 года снова вспыхнула Алексеевская церковь, где почивает Гермоген. Спасли только иконостас и прочую церковную утварь, Неизвестно, невредимы ли мощи, потому что кирпичный склеп слегка лопнул, а под ним лежит каменная плита, под которой уже гробница Гермогена» [22].

Автор этого жития неизвестен. Большинство неверных сведений позаимствовано из книги Лаврентия Мордовского «Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря». Эта книга была издана дважды, в 1806 и 1841 гг. В издании 1841 г. сведения о Ермогене содержатся на страницах 7–8.

Наряду с архивными документами там много неверных сведений, которые вводят в заблуждение исследователей.

В статье «Возвращение черного попа Ермогена в Киренск» затрагивался вопрос об иконе Богородицы «Слово плоть бысть», хранящейся сейчас в Благовещенске. Затрагивался потому, что во многих публикациях историю этой иконы связывают с осадой Албазина и с попом Ермогеном.

В архивных документах XVII в. о ней вообще не упоминается. Не упоминается и в «Житии». В статье я высказывал предположение, что икона была, так как в грамоте митрополита Сибирского и Тобольского Корнелия дается благословение на строительство албазинской церкви во имя Воскресения Христова и о приделе к ней Пресвятой Богородицы Владимирской [23]. Раз был придел, значит, была и икона.

Возникают вопросы, в которых необходимо разобраться, так как различные авторы переписывают друг у друга сомнительные сведения, пытаясь соединить воедино независимые события.

Во-первых, причастен ли к вывозу из Албазина иконы Пресвятой Богородицы Владимирской Ермоген?

На первый вопрос в архивных документах ответ есть: Ермоген вывез в Киренск икону Спасителя, а икону Богородицы не вывозил.

А между тем у Чернозубова написано:

«После падения Албазина в 1685 г. Гермоген переселился в тоже основанный им Киренский Троицкий монастырь, оставив по пути туда в Сретенске икону, именуемую «Слово плоть бысть», почитаемую уже тогда чудотворною» [24].

Сретенск вовсе не лежит по пути в Киренск, а в стороне. От речки Урки до Сретенска порядка 500 км, обратно до Урки тоже 500.

Ссылаясь на Чернозубова, А.Р. Артемьев повторяет:

«После взятия Албазина в 1685 г. Гермоген в него больше не возвращался. Он отправился в Усть-Киренский Троицкий монастырь. По пути туда он оставил чудотворную икону в Стретенске, где она, по-видимому, хранилась вплоть до 1854 г., когда ею 14 мая благословили в путь знаменитый сплав по Амуру флотилии во главе с генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым» [25].

Здесь А.Р. Артемьев противоречит себе. В той же книге на странице 85 у него написано:

«Стретенский острог (современный г. Сретенск) был основан вскоре после 1704 г.» [26].

С Александром Рудольфовичем я переписывался, указывал на это противоречие, но вразумительного ответа не получил.

Второй вопрос, называлась ли икона Богородицы, которой благословили сплав, «Слово плоть бысть»? На этот вопрос ответ есть. Не называлась. Подтверждение имеется у П. Свербеева, участника сплава:

«7 мая 1854 года генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев прибыл в Шилкинский завод и стал лагерем на противоположном берегу. <…> 14 мая, рано утром, отдан был по лагерю приказ выступить в путешествие после полудня. <…> Около 4-х часов пробили тревогу. Из лагеря вышел генерал-губернатор со своей свитой, и все мы двинулись к берегу. Здесь на поляне стоял небольшой стол, покрытый скатертью, на нем икона **Божьей матери** (**из Албазина**), которой местный священник благословил нас. Из-за реки, из церкви Шилкинского завода, понесли хоругви и иконы» [27].

К сожалению, никаких пояснений, почему икона названа Албазинской, П. Свербеев не дает.

К тому же здесь открывается интересное обстоятельство: сплав осуществлялся не из Сретенска, а из Шилкинского завода. Шилкинский завод – это не современный населенный пункт Шилка, который находится в 144 км выше Сретенска. П. Свербеев указывает приблизительное его местонахождение: «В 18 верстах от Шилкинского завода находится магазин Усть-Карийского нового золотого промысла» [28].

На картах, которые были мне доступны, Усть-Карск обозначен. Он находится ниже Сретенска в 124 км. Следовательно, Шилкинский завод был примерно в 105 км ниже Сретенска.

О том, что икону привезли из Сретенска, у П. Свербеева не написано. У него же написано, что в церкви Шилкинского завода своих икон было достаточно.

Третий вопрос касается передачи из Сретенска в Благовещенск иконы Знамения Божьей Матери в 1868 г.

В «Иркутских епархиальных ведомостях» под заголовком «Разрешение на поднесение иконы» написано:

«Священник Сретенской церкви Симеон Стуков и гг. командующий Бригадою сретенский командир Бориславский, батальонный командир Данилевский и другие чины, также старшины и старшие казаки Забайкальского войска, прихожане Сретенской церкви испрашивали у Его Высокопреосвященства Парфения, архиепископа Иркутского, разрешение – поднести Его Преосвященству, вновь назначенному на кафедру Камчатской епархии епископу Вениамину, в проезд его в г. Благовещенск на Амуре, как ревностному распространителю православия между забайкальскими язычниками, в знак общего к нему уважения, икону **Знамения Божьей Матери Албазинскую**, в том желании, чтоб эта святая икона вновь возвратилась в ту местность, откуда угнетение язычников заставило ее более ста лет находиться под защитою здешнего (Сретенского) православного приходу» [29].

Здесь у иконы уже другое название. Отсюда вопрос: является ли сретенская икона **Знамения Божьей Матери Албазинской** иконой **Божьей матери** Шилкинского завода, которой благословляли сплав, или это разные иконы?

На этот вопрос ответа нет, так как нет сведений о том, что с Шилкинского завода икона Божьей Матери была перенесена в Сретенск.

Долгое время об иконе Знамения Божьей Матери Албазинской не было в печати никаких сведений. Наконец, в «Камчатских епархиальных ведомостях» за 1894 г. появляется сразу несколько сообщений.

В № 5 от 15 марта на странице 117 в отделе неофициальном в разделе «Хроника» коротенькое сообщение:

«9 марта. Среда. Празднование иконы «Слово плоть бысть» и восьмая годовщина православного братства Пресвятыя богородицы при Благовещенском кафедральном соборе».

«Слово плоть бысть» – так стали именовать, неизвестно с какого времени, икону Знамения Божьей Матери Албазинской.

В № 10 от 31 мая 1894 г. в отделе неофициальном на страницах 218–220 под заголовком «О внебогослужебных собеседованиях при церковно-приходской школе градо-благовещенского новособорного прихода» было помещено более подробное сообщение о праздновании:

«9 марта, в день празднования Албазинской иконы Божией Матери, именуемой «Слово плоть бысть», по прежденачертанному плану старшие ученики и ученицы школы, и выразившие желание прихожане отправились в Кафедральный собор, чтобы поднять и принести эту икону в школу.

В час пополудни, по прибытии в собор о. Симеона, ученики и ученицы, поднявши на свои руки икону, понесли ее по назначению. Несмотря на продолжительность пути (более двух верст), молодые паломники одни все время несли достопоклоняемую святыню. У ворот школы младшие ученики и ученицы во главе со своим учителем диаконом Белкиным и учительницами, и множество народа коленопреклоненно встретили икону. В школе пред нею был отслужен молебен, пред началом которого о. Симеон изложил исторические сведения об этой иконе».

К сожалению, исторические сведения здесь не приводятся.

В № 24 в отделе неофициальном в разделе «Хроника» на странице 532 сообщается:

«11 декабря. Неделя св. праотец. Его преосвященство служил литургию в загородной крестовой церкви. В кафедральном соборе после литургии, совершенной о. кафедральным протоиереем А.П. Сизым соборне с духовенством местным, по установившемуся обычаю была панихида по блаженном старце, иеромонахе Ермогене (почивающем в г. Киренске) – первом священнослужителе-миссионере на берегах Амура, именно в Албазине, куда он принес с собою древнюю икону пресвятыя Богородицы, именуемую «Слово плоть бысть», каковая в настоящее время находится в кафедральном соборе и, как древняя святыня и благословение блаженного старца Ермогена, служит предметом благоговения для православного населения не только Благовещенска, но и всего края».

К сожалению, не указано, когда установился такой обычай.

А в «Камчатских епархиальных ведомостях» № 22 от 30 ноября 1895 г. на странице 157 напечатан:

«Указ Святейшего правительствующего Синода

Указом Святейшего Синода от 24-го августа 1895 года за № 4142 разрешено совершать ежегодно 9-го марта празднование в честь находящейся в Благовещенском кафедральном соборе древней иконы Божьей Матери, именуемой «Слово плоть бысть» с присвоением ей наименования «Албазинской»».

Насчет присвоения наименования неясно. Ведь ее уже именовали Албазинской.

С тех пор этот праздник стал не местным, а общецерковным, и записывается в церковных календарях.

А Ермоген икону Божьей Матери в Сретенск не привозил. Неизвестно, бывала ли икона, которой благословляли сплав по Амуру, в Албазине. И неизвестно, является ли икона «Слово плоть бысть» той иконой, которой благословляли сплав по Амуру.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Красноштанов Г.Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2005. Вып. 4. С. 7–24.

2. Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: Документальное повествование. Иркутск, 2008. С. 244–275.

3. Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. М., 2014. Ч. 3. С. 109–130.

4. Лихачёв Д.С. Прошлое – будущему. Л., 1985. С. 567.

5. Красноштанов Г.Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск. С. 20; Он же. Никифор Романов Черниговский. С. 254; Он же. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 3. С. 116.

6. Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский. С. 93; Он же. На ленских пашнях в XVII веке. М., 2013. Ч. 2. С. 554.

7. Красноштанов Г.Б. Когда основан Киренск? // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2002. Вып. 1. С. 48.

8. Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский. С. 75; Он же. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 2. С. 628.

9. Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский. С. 247–268.

10. Там же. С. 169.

11. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 98.

12. Красноштанов Г.Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск. С. 10; Он же. Никифор Романов Черниговский. С. 249; Он же. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 3. С. 113.

13. Красноштанов Г.Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск. С. 10, 17; Он же. Никифор Романов Черниговский. С. 247, 261; Он же. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 3. С. 111, 121.

14. Красноштанов Г.Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск. С. 13–14; Он же. Никифор Романов Черниговский. С. 250; Он же. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 3. С. 117.

15. Красноштанов Г.Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск. С. 13; Он же. Никифор Романов Черниговский. С. 254; Он же. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 3. С. 116.

16. Красноштанов Г.Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск. С. 8; Он же. Никифор Романов Черниговский. С. 246; Он же. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 3. С. 111.

17. Записки и заметки веденные во время путешествия преосвященного Вениамина, епископа Иркутского и Нерчинского, по Якутскому тракту, р. Лене и ея притокам (с 11 мая по 15 июня 1874 г.) // Иркутские епархиальные ведомости. 1874. № 38. С. 494.

18. Красноштанов Г.Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск. С. 18; Он же. Никифор Романов Черниговский. С. 263; Он же. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 3. С. 123.

19. Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М. 1810. Кн. II. С. 491.

20. Там же. С. 500.

21. Красноштанов Г.Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск. С. 14; Он же. Никифор Романов Черниговский. С. 257; Он же. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 3. С. 515.

22. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Отдел рукописей. Ф. 608. Оп. 2. Ед. хр. Q1. № 1454. Л. 1–44.

23. Красноштанов Г.Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск. С. 21; Он же. Никифор Романов Черниговский. С. 269-270; Он же. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 3. С. 127.

24. Красноштанов Г.Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск. С. 21; Он же. Никифор Романов Черниговский. С. 269; Он же. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 3. С. 126.

25. Артемьев А.Р. Указ. соч. С. 103.

26. Там же. С. 85.

27. Описание плавания по реке Амуру экспедиции генерал-губернатора Восточной Сибири в 1854 году действительного члена П. Свербеева // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. СПб., 1857. Кн. III, отд. I. С. 25.

28. Там же. С. 22.

29. Иркутские епархиальные ведомости. 1868. № 18. С. 96.

Г.Б. Красноштанов

ИЛИМСКИЕ УПРАВИТЕЛИ С 1720 ПО 1769 ГОД

Илимску принадлежит особое место в освоении русскими Восточной Сибири в XVII–XVIII вв. Его значение менялось в зависимости от существующих путей сообщения и связанного с ними административного деления и количества населения. Сначала зимовье, потом небольшой острожек, затем административный центр волости в составе Якутского уезда, далее административный центр Илимского уезда с полноценным острогом и, наконец, заштатный город.

Главные лица администрации имели различные названия в зависимости от значения Илимска. Когда он был центром волости − управляли приказчики, когда был центром уезда − воеводы. Приказчиков назначали якутские воеводы, воевод – Сибирский приказ. Сведения о них содержатся в следующих книгах:

К.Б. Газенвинкель. «Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII века» (Тобольск, 1892).

Александр Барсуков. «Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия» (СПб., 1902).

В этих книгах указаны только годы, иногда с ошибками. В нашем трехтомнике «На ленских пашнях в XVII веке» приводятся уточненные даты с указаниями числа, месяца и года. Они рассредоточены по ходу повествования.

В.Н. Шерстобоев. «Илимская пашня» (Иркутск, 1949. Т. 1. С. 126).

Здесь приведен только список приказчиков, неточный по личному составу и датам. В нашей книге «На ленских пашнях в XVII веке» (Ч. 2, с. 19–20) содержится уточненный список.

В Российском государственном архиве древних актов в обширном фонде 494 Илимской воеводской канцелярии (оп. 1, ч. II, ед. хр. 3078, л. 10–13) имеется доныне не опубликованный список илимских управителей с 1720 по 1769 г. Назначались они разными органами управления: Тобольской губернской канцелярией, Иркутской провинциальной канцелярией, Сибирским приказом. Поэтому название должности было разным. Воеводами назывались лишь назначенные Сибирским приказом.

«**Ведомость, учиненная в Ылимской воевоцкой канцелярии, о воеводах и с приписью подьячих,** по каким кто, откуда указом определен, которых годов, месяцов и чисел в дела вступили и по которое время находились, и ис каких чинов, которых мест урождением, и имели ль мужеска полу крестьян, и по сменам куда отправились.

О всем о том явствует ниже сего.

Чины, имена	По указом из Ыркуцка	С которого году, месяца и числа в дела вступили	По которое время находились	Ис каких чинов, ис которых мест урождением. И имели ль у себя мужеска полу крестьян	По смене куда отправились
Города Илимска дворянин и камисар Иван Степанов сын Литвинцов	По указу ис Тобольской губернской канцелярии	720 февраля 8	722 февраля 20	Ис казаков. Урождением города Илимска. Мужеска полу душ за собою не	В оном правлении в бытность свою в подозрениях был, точию об оных показать нечего, ибо он, Литвинцов, в 722 году и з делами взят в Ыркуцк, которые и поныне тамо имеются.

				имеет	А отчету по делам не учинил. И наследник имеется сын Федор в Ыркуцку
Города Иркуцка дворянин и камисар Петр Иванов сын Астраханцов	По указу из Иркуцкой правинцыальной канцелярии	722 сентября 10	723 генваря 7	Ис каких чинов и урождением неизвестно, и по указу не значитца И мужеска полу душ имел или нет, о том по здешней канцелярии неизвестно	В оном правлении в бытность свою в подозрениях был ли, знать не по чему. И отчету по делам не учинил. И взят в 723 году в Ыркуцк. И где находитца, також и наследники имеютца ль, неизвестно.
Иркуцкой сын боярской Остафей Иванов сын Перфильев	По указу из Иркуцкой правинцыальной канцелярии	723 генваря 7	723 марта 15	Ис каких чинов и урождением неизвестно, и по указу не значитца И мужеска полу душ имел или нет, о том по здешней канцелярии неизвестно	В оном правлении в бытность свою в подозрениях был ли, по делам не значитца. А отчету по делам не учинил. Взят в 723 году в Ыркуцк. И где находитца, також и наследники имеютца ль, неизвестно.
Иркуцкой служилой и камисар Иван Васильев сын Добрынской	По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	723 июня 19	724 генваря 20	Ис казаков. Урождением города Илимска. Мужеска полу душ за собою не имел	В оном правлении в бытность свою в подозрениях был ли, по делам не значитца. А отчету по делам не учинил. Токмо по указу Иркуцкой правинцыальной канцелярии в Брацкой острог в прикащики. А ныне наследники кто тогда остались, о том по делам справки не отыскалось.
Нерчинский дворянин и камисар Федор Григорьев сын Лоншаков	По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	724 генваря 21	725 генваря 13	Ис каких чинов и урождением, неизвестно и по указу не значитца А мужеска полу душ имел или нет, о том по здешней канцелярии неизвестно же.	В оном правлении в бытность свою в подозрении был в помешательстве нерчинских сребреных заводов. И отчет по делам не учинил. В 725 году в Ыркуцке находитца. А наследники имеютца ль или нет, неизвестно.
Управитель Петр Иванов сын Татаринов	По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	725 февраля 10	727 марта 13	Ис каких чинов и рождением, неизвестно и по указу не значитца. Мужеска полу душ имел или нет, о том по здешней канцелярии	В оном правлении в бытность свою в подозрениях был ли, не значитца. А отчету по делам не учинил. Взят в 727 году в Ыркуцк в подьячие. А ныне где находитца, неизвестно.

				неизвестно	
Управителем иркуцкой дворянин Иван Степанов сын Литвинцов	По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	727 марта 13	729 генваря 26	Ис казаков. Урождением города Илимска. Мужеска полу душ за собою не имел	В оном правлении в бытность свою в подозрениях был ли, неизвестно. А отчету по делам не учинил. Взят в 729 году в Ыркуцк. Наследники остались дети ево: Иван, Тимофей да Федор. Находятся в Ыркуцку в казаках, или где, неизвестно
Управителем иркуцкой сын боярской Константин Тимофеев сын Будуруев	По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	729 генваря 26	730 генваря 26	Ис каких чинов неизвестно, и по указу не значитца. А мужеска полу душ имел или нет, по здешней канцелярии неизвестно	В оном правлении в бытность свою в подозрениях был ли, по делам не значитца. И отчету по делам не учинил. Взят в 730 году в Ыркуцк. И где ныне находитца, и наследники имеютца ль, неизвестно.
Управителем иркуцкой камерирской сын Петр Федоров сын Петров	По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	730 генваря 26	730 декабря 31	Из подьяческих детей. Урождением Иркутской правинции. Мужеска полу душ имел или нет, о том по здешней канцелярии неизвестно	Во оном правлении в бытность свою в подозрениях не был. Отчет по делам не учинил. А наследники, кто тогда остались, о том по делам справки не отыскалось. Взят в 730 году в Ыркуцк. И начету на нем не оказалось.
Управителем илимской сын боярской Петр Завьялов	По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	730 декабря 31	731 сентября 21	Ис подьяческих детей. Урождением города Илимска. Мужеска полу душ за собою не имел	Во оном правлении в бытность в подозрении был в похищении подушной денежной казны. По смене по делам сочтен. И в 740 году умре, на котором состоит доныне за платежем по описанию двора и пожитков в невовзыскании сто четырнатцать рублев дватцать восемь копеек. Наследник остался сын, подьячей Федор, которой в Ылимску, и в 768 году умре. У него наследник находитца, подьячей Петр
Управителем иркуцкой дворянин Никифор Турчанинов	По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	731 марта 12	731 сентября 31	Ис казаков. Урождением города Иркуцка. Мужеска полу душ имел или нет, о том по здешней канцелярии неизвестно	Во оном правлении в бытность свою в подозрении был в ызлишнем росходе денежной казны. А коликое число показано ниже сего в очиске Горяистова. А щетовых выписок в Ылимске еще не сочинено, и сколько в начете скажетца, також и наследники имеюца ль, неизвестно
Управитель Тимофей Горяистов	По указу из Ыркуцкой правинцыальной	731 октября 2	732 апреля 13	Ис каких чинов и урождением, неизвестно, и	Во оном правлении в бытность свою в подозрении был в излишнем росходе денежной казны.

	канцелярии			по указу не значитца. Мужеска полу душ имел или нет, неизвестно	И по смене по делам вместе с Турчаниновым сочтены. И начету на Горяистове, так и на Турчанинове оказалось, на котором состоит, доныне невозвратном, тысяча шестьсот семьдесят рубль девяносто пять копеек. И взяты в 732 году в Ыркуцк. У Турчанинова наследник тогда остался сын Афонасей. А у Горяистова остались ли, о том неизвестно
Управитель иркуцкой дворянин Никифор Турчанинов	По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	732 апреля 14	733 декабря 7	Ис казачьих детей Урождением города Иркуцка. Мужеска полу душ имел или нет, о том по эдешней канцелярии неизвестно	Во оном правлении в бытность свою в подозрении был в подряде к строению барок и дощеников собою, без указу. Отчету по делам не учинил. Взят в 733 году в Ыркуцк. Наследник остался сын Афонасей
Управитель иркуцкой дворянин Константин Игумнов	По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	733 декабря 7	736 июня 20	Ис каких чинов и урождением, неизвестно и по указу не значитца Мужеска полу душ имел или нет, о том по эдешней [канцелярии] неизвестно ж	Во оном правлении в бытность свою в подозрении не был. А по смене по делам отчету не учинил. Взят в 736 году в Ыркуцк. Наследники тогда остались: жена Дарья Данилова дочь, сын Василей. И о том в Селенгинской волосте, где живал, неизвестно
Управителями иркуцкие дети боярские Матвей Бейтон, Емельян Толстоухов	По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	736 июня 20	738 февраля 15	Ис каких чинов и урождением, неизвестно и по указу не значитца Мужеска полу душ имел или нет, о том по эдешней канцелярии неизвестно	Во оном правлении в бытность свою во взятках от рекруцкого набору и по смене по делам не сочтены, взяты в Ыркуцк, на которых состоит, доныне не взыскано тысяча триста девятнатцать рублев пятьдесят копеек Да лошадей и протчих товаров на сто на семнатцать рублев на тритцать копеек. У Бейтона наследник остался сын Семен. А у Толстоухова, кто остались, о том по делам справки не отыскалось
Управитель и дьяк Никифор Кондратьев	По указу из бывшаго Сибирского приказу	738 февраля 15	743 июня 20	Ис каких чинов, неизвестно. Урождением города Москвы. Мужеска полу душ имел или	Во оном правлении в бытность свою в подозрении не был. Отчету по делам не учинил. В 743 году умре. Наследница осталась жена Степанида Силина. И отпущена управителем Семеном Воино-

				о том по здешней канцелярии неизвестно	вым в Москву. А за 742 год щеты сочинены. И что надлежит к представлению в Иркуцкой, сочиняетца экстракт
Управителем бывшей подьячей Семен Воинов и сын ево Иван Воинов	По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	743 июня 20	745 августа 13	Ис присыльных	Во оном правлении в бытность свою Семен в подозрениях не был. А отчету по делам не учинил. В 745 году в феврале месяце умре. А с февраля того ж 745 августа по 13 число сын ево Иван. И явился в подозрении в покупке хмелю, у которого явилось передачи пятьдесят пять рублев. И по смене по делам не сочтен, взят в Ыркуцк, на котором оные состоят и доныне не взысканы. А он находитца в Ылимску
Воевода Стефан Федоров сын Своитинов	По указу бывшаго Сибирского приказу	746 генваря 1	750 апреля 4	Ис коллежских асесоров. Испомещен в Саратовском уезде	Во оном правлении в бытность свою в подозрениях не был. Отчет по делам учинил. И в 750 году умре. А щеты посыланы были в Ыркуцк и в Тобольск. Но за неисправностьми в 766 году паки к пересочинению присланы. Наследница тогда осталась жена Марья Степанова. И по указу Иркуцкой канцелярии отпущена в поместье
Воевода Иван Григорьев сын Попов. С приписью имелись: Яков Хлебников Ефрем Смирнов. Из оных Хлебников в 753 году, маия 4 числа умре.	По указу бывшаго Сибирского приказу По указу из Ыркуцкой правинцыальной канцелярии	750 апреля 4 751 ноября 5 753 октября 9	755 генваря 4 753 маия по 4 760 генваря по 6	Ис коллежских ассесоров. Испомещен горо-да Тулы в деревне Таптысковской	Во оном правлении в бытность свою в подозрениях не был. И по смене по делам сочтен и послан в Ыркуцк, отколь и отпущен в поместье в город Тулу
Воевода Григорей Андреев. С приписью Ефрем Смирнов	По указу бывшаго Сибирского приказу	755 генваря 4	756 сентября 9	Ис коллежских ассесоров. Мужеска полу душ имел или нет, о том по здешней канцелярии неизвестно	Во оном правлении в бытность свою в подозрениях не был. И в 756 году умре. И по смерти ево по делам сочтен. И начету на нем не оказалось. И наследники тогда остались: жена Прасковья Андреева, дети: Александр, Иван, которые от Илимской канцелярии отпущены в дом, в город Тобольск
Управляющей воеводскую должность	По указу из Ыркуцкой правинцыальной	756 декабря 6	758 марта 24	Ис порутчиков. Мужеска полу душ не имел	Во оном правлении в бытность свою в подозрениях не был. И по смене по делам сочтен и

Козьма Дьяконов. С приписью Ефрем Смирнов	канцелярии				послан в Ыркуцк, начету на нем не оказалось
Воевода Федот Павлуцкий С приписью Ефрем Смирнов	По указу бывшаго Сибирского приказу	758 марта 24	761 генваря 4	Ис порутчиков. Мужеска полу душ имел или нет, о том по здешней канцелярии неизвестно	Во оном правлении в бытность свою в подозрениях не был. И по смене по делам сочтен и послан в Ыркуцк, откуда отпущен в город Тобольск. И начету на нем не оказалось. А Смирнов взят в Ыркуцк и находитца секретарем
Воевода Андрей Шарыгин	По указу из Сибирского приказу	761 генваря 4	769 генваря 19	Из секунд-майоров. По нынешней третичной реви-зии имеет за со-бою мужеска полу 7 душ Сибирской губернии Елуто-ровского дистри-кта в Церском остроге	Во оном правлении в подозрениях не бывал

О.Т. Базалийская

ИЗ ИСТОРИИ ВЕРХОЛЕНСКА (ХРОНИКА СОБЫТИЙ)

30 мая 1641 г. воеводой П.П. Головиным был послан на государеву службу на Верхнюю Лену пятидесятник Мартын Васильев с товарищами. А уже 29 августа того же года ими был поставлен Верхоленский острог [1].

Древний храм в г. Верхоленске, построенный в 1718 г. Из фотоальбома священника Н.А. Пономарёва. 1913 г.

Известный сибирский публицист и общественный деятель И.И. Серебренников в своем очерке «Покорение Иркутской губернии» пишет: «С 1641 года, наряду с Братским острогом, грозное значение для бурят приобретает только что возникший острог Верхоленский. С основанием последнего были покорены Верхоленские буряты, но помимо этого Верхоленский острог высылал время от времени отряды и против ангарских бурят, кочевавших в районе рек Иды, Осы и Унги.

В 1644 г. управитель Верхоленского острога, казацкий пятидесятник Курбат Иванов совершил поход против приангарских бурят и получил с них ясак.

Древний храм в Верхоленске, построенный в 1795 г. Из фотоальбома священника Н.А. Пономарёва. 1913 г.

В 1646 г. боярский сын Алексей Бедарев ходил из Верхоленского острога против бурят за р. Ангару и в начале поход его был успешен, но при обратном походе его встретили на пр. берегу р. Ангары буряты, в числе 200 человек, и так на него жестоко напали, что тотчас в первом жару шестнадцать человек россиян легло на месте; бывшие при сем сражении признались, что ежели бы буряты столь храбро бой свой продолжили, или бы учинили еще нападение с равною

бодростью, то бы ни один россиянин не спасся; но буряты при дальнейшем сопротивлении казаков дали последним возможность без препятствий вернуться в Верхоленск.

В 1648 г. московский дворянин Василий Нефедьев совершил из Верхоленска с казаками и промышленными людьми поход против унгинских бурят. Потерявши в стычках с бурятами несколько человек из своего отряда, Нефедьев в общем благополучно вернулся в Верхоленск и привел с собою пленных бурят» [2].

В 1775 г. из Верхоленского острога было образовано особое комиссарство. На этот период в нем проживало: посадских – 167 человек, крестьян – 5, «разночинцов и дворовых, большею частию на пашне состоящих» – 330, «ясашных и с подроски» – 5 604, всего – 6 106 человек [3].

Главная достопримечательность Верхоленска – собор Воскресения Христова. В 1718 г. был построен летний (без отопления) деревянный одноэтажный храм, а в 1795 г. – теплый. В теплом храме имелось три престола: во имя Воскресения Христова, Пресвятые Божии Матери «Казанские» и святителя чудотворца Николая. В летнем храме было два престола: во имя Богоявления Господня и святителей Афанасия и Кирилла Александрийских. В начале XX в. деревянные церкви пришли в ветхость и не могли вместить всех прихожан, поэтому построили новый каменный собор, освященный 21 января 1907 г. [4].

В 1816 г. Верхоленское комиссарство было переименовано в слободу и основано волостное правление [5].

В 1831 г. в г. Верхоленске находился на поселении декабрист Николай Петрович Репин. В «Росписи государственным преступникам, приговором Верховного Уголовного Суда, осуждаемым к разным казням и наказаниям» записано: «Штабс-капитан Репин принадлежал к тайному обществу с знанием сокровенной цели, и приготовлял товарищей к мятежу». Он был отнесен к государственным преступникам пятого разряда и осужден к временной ссылке в каторжную работу на десять лет, а потом на поселение. Наказание было облегчено, и Н.П. Репин пробыл на Нерчинской каторге пять лет, а затем отправлен на поселение в г. Верхоленск [6].

Николай Петрович Репин

Указом Правительствующего Сената от 10 января 1857 г. в Верхоленской слободе был открыт Верхоленский земский суд с учреждением особого Верхоленского округа, в состав которого вошли Верхоленская, Манзурская и Илгинская волости, а также Ленское, Верхоленское, Ольхонское, Очеульское и Тутурское инородческие ведомства.

Как следует из донесения Верхоленского окружного полицейского управления в Иркутскую казенную палату от 18 августа 1888 г., Верхоленск стал считаться городом с 20 апреля 1857 г. [7].

Совет Главного управления Восточной Сибири в своем постановлении от 18 июня 1862 г. предложил открыть в Верхоленске городовое хозяйственное управление с выбором городового старосты. Крестьян Верхоленского селения предлагалось перечислить в мещане нового города Верхоленска [8].

Однако в отчете верхоленского окружного исправника за 1877 г. отмечалось, что «городского самостоятельного общества в г. Верхоленске не образовалось, несмотря на то, что город существует с 1857 года. К городу хотя и приписываются купцы, но никто из них на месте не проживает. Мещане города образуются из купцов, не объявивших капиталы, и кроме того, по распоряжению губернского начальства причисляются в мещане ссыльные разных категорий, сосланные по суду в Сибирь на житье. Коренные же жители г. Верхоленска – все крестьяне, подведомственные волостному правлению, о переименовании которых в мещанское сословие производится в губернских присутственных местах особая переписка, о результатах которой в Верхоленском окружном полицейском управлении никаких положительных сведений нет» [9].

В «Списке населенных мест Иркутской губернии», составленном в 1878 г., значится город Верхоленск, в котором находились: окружное полицейское управление, Верхоленское волостное и сельское правления, а также почтовая станция, мужское и женское начальные училища, две деревянных церкви, три часовни, больница, богадельня, окружная тюрьма, семь торговых лавок, два оптовых склада вина, шесть питейных домов, одинакойренсковый погреб. По семейным спискам, составленным в 1874 г., в городе проживало 475 лиц мужского пола и 469 – женского [10].

В архивном фонде «Канцелярии иркутского генерал-губернатора» имеется дело «О возобновлении метеорологической станции в г. Верхоленске». В нем содержится переписка директора Главной физической обсерватории в г. С.-Петербурге и директора магнитно-метеорологической обсерватории в г. Иркутске с иркутским генерал-губернатором и гражданским губернатором, охватывающая период с 16 января по 30 октября 1887 г. Из нее следует, что действовавшая в г. Верхоленске метеорологическая станция прекратила свои наблюдения «за выездом наблюдателя». Иркутский губернатор предложил верхоленскому окружному исправнику найти наблюдателя хотя бы из числа проживающих в Верхоленске административно-ссыльных. В ответ на это исправник представил губернатору отзыв административно-ссыльного Василия Георгиевского, который согласился принять на себя производство наблюдений. При этом В. Георгиевский просил назначить ему «возможное вознаграждение», а также снабдить, в числе других необходимых инструментов, хорошими часами, без которых невозможна точность наблюдения. Иркутский губернатор полагал, что размер вознаграждения мог быть определен в 180 руб. в год, т. е. такой же, как был определен прежнему наблюдателю. Это мнение было изложено в записке, адресованной Председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибири. Решился ли вопрос в положительном смысле, неизвестно, так как в деле отсутствует документ с окончательным решением [11].

По состоянию на 1888 г. к городу было причислено 149 купцов, столько же мещан из ссыльных, 107 мещан из купцов и других сословий [12].

Верхоленск был отдаленным и суровым местом изоляции политических ссыльных в царской России и имел своеобразное геополитическое положение. Через него проходил «великий водный путь ссылки», здесь встречались окончившие свой срок, возвращавшиеся в Европейскую Россию, и новые партии осужденных.

За революционную деятельность в 1895 г. в Сибирь был сослан один из первых пропагандистов марксизма в России Николай Евграфович Федосеев. Членом одного из революционных кружков Федосеева состоял В.И. Ленин. Ссылку Николай Евграфович отбывал в Верхоленске. На доме, где он жил, укреплена мемориальная доска [13].

1 июля 1900 г. в Верхоленске было учреждено уездное казначейство. Иркутским отделением Государственного банка на казначейство возлагались следующие банковские операции: покупка и продажа 4-процентной государственной ренты, оплата купонов и тиражных процентных бумаг, прием сумм для перевода почтой и по телеграфу в другие казначей-

Обелиск на могиле Н.Е. Федосеева. Верхоленск, 1960 г. ГАИО, фотофонд, книга 2 (ЧБП), ед. хр. 617

ства и учреждения Государственного банка, оплата переводов, поступивших из других казначейств и учреждений Госбанка, оплата ассигновок горных управлений, размен денег.

Уже 6 июля 1900 г. старший ревизор Иркутской контрольной палаты Н.И. Шишмарев в присутствии уездных исправника и казначея произвел «внезапное свидетельство» денежной кассы Верхоленского казначейства. В наличности оказалось: золотом – 29 930 руб., серебром банковым – 20 504 руб. 75 коп., разменным – 4 150 руб., медной монетой – 838 руб. 11 коп., кредитными билетами – 7 321 руб. Всего в наличности казначейства оказалось 76 743 руб. 86 коп. [14].

В 1901 г. в ссылку в Верхоленск прибыл Лев Давидович Троцкий (Бронштейн). С ним вместе находились жена и годовалая дочь. По списку политических ссыльных Иркутской губернии на 1 января 1901 г., преступников в Верхоленске значилось около 20, в том числе И.С. Антокольский, А.В. Гедеоновский, К.О. Коценский, А.М. Лежава, С.А. Плихтовский и др. Под номерами 59 и 60 в списке указаны: «Бронштейн Лейба Давидов, сын колониста, 23 лет, и Бронштейн Александра Львовна, 29 лет» [15].

В 1904 г. в Верхоленске имелись: городское трехклассное училище, одноклассное приходское мужское и женское училища, а бывшая школа грамоты за неимением собственного здания и средств на содержание с 1 июля 1904 г. закрыта. Кроме того, существовали: городская бесплатная читальня, библиотеки при соборе и при местном отделении Иркутского епархиального училищного совета, а также библиотеки в каждом учебном заведении. При городском училище были открыты народные праздничные чтения с волшебным фонарем.

Детей школьного возраста в Верхоленске обучалось до 100 мальчиков и 40 девочек. Как отмечалось в клировой ведомости Верхоленского Воскресенского собора, «в ближайших деревнях хотя и слабо, но функционируют так называемые домашние школы с учителями из ссыльного элемента. Местное отделение Иркутского епархиального училищного совета со своей стороны борется с этим злом и по возможности эти школы искореняет» [16].

В начале XX в. вновь встает вопрос об учреждении в г. Верхоленске городского управления.

25 июня 1908 г. верхоленский 2-й гильдии купец В.С. Купцов обратился к иркутскому генерал-губернатору от имени разночинцев г. Верхоленска с докладной запиской. В ней Купцов указывал на то, что по высочайшему повелению № 8 от 1908 г. г. Олёкминск Якутской области, находившийся с г. Верхоленском в равных условиях, «при благосклонном внимании высшего управления в крае», получил введение в нем общественного городского управления. Это послужило Купцову основанием для ходатайства о введении в г. Верхоленске упрощенного городского управления на началах городового положения 1892 г.

Ранее, в сентябре 1902 г., приговором разночинцев г. Верхоленска В.С. Купцов был избран уполномоченным для возбуждения ходатайства перед Иркутским губернским управлением. В приложенном к докладной записке приговоре говорилось:

«Мы, нижеподписавшиеся сословные жители города Верхоленска – почетные граждане, купеческое сословие и мещане с разрешения господина Верхоленского уездного исправника, собравшись в доме мещанина Широкобрюхова, в присутствии господина помощника исправника имели рассуждение по вопросу о положении города Верхоленска, находящегося без городского управления, о безземельном состоянии его и о стеснениях из этого истекающих для лиц городских сословий. На собрании этом выяснилось следующее:

Происхождение города или, так сказать, историческое начало его. По справкам из дел городского стола при уездном полицейском управлении видно, что в 1857 г. по журнальному постановлению Губернского Совета село Верхоленское названо городом Верхоленском. В 1895 году по Высочайшему повелению предписано учредить в городе Верхоленске Собор и при нем архиерейскую кафедру. В 1888 г. опять же по Высочайшему повелению последовало распоряжение о назначении в городе Верхоленске полицейского надзирателя и в 1888 году по предписанию Иркутского губернатора № 5189 назначены городовые. В 1876 году учреждена городская больница, каковая и содержится на городские средства. Позднее открыто Верхоленское, а в нынешнем году 3-х классное городское училище. На всех бумагах, картах и дорожниках Верхоленск именуется городом. Итак, по всем данным город Верхоленск, можно сказать, установлен в правах городского гражданства. Вследствие чего с открытием города стали возникать и городские сословия, а именно: некоторые местные жители перешли в купеческое звание, другие в мещане, кроме этого есть приписавшиеся купцы и мещане… всего в настоящее время по городским сведениям значится почетных граждан 5 человек, купеческого сословия 37 человек и мещан 549 человек, итого 591 человек мужского пола… Таким образом получилось, что есть город, есть городские сословия, но нет у этих людей земли… приобрести которую нужно обращаться к обществу крестьян Верхоленского участка, а эти последние, пользуясь… правом арендного положения, что хотят, то и просят с разночинца за землю… Такое безземельное положение ставит городские сословия в крайне тяжелые условия».

Учитывая вышеизложенное, собрание постановило войти с ходатайством к начальнику Иркутской губернии о введении в Верхоленске городового положения и о принятии мер к «ограждению земельного пользования разночинцами под домоустройство их».

На приговор разночинцев г. Верхоленска в ноябре того же года Иркутское губернское управление объявило, что «разрешению вопроса о введении в г. Верхоленске городового положения должен предшествовать вопрос о наделении г. Верхоленска усадебною и выгонною землею, но разрешение этого вопроса находится в зависимости от имеющих производиться в Верхоленском уезде поземельно-устроительных работ». Так вопрос о введении городового положения и остался с того времени «без движения».

Рассмотрев докладную записку В.С. Купцова, иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов признал ходатайство «заслуживающим уважения и дальнейшего в установленном порядке направления» и собственноручно наложил резолюцию: «Г-ну Иркутскому губернатору – надо этому делу дать ход. 1 июля 1908 г.».

Однако и на сей раз вопрос о введении в г. Верхоленске городского управления был отложен, как было объявлено Купцову 5 августа 1909 г., «до предстоящего в недалеком будущем поземельного устройства проживающих в городе крестьян» [17].

30 ноября 1910 г. иркутский генерал-губернатор обратился с запиской к министру юстиции. В ней говорилось, что находящаяся в г. Верхоленске волостная тюрьма была построена около 50 лет назад и могла вместить до 20 арестантов. Но к настоящему времени «она пришла в совершенную ветхость и стала непригодна для содержания в ней более или менее важных арестантов», а число пересыльных арестантов только по Верхоленску за пятилетие с 1905 по 1910 г. доходит до 700 человек в год. В конце записки генерал-губернатор ходатайствовал об ассигновании кредита на постройку новой тюрьмы в Верхоленске. Однако ответа на означенное ходатайство не последовало [18].

В 1911 г. епископ Киренский преосвященный Иоанн совершил ревизионную поездку по Иркутской епархии. В своем отчете он писал:

«В приходе Верхоленского собора православного населения считается 4 295 человек обоего пола; в состав населения входят крестьяне, чиновники и купцы. Крестьяне, по словам настоятеля, отличаются холодностью к вере, богослужение посещают не часто, за всенощной почти совсем не бывают, долг исповеди и св. причастия исполняют неисправно. По-видимому, в этом сказывается освободительное движение, которое в Верхоленске хотя и улеглось, но оставило такие нежелательные последствия… Впрочем, в мое посещение и за всенощной и за литургией было достаточно молящихся. Хором певчих, набранных из учащихся в городском училище, управлял псаломщик Письменный. Певчие поют довольно удовлетворительно…

По окончании литургии я посетил школы, коих в Верхоленском приходе шесть; в них обучается 267 человек. Собственно в городе три училища: 1) городское смешанное четырехклассное училище, в коем обучается 69 человек обоего пола; 2) женское одноклассное министерское (находящееся в ведомстве министерства народного просвещения) училище с 38 учащимися и 3) мужское одноклассное училище с 64 учащимися… В женском училище обучает дочь священника Вознесенского. Школа отличается церковным настроением, так как учительница получила образование в духовном училище. Учащиеся отвечали удовлетворительно. Младшее отделение уже читает. В мужском одноклассном училище ученики отвечали по Закону Божию удовлетворительно. Обучающиеся первый год читают хорошо, дети выглядят веселыми; учитель, видимо, отличается мягким, добрым сердцем. Школа вполне удовлетворительная. Затем я ездил в подгородную Слободу и посетил находящуюся здесь церковно-приходскую школу. Обучает учительница. Здесь также ученики отвечали в старшем и среднем отделении удовлетворительно, а в младшем уже читают. По обозрении школ посетил местного благотворителя, при помощи коего устроены в городе новый храм, больница и училище. Благотворителю Стефану Евдокимовичу 80 лет от роду. Он был рад посещению моему. Я благословил его иконой Святителя и Евангелием.

В городе, кроме нового каменного собора, есть еще два старых деревянных храма, из коих одному уже 200 лет. Ни в том, ни в другом не служат. В этих храмах есть старинные иконы и крест, есть антиминс, освященный Святителем Софронием» [19].

13 ноября 1914 г. верхоленский уездный исправник представил иркутскому губернатору сведения о состоянии Верхоленского уезда и Верхоленска. Он доносил, что население города насчитывает 1 280 душ обоего пола, расположен на правом берегу р. Лены и через него проходит Иркутско-Якутский почтовый тракт. Торговля в Верхоленске не развита, и торговый годовой оборот его самый незначительный. Ежегодно с 12 по 20 мая здесь бывает ярмарка, оборот которой также крайне незначителен. Фабрик и заводов в районе города нет, и вообще промышленность здесь не развита. Кредитные нужды населения обслуживаются одним кредитным товариществом, действия которого распространяются на прилегающую к городу Верхоленскую волость. Газет в городе не издается. Из учебных заведений имеются высшее начальное, женское и

мужское одноклассные училища. Также имеется общественное собрание. Типографий, увеселительных заведений, гостиниц, меблированных комнат, ресторанов, трактирных заведений и постоялых дворов нет. Мостовых нет и телефонное сообщение отсутствует. Также сообщалось, что ходатайство о введении в городе упрощенного городского управления было повторено в 1910 г., но «вопрос по этому делу остается до сего времени открытым, и все городское делопроизводство по-прежнему сосредоточено в местном уездном полицейском управлении» [20].

19 июня 1915 г. на Верхоленское уездное казначейство было произведено разбойное нападение. Управляющий Иркутской контрольной палатой в своем донесении в Государственный банк писал, что злоумышленники ранили казначея и старшего бухгалтера, убили трех присяжных и трех городовых и, похитив 155 067 руб. 57 коп., скрылись.

Во время преследования грабители в числе десяти человек были убиты, а один, хотя и раненый, скрылся. При убитых найдены похищенные из казначейства деньги – 144 714 руб. Остальная же сумма, видимо, осталась у сбежавшего [21].

В «Справочнике по г. Иркутску и Иркутской губернии на 1915 год» в числе учреждений г. Верхоленска городское (общественное) управление не упоминается. Отметим, что в отличие от Верхоленска таковые учреждения существовали в уездных городах – Балаганске, Киренске и Нижнеудинске [22].

В начале 1919 г. в г. Верхоленске были следующие учебные заведения: мужское одноклассное училище, открытое в 1857 г., в котором преподавало два учителя и обучалось 76 учеников; женское начальное училище, открытое в 1888 г., в котором преподавало два учителя и обучалось 64 ученицы, и Куницынское одноклассное сельское училище, открытое в 1913 г., с одним преподавателем, в котором обучалось 17 мальчиков и 9 девочек [23].

В феврале 1919 г. Верхоленское земское уездное собрание на своей сессии постановило ходатайствовать перед уполномоченным Министерства народного просвещения в г. Иркутске об открытии в г. Верхоленске смешанной гимназии. Для этого собранием была ассигнована необходимая сумма денег. Много пожертвований поступило от кооперативов, культурно-просветительных организаций и частных лиц. Ходатайство было удовлетворено, и на должность директора вновь открываемой гимназии был избран Бетонов Григорий Фомич [24].

В декабре 1919 г. Верхоленский уезд был освобожден от белогвардейских войск. С 1 по 19 февраля 1920 г. в Верхоленске прошел уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, на котором был избран уездный исполнительный комитет, 28 февраля реорганизованный в ревком. В тот период ревком состоял из следующих отделов: управления, административного, финансового, продовольственного, призрения, народного образования, здравоохранения, гоньбового и дорожного, страхового и статистического, земельного и лесного, труда и промышленности. Кроме того, в этот период работал городской ревком, состоявший из общего отдела [25].

В 1921 г. в г. Верхоленске имелась лечебница для содержания 30 стационарных больных. В ее штате были: врач, три фельдшера, акушерка, четыре сестры милосердия, два оспопрививателя, 17 санитаров и служителей. Также имелся детский сад, который посещало 50 детей.

Среди культурно-просветительных учреждений выделим народный дом, библиотеку, музей, клуб комсомола, клуб «Советский уголок» [26].

21 декабря 1921 г. состоялось заседание комиссии по организации Верхоленского педагогического техникума, на котором было решено назначить временным заведующим техникумом М.П. Черепанова. В техникум принимались учащиеся третьих и четвертых классов школ 2-й ступени на первый и второй курсы соответственно [27].

В 1924 г. центр Верхоленского уезда перенесен в с. Качуг (утверждено ВЦИК 3 апреля 1924 г.).

Постановлением ВЦИК от 6 июня 1925 г. город Верхоленск преобразован в село и вошел в состав Качугской районной волости [28].

28 июня 1926 г. Постановлением ВЦИК Иркутская губерния была упразднена и на ее территории образованы округа. В Иркутский округ вошел Качугский район с центром в с. Качуг. Село Верхоленск вошло в состав Качугского района [29].

5 июня 1941 г. состоялось заседание исполнительного комитета Верхоленского сельского Совета депутатов трудящихся. Было заслушано сообщение председателя сельисполкома С.А. Толмачёва. Он сообщил, что дом, занимаемый конторой Лензолотофлота, раньше был домом кулака Нечаева. При раскулачивании его дом перешел в распоряжение сельсовета, а затем во временное пользование конторе Лензолотофлота. Дом кулака Тюменцева также был передан Лензолотофлоту под мастерскую.

На заседании постановили: по случаю ликвидации пристани в Верхоленске дома, занимаемые конторой и мастерской Лензолотофлота, передать Верхоленской неполной средней школе и школе-интернату [30].

Заслуженный учитель РСФСР, почетный житель села Верхоленск, директор Верхоленской средней школы И.Г. Шеметов на празднике 350-летия Верхоленска. 1991 г. ГАИО, фотофонд, книга 2 (ЧБП), ед. хр. 5519

В 1944/1945 учебном году в Верхоленской неполной средней школе, находящейся в с. Верхоленск по ул. Большой, имелось восемь классов и обучалось: в первую смену – 136 человек и во вторую – 99 [31].

По состоянию на 1 января 1966 г. в с. Верхоленск было 202 наличных хозяйства и проживало 859 человек; по состоянию на 1 января 1980 г. – 233 наличных хозяйства и проживало 643 человека; по состоянию на 1 января 1988 г. – 242 наличных хозяйства и проживало 705 человек [32].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Красноштанов Г. Когда был построен Верхоленский острожек // Земля Иркутская. 2004. № 1 (24). С. 22–25.

2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 609. Оп. 1. Д. 47. Л. 20–21.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1775. Т. XX. С. 24.

4. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12235. Л. 2; Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX века. М., 2000. С. 220.

5. ГАИО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 31. Л. 3.

6. ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 15. Карт. 1. Л. 24, 131, 227.

7. ГАИО. Ф. 161. Оп. 2. Д. 234. Л. 4–4 об.

8. ГАИО. Ф. 32. Оп. 3. Д. 10. Л. 200–201 об.

9. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 179. Л. 279–279 об.

10. ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6. Л. 303–304.

11. ГАИО. Ф. 25. Оп. 12. Д. 29. Карт. 1084. Л. 1–12.
12. ГАИО. Ф. 161. Оп. 2. Д. 234. Л. 27–38.
13. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4544. Л. 1, 7, 8, 13.
14. ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 16. Л. 9, 30, 38.
15. ГАИО. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1511. Л. 9–39.
16. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12235. Л. 2, 230.
17. ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 2081. Карт. 957. Л. 7–12, 24–25.
18. ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 3703. Карт. 534. Л. 16–17, 27.
19. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13978. Л. 11–13.
20. ГАИО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 31. Л. 3–3 об.
21. ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 115. Л. 3, 10, 15.
22. Справочник по г. Иркутску и Иркутской губернии на 1915 год. Иркутск, 1915. С. 86–94.
23. ГАИО. Ф. р-115. Оп. 1. Д. 145. Л. 59–60.
24. ГАИО. Ф. р-115. Оп. 1. Д. 161. Л. 2, 13.
25. ГАИО. Ф. р-42. Оп. 1. Д. 470. Л. 3, 6–8.
26. ГАИО. Ф. р-332. Оп. 1. Д. 9. Л. 23, 25.
27. ГАИО. Ф. р-155. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
28. Административно-территориальное деление Сибири: (Справочник). Новосибирск, 1966. С. 155.
29. Государственный архив Иркутской области: Путеводитель. Иркутск, 1975. С. 230.
30. ГАИО. Ф. р-3232. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.
31. ГАИО. Ф. р-2998. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–12 об.
32. ГАИО. Ф. р-2679. Оп. 7. Д. 98. Л. 33; Д. 111. Л. 42; Д. 141. Л. 40.

Р.В. Попова

ИЗ ИСТОРИИ ПОСЕЛКА МИШЕЛЁВКА И ХАЙТИНСКОГО ФАРФОРОВОГО ЗАВОДА

Основание фарфоро-фаянсовой фабрики

Появление поселения на р. Хайте недалеко от места ее впадения в Белую связано с богатым месторождением белой глины – каолина, который является основным сырьем для изготовления фарфора.

Залежи белой глины находились в местности Голубишник неподалеку от с. Узкий Луг. Добыча каолина началась здесь в конце XVIII в. Летом глину сплавляли на карбазах по Белой и Ангаре на Николаевский железоделательный завод, зимой возили гужом на Тельминский и Тальцинский стекольные заводы [1].

В 1850-е гг. добычей и поставкой белой глины занимался крестьянин с. Узкий Луг Данила Васильевич Перевалов, он поставлял ее и на существовавшую с 1862 г. на речке Ушаковке в Иркутске фаянсовую фабрику купца П.П. Сыропятова.

В 1865 г. Перевалов построил на левом берегу Хайты при впадении в Белую пятипоставную деревянную трехэтажную крупчаточную мельницу, перегородив речку плотиной[1]. Мельница удобно располагалась в пяти верстах от Хайтинского и Узколугского селений и приносила доход [2].

Накопив капитал, Д.В. Перевалов приобрел в фаянсовой фабрике Сыропятова свою долю, а впоследствии братья Переваловы купили ее полностью (в это время в дело вошел брат Данилы – Филипп). Вынашивая идею о переносе фабрики к месту добычи основного сырья, Переваловы подготовили для этого почву.

В августе 1867 г. Д.В. Перевалов заключил договор с узколугскими крестьянами, по которому обязался добиться передачи земли на правом берегу р. Хайты из казенной оброчной статьи Узколугскому сельскому обществу с условием, чтобы в будущем арендовать этот земельный участок под строительство фабрики. Обязательства обеих сторон были выполнены. Земля была предоставлена Д.В. Перевалову в бесплатное арендное содержание сроком на 50 лет как вознаграждение за понесенные издержки и труды с правом содержать на ней фарфоровый и фаянсовый завод. Затем по общественному приговору узколугских крестьян от 15 декабря 1867 г. братьям Переваловым была передана в оброчное содержание разработка и добыча белой глины сроком на 40 лет, «считая срок этот с 29 мая 1862 года» (фактически с этого времени добыча глины находилась в руках Переваловых). За разработку глины Переваловы обязывались платить узколугским крестьянам по 15 руб. в год начиная с 1868 г. [3].

Одновременно Переваловы организовали работы по созданию высококачественной фарфоровой массы. Для этого к 1867 г. на правом берегу Хайты были выстроены гончарная мастерская и одноэтажная фаянсовая мастерская [4]. Сюда для работы были приглашены из Центральной России первые рабочие в количестве трех человек, которые приехали в конце 1867 г. (приложение 1). В 1867 г. в мастерской Переваловых работало уже 15 человек (приложение 2).

В 1868 г. мастерская имела точильную и маленький горн, где производились постоянные опыты по составлению оптимальной фарфоровой массы. В конце 1868 г. в Европейскую Россию выехал Ф.В. Перевалов с готовой фарфоровой массой, из которой на фарфоровом заводе мастер изготовил тонкостенную чашку с просвечиваемым черепком. Убедившись в высоком качестве созданной на местном сырье фарфоровой

[1] По воспоминаниям старожилов, русло Хайты было изменено: раньше перед впадением ее в Белую она протекала там, где ныне начинается ул. Гайдара.

массы, которое подтвердили специалисты в центре России, братья Переваловы поставили дело на широкую ногу [5].

В начале 1869 г. Ф.В. Перевалов заключил контракты с российскими мастерами, работавшими на Дулевском, Дмитровском, гжельских фарфоровых заводах, которые обязались трудиться на фарфоровом заводе братьев Переваловых в течение трех лет. 20 июля 1869 г. к устью р. Хайты прибыло 14 человек, среди них были токари, расписчики по фарфору и один живописец [6].

На правом берегу Хайты было поставлено несколько деревянных производственных зданий. Среди них была толчея для дробления сырых материалов с помощью устроенного водяного колеса. «Против плотины поставили деревянное здание, в которое поместили 14 токарных круглых станков и маленькую муфельную печь для утильной посуды. Отдельно соорудили горновой сарай с горном, деревянное здание под расписную с двумя обжигательными печами, здание мастерской для производства столярных и плотничных изделий, кузницу с горном» [7]. Здесь же был устроен небольшой кирпичеделательный завод, который представлял собой теплый сарай для производства огнеупорных кирпичей.

В 1869 г. на фарфоровом производстве было занято 30 человек, которые поставили выпуск фарфоровых изделий на поток. 28 рабочих трудились во вспомогательных производствах, в том числе пять человек занимались выработкой огнеупорного кирпича (приложение 2).

В октябре 1869 г. огнеупорный кирпич и фарфоровые изделия экспонировались на Иркутской губернской выставке. За хорошее качество экспонатов братьев Переваловых наградили похвальным листом [8].

Таким образом, 1869 год можно считать годом пуска фабрики. Соединение нескольких естественно-географических факторов с хозяйственной сметливостью и капиталом Переваловых обеспечило благоприятное развитие этой отрасли промышленности в данном месте. Основное сырье – каолин – находилось рядом, в трех-четырех верстах; древесное топливо заготавливалось крестьянами соседних деревень в двух-десяти верстах и сплавлялось по реке; расположение фабрики на реке позволило использовать в технологическом процессе водную энергию; торговый центр для сбыта продукции был расположен в 120 верстах.

По предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири в 1876 г. горный инженер статский советник Кокшаров произвел проверку подземных работ при добыче глины для фарфоро-фаянсовой фабрики купцов братьев Переваловых и, отметив «безобразности в ведении таковых без всякой системы», сделал наставления о правильном и безопасном ведении работ: «вести работы по добыванию глины поверхностные, а отнюдь не внутренние… начать работы не ямами, а правильными разрезами, и лишь для разведки месторождения работать шурфами и не иначе, как шурф крепить», взяв у Перевалова подписку «в непременном исполнении онаго» [9].

По материалам ГАИО, к 1878 г. на предприятии, которое в списке фабрик и заводов Иркутской губернии именовалось как «Фарфоровая фабрика и при ней хрусталеделательный завод братьев купцов Переваловых», работало 123 мастеровых, служащих и рабочих [10]. По материалам музея Хайтинского завода (к сожалению, источник не указан), общее количество рабочих составляло 134 человека, в том числе на фарфоровом производстве 109 человек (приложение 2). Разница в цифрах связана, вероятно, с разным подсчетом числа вспомогательных рабочих.

После гибели Данилы Перевалова в 1877 г. фабрика стала принадлежать товариществу «Торговый дом Филиппа и Ивана Переваловых» (дядя и племянник), которые в это время являлись иркутскими 2-й гильдии купцами. А в 1880 г. единственным владельцем ее стал Иван Данилович Перевалов [11]. При нем фабрика расширилась,

производство было переведено на паровые машины, а изделия фабрики получили известность как знаменитый «переваловский фарфор». В 1886 г. И.Д. Перевалов приобрел еще одну фарфоровую фабрику – на р. Еловке в Усть-Балейской волости [12].

По воспоминаниям старожилов, купец пользовался уважением среди местного населения и рабочих, давал кредиты на покупку коровы, дома. Крестьяне Хайтинского селения поручили ему составление и хранение общественного капитала. Этот факт говорит о полном доверии к нему крестьян [13].

Приведем выписку о состоянии Переваловской фабрики из акта ее осмотра в гигиеническом отношении за 1889 г. Фабрика в это время помещалась в деревянных зданиях, которые отапливались дровами, и состояла из 12 рабочих отделений, в которых находилось 30 токарных станков. Машины приводились в движение при помощи водяных приводов. На фабрике работало 252 человека, 60 из них проживало в 12 жилых помещениях, находившихся отдельно от фабричных корпусов, а остальные жили в своих собственных домах, «где найдена чистота и воздух удовлетворительный, одежда на рабочих порядочная, дети и беременные женщины на работу не употребляются, работа на фабрике производится 10 часов в сутки, рабочие заразительных и прилипчивых болезней не имеют» [14].

В 1894 г. И.Д. Перевалов установил на фабрике два паровых локомобиля фирмы «Генрих Ланц», которые были изготовлены в Германии [15]. С этого времени впервые в истории развития фарфоро-фаянсового производства в Сибири токарные станки для точки посуды стали вращаться с помощью машины. За счет этого производительность фабрики увеличилась в два раза. В годы Первой мировой войны в токарный цех была поставлена 45-сильная паровая машина [16]. В 1890–1910 гг. количество рабочих на фабрике колебалось от 300 до 400 человек [17], а в 1915 г. число рабочих и служащих составило 526 человек [18].

В 1897 г. И.Д. Перевалов с целью увеличения активов предприятия решил создать акционерное общество. 3 июля 1898 г. был высочайше утвержден устав акционерного общества под названием «Сибирское товарищество по производству фарфоро-фаянсовых, хрустальных и гончарных изделий И.Д. Перевалова». 7 октября 1898 г. было объявлено о подписке на акции в Сибирском торговом банке. На поиски акционеров ушло пять лет. 1 августа 1903 г. было учреждено полное товарищество под фирмой «Фабрично-торговое товарищество Перевалова, Щелкунова, Метелевых и К°» на равных правах обеих сторон. Директором-распорядителем товарищества был избран И.Д. Перевалов [19].

25 августа 1907 г. И.Д. Перевалов был убит при невыясненных обстоятельствах по дороге домой от железнодорожной станции Половина. От семьи Переваловых представителем в товариществе стал его сын, Владимир Иванович Перевалов. В 1910 г. фабрика перешла в полное владение Торгового дома «Щелкунов и Метелев». Под этой фирмой она просуществовала до 1917 г. (с августа 1913 г. фабрикой управлял иркутский купец Ефим Иванович Метелев). В 1917 г. предприятие перешло в ведение ЗАКУПСБЫТА и продолжало работу около года. С 1918 г. фабрика была передана Центросоюзу, в 1920 г. национализирована и получила новое название «Первая Сибирская Государственная фарфоро-фаянсовая фабрика «Сибфарфор»» [20].

Первоначально на фабрике Переваловых вырабатывался только хозяйственный фарфор. Постепенно ассортимент продукции расширился, и к началу XX в. фабрика выпускала хозяйственный фарфор и фаянс: посуду для всех слоев населения начиная от простой крестьянской до роскошных столовых и чайных сервизов, чернильные приборы, подсвечники, папиросницы; художественный фарфор: мелкую скульптуру, детские игрушки, пасхальные сувениры, вазы; санитарный и строительный фаянс: аптечную посуду, судна, горшки, плитки облицовочные; технический фарфор: электроустановочный и электроизоляторы.

Объемы производства в начале XX в. по сравнению с первоначальными также сильно возросли: за 1869–1873 гг. было выпущено продукции на 15 тыс. руб., за 1874–1879 гг. оборот увеличился до 85 тыс. в год. В 1896 г. выпущено 2 600 тыс. изделий на сумму 431 тыс. руб. В 1913 г. выпуск достиг 5 млн изделий [21].

Хайтинский фарфор пользовался большим спросом, рынок его сбыта охватывал огромную территорию Восточной и Западной Сибири, а также Забайкалье и Амурский край.

Переваловский фарфор славился редкими свойствами: белизной и просвечиваемостью черепка; его качество подтверждено многими наградами на различных выставках. О первом похвальном листе за качество изделий на Иркутской губернской выставке 1869 г. уже упоминалось. В 1873 г. Переваловы за производство фарфоро-фаянсовой посуды были награждены серебряной медалью Иркутской Всероссийской выставки «За полезное». В 1874 г. на промышленной выставке в г. Екатеринбурге награждены второй медалью «За трудолюбие и искусство». В 1896 г. переваловская продукция на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде была награждена серебряной медалью «За хорошее качество изделий при значительных для Сибири размерах производства». А самую высокую награду – золотую медаль – переваловский фарфор получил в 1906 г. на выставке в Антверпене.

Основание поселения

По воспоминаниям старожилов, на правом берегу Белой около устья Хайтинки, где позднее образовался выселок Хохловка, существовала Монастырская пустынь, где в уединении жила дворянка Курдюкова. С какого времени существовала пустынь, не установлено. Архивных подтверждений этого факта пока не обнаружено. Но именно это место связывают с постройкой здесь в 1866 г. первой часовни [22].

По данным Ю.С. Душкина и воспоминаниям старожилов, первый дом на месте будущего выселка Мишелёвка на левом берегу Хайты был построен в 1866 г. иркутским мещанином Николаем Андреевичем Мишелем, который приехал в 1865 г. из Тельминского селения с женой Пелагеей Андреевной и сыном Алексеем и работал у Переваловых на мельнице. Затем перешел на фабрику и работал каменщиком, печником. Сын его, Алексей Николаевич, проработал на фабрике 38 лет расписчиком [23]. Фамилия Мишель постепенно в разговорной речи людей трансформировалась в русскую форму Мишелёв.

Как отмечалось, в конце 1867 г. к устью Хайты приехали приглашенные из Центральной России первые рабочие в количестве трех человек. Это были бывшие крестьяне Московской губернии, ранее работавшие на знаменитых гжельских фарфоровых заводах: точильщик Василий Терентьевич Барабанов, вышедший из крестьян Вороновой деревни Карповской волости Богородского уезда, токарь по фарфору Петр Семенович Еремин, из крестьян Анциферовой деревни Гжельской волости Бронницкого уезда, и расписчик по фарфору Иван Никитович Логачёв, из крестьян д. Турыгино этой же волости. Все они приехали с семьями [24]. Первоначально для семей мастера, служащих и одиноких рабочих заводчики построили два жилых деревянных дома вблизи от производственных построек. Семьи прибывших мастеровых снимали также покои в домах крестьян Нижне-Булайской деревни, находившейся на левом берегу р. Белой [25].

В 1868 г. один из прибывших, точильщик по фарфору В.Т. Барабанов, поставил рядом с домом Мишеля второй домишко. Так возникло поселение на левом берегу Хайты, которое по первому поселенцу получило название Мишелёвка.

В 1867 г. появился первый дом на правом берегу Белой. По некоторым воспоминаниям, его поставил выходец с Украины, поселенец Илья Петрович Олейников, приехавший сюда с семьей после отбытия каторжных работ на Иркутском солеваренном заводе [26], по другим данным, первым насельником был поселенец Царенко, также

украинец [27]. В Сибири украинцев называли хохлами, отсюда название поселения, протянувшегося вдоль Белой, – Хохловка. Земля между Белой и Хайтинкой, на которой появились первые постройки, находилась в ведении Хайтинского сельского общества, и каждый застройщик оформлял на нее аренду [28].

Таким образом, будущий фабричный поселок Мишелёвка сложился из двух выселков: Мишелёвки и Хохловки, протянувшихся двумя рукавами вдоль рек Хайты и Белой. Поселение своим основанием обязано фарфоро-фаянсовой фабрике Переваловых.

Через 20 лет, в 1889 г., из 252 рабочих фабрики 192 человека жили в собственных домах [29], которые располагались на левом берегу Хайты и правом берегу Белой. В 1890 г. в поселке при фабрике насчитывалось 40 домов [30]. Следовательно, если эти статистические данные верны, из каждой семьи в среднем пять человек работало на фабрике, т. е. в поселке жили потомственные семьи рабочих.

В 1897 г. поселение, находившееся на противоположном от фабрики берегу Хайты, именовалось выселком и носило название Мишелёвка [31]. О выселке Хохловка в документах не упоминается.

Только в 1899 г. был решен вопрос об образовании «из жителей выселка «Мишелевка», образовавшегося при фарфоро-фаянсовой фабрике купца Перевалова на землях пользования Хайтинского селения Бельской волости Балаганского уезда, сельского общества» [32].

В это время в выселке значилось 89 домохозяев (приложение 3). Следовательно, за девять лет количество домов в поселении увеличилось более чем в два раза. Но сельское общество было разрешено образовать только из 57 домохозяев, переселившихся сюда до 1892 г., согласно действовавшим тогда Правилам о добровольном переселении крестьян и мещан на казенные земли. Остальные домохозяева, переселившиеся сюда после 1892 г., могли быть причислены к обществу лишь в порядке статей 133 и 142 Общего положения о крестьянах. В конечном счете с 1 января 1900 г. Мишелёвское сельское общество было образовано из 48 хозяев, в него не вошли отказавшиеся перечисляться (т. е. те, кто не хотел терять связь со своей прежней родиной и намеревался туда вернуться) и не имевшие документов [33].

Большинство домохозяев Мишелёвского сельского общества на начало XX в. были выходцами из крестьян и поселенцев разных губерний, почти пятую часть составляли бывшие мещане [34].

Таким образом, 1866 год – год постройки первого дома Н.А. Мишелем – можно считать датой основания поселения. Официальный статус Мишелёвского сельского общества выселок получил с 1 января 1900 г.

Точная дата открытия церкви в поселке при фабрике не установлена. Местные краеведы считают, что первоначально в 1866 г. здесь на месте бывшего Монастырского скита появилась часовня, которая была приписана к Узколугской Троицкой церкви [35]. По данным И.В. Калининой, в 1897 г. в поселке при фабрике был освящен храм во имя Николая Чудотворца, перестроенный из общественного здания [36], который до настоящего времени не сохранился. Главной достопримечательностью церкви был фарфоровый иконостас, изготовленный на фабрике (второй фарфоровый иконостас был изготовлен на фабрике для церкви Сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой в Иркутске, попечителем которого являлся И.Д. Перевалов).

Обнаружены архивные данные о существовании при фабрике церкви более ранней датировки. Так, в инвентаризационной описи имущества фабрики «Сибфарфор» на 1 октября 1925 г. среди негодного имущества значится «здание старой церкви» (91% изношенности), которое датируется 1874 г. Приведем его описание: «здание… одноэтажное, бревенчатое из 6-ти вершковых бревен, крыша тесовая, капитальных стен длинн. одна, поперечных – три, окна и двери простой работы, отопление обык-

новенными печами, размером 19,6 х 15,2 х 3,40 кб. мтр.» [37]. Вероятно, это и есть здание первоначальной церкви поселка, которая была построена вслед за часовней. Название училища, которое было открыто при фабрике в 1878 г., – Св. Николае-Иннокентьевское приходское, свидетельствует о существовании в то время церкви с таким же названием.

В 1920-е гг. было построено еще одно здание Свято-Никольской церкви, которую закрыли в 1930 г., позднее постройку разобрали, бревна использовали для строительства спортзала, а затем магазина.

Училище при фабрике было открыто 9 июля 1878 г. на средства владельцев. По обязательству они на семь лет предоставляли помещение для училища (не менее 20 учащихся) и квартиру учителю и обязались платить жалованье учителю и законоучителю, служителю и сторожу, а также выделять деньги на канцелярские расходы, учебные книги и пособия, отопление и освещение. Вначале эти обязательства выполнял Филипп Перевалов, являясь также почетным блюстителем училища, а с 1881 г. новый владелец фабрики – Иван Данилович Перевалов, который оставил за собою право и после того срока, если позволят средства, содержать училище и при этом изложил свою позицию: «…желая распространения в народе грамотности, не оставлю заботиться, чтобы кроме детей мастеровых и рабочих фабрики посылали детей в содержимое мною Св. Николае-Иннокентьевское приходское училище и крестьяне ближайшего Булайского селения из-за реки Белой левого берега» [38].

Первое здание, где помещалось училище, не установлено. По краеведческим данным, одно время училище располагалось в доме по нынешней улице Ленина, 22 (построен в 1880 г.); по другим данным – это первый дом И.Д. Перевалова, школа там могла находиться только после 1892 г., когда Перевалов переехал в свой новый дом с мезонином [39].

Кроме того, при фабрике были своя аптека, больница и музей [40]. Музей располагался на втором этаже здания фабричной конторы (ныне ул. Ленина, 8) и имел богатую коллекцию (судьба ее до настоящего времени не выяснена).

В 1904–1905 гг. на фабрике начали организовываться различные политические кружки. Этому способствовало наличие большого количества ссыльнопоселенцев. Осенью 1904 г. была основана подпольная группа РСДРП, которая состояла из пяти человек во главе с местным учителем двухклассного училища К.С. Владимирцевым [41]. Группа организовывала маевки, вела революционную пропаганду среди рабочих фабрики.

В 1920 г. на фабрике были организованы новые органы власти: ревком, организован воинскими частями 30-й дивизии Красной Армии, и фабрично-заводской комитет [42].

Строительство новых корпусов фабрики «Сибфарфор»

В 1920 г. фабрика была национализирована и до 1924 г. работала в старых цехах и на старом оборудовании. В 1924–1925 гг. на предприятии числилось 615 рабочих и 55 служащих [43]. Оборудование фабрики к этому времени устарело и физически, и морально и не соответствовало требованиям производства. Разбросанность цехов по территории, вызывающая необходимость транспортировки вручную полуфабрикатов на расстояние в пять верст, не позволяла рационализировать производство. Невозможность восстановления фабрики без привлечения огромных средств, а также большой непрекращающийся спрос на фарфоровые изделия обусловили необходимость постройки новых производственных корпусов [44].

В обосновании строительства новой фабрики (заседание президиума Сибкрайсовнархоза от 23 января 1925 г.) подчеркивалось, что «исключительно благоприятные условия развития Хайтинской фарфоровой фабрики, расположенной непосредственно в районе залегания высокосортного сырья и древесного топлива, легко доставляемого

по системе сплавных рек», позволяют обеспечить выпуск продукции по внеконкурентным низким ценам. Фабрика была признана предприятием краевого значения [45].

22 сентября 1923 г. на заседании Иркутского губсовнархоза было решено приступить к проектированию новой фабрики мощностью в 2 100 т фарфора в год (мощность старой – 900 т). Запланированная производительность фабрики должна была обеспечить приблизительно 60 % потребности Сибирского и сопредельных с ним рынков. На основании постановления Иркутского губисполкома от 17 мая 1924 г. отделу местного хозяйства было предложено начать строительство с постройки токарного цеха [46].

В основу проектирования токарного цеха были положены следующие требования: а) нахождение на территории фабрики, по возможности вблизи остальных цехов, дабы не осложнялся процесс производства; б) месторасположение цеха такое, чтобы в случае дальнейшего строительства фабрики остальные цеха могли бы пристраиваться к нему и стал возможным полный законченный процесс производства в одном здании при правильном расположении цехов по ходу процесса производства [47].

В 1925 г. президиум губисполкома утвердил дальнейшее строительство фабрики, и по разработанному к этому времени отделом местного хозяйства проекту, в этом же году приступили к строительству предгорнового, горнового, силового и сырьевого цехов. Проектные чертежи новой фабрики были разработаны инженерами Н.И. Бойковым (постройка зданий), Добкиным (оборудование), Н.А. Емельяновым (тоннельные печи). По этим чертежам под руководством Иркутского отдела местного хозяйства и в соответствии с составляемыми в процессе работ ориентировочными сметами шло дальнейшее строительство фабрики [48].

Из документов видно, что токарный цех начал возводиться в мае 1924 г., когда еще не существовало проекта всей фабрики. Возможно, что он был возведен как третий этаж над дореволюционным корпусом. В 1970–1980-е гг. в этом здании находилось заводоуправление, а токарный цех располагался на первом этаже.

Повторим, что автором проекта нового здания фабрики являлся известный иркутский архитектор Николай Иосифович Бойков (21 января 1873 г. – 2 января 1959 г.). Выпускник Императорского института гражданских инженеров начал свою деятельность в Иркутске в 1907 г. с должности младшего архитектора строительного отделения Иркутского губернского управления, позднее работал в должности губернского архитектора, в 1916 г. исполнял обязанности губернского инженера [49]. Наиболее известные его проекты: дом купца В.К. Бревнова на Почтамтской улице (С. Разина, 40), магазин Н.К. Бревнова на Пестеревской улице (Урицкого, 16), доходный дом Ф.В. фон Люде на углу Большой и Тихвинской (Сухэ-Батора, 18).

К середине 1920-х гг. у архитектора уже имелся опыт проектирования заводских зданий. В 1920–1925 гг. по его проекту в Иркутске был построен корпус кожевенного завода № 2 (бывший «Сибирмонгол»), а также проведена реконструкция зданий Иркутской ЦЭС и строительство пимокатной фабрики [50]; в дальнейшем (1926 г.) он также принимал участие в реконструкции пивоваренного завода Кузнецова в г. Иркутске [51].

Промышленная реконструкция фабрики неразрывно связана с именем инженера-теплотехника Николая Александровича Емельянова, который впервые в истории фарфоро-фаянсового производства ввел в технологический процесс тоннельные печи своей конструкции, которые дали возможность непрерывного (конвейерного) обжига фарфора. Тоннельные печи стали называть по фамилии их автора – «печи Емельянова». В длину печь достигала почти 100 м. Ее розжигу предшествовал длительный период. Первоначально для топлива использовали дрова, позднее – мазут.

В отчете о хозяйственной деятельности фабрики за 1926–1927 гг. описываются условия строительных работ, которые характеризуются как «чрезвычайно неблагоприятные. Совершенно отсутствовала смета на новостройку. Отсутствие высоко-

квалифицированной рабочей силы… плохое финансирование»; постоянным явлением были перебои в снабжении материалами из-за отсутствия их на рынке. Ненормальная обстановка сложилась с заказами на поставки оборудования. Вследствие этого «предполагаемый пуск новой фабрики в отчетном году не проведен» [52].

В отчете зафиксировано состояние строительства новой фабрики на этот период: здание токарного цеха вчерне закончено, дальнейшее оборудование производится по ходу работы; здание силовой также закончено вчерне, установлены два временных маломощных старых локомобиля; строительство зданий сырьевого, предгорнового, горнового и глазурного цехов закончено, в настоящее время они оборудуются. Кроется крышей корпус расписного, муфельного и укупорочного цехов и идет его отделка [53].

Состояние строительства новых производственных цехов на 1926 г. показано на схеме фабрики (илл. 1).

Одновременно со строительством производственных помещений шло строительство жилых домов фабрики. В 1926 г. начато и в 1927 г. закончено строительство двух четырехквартирных домов площадью 207 кв. м и двух трехквартирных домов площадью 192 кв. м, а также в 1927 г. было возведено здание детских яслей и заложены шесть двухквартирных домов площадью 417 кв. м. Возведенные дома были заселены в конце 1927 г. (ныне квартал Юбилейный – «жилдома») [54].

Обеспеченность рабочих фабрики «Сибфарфор» жильем на 1927 г. представлена в приложении 4. Заводоуправление в это время выделило 1 255 кв. м жилплощади для семей 48 рабочих и служащих, т. е. 8 % общего числа рабочих были обеспечены фабричной жилплощадью.

По специальному проекту в 1928 г. был возведен больничный комплекс фабрики «Сибфарфор».

Кроме этого были построены столярная, литейная, слесарная и кузнечная мастерская, склад готовых изделий, гараж, контора, столовая, материальный склад, водоподъемное здание, произведено переустройство плотины, построены мосты через Хайту и Белую, огорожена фабричная территория [55]. Здание живописного цеха было построено позднее, в 1937 г.

Частично для производственных и обслуживающих производство цехов были приспособлены старые здания и постройки Переваловской фабрики. До настоящего времени на территории фабрики сохранилось три здания дореволюционной постройки: трехэтажное, двухэтажное и одноэтажное (на илл. 1 они отмечены зеленым цветом). Опираясь на описи по инвентаризации имущества на 1 октября 1925 г., можно сказать, что трехэтажное кирпичное здание, где в последнее время находилось заводоуправление (3-й этаж), использовалось для русского горна и было возведено в 1900 г. при И.Д. Перевалове [56]. Третий этаж был надстроен позднее, вероятно, в советское время (до 1925 г.). Как отмечалось, возможно, он был возведен в 1924 г. для токарного цеха.

Двухэтажное кирпичное здание было построено в 1906 г. и использовалось в 1925 г. также для русского горна № 6 и № 7.

К описанию имущества фабрики 1925 г. не удалось привязать только одноэтажную из дикого камня постройку (с использованием кирпича на перемычки).

Для подготовки квалифицированных рабочих при фабрике в 1925 г. была организована школа фабзавуча, где готовились «новые квалифицированные рабочие тех специальностей, которые необходимы в первую очередь производству» [57].

Таким образом, Хайтинский фарфоровый завод, возникший на основе Переваловской фабрики, – одно из первых социалистических промышленных предприятий Иркутской области, корпуса которого были возведены по специальному проекту архитектора Н.И. Бойкова в 1924–1928 гг.

Во время Великой Отечественной войны в Мишелёвку был эвакуирован Ленинградский абразивный завод «Ильич». Цеха фарфорового завода были переоборудованы для выпуска оборонной продукции (изделия для обработки деталей для вооружения), рабочие-фарфористы прошли переподготовку для работы на абразивном заводе, и вплоть до 1954 г. завод назывался Хайтинским абразивным. И только в 1955 г. завод вновь переходит на изготовление фарфоровой посуды [58].

В 1959–1962 гг. была проведена реконструкция Хайтинского фарфорового завода с увеличением выпуска фарфоровых изделий. Вторая реконструкция и расширение завода произошли в 1972–1974 гг. В это время были построены новые живописно-сортировочный, массозаготовительный и упаковочный цеха со складом готовой продукции. К 1990 г. завод выпускал 25 млн штук изделий в год [59].

Хайтинский фарфоровый завод имел всесоюзное значение и был крупным градообразующим предприятием пос. Мишелёвка. К 100-летию предприятия, в 1969 г., за производственные успехи был награжден орденом «Знак Почета».

В послеперестроечное время на Хайтинском заводе, как и по всей стране, начались изменения, которые привели к развалу производства и полному закрытию предприятия.

В последние годы предпринимаются попытки восстановить производство хайтинского фарфора, уникального фарфора, который благодаря местному высококачественному сырью – глине и чистейшему байкальскому кварцу – отличался редкой чистотой и белизной массы, тонкостью и прозрачностью черепка. Жители поселка надеются на запуск завода и очень ждут этого.

Приложение 1

Источники формирования кадров на Хайтинской фарфоровой фабрике в дореволюционный период

Годы жизни	Фамилия, имя отчество	Профессия	Год приезда	Московская губ. (Гжель)	Владимирская губ.	Новгородская губ.	Рижская **губ.**	Тверская **губ.**	Иркутская **губ. (Тальцы)**	Императ. **фарфоровый завод**
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Барабанов Василий Терентьевич	гончар токарь	1867	+						
1841-1904	Логачев Иван Никитович	токарь	1867	+						
1846-1914	Еремин Петр Семенович	токарь	1867	+						
	Барсуков Иван Иванович	токарь	1869	+						
	Барсуков Александр Николаевич	токарь	1869	+						
1843-1871	Гущин Андрей Максимович	токарь	1869	+						
	Барсуков Яков Яковлевич	токарь	1869	+						
	Макаров Тимофей Степанович	художник	1869							+

1857-1913	Самохин Елесей Семенович		1872							
1837-1897	Титов Иннокентий Степанович	гончар токарь	1872						+	
1854	Березков Василий Сергеевич	распис-чик	1872						+	
	Авдеев Михаил		1872						+	
	Гущин Никита Андреевич	токарь	1872	+						
1850-1895	Барсуков Яков Александрович	токарь	1872	+						
1857-1907	Барсуков Тимофей Александрович	токарь	1872	+						
	Ермаков Евсей Александрович	токарь	1872	+						
	Окулин Иван Иванович	токарь	1872	+						
	Синицин Иван Ефимович	токарь	1872	+						
	Синицын Ефим Александрович	токарь	1872	+						
1849-1899	Дугин Илларион Иванович	токарь	1872	+						
	Дугина Наталья Гавриловна	расписчик	1872	+						
1832-1912	Чусов Федор Григорьевич	расписчик	1872	+						
	Синицина Дарья Васильевна	расписчик	1872	+						
1837-1904	Неворотов Федор Ильич	художник	1872	+						
1835-1883	Низовский Иннокентий Кузьмич									
1865-1902	Березков Сергей Афанасьевич		1873						+	
	Авдеев Ефим Михайлович									
	Титов Ефим Николаевич	Гончарн. мастер	1873						+	
	Титов Демьян Иннокентьевич	гончар	1873						+	
	Ильков Дмитрий Федорович	глазуров-щик	1873						+	
	Власов (Васов) Семен	скульптор	1873							+
1867	Халтурин Леонид		1876	+						

	Халтурин Иван Иванович	токарь	1876						+	
1842-1907	Пугачев Николай Ерофеевич	токарь	1877						+	
	Владимирцев Семен Васильевич	токарь	1877						+	
	Яковлев Филипп Иванович		1877	+						
1848-1926	Борисов Андрей Тимофеевич	скульптор	1878							+
	Трофимов Яков Иванович		1879	+						
	Трофимов Василий Максимович		1879	+						
	Морозов Дмитрий Михайлович	художник	1883			+				
	Яковлев Филипп Алексеевич	расписчик	1883			+				
	Кислов Георгий Трофимович	гл. фар. мастер	1889				+			
	Сивов Григорий Петрович	токарь	1890	+						
	Сивов Федор Сергеевич	токарь	1890	+						
	Анисимов Яков Семенович	токарь	1890	+						
	Широков Алексей Федорович	расписчик	1897			+				
	Широков Михаил Федорович		1897			+				
	Филиппов Дмитрий Михайлович		1897			+				
	Леонтьев Александр Иванович		1897							+
	Родионов Илларион Тимофеевич		1897					+		
	Михайлов Николай Иванович		1897					+		
	Кислов Михаил Трофимович	скульптор	1897		+					
	Карташев Василий Леонтьевич		1897		+					
	Янин Иван Герасимович		1897	+						

	Коженков Семен Иванович		1897	+						
	Першин Василий Захарович		1897	+						
	Берг Иван Яковлевич		1897				+			
1858-1905	Воробьев Семен		1897	+						
	Итого в XIX в.			30	2	5	2	2	10	4
	Мягков Павел Тимофеевич	расписчик, мастер	1905	+						
	Кошаровский Арсений Петрович		1905					+		
	Молодеженин Григорий Павлович		1905					+		
	Галькин Алексей Федорович		1905						+	
	Ширинкин Иван Иванович		1905	+						
	Марков Георгий Алексеевич		1905	+						
	Кочетков Павел Васильевич		1905	+						
	Видонов Алексей Захарович		1905					+		
	Грецов Николай Алексеевич		1905	+						
	Смирнов Георгий Михайлович		1905	+						
	Ефремов Алексей Андреевич		1905		+					
	Флеров Василий Александрович		1907					+		
	Вергелес Яким Никитович		1909							+
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Озеранский Улизорий Михайлович		1909							+
	Соколов Тит Семенович		1910	+						
	Храпов Максим Григорьевич		1910						+	
	Флеров Борис Александрович	скульптор	1910						+	
	Чернобыльский Степан Андреевич		1913							+

	Никитченко Василий Максимович		1913			+				
	Итого в XX в.			7	1	1	–	4	3	3
	Итого в XIX и XX вв.			37	3	6	2	6	13	7

Сост. по: Материалы музея Хайтинского фарфорового завода. Д. 6. Л. 1–7.

Приложение 2

Количество рабочих на Переваловской фабрике в дореволюционный период [60]

Цеха, профессии	**1867 г.**	**1869 г.**	**1875 г.**	**1878 г.**	**1880 г.**	**1890 г.**	**1899 г.**	**1913 г.**
Фарфоровое производство								
Токари	4	10	15	28	30	49	60	102
Скульпторы	–	–	2	4	5	6	7	6
Гончары	4	4	6	6	8	12	14	18
Расписчики	–	–	8	14	20	28	37	46
Муфельщики	–	2	3	4	5	6	7	7
Горновщики	2	6	13	18	20	27	31	40
Сортировщики	–	–	3	5	7	10	12	15
Глазуровщики	2	2	8	11	18	43	65	68
Приготовление массы	2	4	8	12	15	15	24	26
Купорное	1	2	7	7	10	12	19	22
Итого	15	30	73	109	138	208	276	350
Вспомога-тельные цеха								
Выработка огнеуп. кирпича	5	5	5	5	5	14	3	3
Машинная	2	2	4	4	6	7	9	13
Подеревочная	–	–	2	3	4	2	2	2
Строители	5	6	5	5	10	8	8	8
Прочие	15	15	15	18	33	13	15	30
Итого	27	28	31	25	58	44	37	56
Всего рабочих	42	58	104	134	196	252	313	406

Приложение 3

Именной список домохозяев выселка Мишелёвка Хайтинского сельского общества Бельской волости Балаганского уезда. 1899 г.

№№ п/п	Фамилия, имя, отчество, семья, социальное положение	С какого года проживает в с. Мишелёвка
1	Олейников Илья Петров, крестьянин из ссыльных Уриковской вол., с семьей (жена).	1869 г.
2	Логачев Иван Никитин, крестьянин Московской губ. Бронницкого уезда Запонорской вол., с семьей (сыновья Григорий и Никита, жена, две дочери).	1869 г.

3	Грошов Гавриил Филиппов, поселенец Бельской вол. Хайтинского участка, с семьей – жена и дочь. (зачеркнуто, см. № 5*).	1869 г.
4	Мишелев Алексей Николаев, иркутский мещанин, с семьей (сыновья Василий и Филипп, мать, жена, две дочери).	1870 г.
5	Грошов Семен Гаврилов, крестьянин Бельской вол. Хайтинского участка, с семьей (сыновья Григорий, Павел, Иоанн, жена и дочь).	1872 г.
6	Бирюзков Василий Сергеев, иркутский мещанин, с семьей (жена, дочь).	1872 г.
7	Еремин Афанасий Петров, крестьянин Московской губ. Бронницкого уезда Запонорской вол., с семьей (жена, дочь). (Документов нет*).	1873 г.
8	Владимирцев Семен Васильев, нарымский мещанин, с семьей (жена, две дочери).	1873 г.
9	Авдеев Ефим Михайлов, крестьянин Идинской вол. Буретского участка, с семьей (жена, три дочери).	1874 г.
10	Чусов Федор Федоров, иркутский мещанин, с семьей (жена и пять дочерей).	1875 г.
11	Олейников Иван Ильин, крестьянин Иркутского округа Уриковской вол., с семьей (жена и пять дочерей).	1875 г.
12	Орлов Иннокентий Николаев, крестьянин Усть-Удинской вол., с братом Константином и сыном Николаем (мать, жена, сестра).	1875 г.
13	Дугин Ларион Иванов крестьянин Бронницкого уезда Запонорской вол., с семьей (жена, две дочери).	1875 г.
14	Ильчук Дмитрий Михайлов, крестьянин из ссыльнопоселенцев Балаганского уезда Черемховской вол., с семьей (сыновья Иван, Федор, Гавриил, жена).	1875 г.
15	Зубреев Яков Афанасьев, поселенец Бельской вол. Хайтинского участка, с семьей (жена).	1875 г.
16	Халтурин Иван Иванов, иркутский мещанин, с семьей (жена, дочь).	1875 г.
17	Китов Демьян Иннокентьев, иркутский мещанин, с семьей (жена Мария Максимова).	1876 г.
18	Ермаков Григорий Степанов, иркутский мещанин, с семьей (сыновья Михаил, Иннокентий, Николай, жена, три дочери).	1878 г.
19	Виноградов Николай Семенов, крестьянин Калужской губернии и уезда Бобровской вол., с семьей (сын Николай, жена) (отказался**).	1878 г.
20	Козлов Аника Егоров, иркутский мещанин, с семьей (сын Иван, сыновья Ивана: Демьян, Константин; их жены). (Документов нет*).	1878 г.
21	Березков Василий Васильев, иркутский мещанин, с семьей (см. № 8, особ. удост. нет*), сын Александр (перенести в № 8*).	1879 г.
22	Шугаев Яков Николаев, крестьянин Мальтинской вол. Буретского участка, с семьей (сыновья Михаил, Василий, мать, жена и шесть дочерей).	1880 г.
23	Куринов Василий Петров, поселенец Бельской вол. Хайтинского участка, с семьей (четыре сына – Павел, Константин, Дмитрий, Алексей, жена и дочь).	1880 г.
24	Барабанов Петр Васильев, крестьянин Московской губ. Богородского уезда Карповской вол., с семьей (сыновья Георгий, Андриян, мать, жена, две дочери).	1880 г.
25	Михайлов Николай Мартынов, крестьянин Бельской вол. Нижнебулайского селения (сведений о семье нет).	1880 г.
26	Мельников Кирсантий Васильев, крестьянин Томской губ. Каинского уезда Убинской вол., его пасынок Василий Иванов Боков, крестьянин Тельминской вол., д. Усолье (отказался**). (Документов нет*).	1881 г.
27	Сиверский Карл Михайлов, мещанин г. Лодзи Петроковской губ., с семьей (три сына: Михаил, Петр, Николай, жена, дочь) (отказался**). (Документов нет*).	1881 г.
28	Иванов Тихон Иванов, крестьянин Томской губ. и уезда Богородской вол., с семьей (сыновья Степан, Василий, жена, две дочери).	1882 г.
29	Косолопов Афиноген Андреев, поселенец Бельской вол. Хайтинского участка (сын Иван).	1883 г.
30	Иванков Никита Андреев, крестьянин Казанской губ. Цивильского уезда Пиребердинской вол., с семьей (жена, дочь). (Документов нет*).	1885 г.
31	Водницкий Федор Петров, поселенец Бельской вол. Хайтинского участка, с женой.	1886 г.
32	Рябов Иван Дмитриев, крестьянин Тельминской вол. Усольского участка, с семьей (мать и две дочери). (Документов нет*).	1888 г.
33	Щенников Иван Фаддеев, поселенец Тельминской вол. Усольского участка .	1888 г.

34	Васильев Галактион Яковлев, крестьянин Мальтинской волости Узколугского селения, с семьей (сыновья Федор, Николай, Михаил, Александр, жена, дочь).	1888 г.
35	Андреев Алексей Михайлов, крестьянин Бельской вол. и селения, с семьей (жена и три дочери).	1888 г.
36	Жемойдин Иван Павлов, поселенец Бельской вол. Хайтинского участка, с семьей (сыновья Николай и Исидор, жена, дочь, жена Николая).	1888 г.
37	Оловников Петр Прохоров, балаганский мещанин, с семьей (сын Петр, жена и три дочери).	1888 г.
38	Ганенко Семен Антипов, поселенец Бельской вол. Хайтинского участка, с семьей (сыновья Афанасий, Дмитрий, Николай, жена, три дочери).	1889 г.
39	Ермолаев Алексей Ларионов, поселенец Балаганского уезда Яндинской вол.	1889 г.
40	Ковальков Михаил Иванов, крестьянин Братско-Острожной волости.	1889 г.
41	Карташев Иван Платонов, поселенец Идинской вол., с семьей (сыновья Федор, Иван, Егор, жена, дочь).	1889 г.
42	Зверев Глеб Леонтьев, поселенец Мальтинской вол. Тайтурского участка, с семьей (сыновья Игнатий, Данило, жена, дочь).	1889 г.
43	Шорохов Иван Трофимов, поселенец Бельской вол. Хайтинского участка, с семьей (жена, две дочери).	1889 г.
44	Губарев Петр Афанасьев, поселенец Бельской вол. Хайтинского участка, с семьей (сын Федор, жена).	1889 г.
45	Акулин Иван Иванов, крестьянин Московской губ. Бронницкого уезда Гжельской вол., с братьями Алексеем и Михаилом, матерью и двумя дочерьми. (Документов нет*).	1890 г.
46	Ковачевич Софрон Ильин, поселенец Черемховской вол. Верхнебулайского участка, с семьей (сыновья Иван, Михаил, Федор, Виктор, жена и три дочери).	1890 г.
47	Порсев Андрей Лукин, поселенец Идинской вол., с семьей (сыновья Яков, Тарас, жена, дочь).	1890 г.
48	Мацкевич Августин Осипов, крестьянин Бельской вол. Хайтинского участка с женой.	1890 г.
49	Поспелов Василий Федоров, крестьянин Тобольской губ. Тюменского уезда Тубулинской волости и селения, с семьей (сын Александр, жена, дочь).	1890 г.
50	Чистяков Иван Александров, поселенец Тельминской вол. и участка, с семьей (сын Лука, жена).	1890 г.
51	Брыткин Константин Лазарев, поселенец Киренского округа Усть-Кутской волости, с семьей (сыновья, крестьяне Черемховской вол. Верхнебулайского участка – Данило, Сергей, жена, внучка от умершего сына).	1890 г.
52	Захаров Иван Ионов, поселенец Идинской вол., с семьей (сыновья Иван, Константин, Иоким, его жена, три дочери и жена Ивана с сыном).	1890 г.
53	Бородулин Николай Максимов, крестьянин Евсеевской волости и участка, с семьей (сын Александр, жена, дочь).	1890 г.
54	Коромыслов Степан Семенов, поселенец Идинской волости Олонецкого участка, с семьей (сын Павел, жена, три дочери).	1890 г.
55	Егоров Василий Леонтьев, поселенец Бельской вол. и участка, с женой.	1890 г.
56	Гордзель Иван Янов, поселенец Черемховской вол. Верхнебулайского участка.	1891 г.
57	Церпицкий Витольд Игнатьев, крестьянин Тобольской губ. Ишимского уезда Маслянской вол.	1891 г.
	Домохозяева, которым в причислении к Мишелёвскому сельскому обществу было отказано, так как они водворились после 1892 г.:	
58	Новицкий Михаил	1892 г.
59	Вейсброд Михель	1892 г.
60	Головлев Матвей	1892 г.
61	Мишуров Борис	1892 г.
62	Кузьмин Герасим	1893 г.
63	Казанцев Александр	1893 г.
64	Алпатов Владимир	1893 г.

65	Артемьев Алексей	1894 г.
66	Костин Митрофан	1894 г.
67	Приходько Марк	1894 г.
68	Демин Николай	1894 г.
69	Юдаев Алексей	1894 г.
70	Кмедь Антон	1894 г.
71	Лохнов Маркел	1894 г.
72	Турунов Родион	1894 г.
73	Ганцев Александр	1894 г.
74	Федорцев Антон	1894 г.
75	Липницкий Семен	1894 г.
76	Кусс Андрей	1894 г.
77	Суханов Василий	1894 г.
78	Иванов Иван	1894 г.
79	Миронов Григорий	1894 г.
80	Бумаков Никифор	1895 г.
81	Демин Семен	1895 г.
82	Гусев Семен	1895 г.
83	Микляевы Дмитрий и Алексей	1895 г.
84	Балаганов Герасим	1897 г.
85	Кулаков Алексей	1898 г.
86	Новак Яков	1898 г.
87	Ребров Степан	1898 г.
88	Тюленев Василий	1899 г.
89	Бруев Трофим, в отношении времени водворения которого в списке сведений не имеется	

* Пометка в «Именном списке…»

**Имеется в виду: отказался приписаться к Мишелёвскому сельскому обществу и остался приписанным к своему бывшему сельскому обществу.

Сост. по: ГАИО. Ф. 161. Оп. 2. Д. 701. Л. 2–3, 13–15, 21–34.

Приложение 4

Обеспеченность рабочих завода «Сибфарфор» жильем на 1927 год [61]

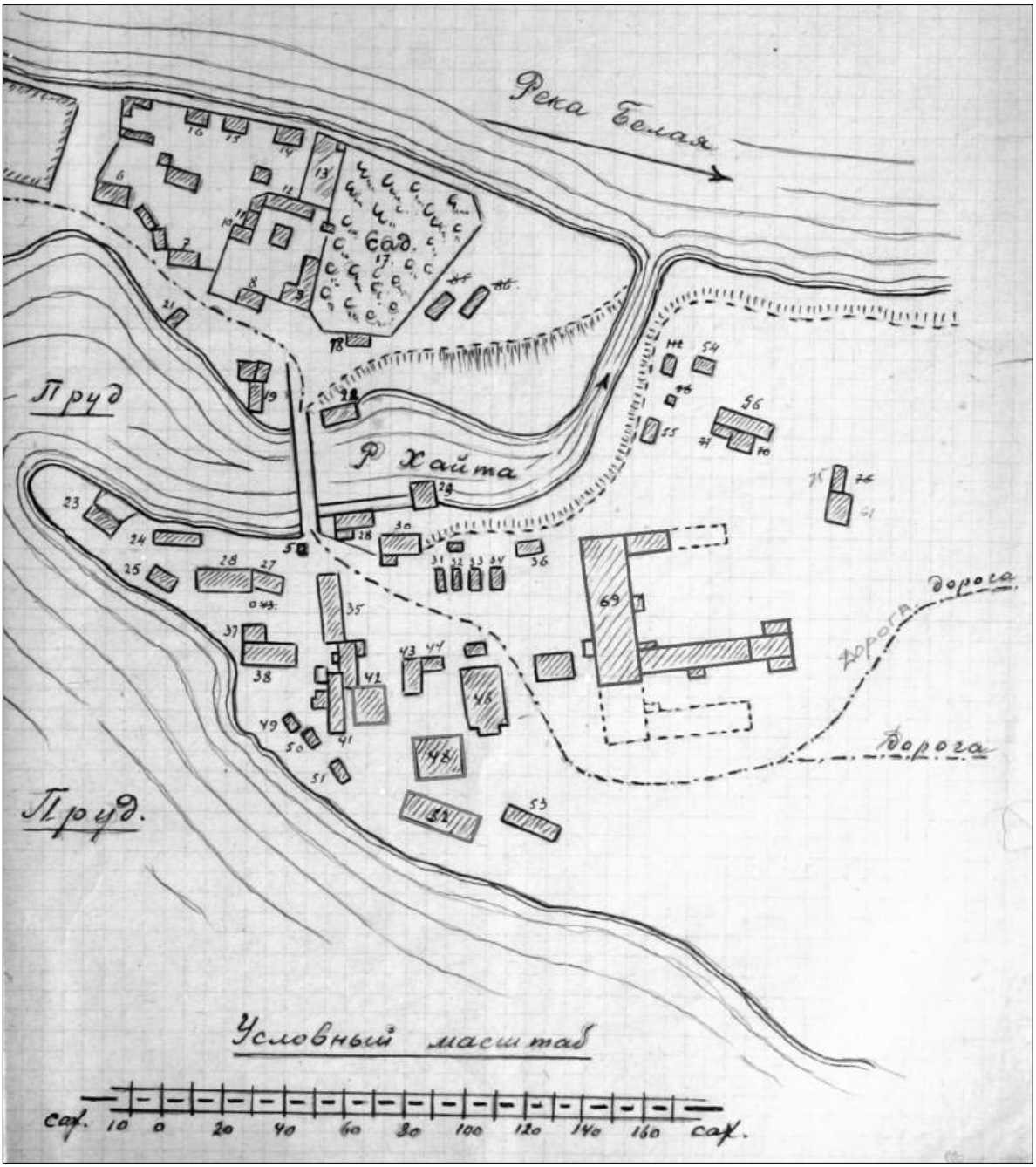
Общее кол-во рабочих	Живут в частных квартирах	В собств. домах	В коммун. квартирах	В заводских квартирах рабочих и служащих	В завод. квартирах членов семьи	Итого
607	249	310	–	48	144	192

ПРИМЕЧАНИЯ

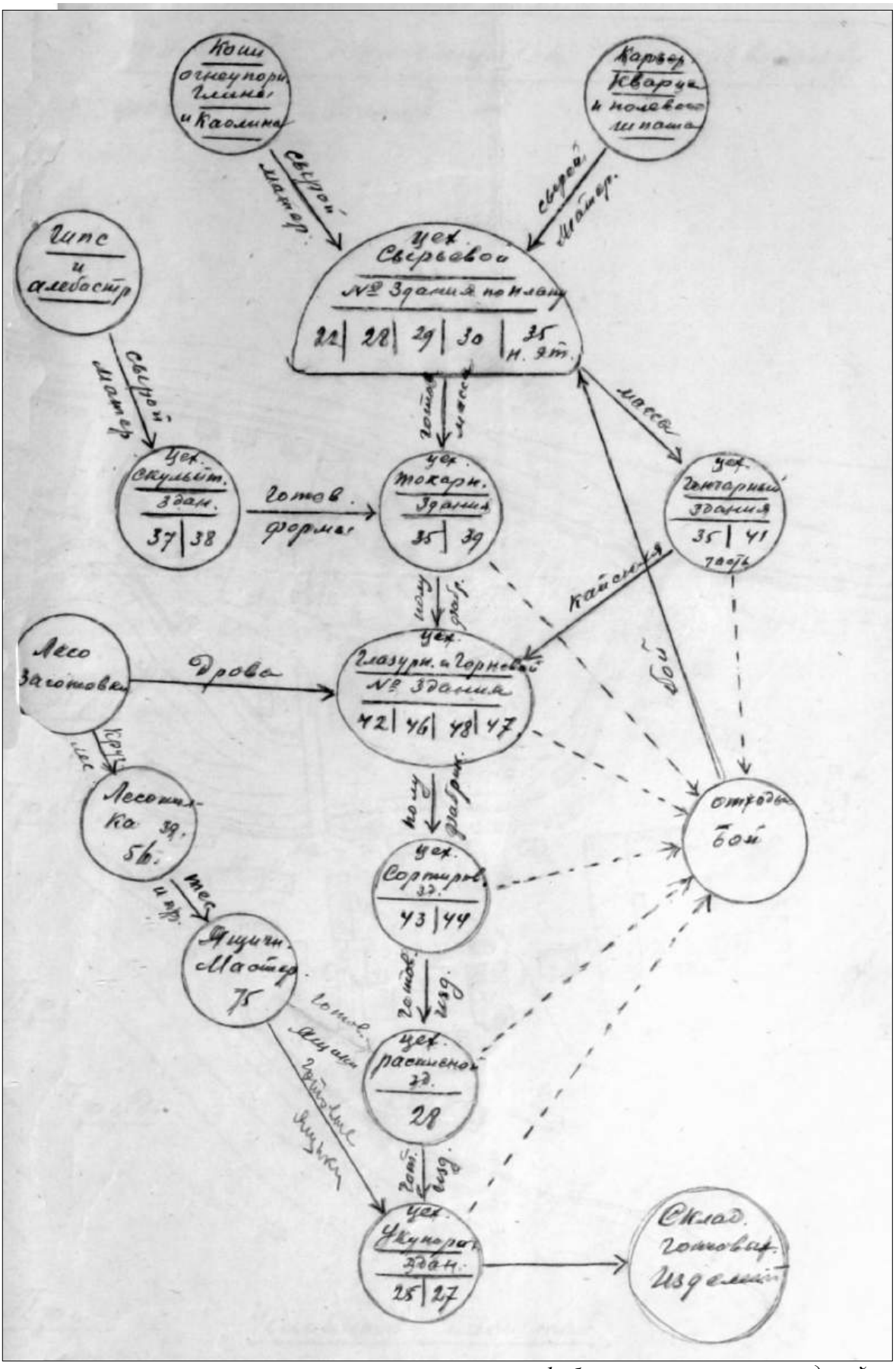
1. Душкин Ю.С. Хайтинский фарфоровый… Начало истории // Земля. 1994. 16 июля. С. 5.
2. Там же.
3. Там же.
4. Душкин Ю.С. Хайта – родина сибирского фарфора // Ленинский путь. 1961. 20 июля.
5. Там же; ГАИО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 45. Л. 3; Ю.С. Душкин – исследователь, историк, краевед: библиогр. указатель / сост. В.М. Полюх. Иркутск, 2009. С. 60.
6. Душкин Ю.С. Хайтинский фарфоровый…
7. Там же.
8. Там же.
9. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 576. Л. 3, 11–12.

10. ГАИО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 9. Л. 140 об.–141.
11. Душкин Ю.С. Купец Иван Перевалов // Земля. 1994. 16 июля. С. 6–7.
12. Там же; ГАИО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.
13. ГАИО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.
14. ГАИО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 44. Л. 4.
15. ГАИО. Ф. р-269. Оп. 1. Д. 2. Л. 281 об.–283.
16. Душкин Ю.С. Хайта – родина сибирского фарфора // Ленинский путь. 1961. 22 июля.
17. ГАИО. Ф. р-269. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1 об.
18. ГАИО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–3.
19. Душкин Ю.С. Купец Иван Перевалов.
20. ГАИО. Ф. р-269. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1 об.
21. Душкин Ю.С. Хайта – родина сибирского фарфора // Ленинский путь. 1961. 30 июля.
22. Свято-Никольский храм в п. Мишелёвка: [буклет] / сост. В.А. Беликова. [Б. м.], 2010.
23. Душкин Ю.С. Хайтинский фарфоровый…; Материалы музеев Мишелёвской средней школы и Мишелёвской поселковой библиотеки.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Материалы музея Мишелёвской средней школы.
28. Душкин Ю.С. Хайтинский фарфоровый…
29. ГАИО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 44. Л. 4.
30. Душкин Ю.С. Хайта – родина сибирского фарфора // Ленинский путь. 1961. 30 июля.
31. ГАИО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 46. Л. 12.
32. ГАИО. Ф. 161. Оп. 2. Д. 701. Л. 4.
33. Там же. Л. 4 об., 10, 169–173.
34. Там же. Л. 2–3, 13–15.
35. Свято-Никольский храм в п. Мишелёвка.
36. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX века. М., 2000. С. 413.
37. ГАИО. Ф. р-269. Оп. 1. Д. 2. Л. 306 об.–307.
38. ГАИО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.
39. История Мишелёвской средней школы: 1878–1978 / сост. Т.А. Манжуло. Рукопись, 2007. С. 11; ГАИО. Ф. р-269. Оп. 1. Д. 2. Л. 263 об.–264 об.
40. ГАИО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 7. Л. 25 об.–26.
41. Земля Усольская: очерки истории Усольского района. Усолье-Сибирское, 2005. Ч. 1. С. 29–30.
42. ГАИО. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 63. Л. 56.
43. ГАИО. Ф. р-269. Оп. 1. Д. 2. Л. 409 об.
44. ГАИО. Ф. р-312. Оп. 1. Д. 17. Л. 49.
45. ГАИО. Ф. р-269. Оп. 1. Д. 2. Л. 428 об.
46. ГАИО. Ф. р-312. Оп. 1. Д. 66. Л. 51 об.; Ф. р-269. Оп. 1. Д. 2. Л. 428 об.
47. Там же. Л. 52.
48. ГАИО. Ф. р-312. Оп. 1. Д. 100. Л. 9 об.
49. Душкин Ю.С. Особняк на Почтамтской // Иркутская старина. 1993. № 1. С. 3.
50. Там же.
51. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 296, 481, 497, 570.
52. ГАИО. Ф. р-312. Оп. 1. Д. 66. Л. 55.
53. Там же. Л. 52.
54. Там же. Л. 62 об.
55. ГАИО. Ф. р-312. Оп. 1. Д. 105. Л. 1 об., 5 об., 21 об.
56. ГАИО. Ф. р-269. Оп. 1. Д. 2. Л. 250 об.–251.
57. ГАИО. Ф. р-312. Оп. 1. Д. 100. Л. 14.
58. Азарова Н.Н. Из истории рабочего поселка Мишелёвка. Рукопись. 1997 г. Архив автора.
59. Лыхин Ю.П. К истокам родства. Иркутск, 2009. С. 181, 183.
60. Материалы музея Хайтинского фарфорового завода. Д. 6. Л. 1–7 (ныне материалы хранятся у заместителя главы администрации Мишёлевского муниципального образования В. Громова).
61. ГАИО. Ф. р-312. Оп. 1. Д. 66. Л. 62 об.

Исторические фотографии — из фондов музеев Мишелёвской поселковой библиотеки и Мишелёвской средней школы.



Илл. 1. Схематический план части территории фабрики «Сибфарфор». 1926 г. Показаны сооружения, относящиеся к производству фарфоровых изделий. Красным цветом выделены корпуса, возведенные в 1924–1926 гг. (пунктирной линией – проектируемые), зеленым – существующие ныне дореволюционные постройки. ГАИО. Ф. р-312. Оп. 1. Д. 17. Л. 54



Илл. 2. Схема движения сырых материалов, полуфабрикатов и готовых изделий на фабрике «Сибфарфор». 1926 г. ГАИО. Ф. р-312. Оп. 1. Д. 17. Л. 53

Илл. 3. Общий вид на фабрику И.Д. Перевалова и пруд с левого берега р. Хайты. Фото конца XIX – начала XX в.

Илл. 4. Общий вид на пруд, фарфоровую фабрику и новый район поселка. Фото с левого берега р. Хайты. Середина XX в.

Илл. 5. Вид на плотину и фабрику со здания фабричной конторы. Фото 1920–1930-х гг.

Илл. 6. После венчания. Фото начала XX в. со здания Никольской церкви

Илл. 7. Служащие магазина И.Д. Перевалова на крыльце здания магазина (ныне ул. Ленина, 10). Фото начала XX в.

Илл. 8. Интерьер магазина. Фото 1905 г.

Илл. 9. Жилой дом с мезонином И.Д. Перевалова (не сохранился). Похороны хозяина. Фото 1907 г.

Илл. 10. Рабочие фабрики на поминках И.Д. Перевалова во дворе фабричной конторы (ныне ул. Ленина, 8). Фото 1907 г.

Илл. 11. Вид на здание бывшей конторы (слева, ныне ул. Ленина, 8) и жилой дом И.Д. Перевалова (не сохранился) с садом. Фото 1970 г.

Илл. 12. Общая фотография рабочих и служащих фарфоровой фабрики на фоне народного клуба (ныне ул. Ленина, 31). 1925 г.

Илл. 13. Дача И.Д. Перевалова на берегу р. Хайты. Главный дом. В 1948 г. здесь был открыт пионерский лагерь «Хвойный», где отдыхали дети работников Хайтинского фарфорового завода. Фото 1950-х гг.

Илл. 14. Главный вход в корпуса Хайтинского фарфорового завода. 1924–1928 гг. Архитектор Н.И. Бойков. Фото Трофима Щербина, 2010 г.

Т.А. Крючкова

МИССИОНЕРСКИЕ СТАНЫ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ, УЧРЕЖДЕННЫЕ СЕЛЕНГИНСКИМ ЕПИСКОПОМ ВЕНИАМИНОМ (БЛАГОНРАВОВЫМ) В 1860-Е ГОДЫ

Первым епископом Селенгинским, викарием Иркутской епархии был Вениамин (Благонравов Василий Антонович), который оставил глубокий след в истории Иркутской епархии. Он родился 20 января 1825 г. в с. Тарадеи Шацкого уезда Тамбовской губернии в семье священника Антония Колчева. При поступлении в Шацкое духовное училище получил фамилию Благонравов. С 1840 г. обучался в Тамбовской духовной семинарии. В 1846 г. поступил в Казанскую духовную академию, где 27 августа 1849 г. принял в академической церкви монашеский постриг и 9 октября был рукоположен во иеродиакона. После окончания академии в 1850 г. был оставлен бакалавром по кафедре церковной истории: занимался научными исследованиями, преподавательской деятельностью, читал лекции. В 1856 г. получил звание ординарного профессора и сан архимандрита. В 1858 г. назначен ректором Томской духовной семинарии, где также преподавал догматическое и пастырское богословие. Стараниями Вениамина при духовной семинарии были устроены общежитие и церковь, освященная осенью 1860 г. в честь свт. Иннокентия (Кульчицкого). 5 февраля 1862 г. по выбору императора Александра II Вениамину определено быть епископом Селенгинским, викарием Иркутской епархии. 4 апреля 1862 г. архимандрит Вениамин прибыл в Иркутск, 20 мая состоялась его архиерейская хиротония с вручением ему жезла свт. Иннокентия (Кульчицкого), первого епископа Иркутского. Одновременно Вениамин стал начальником Забайкальской духовной миссии с местопребыванием в Посольском Преображенском монастыре (3. С. 630). 2 июня 1862 г. епископ Вениамин прибыл в Посольский монастырь, который вместе с Селенгинским Троицким монастырем являлся в Забайкалье колыбелью миссионерства.

В 1681 г. по повелению царя Федора Алексеевича и по благословению святейшего патриарха Иоакима было определено послать в Забайкалье 12 монахов под начальством игумена Феодосия, основателя Санаксарского (Темникова) Рождество-Богородичного монастыря. «Им велено было построить на реке Селенге, или, где изыщут удобное место, монастырь во имя святыя Живоначальные Троицы, призывать иноверцев всех к православной христианской вере и крестить, что они и исполнили: соорудили Троицкий Селенгинский монастырь на р. Селенеге (от г. Селенгинска 130 вер.) и пустынь на Посольском мысу (где в 1652 г. вероломно был убит монголами русский посол Иерофей Заболотский, шедший от русского царя с мирными предложениями к Цецен-хану монгольскому) и многих неверных крестили» (38. С. 109–110).

Первая православная миссия в Забайкалье получила название Даурской. Даурией называлась часть территории Забайкалья и Приамурья по наименованию монголоязычного племени дауры (дахуры), обитавшего в бассейне верхнего течения Амура и Зеи; в середине XVII в. дауры переселились на правый берег Амура[2].

Даурская православная миссия, действовавшая в 1680 – начале 30-х гг. XVIII в., поставленные перед ней задачи выполнила. Были построены два монастыря, которые стали центрами миссионерской деятельности в Забайкалье. Также было крещено значительное количество инородцев.

Но осторожная политика русских властей и высшего духовенства в дальнейшем отразилась на деятельности православных миссионеров в Восточной Сибири, ограничив ее масштабы. В 1734 г. из-за опасения осложнений в отношениях с Китаем русское правительство запретило православную миссионерскую деятельность в Восточной Сибири. К середине XVIII в. среди забайкальских бурят широко распространился ла-

[2] Епископ Мелетий (Якимов) приводит иное толкование слова: «даур – слово тунгусское, значит отдаленную страну, даль непроглядную» (38. С. 109).

маизм, поскольку по условиям Буринского и Кяхтинского договоров (1727–1728) российское правительство обязалось этому не препятствовать (21. С. 219). В результате в Забайкалье из Тибета и Монголии прибыло значительное количество лам, которые основали несколько десятков дацанов и развернули широкую деятельность по вовлечению в ламаизм бурят и эвенков.

В XIX в. стала очевидной необходимость усиленной миссионерской работы в Восточной Сибири, активизация которой начала наблюдаться при иркутских владыках Михаиле (Бурдукове) и Ниле (Исаковиче). В 1821 г. епископ Михаил предписал священнику Кульской Спасской церкви Александру Ильичу Бобровникову (1793–1832) заниматься проповедью Евангелия между соседними бурятами. Впоследствии он был преподавателем монгольского языка в Иркутской духовной семинарии, являлся составителем первой монгольской грамматики на русском языке, опубликованной в Санкт-Петербурге в 1835 г. В 1834 г. определен был миссионером селенгинский священник Владимир Межев и исполнял эту должность до 1840 г., а с 1836 по 1842 г. миссионерские обязанности выполнял укырский священник Авраамий Виноградов (5. С. 59–60).

В 40-е гг. XIX в. с целью усиления борьбы с раскольниками иркутский архиепископ Нил (Исакович) учредил противораскольническую миссию, которую возглавил архимандрит Даниил (в миру Дмитрий Иванович Сивиллов, 1791–1871), настоятель Селенгинского Троицкого монастыря в 1846–1863 гг. Образование он получил в Пензенской, затем в С.-Петербургской Александро-Невской духовных семинариях. 12 лет провел в Китае в составе Пекинской духовной миссии (с 1820 по 1832 г.), где исполнял должность казначея, а также занимался изучением китайского языка и переводами с русского на китайский и с китайского на русский языки, обращая особое внимание на материалы, способствовавшие распространению христианской веры между китайцами, т. е. на миссионерскую деятельность. После возвращения в Россию некоторое время исполнял обязанности настоятеля Московского Златоустова монастыря и был посвящен в сан архимандрита. В 1837 г. переведен в Казанский университет на кафедру китайского языка со званием ординарного профессора. В 1844 г. получил должность настоятеля Посольского Преображенского монастыря в Иркутской епархии. В 1845 г. назначен старшим миссионером Забайкальского края, в 1846 г. перемещен в Троицкий Селенгинский монастырь и возглавлял его 17 лет (52. С. 32–34).

Архимандрит Даниил сам посещал селения раскольников, разбросанные по Забайкальскому краю, решая различные возникающие проблемы. В его подчинении состояли четыре миссионера: Тарбагатайской единоверческой церкви священник Василий Иоаннович Знаменский, Мухоршибирской церкви священник Дмитрий Куликалов, Куйтунской церкви священник Митрофановский и Хилокской церкви священник Титов (13).

В 1845 г. забайкальские священники получили для исполнения новые «Правила», которые явились основным руководством к их противораскольнической деятельности. Главной задачей было приобщение раскольников к единоверию и православию, что находилось под бдительным контролем со стороны государства и духовной консистории (15. С. 110–111).

Но решительное возобновление миссионерской деятельности произошло при иркутском архиепископе Парфении (Попове), который, познакомившись с работой Алтайской духовной миссии, добился открытия на территории Иркутской епархии двух отдельных миссий – Иркутской и Забайкальской. В 1861 г. было учреждено Селенгинское викариатство Иркутской епархии, на базе которого в 1862 г. открылась Забайкальская духовная миссия с церковно-административным центром при Посольском Спасо-Преображенском монастыре.

2 июня 1862 г. епископ Вениамин прибыл в Посольский монастырь и энергично принялся за новое для него дело. «Дух миссионерства вдруг ожил в Забайкалье», – так

в 1881 г. охарактеризовал деятельность Вениамина его последователь епископ Мелетий (Якимов) (38. С. 112).

Новым организационным принципом деятельности духовной миссии становилось создание миссионерских станов. Им отводилась главная роль в христианизации коренных народов. Правильно организованный стан подразумевал комплекс строений: храм, часовню, жилой дом миссионера и его помощников, школу (с небольшим общежитием при ней), хозяйственные постройки. Также при станах желательно было иметь аптеку, богадельню, подсобное хозяйство. Однако в Забайкалье за все время деятельности миссии таких станов создано не было. Чаще всего они состояли из храма, жилья для священника и причта, школы, иногда – часовни. Вблизи некоторых миссионерских станов основывались поселения для новообращенных христиан. Здесь они могли утвердиться в новой вере, имели духовное окормление, приобретали навык оседлой жизни. Для многих бурят перемещение в такие христианские поселения было спасением от притеснений, которым они нередко подвергались после крещения (51).

Епископ Вениамин в течение шестилетнего управления миссиею без всякого пособия от казны, благодаря частной благотворительности, со своими соратниками устроил 11 миссионерских станов с церквями, домами для миссионеров, псаломщиков и учеников при них, центральное училище в Посольском монастыре и богадельню для престарелых и больных новокрещеных (41. С. 330).

Первый миссионерский стан в Забайкалье был организован в 1862 г. **при Посольском Спасо-Преображенском монастыре**, служившем также местопребыванием начальников Забайкальской духовной миссии, епископов Селенгинских, викариев Иркутской епархии, которые одновременно исполняли обязанности настоятеля монастыря. Ими были: в 1862–1868 гг. Вениамин (Благонравов), в 1869–1877 гг. Мартиниан (Муратовский), в 1878–1888 гг. Мелетий (Якимов), который в 1880 г. епископскую кафедру перенес в г. Читу.

Штат миссионеров содержался не за счет монастыря, а на благотворительные средства. Первым сотрудником Посольского стана стал иеромонах Мелетий (Якимов), бывший воспитанник Казанской духовной академии, к которому вскоре присоединился послушник и переводчик Петр Данилов (впоследствии монах Платон), к концу 1863 г. прибыли еще в Посольский монастырь назначенные в Забайкальскую миссию, также сверх штата, из Оптиной пустыни рясофорный монах Антоний (Петров) и из Свияжского монастыря иеромонах Вениамин (Никольский-Грезднов).

В 1862 г. в Посольском монастыре было заведено миссионерское училище. В него для обучения принимали преимущественно инородческих детей, которых готовили к миссионерскому служению. Для миссионеров и учеников в монастыре была собрана библиотека, состоящая из около тысячи экземпляров книг, среди которых были пособия для изучения монгольского языка и буддизма. Также здесь находилось собрание различных идолослужебных предметов, употребительных у забайкальских инородцев ламаистского и шаманского суеверия. Здесь же были организованы иконописная мастерская для изготовления икон для новокрещеных, состоявшая под управлением миссионера-иконописца Антония (Петрова), и гомеопатическая аптека, достаточная для всей миссии.

Посольскому монастырю принадлежали три часовни: одна в Посольске на берегу пристани (построена в 1862 г.), другая на Преображенской ярмарке на р. Селенге, возведена в 1864 г. близ с. Тварогово, и третья в Кяхте (построена кяхтинским купцом Я.А. Немчиновым и освящена в 1865 г.). Все доходы от этих часовен употреблялись на нужды миссии (6. С. 93–95).

В 1867 г. при Посольском монастыре была устроена миссионерская богадельня, которая находилась на иждивении иркутского 1-й гильдии купца Ивана Ивановича Базанова, пожертвовавшего на нее 10 тыс. руб. Часть этих денег пошла на строительство специаль-

ного здания за монастырскими стенами с южной стороны, а оставшиеся расходовались на обеспечение 20 обитателей богадельни – больных и престарелых новокрещеных инородцев. Все они получали полное содержание и находили утешение в молитве, которая ежедневно для тяжко больных совершалась в молельне, устроенной прямо в самой богадельне, а прочие ходили на богослужения в монастырский храм (34. № 52. С. 575–576).

Миссионеры Посольского стана способствовали христианизации населения в устье Селенги и соседних районах (Селенгинском, Верхнеудинском и Баргузинском уездах).

Миссионерский стан при Селенгинском Троицком монастыре был официально учрежден в 1863 г. (6. С. 95–96).

В 1879 г. в Забайкалье была учреждена Противораскольническая миссия, должность начальников которой поручалась настоятелям Селенгинского Троицкого монастыря (41. С. 332).

Первым начальником этой миссии стал архимандрит Михаил (в миру Макарий Козлов, 1826 – 30 января 1884), опытный и энергичный миссионер.

Он родился в г. Сычевске Смоленской губернии в семье, принадлежавшей к старообрядческому обществу. В детстве научился церковному чтению, в молодых летах служил в старообрядческой часовне уставщиком-чтецом, но вследствие внимательного чтения Священного Писания убедился в неправоте верования своих предков и на 21-м году от рождения присоединился к Русской православной церкви. В 1856 г. отправился на Афон, где поступил в число членов братства русского Пантелеймонова монастыря. 29 октября 1866 г. пострижен в монахи, получив имя Михаил. В 1872 г., по благословению святейшего константинопольского патриарха Анфима, был послан к русским раскольникам-некрасовцам, проживавшим в Малой Азии (селение Майнос) и на р. Дунай, для религиозных собеседований с ними, вразумления и обращения их к православной церкви. В 1874 г., по письменному приглашению Антония, архиепископа Казанского и Свияжского, был принят в Казанскую епархию, рукоположен во иеродиакона, затем в иеромонаха и включен в братство Свияжского Богородицкого монастыря с определением миссионером по обращению раскольников в православие. Указом Святейшего Синода от 4 января 1879 г. был назначен настоятелем Селенгинского Троицкого монастыря и начальником Забайкальской противораскольнической миссии с возведением в сан архимандрита. Служение архимандрита Михаила за Байкалом продолжалось почти пять лет. В Забайкальской области в тот период проживало более 25 тыс. раскольников. Архимандрит неоднократно посещал все селения, где жили старообрядцы и единоверцы, неустанно проводя с ними собеседования по вопросам их разномыслия с православною церковью. Таких собеседований в году бывало до 50. Образцы этих бесед печатались в «Иркутских епархиальных ведомостях» (44. 1883. № 52; 1884. № 2; 2)

Заботой архимандрита Михаила была создана единоверческая Борохоевская церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. Умер архимандрит Михаил на 58-м году жизни и погребен за алтарем главной монастырской Троицкой церкви, с южной стороны (47. С. 132).

Преемником настоятеля Михаила стал архимандрит Иринарх (около 1835 – 2 мая 1905), который был хорошо знаком со старообрядческой и единоверческой средой. Он происходил из московского купеческого рода. В возрасте 14 лет по благословению родителей вместе с братом стал послушником Климовского Покровского единоверческого монастыря Черниговской епархии, расположенного в известном старообрядческом центре под названием Ветка. Затем десять лет служил в Макарьевском единоверческом монастыре Могилёвской губернии (22. С. 419–420).

21 ноября 1865 г. пострижен в монашество, 2 февраля 1866 г. рукоположен в сан иеродиакона, а 21 ноября 1870 г. в сан иеромонаха (20. С. 276–277). Затем опять состоял в штате Климовского Покровского монастыря, откуда по ходатайству архиепископа Иркутского

и Нерчинского Вениамина указом Св. Синода от 26 апреля 1884 г. получил назначение на должность начальника Забайкальской противораскольнической миссии и настоятеля Селенгинского Троицкого монастыря (53). В июле 1884 г. о. Иринарх был возведен в сан архимандрита и руководил Селенгинским монастырем 21 год. Помимо этого он исполнял обязанности благочинного мужских монастырей Забайкальской епархии. Как начальник противораскольнической миссии архимандрит Иринарх постоянно совершал миссионерские поездки, снабжал священнослужителей специальной литературой (14).

Трудами о. архимандрита и его помощников присоединена к православию не одна сотня старообрядцев и других сектантов. В 1885 г. при Селенгинском монастыре открылась церковно-приходская школа, для которой было предоставлено помещение, расположенное за монастырской оградой. Наблюдение за детьми и руководство их воспитанием поручено архимандриту Иринарху и приходскому священнику Федору Казанцеву. Учителем в школу принят бывший смотритель Иркутской губернской почтовой конторы Александр Иванович Крафт (40).

Непрестанно о. Иринарх заботился о благоустройстве Троицкой обители. Он деятельно собирал пожертвования на ремонт ветхих монастырских построек – храмов, жилых помещений, улучшал ризницу монастыря. Под конец жизни воздвиг в монастыре большой каменный храм во имя Святителя и Чудотворца Николая. За свою деятельность архимандрит был награжден орденами св. Анны 3-й и 2-й степени и Владимира 4-й степени (20. С. 276–277).

Кроме монастырей по всему Забайкалью в местах средоточия языческого населения были основаны миссионерские станы.

Миссионерский стан при Селенгинской степной думе, центральном месте управления 20 родов селенгинских бурят (в настоящее время пос. Селендума), располагался в 40 верстах от г. Селенгинска. В 1859 г. здесь начала строиться часовня (по другим сведениям, молельный дом) во имя Святителя Николая. Начало ей положил помощник тайши язычник Найдан Гомбоев, но, не закончив постройку, ушел в Монголию без всякого отчета о собранных и затраченных суммах. После этого строительством занялись главный тайша селенгинских инородцев Дмитрий Петрович Минеев и его братья, принявшие христианство вместе с покойным отцом Петром Минеевым. Посетивший в 1862 г. место строительства храма епископ Вениамин благословил устройство полноценной церкви и рекомендовал назвать ее в честь Святителя Иннокентия Иркутского, который, ожидая так и несостоявшейся поездки с духовной миссией в Китай, в 1722–1727 гг. жил в этих местах и прославлен как проповедник веры во языцех монгольских (5. С. 38–39). Церковь была освящена 7 февраля 1865 г. (34. № 50. С. 545).

В Селенгинском стане трудилось значительное число миссионеров, среди которых было немало представителей монашества. Об иеромонахе Вениамине (Никольском-Грезднове), который первоначально трудился в Посольском миссионерском стане, затем был переведен сюда, так отозвался начальник Забайкальской миссии епископ Мартиниан (Муратовский): «Поступивши в миссионерство в 1865 г., он своею неутомимою ревностью к исполнению своего долга, примерным благочестием, долготерпением, усердием к искоренению языческих суеверий и неусыпною заботою об ослаблении влияния заштатных лам на инородцев, оставил по себе доброе воспоминание в среде вверенной ему паствы» (28. № 42. С. 356). В ноябре 1869 г. иеромонах Вениамин был перемещен в Иркутск и назначен настоятелем Вознесенского монастыря с возведением в сан архимандрита.

В 1880 г. был прикомандирован в Селенгинский стан к качестве переводчика и сотрудника ученый, бывший маньчжурский лама Танчин Нагбу Монголов. Он был крещен 21 августа 1879 г. в Посольском монастыре в водах Байкала и получил имя Владимир Байкалов (по другой версии, Байкальский). Он владел, кроме родного маньчжурского, китайским, монгольским, тибетским, русским, отчасти санскритским и латинским язы-

ками, как знающий хорошо тибетскую медицину занимался медицинской практикой (36). В Селенгинском стане он «деятельно помогал миссионеру в сношениях с инородцами и их ламами и сопутствовал ему во всех поездках. При обозрении дацанов и улусов он составил записки, которые хотя неполны, но показывают, что ему близко знакомо все строение ламства, а также характер бурят, считающих свои жалкие суеверия за непреложные догматы и ненарушаемые правила жизни, вернее своего кочевого быта; ибо относят к «вере» весь внешний образ жизни – одежду, пищу, жилище и проч., как давно уже наша миссия справедливо охарактеризовала приверженность бурят к своим суевериям и тем формам жизни, какие ими унаследованы от своих предков» (37).

Продолжительное время (с 1888 по 1907 г.) в Селенгинском стане служил священник Порфирий Александрович Малков. Он успешно вел миссионерское служение благодаря тому, что был знаком с монгольской письменностью, владел разговорным языком бурят, а также грамотно практиковал в области медицины. В 1888 г. он организовал при стане миссионерскую школу, учеников которой знакомил с монголо-бурятской письменностью. Обучение другим предметам под его руководством вел псаломщик Григорий Очиров. В 1904 г. П. Малков был награжден наперсным крестом, выдаваемым от Св. Синода, в 1907 г. возведен в сан протоиерея (20. С. 185).

Территория, отведенная для миссионерской работы Селенгинского стана, располагалась на большом пространстве по течению рек Селенги, Чикоя и Джиды с притоками их, с населением ясачных бурят и казаков около 40 тыс. душ. Задача миссионера, которому противостояли десятки хорошо подготовленных лам и сотни их помощников, была чрезвычайно трудная. Здесь располагалось 13 дацанов, в одном из них – Гусиноозерском – было местопребывание Хамбо-Ламы, главы ламаистского духовенства в Восточной Сибири. Ламы внимательно следили за действиями миссионеров и старались всяческими методами, вплоть до запугивания, не допускать крещения бурят. Но, тем не менее, процесс христианизации происходил: в 1878 г. при Селенгинском миссионерском стане насчитывалось крещеных инородцев и казаков 496 мужчин и 445 женщин (35).

Миссионерский стан при Агинской степной думе учрежден в 1862 г. Селение Агинское, получившее название от р. Аги, было основано в 1779 г. В настоящее время поселок городского типа Агинский является центром Агинского Бурятского автономного округа и Агинского района Забайкальского края. Находится на автотрассе Чита – Забайкальск, в 150 км от Читы, недалеко от монгольской границы. В 1859 г. здесь была освящена деревянная однопрестольная церковь во имя Святителя Николая Чудотворца. Она строилась стараниями исправника Казом-Бекина на пожертвования, собранные в основном у агинских инородцев. Освящал церковь архиепископ Иркутский, Нерчинский и Якутский Евсевий (Орлинский), который руководил епархией с 1856 по 1860 г. и неоднократно выезжал в Забайкалье для обозрения храмов. Первые три года в церкви не было настоятеля, а богослужения проводили священники соседней Тыргетуевской Михаило-Архангельской церкви, расположенной в 70 верстах от с. Агинского.

Инициатором организации стана являлся архиепископ Евсевий. Он, посещая эти места, признал необходимым учредить здесь православную миссию в противодействие ламаизму, усилившемуся среди инородческого населения. Согласно его прошениям, Св. Синод определил жалованье ононскому и агинскому миссионерам по 500 руб. в год.

Миссионерская деятельность священника Агинского стана происходила на территории инородческого Агинского ведомства, где проживало около 32 тыс. бурят, а также среди 15 тыс. тунгусов Князе-Урульгинской степной думы. В 1817 г. в этой местности был учрежден Агинский дацан, ламы которого очень активно распространяли среди местных инородцев ламаизм.

Первым миссионером Агинского стана стал священник Григорий Литвинцев, прослуживший здесь 11 лет (с 1862 по 1873 г.). По неимению при стане жилого дома

для священнослужителей ему приходилось жить в отдалении от церкви, что представляло для работы определенные сложности. Постройка дома из-за отсутствия средств началась только в 1866 г. Лес на постройку дома был доставлен местными инородцами, а постройка производилась за счет миссии. Известно, что Г. Литвинцев позаботился об обновлении иконостаса Николаевской церкви. Он, непрестанно объезжая места поселений и кочевий своих подопечных, с 1862 по 1873 г. обратил в христианство 341 язычника. Был награжден набедренником, камилавкою, сребопозлащенным синодальным и бронзовым наперсными крестами.

С апреля 1873 по 1878 г. в стане трудился иеромонах Антоний (в миру Александр Феодоровский). Епископ Мартиниан, в это время возглавлявший Забайкальскую духовную миссию, отметил: «…агинский миссионер иеромонах Антоний, по вступлении своем в миссионерство, начал действовать путем образования. Им в местной инородческой школе введено было преподавание гражданской истории, и чрез чтение этой истории приобретено было знакомство с соседними ламами, подавшими надежду на сближение с христианством… Но в нынешнем году оказалось, что это была иллюзия… Убедившись собственным опытом в бесполезности преподавания инородцам предметов, не имеющих непосредственной связи с божественным учением, агинский миссионер в отчетном году сосредоточил все свое внимание на преподавании детям местной инородческой школы Закона Божия с полной уверенностью, что изучение этих божественных истин будет служить самым верным средством к сближению с христианством» (32. № 32).

13 лет (с 1878 по 1891 г.) в стане трудился миссионер священник Алексей Норбоев. Епископ Мартиниан охарактеризовал его так: «В служении священника Норбоева (из бурят) составляло особенную черту обилие назиданий, зависевшее от превосходного знания им как языка монгольского, так и местного наречия бурятского. Эти назидания о. Алексей предлагал и в храме и при посещении улусов. Духовные беседы с инородцами несравнимы с самыми лучшими беседами через переводчиков в том отношении, что инородцы при посредстве толмачей не всегда бывают откровенны с миссионерами, а недостаток откровенности много вредит делу проповеди спасения» (32. № 33. С. 466). В 1884 г. А. Норбоев был назначен благочинным 3-го отдела Забайкальской духовной миссии.

Далее четыре года (с 1891 по 1895) миссионером Агинского стана был священник Николай Скорняков, окончивший в 1891 г. Иркутскую духовную семинарию. С апреля 1895 г. здесь нес миссионерское послушание священник Николай Шастин. Далее служили В. Тарбаев, И. Разгильдеев, А. Зверев.

Онинский (Анинский) миссионерский стан располагался на территории нынешнего с. Хоринска, административного центра Хоринского района Республики Бурятия, расположенного в 165 км от республиканского центра – г. Улан-Удэ. Имя в честь одного из самых многочисленных бурятских племен – хоринцев (территория их расселения охватывает обе стороны Байкала и остров Ольхон) село получило сравнительно недавно, после образования бурятской автономии и Хоринского аймака (1923 г.).

Ранее на этом месте находились два небольших разобщенных селения, известных уже в первой половине XIX в.: Дума – центр Хоринской степной думы, официальная резиденция тайши, и Базар, в котором проживали ясачные крестьяне и проходила торговая ярмарка. После упразднения степных дум (1901–1904 гг.) селение стало называться Николаевским, в нем находилось волостное правление. В 1917 г. село было переименовано в Додо-Онинское (Доодо Анаа, т. е. Нижняя Она – по названию реки, близ которой расположено село).

Недалеко от Хоринской степной думы была построена церковь в честь Святителя Николая Чудотворца, которая была освящена 21 июня 1860 г. (42. № 26. С. 248). По другим сведениям, церковь освящена в 1859 г. архиепископом Евсевием (Орлинским) (34. № 50. С. 546). Церковь построена из дерева, имела высокую колокольню, была увенча-

на двумя золочеными куполами, стены окрашены в голубой цвет. Ее территория была обнесена оградой с чугунными решетками, укрепленными между кирпичных столбов. Разрешение устроить церковную ограду и пристроить домик для сторожей с отдельной комнатой для помещения крещеных улусных инородцев во время их говений дано в 1867 г. (16. С. 103; 46. С. 111–112). Вокруг храма находилось кладбище с добротными памятниками и чугунными надгробиями (9; 20. С. 223–224). В 1872 г. церковь отделана внутри и снаружи усердием и попечительством крещеного бурята А.П. Батурина.

Первоначально действие Онинского стана простиралось на все Хоринское ведомство, где проживало более 35 тыс. бурят обоего пола на расстоянии в 500 верст. В 1866 г. часть этой территории отделена была для Иргенского стана, а в 1867 г. еще и для Тугнуйского (8. № 36. С. 282).

В районе Онинского православного стана располагался Онинский дацан, один из богатейших во всем Забайкалье, основанный в 1795 г. На его территории в 1870-е гг. было построено обширное каменное здание для Высшей тибетской школы (33. № 30. С. 396).

Новый начальник Забайкальской духовной миссии Мелетий (Якимов), назначенный на эту должность в 1878 г., распределил все миссионерские станы Забайкалья на три отдела и во главе каждого учредил особого благочинного. Онинский стан был включен во 2-й отдел, а заведующий этим станом миссионер священник Симеон Иванович Стуков стал благочинным. В его ведение попали следующие миссионерские станы: Ташеланский, Новокурбинский, Укырский, Тарбагатайский, Тугнуйский и Ара-Киретский (39. № 25).

Отец Симеон более 26 лет трудился в Онинском стане. Епископ Макарий (Дарский) так охарактеризовал его деятельность: «Без преувеличения скажу, что не только здешний стан с его храмом и училищем, но и почти все христианское население при здешней думе – живой памятник забот и трудов протоиерея Стукова. Им создано здесь все, что не может не радовать сердце православного, что свидетельствует здесь о привитии русской культуры. Но протоиерей Стуков расширил задачи своей деятельности и за пределы своего стана. Так, его старанием в отчетном году устроен и освящен храм при Анинской почтовой станции во имя Святителя и Чудотворца Иннокентия, вместо сгоревшего (им же устроенного храма), и при нем церковно-приходское училище для детей местных жителей. Его заботами установилось здесь отправление богослужения в миссионерском Николаевском храме самими учениками – инородцами на оба клироса, а в особенных случаях и на местном наречии. Плодами этой заботы протоиерея Стукова пользуется Забайкальская миссия в лице псаломщиков в миссионерских станах. Наконец, протоиерей Стуков, за столь продолжительный период служения основательно изучивший монголо-бурятскую и тибетскую грамоту, немало потрудился в переводах на пользу духовной миссии и кроме того оставил памятники трудов по разработке разных вопросов миссионерской практики» (23). При о. Симеоне в стане была заведена миссионерская школа, которую иногда в документах называли также училищем.

В отчете Забайкальской православной миссии за 1876 г. епископ Мартиниан (Муратовский) написал следующее: «В 1875 г. Иркутский комитет православного миссионерского общества стал заводить школы собственные миссионерские при миссионерских станах. В 1875 г. открыты на счет миссии школы в Онинском при Хоринской думе, Ононском и Часовенском станах» (33. № 33. С. 431). Эта дата открытия школы в Онинском стане стала повторяться в некоторых исторических исследованиях (20. С. 224). Но в «Иркутских епархиальных ведомостях» сообщается, что в 1865 г. уже существовало Онинское (Анинское) приходское училище, учитель которого Иван Зосимович Гантимуров стал членом вновь открытого приходского попечительства при Онинской Николаевской церкви (45).

Игумен Геронтий, подготовивший отчет о Забайкальской православной миссии за 1877 г., охарактеризовал процесс обучения в школе: «Достойно внимания и Онинское

училище при Хоринской думе. В нем обучалось 18 мальчиков, из коих семь в течение года прошли по Закону Божию св. историю в[етхого] и н[ового] завета и краткий катехизис; по русскому языку ознакомлены с разбором слов речи и целых предложений; по арифметике изучали о простых дробях, кроме того, со слов учителя, слушали рассказы из истории церковной и гражданской. Младшим ученикам по означенным предметам преподано на половину менее против старших. Все мальчики обучались церковному пению с голоса и славянскому чтению и участвовали в отправлении церковного богослужения. Обучение шло постоянно и по современным педагогическим методам. В первое полугодие занимался обучением о. диакон Громов, рукоположенный в августе месяце во священника к Тарбагатайской миссионерской церкви; во 2-й половине обучал детей сам миссионер, священник Стуков» (12. С. 283).

В 1884 г. в Онинском училище было открыто отделение для обучения девочек. Под училище заботами о. Симеона Стукова вблизи миссионерского храма был выстроен новый дом на четырех квадратных саженях, внутри разделенный на две половины для классных занятий мальчиков и девочек. В этом году здесь обучалось 22 мальчика и 9 девочек. Преподаванием занимались: миссионер Симеон Стуков, чиновник Казанцев и воспитанник семинарии Алексей Архангельский (39. № 27. С. 338; № 28. С. 353).

Богаделен в Забайкальской миссии было две, одна при Посольском монастыре, а другая при Онинском стане на пять человек, заведенная и поддерживаемая чиновником Н.К. Тищевским. Впервые о ней упоминается в отчете 1872 г. (29).

Усть-Керанский миссионерский стан находился недалеко от г. Кяхты, в устье р. Кераны, впадающей в Чикой. Здесь на средства кяхтинского купца Якова Андреевича Немчинова была построена миссионерская двухпрестольная церковь во имя Преображения Господня, главный храм которой был освящен в 1862 г., а придельный во имя Святителя Иннокентия, Иркутского чудотворца 29 января 1863 г. освятил Вениамин (Благонравов), епископ Селенгинский (20. С. 128). Вскоре здесь образовалось целое селение из крещеных инородцев Цонгольской инородной управы – Преображенское (34. № 51. С. 557).

Усть-керанский миссионер священник Иннокентий Константинович Шастин, служивший здесь 14 лет (с 1862 по 1876 г.), разделял труды между язычниками и своими прихожанами, от которых он получал содержание. На территории его прихода располагались два дацана, где находилось большое количество лам, которые активно препятствовали миссионерской деятельности (31. № 30. С. 402–403).

Поэтому результаты крещения инородцев здесь, как у И. Шастина, так и у последующих миссионеров – Алексея Ушмарского (1876–1877), Модеста Трапезникова (1878–1882), Иоанна Константиновича Ерженина (1882–1890), Мелетия Парфениевича Куклина (1890–1893), Иннокентия Петровича Николаевского (1893–1910-е) – были незначительны.

В 1889 г. при церкви Преображения Господня была открыта миссионерская школа, для которой усердием кяхтинского 1-й гильдии купца Иннокентия Дмитриевича Синицына построено специальное здание стоимостью свыше 2 тыс. руб. В школе обучалось около 30 учеников, жалованье учительнице выплачивал тот же благотворитель (43. С. 5).

Для учреждения в 1862 г. **Укырского миссионерского стана** была использована каменная церковь во имя Христа Спасителя в с. Укырском Верхнеудинского округа, заложенная в 1805 г. и освященная в 1813 г. Любопытно, что она была возведена на средства, собранные в Еравнинской Спасской церкви, построенной в 1730-е гг. на территории Еравнинского острога. «Кроме денег церковь имела стада рогатого скота, счет которым велся по особым книгам (одна из таковых книг сохранилась при Укырской церкви), выдававшимся для этого из Нерчинского «заказа» благочиния, и имелся конный табун. На это-то достояние и была сооружена нынешняя Укырская Спасская каменная, двухпрестольная церковь с перенесением в нее иконостаса и утвари из церкви Еравнинской» (1. С. 543).

Жители Еравнинского острога в конце XVIII – начале XIX в. были вынуждены переселиться в разные места (в том числе и в с. Укырское, расположенное в 30 верстах от с. Еравнинского) вследствие того, что тракт, пролегавший до того времени по северной стороне Еравнинских и других озер, переведен был к югу от этих озер, отчего и заработки в остроге стали скудны. Прихожане Укырской церкви чтили память о своем прежнем месте жительства и имели обычай ежегодно ходить с крестным ходом к древней Острожской Спасской церкви, но в 1848 или 1849 г. ее сожгли (1. С. 540).

В 1836 г. по представлению преосвященного Мелетия, архиепископа Иркутского Укырская церковь была предназначена для миссионерской деятельности и туда был послан священник Авраамий Виноградов, который наряду с приходскими обязанностями должен был заниматься проповедью Евангелия между бурятами (5. С. 59–60). Только с 1862 г. Укырская церковь получила статус миссионерского стана (42. № 26. С. 254–255).

Миссионерами здесь служили: священник Михаил Смирнов (1860-е гг.), иеромонах Феодосий (упом. в 1866 г.), священники Петр Орлов (с 1868 по 1871 г.), Евфимий Мефодиев (с 1871 по 1877 г.), Дмитрий Писарев (с 1877 по 1880-е гг.), Гавриил Аркадиевич Асташевский (? – до ноября 1888 г.), Николай Нелидов (с 1888 по 1889 г.), Павел Филиппов Переломов (1890 г.) и др. (20. С. 51–52).

Баунтовский миссионерский стан находился в Баргузинском округе, на территории золотого промысла, расположенного на речке Сивач (левый приток р. Ципы). В ведении этого стана находились две церкви. Первая из них была построена на средства Григория Маркиановича Пермикина (1813–1879), известного рудознатца, первооткрывателя месторождений лазурита на юге Байкала и нефрита в Восточном Саяне, предпринимателя, золотопромышленника и исследователя Восточной Сибири. Церковь строилась под руководством его доверенного управителя Г. Севриогина. В сентябре 1864 г. она была освящена во имя Св. Николая Чудотворца, и с того времени начал действовать при ней миссионерский стан, при котором постоянно находился миссионер с сотрудником из братства Посольского монастыря. Их содержание с 1864 г. производилось за счет Г.М. Пермикина и других золотопромышленников (оклад в 500 руб. миссионеру и 200 руб. послушнику) (6. С. 98).

С 1864 г. здесь служил миссионером иеромонах Антоний (Петров), ему помогал воспитанник Стефан Олофинский, кончивший курс Иркутской духовной семинарии. В 1865 г. иеромонаха Антония сменил иеромонах Феодосий, прибывший в Забайкалье из Вышенской пустыни Тамбовской епархии, он служил здесь несколько лет, успешно занимаясь миссионерской деятельностью среди бродячих орочон (7. № 13). Например, только в 1866 г. им просвещено св. крещением 66 душ (50). «За отличное усердие в исполнении своих обязанностей» в 1867 г. Вениамином, епископом Селенгинским он был награжден набедренником (17). В мае 1868 г. Николаевская церковь на золотых приисках сгорела. Вместо нее был устроен молитвенный дом с иконостасом походной церкви (28. № 43. С. 360).

Баунтовскому миссионерскому стану принадлежала еще одна церковь. Епископ Селенгинский Вениамин так пишет о ней в своем отчете о деятельности Забайкальской духовной миссии в 1866 г.: «В кругу деятельности Баунтовского миссионерского стана устроена и освящена в сем году новая церковь на озере Баунте. Церковь эта построена Баунтовской золотопромышленной компанией в виде часовни; по моей просьбе в 1865 г. той же компанией в ней устроен иконостас и заведена вся церковная утварь, а 27 февраля 1866 г. она мною лично освящена во имя св. Николая мирликийского чудотворца. Побуждением к освящению здесь новой церкви в ведении одного миссионера послужило уважение орочон к этой местности, где у них издавна, еще до обращения их к христианству, находилась часовня во имя св. Николая чудотворца, и ежегодные съезды их сюда к 6-му декабря на общественный суглан, ярмарку и для сдачи ясака… Не могу умолчать о благоговении, какое питают и питали до крещения орочоны к

своей святыне. Несмотря на свою бедность и некрещение, все иконы в часовне (кроме св. Николая чудотворца здесь были иконы Спасителя и Божией Матери) они украсили серебряными окладами. Пред освящением новой церкви эти иконы перенесены ими в нее торжественно с крестным ходом. На предложение мое устроить для них киоты, они охотно изъявили свое согласие; на это они назначили бывших у них прежде прикладных оленей и кроме того еще деньгами собрали 60 рублей» (7. № 12. С. 132).

Миссионерами при Баунтовском стане служили священники: Стефан Олофинский (с 8 сентября 1865 по 1866 г.), Симеон Краснов (с 18 апреля 1868 по 11 октября 1871 г.), Николай Ильич Благообразов (1871–1875) (20. С. 29).

В ноябре 1875 г. владельцы нескольких смежных с Баунтовским золотых промыслов отказались доставлять баунтовскому священнику и миссионеру содержание в связи с «прекращением в этой местности золотопромышленности». Вследствие этого миссионер (в то время эту должность исправлял священник Николай Ильич Благообразов) был перемещен в Цаганусунский стан, «а заведование Баунтовскою походною церковью и исправление духовных треб на существующих промыслах и назидание крещенных орочон поручено соседнему баргузинскому миссионеру, который изъявил готовность исполнять это поручение» (32. № 35. С. 495).

С 1883 г. Баунтовский миссионерский стан принял на свое попечение священник Богдаринской Петропавловской миссионерской церкви Иоанн Матвеевич Усольцев (39. № 26. С. 323).

Улюнский (Баргузинский) миссионерский стан был основан в 1864 г. при Баргузинской степной думе, на речке Юлюне. В этом году для этого стана был куплен дом (6. С. 99).

Затем на средства, данные частью Посольским монастырем, частью местными жителями, служившими на Баргузинских золотых промыслах, началось строительство церкви. В 1866 г. поступила значительная сумма в пользу Забайкальской миссии от митрополита Киевского Арсения (Москвина), известного своей активной борьбой с сектантами и отличавшегося широкой благотворительностью. Он умер в С.-Петербурге 28 апреля 1876 г. Отпевание совершал митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов). Похоронен в Киево-Печерской лавре (48).

Епископ Вениамин в своем отчете о Забайкальской духовной миссии в 1866 г. отметил: «К построению стана побуждали здесь следующие обстоятельства: вновь заводимая здесь оседлость крещеных инородцев при удобстве хлебопашества; общественное приходское училище, где миссионер может заниматься преподаванием Закона Божия крещенным ученикам; удобство сообщения со всею ордою: прилив бурят по делам в Думу; общественные сугланы при думе и ярмарка. Действия этого стана должны простираться на 200 верст при населении в десять тысяч душ обоего пола» (7. № 12. С. 131–132).

В 1866 г. миссионером в Улюнский стан был назначен иеромонах Антоний (Петров), прибывший в Забайкалье из Оптиной пустыни в 1863 г. и находившийся прежде на служении в Посольском монастыре. Ему пришлось взять на себя заботы по постройке нового храма и устройству иконостаса, для которого он сам писал иконы и золотил рамы. Помогали ему в этой работе ученик Посольского монастыря, обученный им иконописи, и отчасти послушник. Пока строилась церковь, богослужения совершались в зале миссионерского дома на походном антиминсе (8. № 41. С. 331, 333).

8 июня 1869 г. церковь была освящена епископом Мартинианом (Муратовским) во имя Успения Пресвятой Богородицы (28. № 43. С. 361).

В 1872 г. иеромонаха Антония сменил иеромонах Нил, прибывший по ходатайству Совета Миссионерского общества из Брест-Литовского монастыря, который прослужил в Баргузинском стане до декабря 1874 г. Далее миссионерами были: священник Симеон Васильевич Миронов (1875–1883), Павел Семенович Берденников (1883–1890), Юлий Петрович Писарев (1890–1892), Адриан Константинович Клюкин (1893–1899) и др.

При Баргузинском стане была заведена церковно-приходская школа, которая первоначально предназначалась для обучения бурятских девочек. Первой учительницей стала Варвара Иванова Миронова – баргузинская бурятка. В 1870 г. по ходатайству забайкальского епископа Мартиниана она была принята в Иркутское училище девиц духовного ведомства. Окончив в 1877 г. полный курс с отличием, вернулась на родину, где для школы уже был построен специальный дом. Ей было назначено жалованье 300 руб. в год (12. С. 283–284).

Была замужем за священником бурятского происхождения Адрианом Константиновичем Клюкиным. Имела девять детей, один из них – Иннокентий Адрианович Клюкин – стал профессором словесности в Дальневосточном университете, видным востоковедом (20. С. 63).

Ононский миссионерский стан учрежден в 1864 г. Он находился на территории упраздненного Оловянного рудника на р. Онон, где довольно плотно проживало бурятское население, принадлежавшее к Агинскому ведомству. В этом году был построен дом для миссионера-священника и начата постройка церкви, на которую отпущено Св. Синодом 4 500 руб. (6. С. 97–98).

Миссионером в этом стане с 1865 г. определен священник Алексей Малков, на которого и легли заботы о построении церкви. За неимением мастеров он сам вынужден был заниматься окраскою иконостаса, церковных рам и пр. (30).

Освящение храма во имя апостолов Петра и Павла было совершено 16 февраля 1867 г. На празднике освящения, несмотря на отдаленность от русского населения, были более 500 человек русских, до 50 бурят-язычников и два ламы из Цугульского дацана (8. № 40).

Отец Алексей Малков не только заботился о построении храма, но и путешествовал по обширной территории и неустанно трудился на миссионерском поприще, о чем свидетельствуют его записки, журналы поездок, опубликованные в «Трудах православных миссий Восточной Сибири» (24; 25; 26; 27).

Его труды по крещению язычников, по свидетельству епископа Мартиниана (Муратовского), имели «незначительный успех», на что были объективные причины. В восьми верстах от стана находился Цугульский (Цонгольский) дацан – центр ламаизма в Западном Забайкалье. Район действий миссионера был переполнен ламами, на одного миссионера приходилось по десять лам штатных, до 400 нештатных, которые следили за миссионером и различными способами отговаривали язычников от крещения. «Долговременная и слишком неравная борьба с ламаизмом, продолжавшаяся 12 лет, подорвала его силы и довела до такого утомления, что он в июле месяце едва мог окончить свое последнее миссионерское странствование по улусам… Епархиальное начальство отнеслось сочувственно к положению миссионера среди этой борьбы с ламаизмом и, оценив его долголетние миссионерские труды, назначило ему другое, более спокойное место при Нерчинско-Заводском соборе с возведением в сан протоиерея» (31. № 32. С. 426–427).

Те же трудности в миссионерской работе испытывали преемники о. Алексея Малкова – священники: Павел Шавров, воспитанник Тверской духовной семинарии, посланный в Сибирь на средства Миссионерского общества, служил до 1886 г., затем уехал на родину; о. Георгий Писарев, окончивший Иркутскую духовную семинарию, возглавлял миссионерский стан с 1886 по 1899 г.

Иргенский миссионерский стан был официально открыт в 1866 г. Он располагался на оз. Иргень, на плоской возвышенности Яблоневого хребта, в 80 верстах от г. Читы. Иргень – единственное в Забайкалье место, с давних пор собиравшее паломников не только со всех мест Забайкалья, но и из соседних губерний – Иркутской, Якутской, с Амура и Приморья. Примечательно, что оз. Иргень являлось священным местом для всего населения Забайкалья, независимо от вероисповедания и национальности. Сюда для молитвы шли не только православные, но и старообрядцы, а также буддисты-ламаисты и шаманисты.

Православных влекли на Иргень хранимые там святыни: останки, по преданию, замученных православных воинов и древняя благоговейно чтимая икона святой великомученицы Параскевы-Пятницы. О происхождении этой иконы известно лишь то, что она была найдена православными русскими людьми в юрте у бурят-язычников, поставленной вместе с их бурханами. Откуда появилась Иргенская икона до помещения ее в бурятской юрте, судят различно. Одни говорят, что эта св. икона – явленная. Другие предполагают, что она занесена в качестве полковой святыни каким-нибудь русским отрядом казаков, осваивавших Сибирь. Архимандрит Ефрем (Кузнецов) отметил: «Живопись сей иконы обращает на себя внимание тем, что совершенно отличается от живописи всех других старинных икон, имеющихся в церквях Забайкальской епархии и писанных здесь на месте» (19). В верующем народе было распространено мнение, что св. великомученица Параскева-Пятница хранит детей и дает их людям бесплодным по молитвам пред ее Иргенской иконой. Просить о рождении детей к иконе приходили постоянно русские и буряты.

Иргенские мученики – православные воины Симеон, Киприан, Иосиф и Василий и другие, имена которых не сохранились, были замучены в 50-е гг. XVII столетия воеводой Афанасием Филипповичем Пашковым (ум. в 1664 г.), отличавшимся жестокостью в обращении с подчиненными. Устное предание гласит, что трое из этих страдальцев в воинской форме несколько раз являлись бурятским пастухам и объявляли им, что это место, освященное кровью и страданиями мучеников, не должно быть забыто народом православным, чтобы все в своих молитвах к Богу поминали Симеона, Киприана, Иосифа и их дружину и ежегодно посещали Иргень со святыми иконами из ближайшей церкви. В противном случае народ будут постигать бедствия: мор, засухи, голод и различные болезни.

Особенно обращает на себя внимание многократно появлявшийся здесь необыкновенный свет, упоминаемый в многочисленных рассказах. Когда на Иргени был выстроен храм, свет несколько раз показывался в нем, до этого сияние появлялось непосредственно над местом захоронения мучеников.

В начале XVIII в. паломничество к озеру было уже настолько распространено, что сибирские духовные власти сочли необходимым довести сведения о нем до Синода, который впоследствии сделал распоряжение о воспрещении религиозных паломничеств на Иргень. Но это распоряжение не возымело силы: народ по обыкновению приходил пешком и приезжал на лошадях на Иргень в огромном количестве. Епархиальные власти были вынуждены опять разрешить крестные ходы, которые в XIX в. ежегодно проводились из Старо-Читинской Михаило-Архангельской церкви (за 80 верст), а также из Кукинской Свято-Духовской церкви. Эта традиция сохраняется и в настоящее время (4; 19).

Здесь с древних времен находилась Одигитриевская часовня, остаток бывшего некогда Иргенского острога. В 1716 г. она сгорела, а потом была сооружена новая по желанию пограничного казачества (38. С. 115).

Миссия воспользовалась готовыми постройками для учреждения стана: здесь уже стояли церковь в честь св. великомученицы Параскевы, освященная в 1862 г., и часовня во имя святых Киприана, Симеона и Иосифа (34. № 50. С. 546).

В Иргенском стане служили: иеромонах Гавриил (1866–1867), приехавший в Забайкалье из Угрешского монастыря Московской епархии (7.

№ 12. С. 135), иеромонах Геронтий (1867–1870), вдовый священник Александр Виноградов (1872–1874), иеромонах Макарий (1874–1875). Но особо необходимо отметить деятельность иеромонаха Герасима, который ревностно исполнял нелегкие миссионерские обязанности в Иргенском стане 15 лет (1875–1890). В 1877 г. было выбрано и освящено место для постройки новой Иргенской церкви. Для приобретения средств на плотничную работу и другие нужды по устройству церкви иеромонах Герасим совершил путешествие со сборною книгою по дороге в Камчатскую епархию до Благовещенска. «Это путешествие началось с июля и продолжалось до Покрова Пресвятой Богородицы. На пути Го-

сподь послал трудолюбивому страннику одного человека, который пожертвовал на Иргенскую церковь 1 000 р., но пожелал скрыть свое доброе имя. На собранные средства положено начало устройству храма: каменный фундамент его уже окончен», – так написал игумен Геронтий в отчете о Забайкальской православной миссии за 1877 г. (11).

Трехпрестольный обширный летний храм в честь Знамения Пресвятой Богородицы строился три года и был освящен 12 июня 1881 г. (38. С. 115).

Заботой иеромонаха Герасима была также выстроена здесь же вторая церковь в честь св. Иосифа Обручника Пресвятой Девы Марии, мученика Киприана и Симеона, Христа ради юродивого (тезоименитых святых Иргенских мучеников). Миссионерский стан для оптимальной его деятельности был обеспечен всеми необходимыми помещениями. Их перечислил в своем отчете Мелетий, епископ Забайкальский: «Здания в стане: а) дом для миссионера, построенный в 1876 г., б) жилой флигель с старою кухнею, в) четырнадцать лавок деревянных для торгующих купцов, из них четыре новые, построенные в 1876 г., г) новый погреб с выходным коридором, а вверху погреба жилые летние комнаты для богомольцев, д) завозня, при ней две кладовых и два амбара, крытые тесом, построенные в 1881 г., е) чрез сени от погреба новый дом для училища, ж) старый дом для приюта богомольцев. Все эти постройки с церквами и кладбищем обносятся деревянною, бревенчатою оградою, забранною в столбы. На все эти постройки о. Герасим сам изыскивал средства, путешествуя по всей епархии до Амура; тут же употреблял и свое жалование… На попечении его постоянно живут бедняки и увечные» (42. С. 265–266).

В 1884 г. иеромонах Герасим написал письмо к известной иркутской благотворительнице Александре Никаноровне Портновой с просьбой «сделать приклад ризы, в память матери своей Параскевы… к чудотворной иконе мученицы Параскевы – хозяйке Иргенского стана». А.Н. Портнова незамедлительно откликнулась и прислала дорогой сребропозлащенный оклад, который был возложен «на икону архиерейским служением» (10).

Иеромонах Герасим открыл миссионерскую школу, в которую принимались дети из семей православных, старообрядцев и бурят. Для школы в с. Беклемишеве, расположенном недалеко от Иргенского стана, было приобретено здание бывшей почтовой станции, где располагались классы и квартира учителя. В 1888 г. здесь обучалось 16 человек. Учителем был Михаил Николаевич Языков, из бурят-хоринцев, обучавшийся первоначально в Посольском миссионерском училище, затем окончивший курс в Иркутской учительской семинарии. В 1890 г. иеромонах Герасим, согласно его просьбе, был уволен от должности миссионера и определен духовником при Забайкальском архиерейском доме, где также усердно служил: «…за отлично-усердную службу и особые заслуги, выразившиеся в построении личными его трудами и заботами Иргенского миссионерского стана с двумя деревянными церквами, стоимостью до 25 000 руб., и собрании средств для благоустроения домовой архиерейской церкви, согласно указу Св. Синода от 24 апреля 1895 г., преосвященнейшим Георгием, епископом Забайкальским и Нерчинским, 2 июля 1895 г. возведен в сан игумена» (49). Игумен Герасим скончался 28 ноября 1895 г. от паралича сердца на 78-м году жизни (18).

К началу работы епископа Вениамина в должности главы Забайкальской духовной миссии в ней состояли лишь три миссионера, не было причетников. Через шесть лет в Забайкалье уже действовало 11 миссионерских станов, в которых состояло столько же миссионеров, четыре исправлявших должности миссионеров из приходских священников, один сотрудник миссии, восемь послушников при иеромонахах-миссионерах, три причетника. С 1862 по 1867 г. было просвещено св. крещением 2 177 язычников (38).

18 марта 1868 г. по рекомендации митрополита Московского свт. Иннокентия (Вениаминова) епископ Вениамин (Добронравов) был переведен на Камчатскую кафедру с поручением наблюдать за Японской миссией. 31 марта 1873 г. получил назначение на Иркутскую кафедру, которой управлял 19 лет, уделяя огромное внимание миссионерской деятельности.

Вениамин является автором многочисленных поучений, речей, заметок, записок о положении коренного населения и о миссионерском деле в Сибири. Документами церковно-исторического значения являются отчеты Вениамина о деятельности сибирских миссий (Забайкальской, Амурской, Камчатской) за разные годы, печатавшиеся в «Иркутских епархиальных ведомостях», «Записках Миссионерского общества», «Сборниках сведений о православных миссиях и деятельности православного Миссионерского общества», «Трудах православных миссий Восточной Сибири», «Страннике», «Православном обозрении» (3. С. 632).

ЛИТЕРАТУРА

1. Асташевский Г., свящ. Упраздненная Еравнинско-Острожская Спасская церковь // Иркутские епархиальные ведомости (далее – ИЕВ). 1888. № 49. Прибавления, с. 540–543.

2. Беседы со старообрядцами начальника Забайкальской противораскольнической миссии архимандрита Михаила. СПб.: Тип. Е.А. Поздняковой, 1887. 145 с.

3. Богданова Т.А. Вениамин (Благонравов) // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. VII. С. 630–632.

4. Васильева О. Святые места Забайкалья (озеро Иргень). На IX–X Рождественских чтениях в Москве. Секция Краеведение. 03.02.2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2001/02/03/svyatye_mesta_zabajkal_ya_ozero_irgen/ (дата обращения: 21.04.2015).

5. Вениамин, еп. Забайкальская духовная миссия. 1862 и 1863 гг. (Письма из Посольского монастыря) // Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 1: 1862–1867. Иркутск, 1883. С. 6–67.

6. Вениамин, еп. Забайкальская духовная миссия // ИЕВ. 1865. № 15 и 16. С. 93–106.

7. Вениамин, еп. Забайкальская духовная миссия в 1866 году // ИЕВ. 1867. № 12. Прибавления, с. 130–140.

8. Вениамин, еп. Забайкальская духовная миссия в 1867 году // ИЕВ. 1868. № 36. С. 282–284; № 40. С. 324; № 41. С. 331–333.

9. Гармаева Т.Ф. Свет веры // Слово о земле Хоринской: к 75-летию Хоринского района. Улан-Удэ, 1998. С. 70–71.

10. Герасим, иером. Изъявление благодарностей // ИЕВ. 1885. № 12. С. 65–66.

11. Геронтий, игум. Отчет о Забайкальской православной миссии за 1877 год // ИЕВ. 1878. № 24. Прибавления, с. 269–270.

12. Геронтий, игум. Отчет о Забайкальской православной миссии за 1877 год // ИЕВ. 1878. № 25. Прибавления, с. 281–284.

13. Государственный архив Ярославской области. Фонд коллекции рукописей (библиотека). Оп. 1. Ед. хр. 182 (31). Л. 103 об. – 105 об. Отчет архиепископа Нила от 15 февраля 1850 г. о состоянии Иркутской епархии за 1849 год.

14. Гусейнова Т.Н. Миссионерская деятельность архимандрита Иринарха настоятеля Троицкого Селенгинского монастыря // Русская Православная Церковь в Сибири: история и современность: Материалы конф., посвящ. 350-летию основания с. Посольское и Посольскому Спасо-Преображенскому монастырю. Улан-Удэ, 2003. С. 134–138.

15. Гусейнова Т.Н. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди старообрядцев Забайкалья (XVIII – начало XX вв.): дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004.

16. Епархиальные распоряжения. Разрешение построек // ИЕВ. 1867. № 14. С. 103.

17. Епархиальные распоряжения. Награждение набедренниками // ИЕВ. 1867. № 48. С. 360.

18. Епархиальные распоряжения и известия // ИЕВ. 1896. № 1. С. 3.

19. Ефрем, архим. Иргень, место святое. Чита, 1911.

20. Жалсараев А.Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий: Энциклопедический справочник. Улан-Удэ, 2001.

21. Жалсараев А.Д. Даурская духовная миссия // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14. С. 217–219.

22. Иринарх, архим. Воззвание к забайкальским старообрядцам // ИЕВ. 1885. № 34. Прибавления, с. 419–433.

23. Макарий, еп. Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1890 год // ИЕВ. 1891. № 41. Прибавления, с. 11.

24. Малков А., свящ. Из записок миссионера Забайкальской духовной миссии священника Алексея Малкова за 1863 год // Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 1: 1862–1867. Иркутск, 1883. С. 93–114.

25. Малков А., свящ. Хурал: Из записок забайкальского миссионера // Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 1. С. 230–249.

26. Малков А., свящ. Бегство ко крещению // Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 1. С. 345–350.

27. Малков А., свящ. Журнал миссионерских действий за 1873 год // Труды православных миссий Иркутской епархии. Т. 3: 1873–1877. Иркутск, 1885. С. 15–57.

28. Мартиниан, еп. Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1869 год // ИЕВ. 1870. № 42. С. 353–356; № 43. С. 359–362.

29. Мартиниан, еп. Отчет о состоянии Забайкальской православной миссии в 1872 г. // ИЕВ. 1873. № 42. Прибавления, с. 662.

30. Мартиниан, еп. Отчет о состоянии Забайкальской православной миссии за 1873 год // ИЕВ. 1874. № 19. Прибавления, с. 245.

31. Мартиниан, еп. Отчет о Забайкальской духовной миссии за 1874 год // ИЕВ. 1875. № 30. Прибавления, с. 401–408; № 32. Прибавления, с. 423–436.

32. Мартиниан, еп. Отчет о Забайкальской духовной миссии за 1875 год // ИЕВ. 1876. № 32. Прибавления, с. 424–425; № 33. Прибавления, с. 464–472; № 35. Прибавления, с. 487–504.

33. Мартиниан, еп. Отчет Забайкальской православной миссии за 1876 г. // ИЕВ. 1877. № 30. Прибавления, с. 396–400; № 33. Прибавления, с. 429–433.

34. Мелетий, иером. Забайкальская духовная миссия в 1868 году // ИЕВ. 1869. № 50. С. 541–548; № 51. С. 551–561; № 52. С. 565–578.

35. Мелетий, еп. Забайкальская духовная миссия в 1878 году // ИЕВ. 1879. № 33. Прибавления, с. 376–378.

36. Мелетий, еп. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии в 1879 году // ИЕВ. 1880. № 16. Прибавления, с. 196.

37. Мелетий, еп. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1880-й год // ИЕВ. 1881. № 32. Прибавления, с. 370.

38. Мелетий, еп. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1881 год // ИЕВ. 1883. № 8. Прибавления, с. 107–121.

39. Мелетий, еп. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1884 год // ИЕВ. 1885. № 25. Прибавления, с. 303–305; № 26. Прибавления, с. 317–326; № 27. Прибавления, с. 327–344; № 28. Прибавления, с. 345–354.

40. Мелетий, еп. Открытие церковно-приходской школы при Троицком Селенгинском монастыре // ИЕВ. 1886. № 6. С. 26.

41. Мелетий, еп. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1885 год // ИЕВ. 1886. № 29. Прибавления, с. 329–336.

42. Мелетий, еп. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1887 год // ИЕВ. 1888. № 26. Прибавления, с. 246–256; № 27. Прибавления, с. 260–271.

43. Мелетий, еп. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии в 1888 году // ИЕВ. 1889. № 25. Прибавления, с. 1–9.

44. Михаил, архим. Беседа с забайкальскими старообрядцами о браке и о правильном имени Господа и Бога нашего Иисуса Христа // ИЕВ. 1883. № 52. Прибавления, с. 663–668; 1884. № 2. Прибавления, с. 16–25.

45. Открытие приходских попечительств // ИЕВ. 1865. № 34. С. 218–219.

46. Отчет Попечительства при Анинской Николаевской церкви // ИЕВ. 1867. № 15. С. 111–112.

47. Памяти архимандрита Михаила // ИЕВ. 1884. № 10. Прибавления, с. 125–132.

48. Погребение в Бозе почившего Высокопреосвященнейшего Арсения, митрополита Киевского // ИЕВ. 1876. № 26. Прибавления, с. 346–356.

49. По Забайкальской епархии // ИЕВ. 1895. № 19. С. 240.

50. Приобретение новых душ Православной Церкви в пределах Иркутской епархии // ИЕВ. 1867. № 13. С. 98.

51. Соколовская Н.А. Миссионеры и миссионерство в Забайкалье: к истории проблемы (XIX – начало XX вв.): Аттестационная работа кафедры теологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pstgu.ru/fdo/science/raboti_vipusknikov/ (дата обращения: 21.04.2015).

52. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание Св. Троицкого Селенгинского мужского монастыря, Забайкальской области. М., 1895.

53. Указ Его Императорского величества Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Сената, преосвященному Вениамину, архиепископу Иркутскому и Нерчинскому // ИЕВ. 1884. № 30. С. 175.

М.Л. Ометова

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ (БАЛАГАНСКИЙ УЕЗД)

Материалы к словарю

Церковно-приходские школы долгое время являлись единственной возможностью получения образования для крестьянского населения России.

Такие школы создавались с целью формирования духовно-нравственных идеалов учеников, здесь они получали не только минимальные знания и основы грамотности, но и различные практические навыки ведения хозяйства, так как при многих школах обучали ремеслам и рукоделию, ученики возделывали земельные участки.

С ранних времен христианства школы создавались приходскими священниками при церквях, а также при монастырях и архиерейских домах, однако система церковно-школьного образования начала формироваться только с 1880-х гг. В 1884 г. после утверждения «Правил о церковно-приходских школах» получили официальное признание *одноклассные и двухклассные* церковно-приходские школы (до этого времени начальные школы при церковных приходах принято было называть *приходскими училищами).*

Одноклассными назывались церковно-приходские школы с двухгодичным курсом обучения (с начала XX в. – с трехгодичным). *Двухклассные* школы были с четырехгодичным курсом (с начала XX в. – с пятигодичным).

В одноклассных церковно-приходских школах преподавались Закон Божий (молитвы, Священная история, объяснение богослужения, краткий катехизис), церковное пение, церковно-славянская грамота, русский язык, письмо, начальная арифметика, рукоделие (для девочек). В двухклассных, кроме перечисленного, – краткая церковная и отечественная история, география, черчение, рисование. При наличии финансовых средств в школах преподавали гигиену, сельское хозяйство, ремесло (столярное, токарное, переплетное и др.), военную гимнастику. На первом месте в обучении детей стоял Закон Божий, так как церковные школы должны были в первую очередь утверждать православное учение веры и христианской нравственности.

В пяти округах Иркутской губернии в период с 1884 по 1917 г. в общей сложности было открыто 264 одноклассных школы: в Балаганском уезде – 69, в Иркутском – 65, в Нижнеудинском – 60, в Киренском – 44, в Верхоленском – 26. Двухклассных школ было 19: в Балаганском уезде – пять, в Иркутском – семь, в Киренском – две, в Нижнеудинском – четыре, в Верхоленском – одна.

Подготовкой кадров для начальных церковных школ – одноклассных и двухклассных – занимались средние учебные заведения – семинарии. В Иркутске работали *Иркутская духовная семинария* – среднее учебное заведение для подготовки духовенства, в том числе законоучителей для школ, и Иркутская церковно-учительская семинария, в задачи которой входила подготовка учителей общеобразовательных предметов для церковно-приходских школ.

Обучение в семинариях было бесплатным, сироты и дети бедных родителей принимались на казенное содержание. Лучшие воспитанники семинарий по окончании курса поступали в духовные академии; большая часть воспитанников определялась епархиальным начальством на места священно- и церковнослужителей либо на должности учителей и надзирателей в духовно-учебные заведения.

Наряду с начальными одноклассными и двухклассными школами существовали *школы грамоты (грамотности)* – одно-двухгодичные школы элементарного обучения. Долгое время они находились в ведении различных ведомств и частных лиц. 4 мая 1891 г. были утверждены «Правила о школах грамоты», согласно которым и этот тип начальной школы передавался в распоряжение Синода.

Обучение в школах грамоты ограничивалось заучиванием молитв, начатками чтения, письма и счета. Кроме стационарных существовали передвижные школы грамоты, которые открывались в небольшом селении сроком на два года, прием учащихся осуществлялся только один раз – при открытии школы набиралась лишь одна группа (в отличие от обычной школы с тремя отделениями). Через два года, после окончания занятий, школа переводилась в другое селение [1]. В Иркутской губернии, по отчетам Иркутского епархиального училищного совета, с 1891 по 1910 г. в целом было зафиксировано 225 школ: в Балаганском уезде – 61, в Иркутском – 60, в Верхоленском – 40, в Киренском – 39, в Нижнеудинском – 25.

Школы грамоты были упразднены к 1911 г., многие из них были закрыты или преобразованы в одноклассные.

Обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым было предложено «покрыть Россию школами грамоты», с тем чтобы дешево и в короткие сроки дать русскому народу всеобщую грамотность под руководством церкви.

Специально для подготовки контингента более или менее квалифицированных учителей школ грамоты с 1896 г. стали открываться второклассные школы (Положение о них вышло 1 апреля 1902 г.), подобные школы предписывалось строить вдали от города и фабричных центров, чтобы уменьшить «дурное влияние» на учеников. Второклассные церковно-приходские школы готовили учителей школ грамоты в течение трех лет. Открывались они с разрешения училищного совета при Синоде и содержались на его средства. В школы принимали подростков православного вероисповедания с образованием в объеме одноклассной церковно-приходской и начальной школ [2].

При второклассных церковно-приходских школах существовали так называемые образцовые школы – одноклассные церковно-приходские школы, в которых будущие учителя проводили практические уроки.

К 1911–1912 гг. из сети всеобщего обучения были исключены школы грамоты, в связи с этим выпускники второклассных школ уже не могли устроиться на работу по своей специальности. На государственном уровне встал вопрос о целесообразности существования этих школ, церковно-школьное управление начинает разрабатывать проекты их преобразования. В 1911–1912 г. многие второклассные школы были частично преобразованы в церковно-учительские, при некоторых из них стали открывать курсы подготовки кандидатов на должности преподавателей Закона Божьего в качестве помощников или заместителей законоучителей-священников. Несмотря на преобразования, второклассные церковные школы просуществовали до 1917 г. В Иркутской губернии таких школ было четыре (в Балаганском уезде – две и по одной в Верхоленском и Киренском уездах).

Особое место в системе церковного образования занимали миссионерские школы – учебно-воспитательные заведения элементарного типа, открывавшиеся при православных миссиях. Предназначались они для распространения христианства, обучения нерусских народов элементарной грамотности и подготовки миссионеров из среды местного населения. Содержались частично за счет средств Святейшего Синода, частично за счет земств [3]. В Иркутской губернии было 18 миссионерских школ: в Балаганском уезде – шесть, в Иркутском – десять, Верхоленском – две, в Киренском и Нижнеудинском уездах миссионерских школ не было.

Еще одним видом приходских школ были воскресные школы – общеобразовательные учебные заведения для работающих детей и взрослых, обычно бесплатные, обучение в них проводилось по воскресным дням. Во многих школах занятия велись и вечером в будни (назывались также вечерне-воскресными школами). Они были узаконены «Положением о народных училищах» (1864) как тип начальной школы, но начали работать лишь в конце 1860-х гг. После Октябрьской революции воскресные школы были преобразованы в школы для взрослых. В Иркутской губернии такие школы не были распространены, их было всего две – Иркутская и Киренская.

В Иркутске известна еще одна, особая, разновидность церковной школы – так называемая школа для беженцев, проработавшая в течение одного учебного года. Необходимость открытия такой школы возникла во время Первой мировой войны, когда в связи с военными действиями в России на территории Иркутской губернии сосредоточилось большое количество беженцев из центральных губерний, в короткий срок число беженцев достигло приблизительно 8 тыс. человек. Среди прибывших беженцев значительную часть составляли дети. По подсчету, произведенному Иркутским комитетом Всероссийского союза городов, количество детей-беженцев в Иркутске достигало 2 613 человек, из них 1 248 – школьного возраста. В 1915 г. при Иркутской духовной семинарии была открыта школа для детей беженцев, проработавшая до мая 1916 г. [4].

Всего в Иркутской губернии в период с 1861 до 1917 г. существовало более 500 церковно-приходских школ разного типа.

Школы духовного ведомства, несомненно, сыграли важную роль в развитии школьного образования Иркутской губернии. Здесь крестьянские дети имели возможность не только обучаться грамоте, но и самим становиться педагогами. Благодаря активной миссионерской деятельности церковные школы внесли огромный вклад в дело просвещения инородцев. После 1917 г. все школы перешли в ведение Министерства народного просвещения, однако многие учителя продолжали работать, сохраняя и развивая традиции, созданные церковной школой. Сведения об отдельных учебных заведениях духовного ведомства, существовавших в Иркутской губернии, в литературе отрывочны. С целью обобщения и систематизации разрозненного материала возникла идея создания словаря церковно-приходских школ Иркутской губернии, в котором будут собраны сведения об общем количестве, видах школ, об учителях, попечителях, учениках.

Основным источником информации о церковно-приходских школах Иркутской губернии послужили «Иркутские епархиальные ведомости» (далее – ИЕВ) – официальное издание Иркутской епархии, выходившее с 1863 по 1919 г. В официальной части «Иркутских епархиальных ведомостей» публиковались указы, распоряжения Синода, сведения о награждениях, перемещениях по службе священнослужителей, о поездках и служении правящих архиереев, о происшествиях, подробнейшие отчеты о деятельности духовно-учебных заведений, о попечительстве о бедных и др. [5]. В ИЕВ ежегодно публиковались перечни школ, отчеты об их состоянии. Основываясь на материалах ИЕВ, удалось составить более или менее полный перечень учебных заведений Иркутской губернии. Полученная информация неоднородна, по некоторым школам удалось составить достаточно полное описание, о некоторых известна лишь дата открытия или есть только упоминание школы в отчете, а прочие сведения отсутствуют. В словарь вошли сведения о количестве учеников, обучавшихся в каждом отчетном году, фамилии некоторых учителей, размер их жалованья, уровень образования, заслуги и пр.; по ряду школ удалось найти информацию о благотворителях и попечителях и другие сведения. Информация о каждой школе выбиралась из ИЕВ и выстраивалась в порядке хронологии.

Собранный материал требует дополнительной проверки и уточнения. Представить весь собранный материал в рамках данной статьи невозможно, приведем небольшую выборку по школам Балаганского уезда по разделам: I. «Второклассные ЦПШ», II. «Двухклассные ЦПШ», III. «Одноклассные ЦПШ» (А–Г), IV. «Миссионерские ЦПШ», V. «Школы грамоты».

I. Второклассные ЦПШ

КУТУЛИКСКАЯ ВТОРОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Кутулик Балаганского уезда Иркутской губернии, ныне Аларский район Иркутской области)

Открыта в 1896 г. Для школы был приобретен дом, в котором размещались класс, общежитие на 12–15 человек и помещение для учителя. При школе была большая кухня с помещением для прислуги, флигель для помещения столярной мастерской и мастера-учителя, бани, погреба, амбары, завозни, сеновалы, конюшни, большой участок земли для огорода. На покупку дома для школы 1 000 руб. пожертвовало местное сельское общество из своих средств и 1 000 руб. выдал епархиальный училищный совет. В Кутуликской школе в 1896 г. был устроен один второй класс, учителем которого состоял студент Иркутской духовной семинарии И. Охлопков, бывший по окончании курса в семинарии учителем в течение нескольких лет. Учеников в Кутуликскую школу было принято 11, в том числе несколько из Нижнеудинского округа. Три ученика были детьми местных жителей, и восемь учеников из более или менее далеких селений жили в общежитии при школе. На содержание пансионеров епархиальный училищный совет выделял по 6 руб. в месяц на каждого [6].

В 1899 г. в школе обучалось 24 мальчика, из них 23 русских, один еврей. С 1903 по 1916 г. – по 50–60 мальчиков [7].

Размещалась школа в двух зданиях, одно принадлежало школе, второе - частному лицу, предоставлялось за 150 руб. в год, общая сумма местных средств, изысканных школой в 1898 г., составила 154 руб. 56 коп.

В 1915 г. второклассная школа с общежитием для учеников размещалась в доме, выстроенном на казенные синодальные средства, на ее содержание отпускалось из казны 2 962 руб. 80 коп. [8].

Местные дети обучались за счет платы родителей, а дети, приехавшие из окрестных селений, почти все содержались на средства епархиального училищного совета [9].

В школу принимались дети в возрасте 13–17 лет, окончившие курс начальной – одноклассной, двухклассной церковно-приходской или министерской школы. Для поступления в школу необходимы были метрическая выпись о рождении, свидетельство врача о привитии оспы, свидетельство об окончании курса одноклассной или двухклассной школы. Во второй класс принимались успешно сдавшие экзамен за курс первого класса школы. После сдачи приемных экзаменов лучшие ученики принимались на земские стипендии, о чем родители учеников должны были подать прошение совету школы, прилагая удостоверение о своей бедности. Дети инородцев, успешно сдавшие экзамен, по удостоверению о бедности своих родителей принимались на стипендии православного миссионерского общества. Одежду и постель стипендиаты должны были иметь свою, содержание и учебники предоставлялись школой. В периодической печати подробно сообщалось, какими вещами должны обеспечить детей родители при отправке в пансион: 1913 г.: «все воспитанники школы носят собственную одежду. От поступающих воспитанников требуется, чтоб они имели не менее трех пар нижнего белья, две тужурки или рубашки черного и серого цвета, двое брюк, двое сапог, теплую одежду, чехол для матраца и две простыни»; 1915 г.: «родители, отправляя сына в школу, должны снабдить его необходимой одеждой: из верхнего платья: пальто, плащом, шубою, шапкою, фуражкой; из обуви необходимо иметь две пары сапог, галоши, катанки. Из прочей одежды: две верхних тужурки, одна из коих может быть заменена верхней блузой черного или серого цвета, две пары брюк; из нижнего белья – три рубашки, трое кальсон, три пары чулок. Из постельных принадлежностей: тюфяк или матрац. Подушку, одеяло, три простыни» [10].

Плата за содержание в пансионе школы составляла 60 руб.

В 1905 г. на казенное содержание принимались сироты – дети крестьян, погибших на Русско-японской войне.

Заведующие

С 1897 по 1908 г. священник Евгений Порфирьевич Попов, сын дьячка, родился в 1863 г. в с. Шаманском Киренского округа Иркутской епархии, в 1885 г. окончил Иркутскую духовную семинарию. Как законоучитель церковно-приходских школ получал вознаграждение 150 руб. в год [11].

С 1909 г. – священник Иоанн Сергеевич Агафонов.

С 1911 г. – священник Алексей Алексеевич Лебедев, сын псаломщика, окончивший курс Новгородской духовной семинарии в 1899 г. В 1910 г. указом Иркутской духовной консистории переведен на должность второго священника к Кутуликской Иоанно-Предтеченской церкви, 23 октября 1913 г. переведен в Енисейскую епархию [12].

В 1915 г. – священник Василий Алексеевич Флеров [13].

В 1916 г. – священник Василий Черемных.

Учителя

С 1894 г. пение преподавал дьякон Платон Платонович Канаровский (1855 г. р.), сын пономаря, уроженец Балаганского округа, Бажеевской Николаевской церкви. 2 августа 1878 г. по прошению переведен к Кутуликской церкви. 19 декабря 1884 г. архиепископом Иркутским и Нерчинским Вениамином ему объявлено архипастырское благословение за готовность безвозмездно преподавать пение в Кутуликской церковно-приходской школе, а в 1889 г. он «за усердное преподавание в школе пения и образование певческого хора единовременно удостоен Епархиальным Начальством денежной награды в количестве 50 рублей» [14].

1897 г. – Татьяна Ипполитовна Филатова, дочь дьякона, окончила епархиальное училище.

1898 г. – Иннокентий Васильевич Охлопков, студент Иркутской духовной семинарии, жалованье получал 360 руб.

1898 г. – Феодор Петрович Моисеенко, второй учитель, студент духовной семинарии, жалованье 100 руб. [15].

1899 г. – Зинаида Николаевна Иванова, дочь дьякона, окончила епархиальное училище.

С 22 июня 1899 г. – псаломщик Михаил Феодорович Мурашев [16].

1899 г. – Алексей Николаевич Багрянцев.

1901 г. – Ольга Петровна Сперанская, дочь священника, окончила епархиальное училище;

1901 г. – Владимир Григорьевич Павлов, сын подполковника, не окончил учительскую семинарию.

1902 г. – Алексей Гаврилович Трещенко, сын крестьянина, окончил второклассную школу.

С 1903 по 1907 г. – Надежда Авксентьевна Копылова, дочь священника.

1904 г. – Т. Солдатов, учитель, секретарь совета школы.

С 1906 по 1907 г. – Александра Гордиенко, окончила второклассную школу.

С 1906 по 1907 г. – Анастасия Ласкина.

С 1907 по 1908 г. – Александра Иннокентиевна Ядрихинская, окончила епархиальное училище.

В 1908 г. обучением хора занимался учитель Терентий Романов [17].

С 1 октября 1911 по 1 сентября 1912 г. учителем пения состоял дьякон Козьма Яковлевич Смоловик (1861 г. р., из крестьян) [18];

С 1911 по 1915 г. – Дмитрий Хороших;

В 1911 г. – Титов, Красильников, Багрянцева, Злыгостев, Баранов [19];

1914 г. – В. Новосильцев;

1914 г. – А. Авраамов;

1915 г. – Валентина Малкова.

Попечители

Ананий Иосифович Швец, балаганский купец 2-й гильдии,

Борис Григорьевич Патушинский,

Ф.В. Молев,

Невидимов,

Крестьянин Никита Середкин и др.,

Окружной исправник К.С. Яновский [20].

В феврале 1899 г. при Кутуликской второклассной школе на средства попечителей была открыта столярная мастерская. «Средства на обзаведение ее инструментами и материалами даны частными жертвователями гг. Патушинским, Швецовым, Невидимовым, а на приплату учителю-мастеру заимствованы из остаточной суммы на содержание Кутуликской школы. К занятиям в столярной мастерской ученики относились с интересом, в свободное от уроков время работали в ней усердно, так что вскоре научились делать довольно удовлетворительные киоты для икон, на продажу» [21].

При школе был оборудован небольшой кабинет физики, для которого был приобретен 51 прибор стоимостью 270 руб., здесь «для закрепления в памяти пройденного, делались доступные физические опыты» [22].

Была также оборудована организована библиотека, в 1900 г. епархиальным училищным советом было отпущено учебников, учебных пособий и принадлежностей на сумму 92 руб. 4 коп. [23]. Ученическая библиотека в 1915 г. насчитывала 965 наименований книг (библиотеки для внеклассного чтения в этот период существовали лишь в пяти школах уезда) [24].

В пополнении библиотеки при школе и организации религиозно-нравственных чтений огромное содействие оказывали попечители, об этом известно из «Иркутских епархиальных ведомостей» за 1898 г.: «Заведующий Кутуликскими церковно-приходскими школами считает своим долгом выразить искреннюю благодарность начальнику IV-й дистанции Средне-Сибирской железной дороги Александру Полидоровичу Гробовскому за деятельное и горячее участие в устройстве религиозно-нравственных чтений при церковно-приходской школе, выразившееся в пожертвовании более 100 названий книжек, приспособленных именно для народных чтений». Кроме того, в 1899 г. А.П. Гробовский пожертвовал астролябию, разные чертежные инструменты и медикаменты [25].

Наблюдатель церковных школ С. Алякринский в отчете за 1915 г. особо отмечал методику преподавания русского языка: «В целях всестороннего развития учащихся, более основательного и вдумчивого изучения ими предметов и приобретения навыков к стройному изложению мыслей, им давались письменные работы по разным предметам курса, причем давался срок написания 10 дней на работу. Из тем, задававшихся воспитанникам и воспитанницам, были например, такие: «Таинство св. Причастия» (опыт ознакомления с ним в начальной школе), «Нравственный и физический вред пьянства», «Кого из известных мне писателей я наиболее люблю и за что», «Как расширялась Россия с Петра Великого», «Разрушительная и созидательная деятельность воды и ветров», «Школьные праздники, условия классного внимания» и т. д. Всего за год по разным предметам курса было исполнено учащимися в Кутуликской школе 38 домашних сочинений» [26].

Обучение в кутуликских школах отличалось высоким уровнем, здесь стремились обучать своих детей не только люди православного вероисповедания, но и иудеи, католики, буряты.

В 1891 г. Кутулик посетил цесаревич Николай Александрович, который выразил «милостивое одобрение храма и школы», пожертвовав 100 руб. на храм и 10 руб. «детям школы», кроме того, он пожаловал свой портрет с подписью, портрет, оправленный в роскошную раму, был доставлен в школу 27 марта 1894 г. [27].

МАЛЫШЕВСКАЯ ЖЕНСКАЯ ВТОРОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Малышевка Балаганского уезда Иркутской губернии)

В 1900 г. преобразована из двухклассной, было собственное здание [28]. Школа состояла из трех отделений: старшего, среднего и младшего. Обучались преимущественно

дочери псаломщиков Иркутской епархии в возрасте от 13 до 17 лет, на содержание пансионерок ежегодно псаломщиками вносились взносы от 50 коп. до 1 руб. [29].

Для поступления в школу необходимо было иметь метрическое свидетельство о времени рождения и крещения, свидетельство от врача о привитии оспы, свидетельство от причта о благоповедении девицы и свидетельство об окончании курса начальной школы.

В первый класс принималось не более 20 человек, по конкурсному испытанию.

Все ученицы, проживавшие в общежитии, разделялись на казеннокоштных и своекоштных (кошт – расходы на содержание, пропитание, иждивение). Годовая плата за содержание своекоштной воспитанницы в разные годы составляла от 60 до 75 руб., взималась за полугодие вперед в сентябре и январе.

Все пансионерки при поступлении в пансион обязаны были иметь свою постель, «2 пары обуви, 2 пары верхнего платья: будничного с черным и праздничного с белым передниками (форма коричневая) и, по меньшей мере, таковое же количество белья», а своекоштные – и свои учебные принадлежности [30].

Ежегодно в школе обучалось по 60–70 девочек. В 1908 г. в младшем отделении обучалось 25 человек, в среднем – 19, в старшем отделении – 23, в общежитии проживало 55 человек, стипендии получало 35 человек, преподавали один законоучитель и три учителя со средним образованием. Число окончивших полный курс составило 20 человек, число книг в библиотеке для внеклассного чтения 475, общая сумма расходов на школу – 3 080 руб. [31].

В 1912 г. 32 ученицы получали стипендии, из них 30 стипендий от казны (по 60 руб.) и две – от Полтавского комитета (по 50 руб. каждая) [32].

Девиц обучали рукоделию. При школе был земельный участок размером 4 десятины 800 саженей, на нем были заведены огород и сенокос.

В школе практиковалось проведение литературных чтений, спектаклей, чтение рефератов [33].

В 1911/12 учебном году в Малышевской школе произошла эпидемия скарлатины, переболело 23 ученицы, пять из них вследствие серьезных осложнений выбыли из школы. Большая опасность при возникновении эпидемии заключалась в отсутствии при школе свободной комнаты, куда можно было бы изолировать заболевших [34].

После утверждения закона от 21 июня 1910 г. об упразднении школ грамоты второклассные учительские школы по сути утратили право на существование, поэтому в ряде второклассных школ, в том числе в Малышевской женской, был учрежден дополнительный курс, позволявший готовить учителей церковно-приходских школ.

Законоучителя, учителя, председатели совета школы

1904 г. – заведующий школой священник Нил Глушинский.

1905 г. – заведующий священник Михаил Болдовский

1906 г. – председатель совета школы, заведующий священник Михаил Болдовский, делопроизводитель учитель К. Лютиков [35].

1912 г. – заведующий школой священник Ин. Аксенов.

1916 г. – председатель совета школы священник Н. Сизых, учительница О. Смоловик.

II. Двухклассные ЦПШ

ЗИМИНСКАЯ ДВУХКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА ПРИ СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ (пос. Зима Балаганского уезда Иркутской губернии).

Преобразована из одноклассной школы в 1909 г. [36].

Количество учеников и учителей

1909 г. – 155 мальчиков и 58 девочек, один законоучитель священник, пять учителей общеобразовательных предметов.

1910 г. – 232 мальчика и 163 девочки, 8 учителей.
1911 г. – 242 мальчика и 166 девочек, 11 учителей.
1912 г. – 264 мальчика и 163 девочки, 10 учителей.
1914 г. – 189 мальчиков и 169 девочек, 10 учителей.
1916 г. – 246 мальчиков и 171 девочка, 10 учителей [37].

В 1915 г. псаломщик Зиминской поселковой церкви г. Сухов за хорошую постановку преподавания церковного пения в Зиминской двухклассной церковно-приходской школе получил архипастырское благословение архиепископа Иркутского и Верхоленского Серафима по представлению Иркутского епархиального училищного совета [38].

КАРЫМСКАЯ ДВУХКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Карымское Балаганского уезда Иркутской губернии)

В 1916 г. Закон Божий преподавал один учитель, общеобразовательные предметы – два учителя, обучалось 43 мальчика и 31 девочка [39].

МАЛЫШЕВСКАЯ ДВУХКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Малышевка Балаганского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1897 г. для обучения девиц из бедных семей и сирот. В 1898 г. в школу набирали до 15 человек, из них пансионерок до девяти [40].

В 1899 г. обучалось 20 девочек, 17 русских, одна полька, две еврейки. Здание школы принадлежало частному лицу, общая сумма средств, изысканных школой в 1899 г., составила 236 руб. Законоучитель – священник Никанор Георгиевич Милетинский, получал жалованье 100 руб. Учительница – дочь священника, окончившая курс Иркутского епархиального училища, Мария Лавровна Копылова, получала жалованье 360 руб. [41].

При школе был организован хор из десяти девочек [42]. В 1900 г. школа была преобразована во второклассную [43].

ТЫРЕТСКАЯ ДВУХКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (пос. Тыреть Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1914 г. Строительству школы оказали содействие Адам Адамович Рейнерт, ревизор школ М.Н. Руднев [44].

В 1916 г. законоучителем был священник, преподавало три учителя, обучалось 82 мальчика и 54 девочки [45].

ЯНГУТСКАЯ ДВУХКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Янгутское Балаганского уезда Иркутской губернии)

Преобразована из одноклассной школы в 1914 г.

В 1914 г. Закон Божий преподавал светский учитель, общеобразовательные предметы – два учителя, обучалось 43 мальчика и 20 девочек.

В 1916 г. Закон Божий преподавала одна учительница, общеобразовательные предметы – две учительницы, обучалось 26 мальчиков и 11 девочек [46].

III. Одноклассные ЦПШ (А-Г)

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (пос. Александровский Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1911 г.

В 1911 г. Закон Божий преподавал один учитель, общеобразовательные предметы – один учитель, обучалось 35 мальчиков и 12 девочек.

В 1912 г. обучалось 45 мальчиков и 14 девочек.

В 1914 г. Закон Божий преподавал один священник, общеобразовательные предметы – один учитель, обучалось 8 мальчиков и 1 девочка.

В 1916 г. – преподаватели те же, обучалось 28 мальчиков и 27 девочек [47].

АНДРЕЕВСКАЯ / СРЕДНЕ-ТАГНИНСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (пос. Андреевский / Средне-Тагнинский Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1912 г., преподавал один учитель.

В 1912 г. обучалось 22 мальчика и 10 девочек.

В 1914 г. – 17 мальчиков и 13 девочек.

В 1916 г. – 12 мальчиков и 7 девочек [48].

БАЙГАНСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (д. Байган Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1911 г., преподавал один учитель.

В 1911 г. – 14 мальчиков и 2 девочки.

В 1912 г. – 9 мальчиков и 7 девочек.

В 1914 г. – 10 мальчиков и 4 девочки.

В 1916 г. – 8 мальчиков и 4 девочки [49].

БАЛТУЙСКАЯ (БОЛТУЙСКАЯ) ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (улус Балтуйский / Болтуйский Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1907/08 учебном году вместо школы грамоты.

В 1909 г. обучалось 15 мальчиков и 8 девочек.

В 1910 г. Закон Божий преподавал один священник, общеобразовательные предметы – один учитель, обучалось 17 мальчиков и 8 девочек.

С 1911 по 1916 г. преподавал один учитель, обучалось:

в 1911 г. – 12 мальчиков и 9 девочек, в 1912 г. – 11 мальчиков и 9 девочек, в 1914 г. – 8 мальчиков и 12 девочек, в 1916 г. – 6 мальчиков и 9 девочек [50].

БАРХАТОВСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Бархатово Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1892 г., в этом году обучалось 20 мальчиков и одна девочка.

В 1899 г. обучалось русских 40 детей (21 мальчик и 19 девочек), здание принадлежало сельскому обществу, предоставлялось школе бесплатно, общая сумма средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 87 руб. 36 коп., законоучителем был священник Владимир Паргачевский, преподавал бесплатно, учительница – окончившая курс епархиального училища Леонилла Богославская, получала жалованье 240 руб. [51].

В 1903 г. обучалось 25 мальчиков и 19 девочек, в 1904 г. – 2 мальчика и 12 девочек, все предметы преподавал один учитель.

С 1908 по 1916 г. Закон Божий преподавал один учитель (или священник) и общеобразовательные предметы – один учитель.

В 1908 г. обучалось 32 мальчика и 21 девочка, в 1909 г. – 33 мальчика и 22 девочки, в 1910 г. – 27 мальчиков и 14 девочек, в 1911 г. – 24 мальчика и 15 девочек, в 1912 г. – 21 мальчик и 19 девочек, в 1914 г. – 27 мальчиков и 17 девочек, в 1916 г. – 22 мальчика и 25 девочек [52].

При школе существовала библиотека для внеклассного чтения [53]. Был организован хор, ученики Бархатовской школы «пели в церкви со псаломщиками по наслышке без нот» [54].

БЕЙТОНОВСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Бейтон / Бейтоново / Бейтоновсок Балаганского уезда Иркутской губернии)

В 1900 г. преобразована из школы грамоты в одноклассную [55]. Здание для школы было построено в 1908 г. на средства Синода [56].

В 1903 г. обучалось 30 мальчиков, в 1904 г. – 29 мальчиков, в 1905 г. – 28 мальчиков, в 1906 г. – 23 мальчика, все предметы преподавал один учитель.

В 1908–1916 гг. в школе был один законоучитель и один учитель общеобразовательных предметов (в 1911 г. – два учителя общеобразовательных предметов).

В 1908 г. обучалось 23 мальчика и 13 девочек, в 1909 г. – 21 мальчик и 5 девочек, в 1910 г. – 30 мальчиков и 6 девочек, в 1911 г. – 32 мальчика и 5 девочек, в 1912 г. – 27 мальчиков и 5 девочек, в 1914 г. – 25 мальчиков и 5 девочек, в 1916 г. – 19 мальчиков и 7 девочек [57].

БЕЛЬСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Бельское Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована 1 октября 1893 г., готовила учителей домашних школ (школ грамоты). Общая сумма средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 257 руб. 13 коп. Законоучителем был священник Федор Александров Парняков, получал вознаграждение 50 руб. Учительница – окончившая курс епархиального училища Мария Михайловна Парнякова, получала жалованья 240 руб. [58].

С 1899 по 1912 г. обучалось в среднем по 46 девочек, в 1914 г. 7 мальчиков и 20 девочек, в 1916 г. 11 мальчиков и 25 девочек [59].

При школе было общежитие, устраивались праздничные и воскресные чтения.

БЕССАРАБСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (пос. Бессарабский Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1912 г., преподавали один законоучитель и один учитель. В 1912 г. обучалось 16 мальчиков и 17 девочек, в 1916 г. – 17 мальчиков и 20 девочек [60].

БОЛЬЖУХАЙСКАЯ (УЛЕЙСКАЯ) ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (улус Больжухайский / Улейский Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1896 г. В 1899 г. обучалось 22 мальчика (буряты). Здание школы принадлежало частному лицу, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1899 г. составила 300 руб. Законоучитель и учитель – Петр Антонович Филиппов, окончил курс двухклассной образцовой школы при духовной семинарии, имел звание учителя, получал вознаграждение 300 руб. [61].

Обучалось ежегодно 20–30 мальчиков (в 1908 г. – всего шесть мальчиков), от 5 до 19 девочек (в 1913 г. – всего две девочки) [62].

ВЕРИНСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (переселенческий участок Веринский Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1910 г., преподавали один законоучитель и один учитель общеобразовательных предметов, обучалось: в 1910 г. – 14 мальчиков и 9 девочек, в 1911 г. – 20 мальчиков и 16 девочек, в 1912 г. – 23 мальчика и две девочки, в 1914 г. – 21 мальчик и 10 девочек, в 1916 г. – 27 мальчиков и 18 девочек [63].

ВЕРХНЕ-ЗИМИНСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Верх-Зима Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1899 г. Закон Божий преподавал учитель И.В. Россов, общеобразовательные предметы – учительница К.М. Копылова. Ежегодно обучалось по 15–20 мальчиков и 1–8 девочек (только в 1914 г. – 11 девочек) [64].

Освящена школа была 27 сентября 1899 г., это событие описано следующим образом: «Утром 27 сентября тихое скромное село засуетилось. Матери начали причесывать и одевать своих ребятишек, по улице с раннего утра что-то суетятся сельский староста, сотский и псаломщик. Наконец, раздается звон колокола. Начинается утреня и после промежутка Литургия. В храме у клироса рядами стали будущие ученики; собралось много молящихся. Из приезжих были кр. Начальник В.В. Гурский, и.д. пристава Я.А. Колесников, учитель И.В. Россов, акцизный надзиратель И.П. Прокофьев. На клиросе стройно пели дьякон А. Петелин, псаломщик Попов и учительница Верхне-Зиминской школы К.М. Копылова. Священник В. Лахин сказал относительно пользы грамотности следующее: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Ваше небольшое село в 50 дворов начинает все более и более благоустраиваться. Давно ли вы устроили на свои средства храм, при мне по подписке на свои бедные средства отремонтировали его? Недавно устроили сельское правление, а сегодня мы все собрались сюда в храм, чтобы помолиться и попросить благословение Господне открыть у нас одноклассную церковно-приходскую школу. Честь и хвала вам – за это! <…>

После Литургии был совершен крестный ход с иконами во временное наемное помещение училища, отслужен был молебен и помещение окроплено св. водой. Классная комната была украшена гирляндами из еловых веток. После молебна все почетные гости были приглашены учительницей на стакан чаю в ее миниатюрную комнатку рядом с классной комнатой. Всякий из гостей старался ободрить труженицу – учительницу в этом дремучем захолустье, – не скучать, а трудиться на благо народу. Из училища все почтенные приезжие гости, учительница и попечитель собрались на земскую квартиру, где за очень скромной трапезой даны многие полезные советы попечителю кр-ну Д. Александрову. Беседа пошла очень оживленно, все были рады, что сделали доброе дело. Провозгласил тосты за Государя Императора, Преосвященных, высшее учебное начальство, за просвещение Сибири, за учащих и учащихся, за крестьянского начальника В.В. Гурского, за гостей и благотворителей школы. Перед отъездом в с. Зиму все гости посетили местного ревнителя школьного дела и благотворителя Г.Л. Горбылева» [65].

ВЕРХНЕ-БУЛАЙСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Верхне-Булайское Балаганского уезда Иркутской губернии)

В 1880 г. Верхне-Булайское сельское общество отказалось от постройки школьного здания [66].

Школа была открыта в 1883 г., было собственное здание. С 1888 г. на содержание школы училищным советом отпускалось по 130 руб., сельским обществом по 120 руб. в год. Первым учителем был дьякон Петр Старцев, израсходовавший при открытии школы на приобретение необходимого инвентаря из собственных средств до 100 руб. В 1888 г. дьякона Старцева сменила окончившая курс в Иркутском женском училище духовного ведомства Евстолия Паргачевская. В 1889/90 г. учащихся было – мальчиков 20, а девочек 9 [67].

В 1892 г. архиепископ Иркутский Тихон во время своей поездки для обозрения миссионерских станов и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов при посещении Верхне-Булайской школы отметил, что «ответы учеников по Закону Божию были неудачные, механические». По этому поводу владыкой сделаны были надлежащие внушения учительнице и законоучителю» [68].

В отчете Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895/96 учебный год отмечалось, что класс «очень мал по числу даже имеющихся учеников» [69].

В 1899 г. обучалось 26 человек – русские, здание принадлежало школе, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 150 руб., законоучитель – священник Павел Иванович Волочнев, преподавал бесплатно. Учителем был дьякон, закончивший четырехклассное техническое училище, Василий Николаевич Романов, получал жалованье 280 руб. [70].

При школе была организована библиотека для внеклассного чтения [71].

С 1903 по 1916 г. обучалось 20–30 мальчиков и 12–20 девочек [72].

ВЕРХНЕ-ИДИНСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Верхне-Идинское Балаганского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1885/86 г. [73]. Размещалась в нежилом священническом (церковном) доме, в крестьянских домах. Местное сельское общество, ходатайствуя об открытии школы, обязалось ежегодно выдавать на содержание учителя 100 руб. и на школу 50 руб. Первым учителем был Иннокентий Евтихеев (Евтихнев?), окончивший четыре класса Томской духовной семинарии [74].

В 1889 г. инспектор народных школ П. Троицкий-Сенютович отмечал, что местные жители относились «крайне небрежно к своей школе», не хотели платить за ее содержание, в течение 15 лет она размещалась в недостроенном здании, не было книг, учебных пособий, однако в то же время указал, что учитель Евтихеев относится к своему делу внимательно. Во время проверки знаний ученики «читали весьма удовлетворительно, отвечали молитвы и рассказы из Священной Истории. Строгого же плана учебного не проведено» [75].

В 1900 г. местный священник предложил крестьянам с. Верхне-Идинского устроить собственное помещение для школы, которое могло бы вместить до 40 учащихся и квартиру для учителя. В этот раз крестьяне сочувственно отнеслись к слову своего пастыря и на сходе решили отпустить на постройку школы 1 200 шт. лесу и 600 руб. денег, а также взяли на себя доставку кирпича.

Иркутским епархиальным училищным советом было ассигновано на постройку школы 885 руб. согласно смете, представленной местным миссионером. Работы производились под наблюдением местного священника Владимира Амвросова, членов местного приходского попечительства, уездного наблюдателя Стефана Пляскина. Строительство было окончено к 3 июня 1902 г.

Описание школы: «Новоустроенное школьное здание деревянное одноэтажное, размером 6 саж. 1 аршин 10 вершков х 5 саж. 1 арш. 10 вершков. В нем имеются следующие помещения: ученический класс длины 4 саж. 4 вершка и шириной 3 саж. 12 вершков, прихожая комната для раздевания и три комнаты с кухней для учителя. Школьное здание поставлено на открытом, ровном и красивом месте вблизи храма. За неисполнение работы к сроку с подрядчика вычтена неустойка в количестве 74 руб. 30 коп.

Фонарь школой уже получен, книжки же и картины ожидаются в скором времени».

Здание школы было торжественно освящено 8 октября 1902 г. преосвященнейшим Филаретом, епископом Киренским, начальником Иркутской духовной миссии. На молебне по случаю освящения школы присутствовали местный благочинный священник Николай Затопляев, местный миссионер, заведующий школой священник В. Амвросов и миссионер Боханского стана священник Адриан Сивцев, крестьянский начальник 5-го участка Балаганского уезда В.А. Закревский и множество прихожан, как русских, так и инородцев [76].

В 1903 г. обучалось 29 мальчиков и 20 девочек, в 1904 г. – 28 мальчиков и 18 девочек, в 1905–1908 гг. по 24 девочки, в 1909 г. – 25 девочек, в 1910 г. – 8 мальчиков и 22 девочки, в 1911 г. – 21 мальчик и 17 девочек, в 1912 г. – 11 мальчиков и 22 девочки, в 1914 г. – 23 мальчика и 20 девочек, в 1916 г. – 20 мальчиков и 16 девочек [77].

ВЕРХНЕ-СЕРЕДКИНСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (д. Верхне-Середкинская Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1902 г. [78]. Преподавали один законоучитель и один учитель общеобразовательных предметов, с 1902 по 1916 г. ежегодно обучалось от 10 до 30 мальчиков и от 5 до 15 девочек [79].

ГОЛОВИНСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (станица Головинская Балаганского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1901 г. на средства администрации и рабочих Головинских каменноугольных копей [80].

В 1903 г. обучалось 20 мальчиков и 8 девочек, в 1904 г. – 13 мальчиков и 6 девочек, в 1905 г. – 10 мальчиков и 12 девочек, в 1906 г. – 9 мальчиков и 14 девочек, в 1908 г. – 13 мальчиков и 14 девочек, в 1909 г. – по 15 мальчиков и девочек, в 1910 г. – 24 мальчика и 16 девочек, в 1911 г. – 25 мальчиков и 18 девочек, в 1912 г. – 27 мальчиков и 16 девочек, в 1914 г. – 30 мальчиков и 17 девочек, в 1916 г. – 46 мальчиков и 24 девочки.

В 1903–1904 гг. преподавали один законоучитель и один учитель общеобразовательных предметов, в 1916 г. – два учителя общеобразовательных предметов [81].

ГОЛУМЕТСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Голуметь Балаганского уезда Иркутской губернии)

В 1900 г. преобразована из школы грамоты [82].

В школе ежегодно обучалось от 19 до 38 девочек, Закон Божий преподавал один священник, общеобразовательные предметы – один учитель [83].

Попечитель Голуметской ЦПШ – крестьянин Гавриил Невидимов, 6 мая 1903 г. «за благотворительную и общеполезную деятельность по церковно-школьному делу в Иркутской епархии» ему была «высочайше пожалована» золотая медаль для ношения на груди на Станиславской ленте [84].

ГРЯЗНУТСКАЯ (ГРЯЗНУХСКАЯ / ГРЯЗНУХИНСКАЯ) ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Грязнуха / Грязнухская / Грязнухинская / Грязнутская Балаганского уезда Иркутской губернии)

В 1899 г. преобразована из школы грамоты [85].

Ежегодно обучалось от 23 до 44 мальчиков и от 3 до 23 девочек. Преподавали один законоучитель, один учитель общеобразовательных предметов [86].

ГЫМЫЛЬСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Гымыль Балаганского уезда Иркутской губернии)

В 1899 г. преобразована из школы грамоты [87]. С 1903 по 1910 г. в школе ежегодно обучалось от 21 до 25 мальчиков и от 5 до 12 девочек [88]. Закон Божий преподавал один священник, общеобразовательные предметы – один учитель.

Школьное здание приобретено в 1908 г. на средства Синода [89].

Закрыта школа в 1911 г. [90].

IV. Миссионерские ЦПШ

БАЖЕЕВСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ШКОЛА (с. Бажеевское Балаганского уезда Иркутской губернии)

Открыта 2 октября 1878 г. [91]. Содержалась на средства миссии с 10 октября 1888 г. [92]. При школе была квартира для учительницы.

С 3 по 16 октября 1892 г. Бажей посетил архиепископ Иркутский Тихон во время обозрения миссионерских станов и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов, после молебна было крещено 30 бурят, осмотрена миссионерская школа, учительницей

была Старцева, из воспитанниц духовного женского училища. Наблюдатель школ отметил, что во время осмотра школы учеников было «мало, но отвечали порядочно» [93].

В 1899 г. обучалось 17 мальчиков и 8 девочек, из них 23 русские, 2 еврея.

Здание принадлежало частному лицу. Общая сумма средств, изысканных школой в 1898 г., составила 334 руб. 74 коп. Законоучитель – Константин Порфирьевич Попов, преподавал бесплатно, учительница – окончившая курсы прогимназии Ольга Семеновна Петровская, получала вознаграждение 200 руб. [94].

В 1899 г. – учительница Анна Петровна Лавровская, окончившая курс женского духовного училища, получала жалованье 200 руб. в год.

Обучение шло по звуковой методике. В библиотеке были книги: азбука Бунакова (12 экземпляров), «Родное слово» Ушинского, часть 1-я и 2-я (12 экземпляров), «Начальное наставление» Д. Соколова (5 экземпляров) и Евтушевского (5 экземпляров) [95]. В 1904 г. – один учитель кроме законоучителя, обучалось 25 мальчиков и 6 девочек [96].

V. Школы грамоты

БАЙГАНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (ПЕРЕДВИЖНАЯ) (д. Байган Балаганского уезда Иркутской губернии)

Год основания неизвестен, школа передвижная, обучалось по 7–10 мальчиков и от 2 до 8 девочек. Учитель – поселенец Иван Семенов, вознаграждение 7 руб. 50 коп. в месяц [97].

В 1911 г. преобразована в одноклассную.

БАЛАГАНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (пос. Балаганск Иркутской губернии)

«Балаганской школы грамотности не существует, но занимается 2 поселенца, у каждого до 10-ти человек. Предложено заявить об этом священнику» [98].

БАЛТУЙСКАЯ (БИЛТУЙСКАЯ) ШКОЛА ГРАМОТЫ (ПЕРЕДВИЖНАЯ) (д. Балтуйская / Билтуйская Балаганского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1897 г., в 1899 г. обучалось 8 мальчиков и 6 девочек, учитель – поселенец Смирнов, вознаграждение 6 руб., 50 коп. в месяц [99].

БАХТАЙСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (ПЕРЕДВИЖНАЯ) (д. Бахтайская Балаганского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1897 г., в 1897 г. обучалось 6 мальчиков и 2 девочки, учитель – поселенец Петр Григорьев, вознаграждение 6 руб. в месяц [100].

БЕЙТОНОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (с. Бейтон / Бейтоново / Бейтоновское Балаганского уезда Иркутской губернии)

Образована 28 октября 1892 г. [101].

В 1899 г. обучалось 26 мальчиков и 20 девочек, русские, с 1903 по 1906 г. – по 13–17 девочек. Здание школы принадлежало частному лицу, оплата за него с отоплением составила 105 руб. в год. Общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1899 г. 225 руб. Законоучитель – священник Стефан Литвинцев, обучал бесплатно. Учительница – окончившая курс женской гимназии Елизавета Дербина, получала жалованье 240 руб. [102].

В 1900 г. преобразована из школы грамоты в одноклассную [103].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К школьному вопросу // Сибирский листок. 1908. № 10. С. 1.

2. Красницкая Т.А., Мухина Ж.В. Второклассные школы в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум 2012». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rae.ru/forum2012/214/490 (дата обращения: 20.04.2015 г.).

3. Педагогический энциклопедический словарь. (Бим-Бад). М., 2002. С. 144–145.

4. Беляев М. Школа беженцев при Иркутской духовной семинарии за 1915–1916 учебный год // ИЕВ. 1916. № 12. Прибавления, с. 392–400; 1916. № 21. С. 720–723.

5. Крючкова Т.А. Иркутские епархиальные ведомости // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. XXVI. С. 517–518.

6. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // ИЕВ. 1899. № 7. Прибавления, с. 140–141.

7. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 119; …за 1904 гражданский год // Там же. 1907. № 16. С. 170; …за 1905 гражданский год // Там же. № 19. С. 170; …за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 244; …за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 115; …за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 259.

8. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 127; Отчет епархиального училищного совета о составе церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год. Церковно-приходские школы и время их открытия // Там же. 1897. № 20. С. 274; Фивейский Д. Церковно-приходские школы Балаганского уезда: (Историко-статистический очерк) // Там же. 1908. № 20. Прибавления, с. 555–556.

9. Алякринский С. Отчет о состоянии церковных школ за 1915 г. // ИЕВ. 1915. № 23. Прибавления, с. 46.

10. Объявление от Кутуликской второклассной школы // ИЕВ. 1906. № 16. С. 114; От Совета Кутуликской второклассной школы // Там же. 1913. № 13. С. 137; От Совета Кутуликской второклассной учительской школы, Балаганского уезда // Там же. 1915. № 12. С. 130–131.

11. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11226: Ведомость о церкви Иоанно-Предтеченской Благочиния III участка Балаганского округа Кутуликского селения за 1897 г. Л. 16–17; Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 125.

12. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14646: Ведомость о церкви, состоящей в пределах Балаганского уезда Иркутской епархии в селе Кутулик за 1913 год. Л. 26–27.

13. Алякринский С. Отчет о состоянии церковных школ за 1915 г. // ИЕВ. 1915. № 23. Прибавления, с. 46.

14. Ф. 50. Оп. 1. Д. 10433: Клировая ведомость по приходу Кутуликской Иоанно-Предтеченской церкви за 1891 год. Л. 21.

15. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 125.

16. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11655: Ведомость о церкви Иоанно Предтеченской, Благочиния III уч., Балаганского уезда Кутуликского селения за 1900 год. Л. 26.

17. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13160: Ведомость о церкви Иоанно Предтеченской, Благочиния III уч., Балаганского уезда Кутуликского селения за 1908 год. Л. 24.

18. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14646: Ведомость о церкви, состоящей в пределах Балаганского уезда Иркутской епархии в селе Кутулик за 1913 год. Л. 28.

19. С. Кутулик. (По поводу съезда учащих ц.-пр. школ Балаганского уезда) // ИЕВ. 1911. № 7. Прибавления, с. 156.

20. Сильвийский Н. Отчет Иркутского епархиального училищного совета // ИЕВ. 1903. № 1. С. 8.

21. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // ИЕВ. 1899. № 7. Прибавления, с. 141.

22. Алякринский С. Отчет о состоянии церковных школ за 1915 г. // ИЕВ. 1915. № 23. Прибавления, с. 72.

23. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии ЦПШ и школ грамоты Иркутской епархии за 1900 гражданский год // ИЕВ. 1901. № 19. С. 203.

24. Алякринский С. Отчет о состоянии церковных школ за 1915 г. // ИЕВ. 1915. № 23. Прибавления, с. 74.

25. От совета Кутуликской школы // ИЕВ. 1899. № 5. С. 49.

26. Алякринский С. Отчет о состоянии церковных школ за 1915 г. // ИЕВ. 1915. № 23. Прибавления, с. 70.

27. Торжественные незабвенные дни в Кутуликской церковно-приходской школе – 25 июня 1891 г. и 27 марта 1894 г. // ИЕВ. 1894. № 23. Прибавления, с. 1–5.

28. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1900 гражданский год // ИЕВ. 1901. № 17. С. 173.

29. Епархиальные распоряжения и известия // ИЕВ. 1898. № 21. С. 336.

30. Аксенов И. От Малышевской второклассной школы // ИЕВ. 1912. № 13. С. 94–95.

31. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 119; …за 1904 гражданский год // Там же. 1907. № 16. С. 170; …за 1905 гражданский год // Там же. № 19. С. 170; …за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214; …за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114; …за 1913 гражданский год // Там же. 1913. № 24. С. 255; …за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1915 гражданский год // Там же. 1915. № 13. С. 149; …за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258.

32. От Совета Малышевской второклассной школы // ИЕВ. 1913. № 13. С. 94.

33. Ведомость Иркутского епархиального училищного совета о церковных школах за 1908 гражданский год // ИЕВ. 1909. № 18. Табл. III.

34. Алякринский. Отчет о состоянии церковных школ Иркутской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1911–1912 учебный год // ИЕВ. 1914. № 6. С. 43–49.

35. От Совета Малышевской второклассной школы // ИЕВ. 1915. № 15. С. 174.

36. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета к 1909 гражданскому году // ИЕВ. 1909. № 16. С. 155.

37. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета к 1911 году // ИЕВ. 1911. № 24. С. 214; …к 1912 году // Там же. 1912. № 16. С. 115; …к 1914 году // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 259.

38. От Иркутского епархиального училищного совета // ИЕВ. 1915. № 9. С. 58.

39. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1916 гражданский год // ИЕВ. 1916. № 20. С. 259.

40. От Балаганского отделения епархиального училищного совета // ИЕВ. 1898. № 17. С. 308.

41. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 126.

42. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // ИЕВ. 1899. № 9. С. 167.

43. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1898 гражданский год // ИЕВ. 1900. № 6. С. 89.

44. Алякринский С., священник. Речь при освящении здания двухклассной Тыретской церковно-приходской школы // ИЕВ. 1914. № 21. Прибавления, с. 722.

45. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1916 гражданский год // ИЕВ. 1916. № 20. С. 259.

46. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета к 1914 году // ИЕВ. 1914. № 13–14. С. 156; …к 1916 году // Там же. 1916. № 20. С. 258.

47. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета к 1911 году // ИЕВ. 1911. № 24. С. 214; …к 1912 году // Там же. 1912. № 16. С. 115; …к 1914 году // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …к 1916 году // Там же. 1916. № 20. С. 258.

48. То же.

49. То же.

50. То же.

51. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 129.

52. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1908 гражданский год // ИЕВ. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214; …за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114; …за 1913 гражданский год // Там же. 1913. № 24. С. 255; …за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1915 гражданский год // Там же. 1915. № 13. С. 149; …за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258.

53. Брызгалов И. Указ. соч. № 9. С. 167.

54. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 21. Прибавления, с. 585.

55. Фивейский Д. Церковно-приходские школы Балаганского уезда: (Историко-статистический очерк) // ИЕВ. 1908. № 21. Прибавления, с. 586.

56. Там же. С. 612–613.

57. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 119; …за 1904 гражданский год // Там же. 1907. № 16. С. 170; …за 1905 гражданский год // Там же. № 19. С. 170; …за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214; …за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114; …за 1913 гражданский год // Там же. 1913. № 24. С. 255;

…за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1915 гражданский год // Там же. 1915. № 13. С. 149; …за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258.

58. Список начальных школ духовного ведомства, состоящих к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 128.

59. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 119; …за 1904 гражданский год // Там же. 1907. № 16. С. 170; …за 1905 гражданский год // Там же. № 19. С. 170; …за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214; …за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114.

60. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1912 гражданский год // ИЕВ. 1912. № 16. С. 114; …за 1913 гражданский год // Там же. 1913. № 24. С. 255; …за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1915 гражданский год // Там же. 1915. № 13. С. 149; …за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258.

61. Список начальных школ духовного ведомства состоящих к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 131.

62. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 119; …за 1904 гражданский год // Там же. 1907. № 16. С. 170; …за 1905 гражданский год // Там же. № 19. С. 170; …за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214; …за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114.

63. То же.

64. Открытие Верхне-Зиминской церковно-приходской школы 27 сентября 1899 г. // ИЕВ. 1899. № 22. Прибавления, с. 720–724.

65. Там же.

66. Фивейский Д. Церковно-приходские школы Балаганского уезда: (Историко-статистический очерк) // ИЕВ. 1908. № 21. Прибавления, с. 584.

67. Там же. № 20. Прибавления, с. 557–558.

68. Виноградов А. Описание первой поездки высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Иркутского, для обозрения миссионерских станов и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов, расположенных по Московскому и Ангарскому трактам, с 3-го по 16 ч. октября 1892 г. // ИЕВ. 1893. № 11. Прибавления, с. 11.

69. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 23. С. 334.

70. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 130.

71. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 21. Прибавления, с. 585.

72. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 119; …за 1904 гражданский год // Там же. 1907. № 16. С. 170; …за 1905 гражданский год // Там же. № 19. С. 170; …за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214; …за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114; …за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1915 гражданский год // Там же. 1915. № 13. С. 149; …за 1916 гражданский год // Там же. № 20. С. 258.

73. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.

74. Фивейский Д. Церковно-приходские школы Балаганского уезда: (Историко-статистический очерк) // ИЕВ. 1908. № 20. Прибавления, с. 557.

75. Троицкий-Сенютович П. Краткий отчет инспектора народных училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов о церковно-приходских, миссионерских и школах грамотности, осмотренных в феврале и марте 1889 года // ИЕВ. 1890. № 7. С. 5.

76. Устройство и освящение школы в селе Верхне-Идинском Балаганского уезда (Тальянский миссионерский стан) // ИЕВ. 1903. № 9. С. 228–232.

77. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 119; …за 1904 гражданский год // Там же. 1907. № 16. С. 170; …за 1905 гражданский год // Там же. № 19. С. 170; …за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214; …за 1912

гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114; …за 1913 гражданский год // Там же. 1913. № 24. С. 255; …за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1915 гражданский год // Там же. 1915. № 13. С. 149; …за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258.

78. Фивейский Д. Церковно-приходские школы Балаганского уезда: (Историко-статистический очерк) // ИЕВ. 1908. № 21. Прибавления, с. 586.

79. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 119; …за 1904 гражданский год // Там же. 1907. № 16. С. 170; …за 1905 гражданский год // Там же. № 19. С. 170; …за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214; …за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114; …за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1915 гражданский год // Там же. 1915. № 13. С. 149; …за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258.

80. Фивейский Д. Церковно-приходские школы Балаганского уезда: (Историко-статистический очерк) // ИЕВ. 1908. № 21. Прибавления, с. 586.

81. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 119; …за 1904 гражданский год // Там же. 1907. № 16. С. 170; …за 1905 гражданский год // Там же. № 19. С. 170; …за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214; …за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114; …за 1913 гражданский год // Там же. 1913. № 24. С. 255; …за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1915 гражданский год // Там же. 1915. № 13. С. 149; …за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258.

82. Фивейский Д. Церковно-приходские школы Балаганского уезда: (Историко-статистический очерк) // ИЕВ. 1908. № 21. Прибавления, с. 586.

83. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 119; …за 1904 гражданский год // Там же. 1907. № 16. С. 170; …за 1905 гражданский год // Там же. № 19. С. 170; …за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214; …за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114; …за 1913 гражданский год // Там же. 1913. № 24. С. 255; …за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1915 гражданский год // Там же. 1915. № 13. С. 149; …за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258.

84. Изъявление благодарности // ИЕВ. 1903. № 13. С. 71.

85. Фивейский Д. Церковно-приходские школы Балаганского уезда: (Историко-статистический очерк) // ИЕВ. 1908. № 21. Прибавления, с. 585.

86. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 119; …за 1904 гражданский год // Там же. 1907. № 16. С. 170; …за 1905 гражданский год // Там же. № 19. С. 170; …за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214; …за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114; …за 1913 гражданский год // Там же. 1913. № 24. С. 255; …за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1915 гражданский год // Там же. 1915. № 13. С. 149; …за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258.

87. Фивейский Д. Церковно-приходские школы Балаганского уезда: (Историко-статистический очерк) // ИЕВ. 1908. № 21. Прибавления, с. 585.

88. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904. № 20. С. 119; …за 1904 гражданский год // Там же. 1907. № 16. С. 170; …за 1905 гражданский год // Там же. № 19. С. 170; …за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249; …за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155; …за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118; …за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214; …за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114; …за 1913 гражданский год // Там же. 1913. № 24. С. 255; …за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156; …за 1915 гражданский год // Там же. 1915. № 13. С. 149; …за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258.

89. Фивейский Д. Церковно-приходские школы Балаганского уезда: (Историко-статистический очерк) // ИЕВ. 1908. № 22. Прибавления, с. 612–613.

90. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1911 гражданский год // ИЕВ. 1911. № 24. С. 214; ...за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 114.

91. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.

92. Троицкий-Сенютович П. Краткий отчет инспектора народных училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов о церковно-приходских, миссионерских школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 года // ИЕВ. 1890. № 6. С. 8.

93. Виноградов А. Описание первой поездки высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Иркутского, для обозрения миссионерских станов и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов, расположенных по Московскому и Ангарскому трактам, с 3-го по 16 ч. октября 1892 г. // ИЕВ. 1893. № 11. Прибавления, с. 11.

94. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 171.

95. Троицкий-Сенютович П. Краткий отчет инспектора народных училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов о церковно-приходских, миссионерских школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 года // ИЕВ. 1890. № 6. С. 8.

96. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1904 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 17. С. 190.

97. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 162.

98. Троицкий-Сенютович П. Краткий отчет инспектора народных училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов о церковно-приходских, миссионерских школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 года // ИЕВ. 1890. № 8. С. 13.

99. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 163.

100. Там же.

101. Там же. № 7. С. 129.

102. Там же. С. 154.

103. Фивейский Д. Церковно-приходские школы Балаганского уезда: (Историко-статистический очерк) // ИЕВ. 1908. № 21. Прибавления, с. 586.

А.В. Сакович

НАТУРАЛЬНАЯ ДОРОЖНАЯ ПОВИННОСТЬ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

К началу XIX в. в Восточной Сибири окончательно сформировалась государственная система взимания податей и исполнения натуральных и денежных повинностей, которая в значительной степени определяла хозяйственное положение крестьянства.

Подати и сборы делились на государственные, мирские и земские.

Государственные денежные сборы составляли подушная и оброчная подати. Мирские сборы шли на исправление проселочных дорог, содержание перевозов, хлебных экономических магазинов, волостных и сельских управлений.

В волостях денежный сбор на расходы внутри волости назывался «внутренней повинностью» и шел на содержание училищ, вспомоществование учительской семинарии, содержание учениц в родовспомогательном заведении, жалованье и оплату квартиры повивальной бабки, призрение в богадельне, отопление ее, тюрьмы и фельдшерской квартиры, содержание перевозов.

Все расходы и сборы определялись приговорами волостного схода, который составлял смету и посылал ее на утверждение высшему начальству. После утверждения сметы сход делал раскладку. Деньги на внутренние повинности собирались вместе с государственными податями.

Внутренняя повинность включала в себя «частную земскую повинность». За ее счет производились отопление и освещение волостного правления, а также через казначейство выплачивалось жалованье волостному писарю, голове, старосте, оплачивались канцелярские расходы.

Денежный земский сбор делился на постоянный и временный.

К постоянным денежным повинностям относились сборы на содержание почтовых подвод и помещений, подвод для земских сообщений, почтовых дорог, постов и перевозов, учебных заведений, устройство и поправку трактовых дорог, мостов, гатей и перевозов, на жалованье письмоводителям и рекрутским старостам, на содержание уездной полиции, отопление и освещение воинских помещений.

К временным денежным повинностям относились сборы, предназначенные для устройства почтовых, воинских, этапных и тюремных помещений, на устройство верстовых столбов.

По мере устройства всех этих помещений их содержание (отопление, освещение, ремонт и пр.) переходило в разряд постоянных повинностей. Размер денежных земских повинностей утверждался на каждое трехлетие губернским или областным советом.

В 1823 г. на земские повинности в Иркутской губернии собиралось: в Иркутском округе – 4 руб. 5 коп., в Нижнеудинском, в волостях Братской и Яндинской – 4 руб. 5 коп., в Кимильтейской и Бирюсинской – 2 руб. 35 коп. [1].

«Государственные подати уплачивались исключительно деньгами. Официально все сборы с одной души не превышали 15 руб. ассигнациями, но фактически они увеличивались. В 1840 г. сборы достигали 30 руб. ассигнациями с души. О тяжести сборов с крестьян свидетельствует рост недоимок. К 1839 г. только в Восточной Сибири сумма недоимок по всем платежам достигала 1 544 347 руб.» [2].

Государственные крестьяне Восточной Сибири помимо денежных повинностей обязаны были нести целый ряд натуральных (личных) повинностей.

К их числу относились: 1) исправление дорог, мостов, гатей, бечевников, мостовых перил, верстовых столбов и «приготовление для оных лесу»; 2) отправление обывательской междудворной гоньбы по трактовым и проселочным дорогам; 3) содержа-

ние перевозов через реки по трактовым и проселочным дорогам; 4) караул сельских хлебных магазинов и церквей, государственных судов, использование крестьян при волостных правлениях и почтовых домах в должностях сторожей и рассыльных; 5) приготовление леса для общественных строений и дров на отопление общественных зданий, тюрем, церквей, богаделен; 6) ремонт общественных зданий; 7) поимка беглых, сопровождение и пересылка колодничьих партий; 8) борьба с лесными пожарами, работы при межевании земель.

Если в XVIII в., по мнению В.Н. Шерстобоева, натуральные повинности «не являлись чрезмерными и не влекли расстройства крестьянского хозяйства» [3], то в XIX в. они тяжким бременем легли на плечи сибисркого крестьянства.

Несмотря на то что основная масса восточносибирских крестьян была обеспечена землей, занималась скотоводством, охотой, извозом, большая часть денежных выплат приходилась на хозяйства зажиточных крестьян, которые имели значительное количество товарного хлеба, сотни голов крупного рогатого скота, десятки лошадей, использовавшихся для извоза. Бедняцкие и середняцкие хозяйства зачастую не имели достаточных финансовых средств для уплаты государственных и земских налогов.

Необходимо отметить, что урожайные годы случались редко, а хозяйственное положение округов и волостей было различным.

В среднем каждая «платящая душа» платила всех денежных сборов в год с включением натуральных повинностей, кроме дорожной, по 14 руб. 2 коп., а с последней – 35 руб. 55 ¼ коп. [4].

Наибольшее обложение приходилось на Нижнеудинский округ, где с каждой души бралось в год по 45 руб. 30 коп. Причиной тому были непомерные требования по отправлению натуральных повинностей, которые, с учетом наличного числа «платящих душ» были почти в три раза больше, чем денежные обложения [5].

Самой тяжелой повинностью для крестьян была натуральная дорожная повинность. В Восточной Сибири ее даже считали более тяжелой, чем податная, так как ее приходилось отбывать в рабочую пору. Тяжесть этой повинности определялась огромной протяженностью трактов и проселочных дорог, малонаселенностью края. В Иркутской губернии общая протяженность почтовых дорог, на которых насчитывалось 400 мостов, 1 200 гатей, 114 перевозов, составляла 5 191 версту [6].

Участок Главного Сибирского тракта от с. Еловского на границе Иркутской и Енисейской губерний до Иркутска был равен 726¾ версты. Из них 562½ версты приходилось на Нижнеудинский округ с населением 22 772 души мужского пола, 123 версты на Балаганский округ с населением 59 967 душ мужского пола и остальные 111¼ версты – на Иркутский округ с мужским населением 46 966 душ [7].

Общая численность русского населения в губернии в начале 50-х гг. XIX в. составляла 316 032 человека [8].

Особенно тяжела была повинность на Кругобайкальском тракте, где население было малочисленным, а дороги находились в «ужасном состоянии». В 1875 г. для исправления Кругобайкальского тракта от р. Култушной до ст. Снежной требовалось до 1 200 рабочих и до 250 лошадей с землевозными телегами и особыми проводниками [9]. Для постройки моста через р. Слюдянку на Кругобайкальском тракте в 1873 г. требовалось 450 плотников, 28 пильщиков, 850 чернорабочих и 150 рабочих с лошадьми [10].

К концу 1870-х гг. численность населения Иркутской губернии увеличилась до 383 578 человек [11].

Всего в общий июньский наряд с 1881 по 1883 г. на дороги в Иркутской губернии было выставлено: в 1881 г. 13 107 рабочих при 17 029 лошадях, в 1882 г. – 14 235 рабочих и 21 214 лошадей, в 1883 г. – 15 623 рабочих и 18 138 лошадей. Таким образом, за три года общее число рабочих составило 42 965 человек при 56 381 лошади [12].

Главная нагрузка по исправлению Московского тракта ложилась на жителей Нижнеудинского и Балаганского округов. В 1881–1883 гг. Иркутский округ выставил на Московский тракт 2 764 человека, Нижнеудинский – 4 375, Балаганский – 19 063 человека.

Всего в течение этого времени на Московском тракте трудилось 26 202 человека, на Якутском – 13 179, на Ангарском – 4 112, на Кругобайкальском – 4 457, на Амурском – 2 196, на Приленском – 4 951 человек.

На побочных трактах губернии работало в течение трех лет: на Тункинском – 405 человек, на Заангарском – 5 948, на Шелашниковском – 1 518, на Окинском – 450, на Ольхонском – 504 человека. Всего на почтовых трактах и побочных трактовых дорогах в 1881–1883 гг. работало 63 922 человека [13].

Самыми заселенными волостями, расположенными на трактах губернии, к 1884 г. были: на Московском тракте – Кимильтейская волость (5 985 душ мужского пола), Черемховская (13 858 душ м. п.), Мальтинская и Биликтуйская волости (10 487 душ м. п.); на Якутском тракте – Оекская и Тугутуйская волости (7 195 душ м. п.), Манзурская волость (6 846 душ м. п.); на Приленском тракте – Макаровская (6 478 душ м. п.); на Ангарском тракте – Уриковская волость (7 817 душ м. п.) [14].

Дорожная повинность обошлась населению Иркутской губернии в 1881–1883 гг. в 6 021 347 руб. 20 коп., или в 2 007 115 руб. 73 1/3 коп. в год, без учета стоимости материалов: строевого леса, фашинника, гальки и разных инструментов [15].

В 1887 г. на Московском тракте в Восточной Сибири предполагалось задействовать 11 447 рабочих и 20 тыс. лошадей. Если перевести на деньги, ремонт дороги обходился населению ежегодно в 343 тыс. руб. или почти в 300 руб. за версту [16].

Из приведенного количества рабочих Иркутский округ должен был выставить на 113 верст Московского тракта 1 127 человек, Балаганский – на 135 верст 1 850 человек, Нижнеудинский – 2 800 человек на 350 верст. Таким образом, число рабочих на одну версту тракта по округам составляло соответственно 10, 14 и 8 человек [17].

Руководство выполнением дорожной повинности осуществляли волостные старшины и сельские старосты. Весной сельские старосты обязаны были осмотреть свои дорожные участки и на съезде сельских обществ составить «приговоры» по распределению дорожных участков, необходимых сооружений и исправлений. Далее акты направлялись окружному земскому заседателю и окружному исправнику. Наблюдение над устройством и ремонтом трактовых дорог также было их обязанностью: они предписывали волостным правлениям, какое число конных и пеших работников отправить на ремонтные работы, какими инструментами запастись и пр.

Земское полицейское управление утверждало проект работ, производило в нем, если требовалось, изменения и далее отправляло на утверждение губернскому совету и иркутскому гражданскому губернатору.

В предварительных совещаниях по вопросам натуральной дорожной повинности, которые проходили в Иркутске, принимали участие окружные исправники, волостные старосты и другие члены сельских обществ [18].

Натуральная дорожная повинность включала в себя: 1) весенние работы, продолжавшиеся с конца мая до конца июня, обязанности рабочих в это время: очистка полотна дороги от грязи, закладка гатей в низких и топких местах и сланей из строевого леса, «усыпка полотна дороги галькою, утрамбовка, расчистка дороги от леса, прорытие канав и откосов, устройство труб и небольших мостиков и плотин»; 2) осенние работы, заключавшиеся в выравнивании испорченного дождями и колесным транспортом дорожного полотна; 3) зимние работы, в которые входили поправка пути, «сбитие» накипей на реках, «разрубление по зимней дороге торосов льда и постановление на оной вех», выравнивание ям и ухабов.

Дорожная повинность отбывалась населением посредством выделения наряда рабочих из наличного числа «могущих», или «бойцовых» душ (мужчин в возрасте от 18 до 55 лет) в каждой волости и инородческом ведомстве сообразно потребности в рабочей силе на ремонт дорог. В зависимости от общего числа могущих душ на дорожные работы могли назначаться по одному человеку от четырех, одному или двум – от пяти, по три – от пяти и в редких случаях – по одному человеку от восьми могущих душ.

Строительная комиссия устанавливала наряды для работ из расчета: один рабочий от четырех «могущих» душ.

Наряды рабочих подразделялись на общие и частные. В первом случае на работы выходили рабочие от всей губернии разом, в определенном количестве и в особо установленный срок, определенный окружным исправником и утвержденный губернским советом. Частные наряды отбывали дорожную повинность в остальное время года. В этом случае никакого заранее определенного количества рабочих и времени работ не устанавливалось [19].

Общий выход рабочих назначался по окончании весенних полевых работ – с 1 июня и до конца месяца. Рабочие, которые приходили на тракт из дальних населенных пунктов, начинали работы с 15 июня.

Дорожная повинность в течение года выполнялась: летом в общий июньский выход рабочих в течение 28–29 суток, осенью после 1 октября – в течение 10–20 суток и в остальное время года в общей сложности до 20 суток, в среднем вывод до 64 рабочих суток в год [20].

Ежедневно, кроме праздничных и выходных дней, рабочие на тракте должны были выполнить «урок» – определенный объем работ, который устанавливал окружной исправник или губернский инженер. Урок включал в себя различные виды дорожных работ. Сроки исполнения могли быть разные – от одного до нескольких дней.

Так, Балаганская степная дума за своевольное оставление работ рабочими, согласно распоряжению губернского инженера Штерн-Гвяздовского, обязана была выслать на три дня на участок Осинской волости Московского тракта 290 рабочих и исполнить в течение этого времени следующий урок: 1) вывезти восемь призм (каждая в две кубических сажени) боровой гальки, которая находилась на расстоянии восьми верст от производства работ; 2) вскрыть 46 квадратных саженей торфа с перевозкой на расстояние в 50 саженей.

Молькинское общество по той же причине обязано было выслать на три дня на первый участок Боханской инородной управы Московского тракта 50 рабочих, чтобы вывезти из той же местности на расстояние 11 верст боровой гальки одну призму в две кубических сажени [21].

Каждый работник должен был явиться к месту работы с двумя конями, рабочим инструментом, таратайкой для перевозки гальки, со своими съестными припасами на целый месяц, фуражом для лошадей, одеждой и обувью. В среднем это обходилось по 6–7 руб. с человека.

В отдельных случаях нарушение данного распоряжения приводило к тяжелым последствиям для крестьянских хозяйств, доводило их до полного разорения.

Пример тому – жалоба инородцев Балаганского инородческого ведомства, которые по найму отправились на исправление Московского почтового тракта. Взяв с собою по одной лошади, провизию, фураж для лошадей, таратайку и инструмент, рабочие прибыли в с. Зиминское, где чиновник Приклонский отказал им в приеме на работы по причине отсутствия у каждого второй лошади. Крестьяне объяснили чиновнику, что вторую лошадь они купят у местных жителей, поскольку из-за неурожая хлебов и трав лошади в Балаганском округе ценятся очень дорого. Чиновник объявил, что тамошних лошадей для работы он принимать не будет, и приказал отобрать у крестьян

лошадей и деньги, а самим крестьянам – отправляться пешком домой. Оставшись без лошадей и денег (общая сумма затрат составила 283 руб.), инородцы вынуждены были продать месячный запас хлеба, таратайки и дорожный инструмент. Дополнительные убытки составили по 200 руб. с человека. Кроме этого по распоряжению Балаганской степной думы было приказано взыскать с крестьян 703 руб. 20 коп., которые должны были поступить уполномоченному Миронову для найма других рабочих [22].

Натуральная дорожная повинность была неиссякаемым источником дохода для местной администрации. Так, например, бирюсинский старшина Мамаев освобождал крестьян от работы за 3–4 руб. Жалобы крестьян на сельские власти оставались без последствий, что дает повод предполагать, что деньги, взимаемые с вышеупомянутой целью, в первых руках не оставались. Примером тому могут служить три жалобы, поданные крестьянином Кимильтейской волости Данилой Желтыченко на незаконные действия и взяточничество кимильтейского волостного головы Ивана Филатова. Все три прошения на имя заседателя 1-го участка Нижнеудинского округа Манькова так и не дошли до окружного исправника [23].

Нередко для ремонта тракта назначались крестьяне из дальних волостей – за 200–500 верст от места производства работ.

Из отчетов окружных исправников за 1881–1883 гг. видно, что рабочим Тулуновской волости к месту работ пришлось пройти к границам губернии путь длиною в 332 версты и столько же в обратную сторону по окончании работ. Рабочие Кимильтейской волости прошли путь в обе стороны длиною в 1 065 верст [24].

В Нижнеудинском округе распределение дорожных участков между селениями затруднялось тем, что из 2 800 крестьян, выходивших на дорожные работы, только 1 200 были местными. Остальная же часть в количестве 1 600 человек высылалась ежегодно из Балаганского округа и назначалась на ближний к ним участок от с. Кимильтей до Нижнеудинска. Крестьяне Кимильтейской, Братской и Тулуновской волостей переводились соответственно на несколько сот верст дальше, на участок от Нижнеудинска до Бирюсы [25].

В 1886 г. государственные крестьяне Большеокинского участка Братской волости Иркутской губернии обратились в волостное правление с общественным приговором, в котором писали: «По причине безвыходно-бедственного положения местного населения от продолжавшихся несколько лет кряду неурожаев хлеба вызов дорожных работников на Московский тракт мы считаем крайне разорительным для себя: у многих из нас в настоящее время в запасе нет ни одного зерна хлеба, – тогда как для выезда на работы за 300 верст каждый работник должен иметь при себе слишком на полтора лица пропитание; точно так же и лошади рабочих, исхудалые от недостатка в зимнее время кормов и окончательно изнуренные только что окончившимися тяжелыми земледельческими работами, едва ли могут перенести все трудности дальнего переезда» [26].

Каждый рабочий из дальних селений, чтобы успеть явиться на пункт к сроку, должен был «подняться с места» за двое-трое и даже за десять суток, а затем столько же времени следовать обратно.

«Душа содрогалась при виде возвращающихся с трактовых работ крестьян, исхудалых, больных, с едва двигающимися от бескормицы лошадьми, так как не только купить сена, но и самому прокормиться было нечем», – приводил слова одного из очевидцев корреспондент газеты «Восточное обозрение» [27].

В тех случаях, когда выход крестьян на работы был невозможен из-за дальности расстояния до места работ или по причине полного бездорожья, повинность отбывалась наймом. С каждой рабочей души взималась сумма от 10 до 15 руб., которая отсылалась «без всяких формальностей своим сообщественным, живущим на ремонтируе-

мых дорогах, представляя им относить дорожную повинность за присланные деньги, лично самим или чрез наемных рабочих» [28].

Эти затраты не приносили никакой пользы, так как в работники большей частью нанимались больные, немощные старики и слабосильные подростки, имеющие с этого небольшой заработок.

На Кругобайкальском тракте использовался другой способ отбывания дорожной повинности.

«Вся дорога, – говорилось в докладе заведующего строительной и дорожной частями Восточной Сибири И.И. Шаца от 26 июня 1874 г., – была разделена на участки, пропорционально численности каждого рода, затем каждый участок предоставлен ведению и попечению отдельного рода… Прямым следствием вновь введенного порядка явилось стремление каждого рода к замене натуральной повинности денежною, посредством отдачи всего участка к исправлению с подряда. Подобный способ отбывания повинности открывал возможности для всякого рода злоупотреблений со стороны подрядчиков. Эти люди, выпросив с рода или общества весьма достаточную сумму, сдавали свой подряд другому лицу, а тот еще кому-нибудь, и так до тех пор, пока первоначальная сумма не уменьшалась до крайних пределов. Ашебагатские инородцы 10-ти верстный участок от Мишихинской станции к Мысовой отдали на подряд своим же бурятам: Цыдыпову, Мункуеву и Цыбыкову за тысячу рублей, те передали подряд хоринскому буряту Цоктоеву за 400 рублей, а этот последний нашел в Посольском крестьянина Василия Лиханова, охотника к исправлению дороги на протяжении 10-ти верст за 180 рублей.

Последствия такого порядка очевидны сами собою: Лиханов, явившись на участок с двумя товарищами или работниками, занялся починкою мостов и труб, а также исправлять дорогу, засыпая выбоины землей. От очистки же канав отказался вовсе, так что – об усыпке полотна хрящем не может быть и речи. Короче сказать, участок ашебагатских инородцев останется в нынешнем году не ремонтированным, хотя и будет им стоить тысячу рублей» [29].

На Московском тракте наблюдалась следующая картина: инородцы являлись на тракт «большими ордами» – партиями человек в 300–400. Однако о дорожных работах из них почти никто не помышлял. Каждый род имел многочисленных начальников и должностных лиц, что значительно уменьшало количество рабочих единиц. По таборам бродили целые толпы праздных и пьяных людей, в то время как на тракте работало лишь несколько человек и почти за каждым наблюдал подрядчик [30].

Наблюдение за дорожными работами со стороны полиции было формальным.

Характеризуя деятельность полицейских властей, барон Медем в докладной записке генерал-губернатору Восточной Сибири отмечал, что земская полиция в смысле руководства работами на тракте и наблюдением за порядком на таборах, безусловно, бездействует [31].

Осенью 1891 г. Управление строительной и дорожной частями просило участкового дорожного инженера Глебовича сообщить, кто из рабочих или инородцев заслуживает награды за особое усердие и заслуги при отбывании натуральной дорожной повинности. Инженер доложил, «что из крестьян и сельских властей, заведывавших натуральной повинностью, никто не заслуживает никакой награды по причине дурного отношения к делу» [32].

На участках тракта, которые содержались в удовлетворительном состоянии, «за особое усердие», проявленное на работах по исправлению натуральной дорожной повинности на Московском тракте, по представлению дорожных техников и инженеров сельские старосты, волостные старшины, нарядчики и некоторые рабочие-крестьяне награждались медалями, деньгами и почетными кафтанами [33].

К началу 1880-х гг. вопрос об изменении порядка отправления натуральной дорожной повинности стал все чаще звучать со стороны представителей высшей ад-

министрации Восточной Сибири. Общественное мнение также признавало необходимость скорейшего обращения натуральной повинности в денежную.

Газета «Сибирь» призывала к рациональному устройству и исправлению дорог, которое возможно, во-первых, только при переводе натуральной повинности в денежную, с распределением платежей на все податные классы, во-вторых, если исправление будет поручено особым специалистам, а не полиции, и в-третьих, если капитальный ремонт дорог будет отделен от временного, ежегодного [34].

В 1884 г. для изучения порядка производства работ на Московский тракт был командирован адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири штабс-капитан барон Медем. Через год генерал-губернатор Восточной Сибири поручил произвести осмотр тракта управляющему строительным отделением барону Г.В. Розену и горному инженеру Ячевскому. По результатам инспекций оба чиновника и инженер представили доклады, в которых содержались мнения по поводу отбывания крестьянами натуральной дорожной повинности. В частности, в докладе горного инженера Ячевского приводились данные, которые доказывали неэффективность исполнения натуральной дорожной повинности на Главном Сибирском тракте.

По Нижнеудинскому округу рабочие обошлись населению примерно в 150 тыс. руб. Полезной же работы было выполнено лишь на десятую часть этой суммы. Кроме того, крестьяне были оторваны от домашних занятий в самое нужное для хлебопашца время. Это было особенно ощутимо, поскольку вся тяжесть дорожной повинности ложилась на самую бедную часть населения.

В 1885 г. Комитет министров специально рассматривал по высочайшему повелению замечания иркутского губернатора Носовича о необходимости изменения порядка исполнения дорожной повинности посредством переложения ее из натуральной в денежную.

Через год этот же вопрос был рассмотрен в Совете Главного управления Восточной Сибири.

Иркутский губернский совет не представил никаких соображений по этому вопросу, поскольку не нашел достаточных оснований к переложению натуральной дорожной повинности в денежную. Однако признавал, что по отношению к Московскому тракту дорожная повинность требует коренного изменения, введения другой системы, при которой бы участвовало в ней не только одно крестьянское население [35].

Опасаясь, что резкий переход от старого порядка исполнения дорожной повинности к новому, денежному, может вызвать серьезные затруднения, Совет рекомендовал сделать это «постепенно на основании опытов и по ближайшему усмотрению местного главного начальства».

Губернский совет признал необходимость учреждения технического надзора и содержания постоянных рабочих артелей с отнесением расходов на это за счет учрежденного повозного сбора. Предлагалось также кроме содержания вольнонаемных рабочих «применить даровой арестантский труд для капитальных работ по устройству Сибирского тракта, если это по местным условиям окажется возможным».

Отмечалось, что крестьяне отдаленных волостей не могут передавать своих обязанностей по ремонту дороги притрактовым крестьянским обществам, поскольку последние слишком малочисленны и малонаселенны. Поэтому использование постоянных ремонтных артелей было признано наиболее целесообразным.

В заключение Совет Главного управления принял решение: вопрос о переложении натуральной дорожной повинности в денежную в виде общей меры отклонить; ходатайствовать перед Министерством внутренних дел о предоставлении генерал-губернатору Восточной Сибири права разрешать волостным сельским и инородческим обществам дорожную повинность на Московском тракте «отбывать деньгами» в размере и спосо-

бами, какие генерал-губернатор признает возможными; предоставить обществам право передавать исправление своих участков на Сибирском тракте как частным лицам, так и целым обществам по контрактам, заключенным с ведома генерал-губернатора.

Сумма денежного сбора в каждой волости зависела от количества «могущих» душ и рассчитывалась согласно ценам на одного рабочего и одну подводу с проводником на три года.

В приводимой ниже таблице показаны цены на одного рабочего и подводу с проводником за июнь месяц в течение трех лет – с 1895 по 1897 г. [36].

	1895				1896				1897			
Нижнеудинский округ	**Рабочий руб. коп.**		**Рабочий с проводником руб. коп.**		**Рабочий руб. коп.**		**Рабочий с проводником руб. коп.**		**Рабочий руб.. коп.**		**Рабочий с проводником руб. коп.**	
Алзамайская волость	1	_	2	_	1	50	4	_	1	30	9	_
Тулуновская волость	1	20	2	50	1	50	3	_	1	80	3	50
Куйтунская волость	1	20	2	40	1	30	2	50	1	50	3	_
Кимильтейская волость	1	30	2	_	1	80	2	80	1	90	3	90
Балаганский округ												
Зиминская волость	1	20	2	50	1	_	1	60	1	20	2	50
Заларинская волость	1	90	2	70	1	_	2	70	1	20	2	70
Черемховская волость	1	85	1	60	1	50	3	_	1	25	3	_

Сост. по: ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 578. Л. 13.

Общая сумма денежного сбора от 13 обществ Балаганского округа должна была составить в 1898 г. 37 120 руб. 60 коп., от 11 обществ Нижнеудинского округа – 19 793 руб. [37].

Согласно Временным правилам о дорожном сборе общества должны были представить в Управление строительной и дорожной частями общественные приговоры о замене натуральной дорожной повинности денежным сбором за полгода до начала их действия, т.е. не позднее 1 июля.

С 1889 г. через окружных исправников с вольнонаемными рабочими стали заключаться контракты на производство дорожных работ.

Например, с крестьянами и поселенцами с. Баероновка Алзамайской волости Нижнеудинского округа был заключен договор на дорожные работы с 15 мая по 15 сентября. Договорная плата составляла по 1 руб. за рабочий день. Перед началом работ контрактники получали задаток в 30 руб., который в дальнейшем удерживался из

их зарплаты по 10 руб. в месяц. В случае неявки на работы кого-либо из членов артели деньги удерживались из заработка всех артельщиков. Если же рабочий пропускал рабочий день по причине болезни, то деньги удерживались у него из месячной зарплаты. За пьянство или самовольный уход с работы взыскивался штраф, равняющийся плате за полтора рабочих дня. В случае растраты и продажи казенных инструментов виновный оплачивал их стоимость. До окончания договорного срока никто из рабочих не имел права оставить работы без разрешения дорожного инженера или техника. Последние имели право уволить рабочих на две недели раньше срока или, в случае необходимости, задержать их на две недели [38].

На ремонт дороги нанимались «люди разного звания». Так, на Баероновском участке из 17 человек, заключивших контракт с канским окружным исправником Дьяченко, 15 оказались поселенцами и только двое – крестьянами [39].

Считалось, что поселенцы значительно увеличат число работающих на Московском тракте, но это был неустойчивый и малоэффективный источник рабочей силы. Производительность работ была крайне низкой. За два месяца пребывания на тракте рабочие едва выработали ¼ часть урока.

Участковый дорожный инженер Баероновского участка Московского тракта сообщал в Управление строительной и дорожной частями при иркутском генерал-губернаторе, что «рассчитывать на местных крестьян положительно невозможно. Производить все работы поселенцами, освобождаемыми из проходящих партий, нельзя, в виду того, что порядочных рабочих между ними можно выбрать только в конце месяца августа и в сентябре, когда проходят партии прибывших на пароходе, до тех же пор следуют бродяги и выписавшиеся из больниц арестанты, совершенно истощенные и неспособные к физическому труду» [40].

Дорожный инспектор докладывал Г.В. Розену, что из 50 человек, присланных в его распоряжение для капитального ремонта дороги, пятеро оказались вовсе неспособными к физическому труду по причине старости, пятеро самовольно отлучились с места работы, 15 человек, «сделав стачку», вовсе отказались от работы, 12 – были уволены из-за болезни и по причине невозможности оказать им своевременную медицинскую помощь [41]. Основными болезнями алзамайским фельдшером А. Луковским в медицинских справках были названы: хронический ревматизм, лихорадка, одышка, хронический плеврит, катар желудка, застарелые вывихи [42].

Причины низкой производительности труда заключались не только в нехватке рабочих кадров и дорожных специалистов, но и в практическом отсутствии технической базы дорожной службы: не хватало железных лопат, ломов, щупов для разведки гальки, нивелиров, тачек для перевозки песка и гравия, железных катков для утрамбовки полотна дороги, грохотов для просеивания гальки.

«Случалось видеть, – писал один из очевидцев, – что терялось по нескольку рабочих дней, потому что сельские старшины уезжали за инструментом или вовсе не существовавшим, или пришедшим в слишком большую негодность… я видел крестьян, работающих какими-то деревянными палками, бывшими когда-то лопатами» [43].

Переписка подрядчиков с поставщиками по поводу заказов необходимого оборудования затягивалась на месяцы.

Опыт показал, что на тех участках, где натуральная дорожная повинность заменялась денежной, значительные затраты на устройство тракта не давали удовлетворительных результатов.

Попытка найти выход из создавшейся ситуации на Московском тракте имела место во второй половине 1880-х гг. в Восточной Сибири. По предложению генерал-губернатора Восточной Сибири А. Игнатьева с высочайшего повеления в 1887 г. в виде опыта на три года были утверждены «Правила, определяющие порядок взимания и

отчетности повозного сбора, установленного по Сибирскому почтовому тракту между гг. Иркутском и Ачинском». Между Ачинском и Иркутском сбор устанавливался в размере 1/5 коп. с каждого воза и версты.

Плата повозного сбора рассчитывалась исходя из следующих данных [44]:

№	НАЗВАНИЕ ЗАСТАВ	Число верст для взимания повозного сбора	Сумма повозного сбора	
			руб.	коп.
1	От Иркутска до Тулуна	365	–	73
2	От Тулуна до Канска	400	–	80
3	От Канска до Ачинска	350	–	70
4	От Иркутска до Ачинска	1115	2	23
5	От Иркутска до Канска	765	1	53
6	От Тулуна до Ачинска	750	1	50

Повозный сбор передавался в Иркутское казначейство и зачислялся на депозиты иркутского генерал-губернатора, которой заведовал ими через Строительное отделение. В обязанности отделения входило: заведывание личным составом служащих на заставах, «по возможности» фактическая проверка взимания повозного сбора, а также своевременное снабжение шнуровыми книгами по повозному сбору, заверенными Иркутской контрольной палатой.

За счет средств повозного сбора содержались дорожные инженеры, техники и мастера, которые осуществляли надзор за состоянием тракта и в случае необходимости нанимали небольшие рабочие артели.

От платежа повозного сбора освобождались: обозы при войсках и при партиях арестантов, возы крестьян-переселенцев, крестьянские возы с продуктами, предназначенными для продажи в окрестностях.

Одними из первых выгоду от повозного сбора оценили представители иркутского купечества. С заявлениями на имя иркутского генерал-губернатора об аренде повозного сбора обратились купец 1-й гильдии Е.Г. Малых, купец 2-й гильдии Г.К. Воробьев, томский купец 1-й гильдии Ф. Лушников, доверенный Торгового дома «Евграф Кухтерин и сыновья» С.Я. Каблуков и др. [45].

За первый год существования повозного сбора на потребности губернских постоянных и временных денежных земских повинностей в Иркутской губернии было израсходовано 124 980 руб. 59 коп. [46].

Введение повозного сбора позволило в определенной степени обеспечить технический контроль Московского тракта. Однако повозный сбор не отменял натуральной повинности, и обстановка на участках тракта по-прежнему оставалась сложной.

В период летних работ 1888 г. управляющему строительной и дорожной частями барону Г.В. Розену регулярно поступали сводки в виде телеграмм из разных мест Московского тракта, в которых сообщалось о выступлениях рабочих против исполнения дорожной повинности. Рабочие отказывались выходить на работы, были случаи самовольного ухода и неповиновения дорожному начальству.

Участковый дорожный инженер Глебович докладывал земскому заседателю Нижнеудинского округа о главных подстрекателях – поселенцах Е. Лазукине и К. Кагарманове: «…безобразия их простираются до того, что они, как подтвердилось фактами, заставляют всех рабочих отказываться от работ, употребляя для этого самые насильственные меры, как например: бьют их и рвут на них одежду» [47].

В телеграмме из Тулуна от 22 июня заседатель Иванов сообщал Г.В. Розену, что уход с работ 348 рабочих Идинской волости заразительно подействовал на остальных.

На других участках крестьяне обратились к дорожному инженеру Штерн-Гвяздовскому с заявлениями о невозможности продолжать работы за неимением хлеба и из-за страшной мошки. Наемники заявляли, что упускают пашни и покосы, а также что нанялись слишком дешево и не знали срока работ.

Рабочие Евсеевской волости Балаганского округа в телеграмме из Нижнеудинска на имя иркутского генерал-губернатора просили прекратить работы до более благоприятного времени, поскольку «страдают от мошки, опухли, болеют, провизии крайний недостаток. Лошади устают, кормов нет. Жар, мошка изнурили лошадей донельзя… Пашня остается не приготовленной для посева. Будет голод…» [48].

Ответная телеграмма призывала крестьян «свято исполнить свои обязанности». Сообщалось также, что к рабочим командирован чиновник Махов, который должен был выдать хлеб и чай. Для помощи лошадям, страдающим от мошки, был отправлен ветеринар Снегирев. Однако призывы высшего начальства и обещанная продовольственная помощь не остановили крестьян. Из 86 евсеевских крестьян 61 человек оставил работы до выдачи хлеба и чая.

Рабочие Идинской волости на Кимильтейском участке также оказались в бедственном положении. В ответ на просьбы крестьян, обращенные к начальнику Манькову, обеспечить их на оставшееся время до окончания работ провизией, последний предложил «есть лошадей» [49].

Стороны не могли прийти к компромиссу, поскольку дорожная повинность была закреплена законом, что, безусловно, требовало ее исполнения.

В сложившейся ситуации правительство сочло необходимым оставить натуральную дорожную повинность. В ней видели наиболее целесообразный способ выполнения общественных работ. В некоторых случаях сельским обществам разрешалось на свою ответственность заменять дорожную повинность денежным сбором и наймом работников или подрядчиков, используя для этого средства из сумм земского и повозного сборов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кожухов Ю.В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века (1800–1860). Л., 1967. С. 325.
2. История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 2. С. 376.
3. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск: ОГИЗ, 1949. Т. I. С. 410.
4. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 484. Л. 136 об.
5. Там же. Л. 137.
6. Кожухов Ю.В. Указ. соч. С. 336.
7. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 484. Л. 120 об.
8. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. I. С. 124–125.
9. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 470. Л. 104–104 об.
10. Там же. Л. 8.
11. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 453.
12. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 484. Л. 127 об.
13. Там же. Л. 131 об.–132 об.
14. Там же. Л.123–124.
15. Тма же. Л. 133–133 об.
16. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 35.
17. Там же. Л. 231.
18. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 491. Л. 146.
19. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 484. Л. 126.
20. Там же. Л. 133.
21. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 491. Л. 9.

22. Там же. Л. 380–381 об.
23. Там же. Л. 551 об.–552.
24. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 484. Л. 128.
25. Там же. Л. 231 об.
26. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 19 об.
27. Восточное обозрение. 1884. 8 марта (№ 10). С. 2.
28. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 484. Л. 127 об.
29. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 470. Л. 81–82 об.
30. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 491. Л. 548 об.–549.
31. Там же. Л. 547.
32. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 532. Л. 7.
33. Там же. Л. 8–8 об., 15, 18–19 об.
34. Сибирь. 1884. 20 мая (№ 21). С. 3.
35. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 484. Л. 241 об.–242.
36. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 578. Л. 13.
37. Там же. Л. 24.
38. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 7–8.
39. Там же. Л. 7.
40. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 47.
41. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 52–52 об.
42. Там же. Л. 32–34, 39.
43. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 491. Л. 549 об.–550.
44. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 199.
45. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 171–176.
46. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 13–13 об.
47. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 54.
48. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 491. Л. 341.
49. Там же. Л. 354.

ЭТНОЛОГИЯ

В.В. Ушницкий

БУРЯТСКИЙ, ИЛИ БАЙКАЛЬСКИЙ, КОМПОНЕНТ В ЭТНОГЕНЕЗЕ НАРОДА САХА

Обычно южный, или байкальский, компонент в этногенезе саха принято связывать с курыканами – народом, известным по источникам VI–VII вв. Однако нет данных, свидетельствующих о переселении скотоводческого населения ранее XIII в., к тому же фольклорные данные говорят о бегстве предков саха от войн Чингисхана. В основных версиях исторических преданий Омогон – предок саха, происходит из бурят. Он поселился в нашем крае задолго до прибытия Эллэя, имел многочисленную челядь и обладал огромным количеством лошадей и рогатого скота [1]. По другим данным, он прежде вел войну с народом *ураанхай* и, будучи побежден им, бежал в страну бурят. С бурятами тоже пришлось воевать. В нашу страну он, по указанию бурят, мог попасть после столкновения с ними [2].

Предок саха Омогой Баай в преданиях обычно выступает как представитель народа *брааскай*. Это дает основание полагать, что понятие о бурятах саха получили только от русских [3]. Но в некоторых преданиях вместо слова «быраaскай» употребляется слово «бэрээт» [4]. Таким образом, следует предполагать, что предки саха переселились из Прибайкалья еще до сложения бурятского народа. Однако требует изучения традиция отнесения Омогоя именно к «братским».

Утверждается, что ранние монгольские упоминания о племени бурят можно отнести к монгольскому племени *бурут*, оказавшемуся на Саяно-Алтае [5]. Характерно, что эти буряты преподнесли Чингисхану «белого орла». Весьма любопытно, что качинский род бурут считает орла своим тотемным животным, он выступал у них в роли родоначальника шаманов, покровителя рода и эпонима. Ю.А. Зуев сделал вывод о том, что этноним «бурут», как и «меркит» восходит к общетюркскому *буркут* – «орел». Иначе, термин «бурут» является точным эквивалентом этнонима-эвфемизма *киргиз* [6]. Нужно отметить, что в якутском языке существует слово «бурут», одноименное с обозначением среднеазиатских кыргызов. Таким образом, этнонимы «бурут» и «баргут», иногда связываемые с именем бурят, возможно, восходят к тотемному названию *беркут/меркит*.

По фольклорным сведениям саха, их предки долгое время жили вместе с народом *бэрээт* по хребтам Ат-Дабаан, Озус-Дабаан, Хаамар-Дабаан [7]. В Западном Забайкалье имеется хребет под названием Хаамар-Дабаан. Его название пытаются объяснить средствами монгольских языков, однако на языке саха он получает гораздо более точное определение: хребет, на который можно забраться пешком. Нам хотелось бы подробно остановиться на том факте, что в эпоху войн Чингисхана там обитал народ под названием меркит, считающийся исчезнувшим с лица земли.

Чингисхан одержал победу над меркитами только в союзе с вождями других монгольских племен. Рашид-ад-дин пишет о меркитах, что «это племя имело многочис-

ленное, чрезвычайно воинственное и сильное войско. Меркеты – это часть монгольского племени. Они сражались и воевали с Чингисханом и Ван-ханом» [8]. Меркит (мергит, мергет, меркет, меркт, мергт), в единственном числе мерген (мергн – калмыцкий, мэргэн – халхасский), означает «меткий стрелок, удачливый охотник, снайпер».

При этом есть основание утверждать о том, что прародитель Омогой – выходец из «бурятов», под которыми в преданиях саха, по-видимому, фигурируют потомки Буртэ-Чино, т. е. монголоязычные, связан с забайкальскими меркитами. Об этом говорит множество совпадающих моментов. Так, по фольклорному сюжету, Омогой с родины бежал, боясь возмездия со стороны «грозного царя», который послал за ним погоню, стремясь наказать за воровство и грабежи. Эти данные перекликаются с историческими сведениями о бегстве обидчика Темучина Чильгир-Боко после разгрома меркитов в результате внезапного нападения обьединенной армии всех монгольских племен. Сведения о долгом произволе силача Омогоя над своими соседями подтверждаются Рашид-ад-дином, который говорит о владычестве меркитов над монгольскими племенами и свержении этого ига, в результате чего была освобождена жена Темучина Бортэ, что восторженно описано уже в «Сокровенном сказании монголов». Кроме того, существует историческая традиция отождествления саха с меркитами. Так, остатки крепостей в Байкальском регионе и события, связанные с ними, бурятские предания приписывали предкам саха, воевавшим с монголами.

Весьма любопытным представляется тот факт, что меркиты разделялись на три племени, по-монгольски – гурван–меркит (три меркита), подобно тому, как саха называли себя Ус Саха – три саха. Следует отметить, что Рашид-ад-дин иногда ставит знак тождества между меркитами и удуитами: «Их также называют племенем удуит, хотя некоторая часть монголов называет меркитов мекритами, смысл обоих (названий) один и тот же» [9]. Царским родом меркитов следует назвать племя *хаат* или *хаатай,* называемое иначе *асаханами*. Без сомнения, название данного племени происходит от тотемного названия *хотой* (орел).

Так как буква «о» в монгольских говорах переходит в «а», получается хаатай.

Исходя из политического влияния и чрезвычайной силы племени меркитов, территорию Западного Забайкалья домонгольского периода можно назвать Меркитией – державой прямых этнических предков бурят и саха. Сами меркиты проживали в южной и центральной частях территории современной Бурятии. Рядом с ними жили уже омонголенные потомки тюркоязычных племен теле. В Западном Забайкалье вокруг р. Джиды жило племя байаутов. В Баргузинской долине и в тайге обитало племя баргутов. Для племени хори остаются остров Ольхон и частично район Верхней Лены. Туматы, возможно, обитали в Прибайкалье. Все они признавали над собой власть меркитов, и вокруг них уже складывался единый народ. Это подтверждает тот факт, что часть баргутов и байаутов оказалась вместе с меркитами на территории Средней Азии, в Узбекском союзе племен. Примечательно, что происхождение улусов саха, ведущих свое начало от Омогоя, также можно связать с ними.

Версия о вытеснении бурятами саха с территории Прибайкалья возобладала в дальнейшем в гипотезах исследователей XVIII и XIX вв. и получила преимущественное развитие в трудах исследователей советского периода. Действительно, такая версия на первый взгляд выглядит очень убедительной и достоверной. Именно приход монголоязычных предков бурят мог вынудить тюркоязычных предков саха, обычно связываемых с курыканами, переселиться с территории Байкала на холодные равнины Средней Лены. Однако такое представление нуждается в некоторой корректировке. Так, при внимательном изучении оказывается, что одна половина родов саха на самом деле хоринского происхождения, другая – батулинского. Точно так же обстоит дело у хоринских бурят и, можно сказать, у булагатов. Отсюда следует, что собственно буряты – хоринцы или булагаты, в составе которых к приходу русских выступали весьма многочисленные батулинцы, вытеснили сами себя или же постепенно вытесняли своих тюркоязычных собратьев, в состав которых, в

свою очередь, вошло немало монголоязычных, например тех же хоринцев. Поэтому подчеркнем, что предания саха связывают этнических предков саха с теми племенными группами, которые затем составили бурятскую народность, что важно.

Надо напомнить, что участник Камчатской экспедиции Я.И. Линденау, в 1745 г. проезжая через Байкал, видел укрепления в местности под чисто якутским названием Кобуолуур. Здесь некогда проживал родовой владыка Омогой из рода Боотулу. Потомки Омогоя и пришельца Эллэя в составе восьми главных якутских родов были расселены на территории Байкала и в соседних с ним степях до тех пор, пока не были оттуда оттеснены кыргысами и монголами. Сначала они давали достойный отпор своим врагам, но потом, во времена царствования Баджея – внука Эллэя, обессилели и не могли успешно противостоять своим врагам, он собрал все племя и спустился вниз по Лене [10]. Как видно, в этническом сознании саха XVIII в. сохранилось предание о том, что их предки рассматривали пребывание на территории Байкальского региона как один из этапов своей истории, богатый событиями. Надо полагать, что в формировании народа саха он имел немаловажное значение.

Анализируя старинные фольклорные источники, сохранившиеся в материалах досоветской историографии, можно прийти к мысли, что в этногенезе саха исключительную роль сыграло весьма загадочное батулинское племя. Так, в материалах участников экспедиции И.И. Биллингса говорится о том, что «Омогой-бей, начальник батулинского поколения, пошел с народом своим и с табунами через землю бурятскую... к берегам р. Лены». В 1822 г. на страницах журнала «Северный архив» в статье о якутах также речь идет о переселении батулинского поколения. В обоих материалах говорится о переселении саха из Барабинской степи и присоединении их к хоринцам [11].

В досоветской историографии считалось аксиомой тождество боотулу и батулинцев в составе бурят, более того, так и писалось – батулинцы, в документах XVII в. выведена Батулинская волость на Средней Лене. Этническую связь боотулу и батулинцев признавали и исследователи советского периода. Следует указать и на то, что в «акающих» районах вместо *боотулу* принято было говорить *баатылы*. Таким образом, батулинцы в этих текстах выступают как бы южными предками саха. Но в то же время наличие родов боотулу в составе саха свидетельствует о том, что они были лишь одной из составляющих формирующегося этноса.

В этой связи интерес представляет то, что к приходу русских среди бурят имелись роды под названием *батулинцы*. Утверждается, что хоринцы подчинили и ассимилировали часть тюрков во главе с батулинцами – харганаевцами [12]. Тюркоязычие последних доказывается тем, что одна половина хоринских родов – харганаевцы, судя по названиям их родов, в прошлом была тюркского происхождения [13]. Действительно, в русских документах XVII в. на территории Забайкалья упоминаются коринцы и батулинцы. Например, из названий шести харганаевских родов три этнонима объясняются только исходя из тюркских языков. К ним относятся названия родов харгана, худай (сравни як. Кудай дойду), халбин [14].

Среди хоринцев был род хуасай, считающийся происходящим от меркитов. Прежде всего: «Великий предок хуасаевцев почитается как хозяин данной местности и хозяин всей земли, когда-то принадлежавшей могущественным прародителям тюркского племени хуасаевцев» [15]. По мнению Г.Н. Румянцева, *хаосай* (хоринцы) и *хаосай (хоас) меркиты* (*уваз-меркиты* по Рашид-ад-дину) имеют генетическое родство; иначе говоря, этот бурятский род происходит от меркитов и адаптирован хори-туматами в XIII в. [16]. Ц.Б. Цыдендамбаев на том основании, что в якутском языке *сай* встречается в качестве названия местности, пришел к выводу, что «бурятское хуа в этнониме хуасай могло получиться из куба» [17]. При этом надо указать, что культ лебедя распространен у хоринских бурят и потомков Омогоя – намцев.

Однако хуасаевцы – потомки меркитов, относятся к галзутской группе родов, которых Ц.Б. Цыдендамбаев считал исконно монголоязычными хори. Действительно, роды собаки с табуированными наименованиями *шарайт* и *галзуут* имеются среди хоринских бурят; смысл этих наименований связан с тотемным образом: *шарайт* – эпитет, означающий «рыжие собаки», *галзуут* – «бешеные собаки» [18]. Следует заметить, что почитание лебедя хоринцами указывает на принадлежность их к тюркоязычным, поэтому, наоборот, харганаевцев можно считать исконными хори, а галзутовцев – батулинцами.

Необходимо обратить внимание на утверждение, что ныне развитое среди тугнуйско-курбинских бурят (хуасаевцев) «оканье» указывает «на меркитское происхождение их носителей» [19]. Отсюда можно сделать вывод о том, что язык саха с диалектными различиями мог возникнуть на территории Забайкалья. Лингвисты отмечают, что в языке саха имеется довольно заметная группа слов, отсутствующих в других тюркских и монгольских языках. Отсюда допускается взаимная двуязычность якутских и бурятских племен в прошлом [20]. Данное предположение подтверждается межэтническими отношениями батулинцев и хоринцев.

К началу XVII в. среди булагатов также имелась довольно многочисленная группа батулинцев. Поэтому считается, что название «батулинцы» относится к предкам нынешних кудинских бурят, являющихся одной из ветвей булагатов. В литературе отмечается, что в песнях кудинцев постоянно упоминаются Алтай, Хан-Кухей, Кэнтэй [21]. Весьма интересно, что у кудинских бурят существовали предания о проживании их предков около Тобольска. Отсюда они направились на восток и переправились через Байкал. При этом бóльшая часть ушла в Монголию, меньшая – в Якутию [22].

Батулинцев мы связываем с одним из четырех ойратских племен под названием «батут». Термин «багатут» и «батут» был рассмотрен Б.Я. Владимирцовым. Как он показал, данный этноним происходит от термина «батур» (богатырь). Надо отметить, что племя батулинцев в Забайкалье иногда именовали как батуринская. Нужно указать и на то, что в составе «средних дурбэн-ойратов» мы встречаем вместе баргутов, бурят и баатутов. Следовательно, в одно время (XIV–XV вв.) буряты (булагаты?) и баргуты (хоринцы) входили в состав ойратского племени баатут. В этой связи надо привести тот факт, что многие баатуты рассеялись еще во время междоусобной войны Эсэна с баатутским Алаг-чинсаном, большая их часть растворилась среди восточных монголов и ойратских хошунов.

Потомками батулинцев Б.О. Долгих считал бурятское племя табангутов, это оспаривают бурятские исследователи. Племя хонгодор, переселившееся в 1688 г., к началу XVIII в. жило на юго-западе Предбайкалья, по соседству с булагатами. Ранее считалось, что племя хонгодор является монгольским племенем, но имеющиеся данные позволяют говорить о том, что они являются ответвлением булагатов. Видимо, ушедшие на юг булагаты сформировались в отдельное племя уже на территории Монголии.

Существует также мнение, что хонгодоры вместе с хори являются разными этническими группами прежде единого народа, почитавшего лебедя. Надо отметить, что хонгодоров называли еще уруснутами. В «Сокровенном сказании монголов» среди «лесных племен», покоренных Джучи, упоминаются урдууты или урасуты. Данный этноним выводится из древнетюркского *urun* – «белый», «светлый», «священный». При этом второй элемент этнонима «хонгодор» – *гоо*, оказывается монгольским искажением «якутского» куба – «лебедь» [23]. Особо следует отметить, что урдутов иногда отождествляют с меркитами [24]. В названиях верховных божеств якутской мифологии Урун Айыы и Урун Аар тойон присутствует почитание священного белого цвета. Эта особенность также роднит саха с хонгодорами.

В «Юаньши» есть сообщения о «лесном народе» усу-хань (ур-су-хань) или усу, возможно, тождественном с урасут: «Народ усы также получил свое имя от названия реки и проживает к востоку от цзилицзисы, к северу от реки Цяньхэ. По существующему у них обычаю, каждый год в первой декаде 6-го месяца убивают белую лошадь,

быка и барана, разбрызгивают кумыс, все [усы] омываются в реке, чтобы почтить духов реки, потому что, по преданию, оттуда вышел их родоначальник» [25]. Река Ус является правым притоком Верхнего Енисея. Обычай усов разбрызгивать кумыс в шестом месяце очень напоминает праздник «Ысыах». Почитание духов реки, откуда вышел родоначальник, также походит на почитание саха предка Эллэя, вышедшего из реки. Следовательно, традиция праздника «Ысыах» и родоначальника Эллэя могла сложиться у предков саха еще на южной прародине.

По преданиям саха, позднее поколение Омогоя получило название «Баарагай Байагантай» («Огромный Баягантай»). Прародителями Баягантайского улуса считаются Кордой и Когоhук. Согласно Я.И. Линденау, они являются потомками Эллэя, но, по многим преданиям, этот улус происходит от сына Омогоя Аан-Тайбыыр. Имя предка баягантайцев Кордой или Хордой принято связывать с именем предка хоринских бурят Хоредой-мэргэном. Значит, баягантайцы сначала также могли принадлежать к хоролорам. Первоначальной формой «байагантай» является слово «баайага». Байагантайцев можно связать с байаутами, обитавшими в Южной Бурятии по р. Джиде в XIII в. Байауты, вероятно, являются потомками племени теле байси, встречающегося в китайских хрониках.

Из «Сокровенного сказания монголов» нам известно, что сартаулы и хатагины, входившие в конфедерацию Джамухи, после того как их разгромил Темучин, бежали в Баргуджин-Тукум. Необходимо отметить, что среди северных саха имеются роды Сортол и Хатыгын. Среди селенгинских же бурят есть «монгольские выходцы» из родов хатагин и сартулов. Считается, что сартулы появились в Бурятии незадолго до Сайнхановских войн 1688 г., когда предводитель монгольских семи хошунов Ухин (Окин-тайжи) с дружиной в 150 воинов ушел из Халхи на север.

Весьма интересно, что род северных саха хатыгын отождествляли с центральноякутскими хатылы. В.А. Туголуков же предполагает, что жители «Хатылинской» волости представляли собой ассимилированных саха тунгусов Хатыгынского рода, известного в XVII в. у эвенков-скотоводов Южного Забайкалья. Забайкальские хатагины считались «мунгальскими выходцами». Его утверждение имеет силу, так как в некоторых источниках население «Каталинской» волости именуется «тунгускими и брацкими людьми» [26]. Представляется, что разделение оленеводов-хатыгынов и скотоводов-хатылы могло произойти в дорусскую эпоху. Есть версия о том, что название монгольского племени *хатагин* могло произойти в результате слияния двух слов: «хад» (мн. число от *хан*) и «тегин». В якутском слове «хатыгын» также присутствует слово «тыгын». Следует сказать, что эти хатагины принадлежали к племенам нирун, были близкородственны с родом Темучжина.

В Вилюе, по преданиям, жил многочисленный народ сортолов. Судя по преданиям, они жили вблизи Верхоянских гор, им приписывали давно уже покинутые жилища. Тунгусы и саха единодушно утверждали о глубокой древности сортолов и оставленных ими отохов [27]. Следовательно, часть селенгинцев, хотя прибыла в Забайкалье только в XVII в., видимо, имела прочные этнические связи с регионом Байкала, откуда, в свою очередь, часть их мигрировала в таежные районы.

Как утверждает Ц.Б. Цыдендамбаев, еще с сяньбийского времени некоторые монгольские роды и их легендарные предки стали называться Боро (по-монгольски – чино) [28]. Можно согласиться с утверждением, что в образах тотемных прародителей Буртэ-Чино и Гоа-Марал можно увидеть древние этнические образования, послужившие предками монголов.

Именно в Кудинской долине расположен бурятский улус Бортураг, в котором можно увидеть память об обитании племени Бортэ-Чино в Приангарье. При этом часть бортэ-чиносцев осталась в Прибайкалье, и их можно увидеть в названии родов шоно (чино) и бура (боро, борто, борджигин), составляющих основу эхиритского племени. На основе устных преданий, собранных среди бурят, Б.Р. Зориктуев пришел к выводу об

обитании племени Буртэ-Чино в пределах Предбайкалья [29]. В составе якутов тоже существовало племя, почитавшее волка в качестве своего прародителя. Это легендарные боро-бетюнцы, потомками которых, судя по всему, являются многие роды саха.

Здесь же следует сказать, что В.Л. Серошевского поразил Первый Бетюнский наслег Намского улуса, где все лица принадлежали к горбоносому типу с сухой, красивой головой, черными большими блестящими глазами [30]. Напомним, что именно подобный европеоидный антропологический тип был присущ роду Чингисхана, по описанию европейских путешественников, знаменитым ханам Куйук (Гуюк) и Хубилаю, сыновьям и внукам Джучи: Бату, Берке, Узбеку и т. д. Это показывает, что властвующий род монголов Буртэ-Чино мог быть тюркского происхождения, восходящим, в свою очередь, к усуням.

С мифическим тотемным быком Буха-нойоном (варианты Буха нойон-баабай, Бохо-Муяа, Хан Богдо Буха-нойон) связывают свое происхождение буряты булагатского и хонгодорского племен. По бурятскому преданию, шаманка Асухан, происходившая из племени ойрат-бурят, обитала на берегу Байкала. Однажды она встретила ревущего сивого быка и совокупилась с ним, от этого брака родились предки бурят – Буряадай и Хоридой [31]. В культе быка у бурят Ц.Б. Цыдендамбаев видел господство тюрков над предками бурят. Действительно, родовое имя огузов и легенды об Огуз-хане объясняются существованием у древнейших тюрков культа быка (огуз) [32]. С этим можно сравнить то, что по преданию, записанному Г.В. Ксенофонтовым: «у древних саха бык служил божеством, и его называли Буга танара» [33]. В другом предании, им записанном, рассказывается о том, что Эллэй с бычьим ревом рыл землю (подражая порозу). При этом рассказчики подчеркивали, что он таким образом «уподобляется богу» [34]. В район Байкала тотемный образ быка могли принести еще хунну, походы которых на запад запечатлены у тюркских народов в легенде об Огуз-кагане.

Встречается утверждение, что булагаты являются потомками племени чиносцев, которые в XIII в. были уведены Буха-нойоном в поход в Среднюю Азию, где по тюркской традиции их называли булагачинами. Первоначальным местом поселения булагатов является территория по берегам Куды (связываемого с якутским Кудай – бог) в одноименной долине. Неизвестно, вернулись ли булагачи в свои родные края, или остались, но оставшаяся в Предбайкалье группа родов чинос стала называть себя булагатами. Вероятно, они были омонголены сравнительно поздно, в результате господства над ними родов джунгарского (ойратского) происхождения: воинственных икинатов и ашаабагатов. Следует согласиться с выводом Б.О. Долгих о том, что в прошлом булагаты не представляли собой единого целого, а возникли в результате объединения трех различных племен: кудинских (батулинцы), балаганских (булагаты-чиносцы) и выходцев из Ойрат-Джунгарии.

Надо отметить, что в Прибайкалье, в могильниках Усть-Талькин, Сэгенут и др. обнаружены погребения с конем, причем кони захоронены в отдельной яме и с ориентировкой умерших на запад, как у саха. Эти могильники Б.Б. Дашибалов связывает с кыпчакской традицией, указывая, что в Забайкалье, на Ононе обнаружены могильники, которые можно рассматривать именно как кыпчакские. Напомним, что кыпчакский компонент в составе саха принято связывать с населением, принесшим погребения с конем на Среднюю Лену. При этом Дашибалов отмечает, что погребения с конем также получила распространение в западнобурятской среде и у них тоже имеется кыпчакский компонент. Если ранее погребения с конем, обнаруженные в Усть-Талькинском и Сэгенутском могильниках, исследователи относили к X–XIV вв. и связывали с ранними монголами, то, по утверждению Б.Б. Дашибалова, они появились не ранее XV в. [35].

Бурятское племя эхиритов обитает в верховьях Куды и Лены и на берегах притоков Лены Манзурки и Анги (Качугский район Иркутской области). Только у эхиритов, занимавших верховья Лены, можно найти предания о богатырском народе саха: «По

другую сторону Зулхэ-мурэна (Лены) жил народ саха. Саха приходили к нам со своими богатырями и требовали от наших предков дань... Среди наших людей рос молодой богатырь Эдэгэй... При этом старики предупредили его, что сам сахайский богатырь и его конь закованы в непроницаемый панцирь... С юга переплыли на своих верховых лошадях двести адхайских всадников» [36]. Можно предполагать, что под народом саха фигурируют меркиты, собиравшие дань со всех лесных племен. Однако более вероятным представляется тот факт, что здесь говорится о тюркских предках саха, двигавшихся из кыпчакских степей на север.

Существует предположение о том, что «якуты образовались из переселившихся вниз по Лене эхеритов рода Хэнгэлдур, к которым присоединились отдельные группы из разных прибайкальских и забайкальских родов и племен» [37]. При этом хэнгелдуров отождествляют с кангаласами. Данное сопоставление нам представляется заслуживающим внимания с филологической точки зрения: хангал-ас и хэнгел-дур. Следует сказать, что так называемый «тойонский» род, из которого происходили тыгыны, существовал не только среди саха, но, по данным Б.О. Долгих, и среди эхиритов. Таким образом, эхириты в сравнительно недавнем прошлом являлись тюркоязычным племенем. Прототипом этнонима «саха», как и «эхирит», он считал слово «jaxa» [38].

Однако считается, что название эхиритов происходит от бурятского слова, означающего «близнец» и параллельно с названием монгольского племени *икирес* (по-тюркски – «близнец»), обитавшего в начале XIII в. в Монголии. Икиресы фигурируют в «Сокровенном сказании монголов», упоминается о том, что икиресы были в числе племен, которые возвели Джамуху в гурханы для совместной борьбы против Чингиса, а затем перешли на его сторону. Нам же представляется, что этноним «эхирит» мог возникнуть и вследствие двуязычия предков верхнеленских бурят. С утверждением Б.О. Долгих о существовании «тойонского» рода среди эхиритов не согласен Ц.Б. Цыдендамбаев, отметивший, что этот род назывался Ченорутским (от чино-чонос) и что у самодийцев волк означает тьона, от которого происходит монгольское *чино, чинос.* Этот факт, на наш взгляд, убедительно доказывает то, что для монголов культ волка чуждый, принят ими от тюрков или самодийцев.

Говоря о саха-эхиритских этнических связях, невозможно пройти мимо колоритной фигуры легендарного героя бурятских легенд Ажарая – Бухэ. Так, по одной версии, этот персонаж бурятского фольклора даже «был реальным лицом, стоявшим во главе воинственной дружины, совершавшей набеги на якутские кочевья» [39]. Таким образом, он якобы сталкивался с саха и погиб от стрел воинов саха, преследовавших его по Лене. Подчеркнем то обстоятельство, что Адьарай Бого является персонажем Нижнего мира в мифологии саха; богатыри олонхо воюют с адьарайскими племенами. Однако еще А.П. Окладников усматривал родство цикла легенд о якутских прародителях Омогое и Эллэе с бурятскими преданиями о подвигах черных всадников, генезис которых выводился им с курыканского времени [40].

Действительно, в бурятской легенде об Ажирай Бухэ и Харамцай Мэргэне имеются моменты, родственные с якутскими преданиями об Эллэе и Омогое. Так, в бурятской легенде повествуется о том, что богатыри со своими воинами после очередного удачного набега на монголов остановились за Баргузином в Урянхайской степи. Но здесь их догнали преследователи. Уцелели только два друга, которые, отбиваясь от врагов, бежали на Лену. Они сели на плывшие по реке два бревна и поплыли вниз по Лене [41].

Разница заключается в том, что в бурятской легенде оба гонимых героя гибнут, а в якутских сказаниях становятся родоначальниками. Хотелось бы обратить внимание на близость данного фольклорного источника к действительным историческим событиям, связанным с постоянными набегами меркитов на Монголию и последовавшими за ними погромом и бегством части меркитов на север. Безусловно, образ Ажарая носит мифологический характер. Но возможно, что в этих легендах сохранилась героическая борьба потомков меркитов, вернувшихся на родину, против монгольских ханов. Только преследу-

ющей стороной представляются не эхириты и другие буряты, а монгольские феодалы. На первый взгляд образ Адьарая в якутской мифологии вроде бы напоминает облик враждебных племен, но он именно божество саха – притом связанное с почитанием злых духов.

Следует подчеркнуть тот факт, что Улуу Тойон считался покровителем якутских тойонов. Весьма интересно, что Аджарая бурятские мифы называют сыном Ухэрэ (быка), сыном его является черный ворон. В якутской мифологии божество Хара Суорун (черный ворон) считается сыном Улуу Тойона. При этом Хара Суорун считается творцом черных коней (хара сылгылаах). Напомним, что почитание Ажирая бурятами связано с культом «черных всадников» – «хара-моритон». По утверждению Е.В. Павлова, курыканские (т. е. якутские) корни могут иметь такие наиглавнейшие эхиритские божества, как хозяин Ольхона Хан-Хута/Хото баабай, сыном которого является орел, и глава черных всадников (хара-моритон). Так, ленский эжин Ажарай-бухэ даже у кудинских бурят причислялся к темным, т. е. «чужим» богам [42].

Черные всадники – это группа божеств бурятского шаманизма, они покровители военного дела. Считаются эжинами (хозяевами-хранителями местности) Верхней Лены (Качугский район), где похоронены некоторые военные вожди, поклонявшиеся данному культу. Значит, необходимо раскрыть генезис культа черных всадников и связанной с ними системы воспитания воинов. Следовательно, существовал тотемический культ дикого коня или божества-громовержца в облике небесного жеребца, который считался покровителем воинских инициаций, набегов и вообще исполнял функции бога войны. Именно у саха записано одно из самых подробных из существующих в мире описаний вызова боевого транса, в нем прямо говорится, что в момент вселения духа войны в бойца тот испытывает страшный прилив сил. А весь процесс воспринимается как вселение духа в тело воина. Во всех описаниях сквозит один и тот же мотив: воин в экстатическом состоянии, когда он не чувствует боли, становится похожим «на дикого коня» или «на табунного жеребца» в ярости. Иногда *Улуу Тойон – Аджарай* отождествляется с творцом конного скота – *дьесегей*. Отсюда следует, что воинский культ хара-моритон связан с почитанием божества-громовержца Улуу Тойона (Аджарая) и небесного жеребца (Джесегея). К тому же Ажирай-Бухэ ловит стрелы руками, умеет сражаться и на воде, именно таким военным искусством «кыргыс уорэгэ» владели боотуры саха. О многом говорит тот факт, что черные всадники связываются с районом Качуга, где, согласно Я.И. Линденау, оставались последние саха, упорно сопротивлявшиеся монголам и откуда переселившиеся вниз по Лене.

Потомки племени хори – нынешние хоринские буряты, самые многочисленные из бурят. Считается, что хори пришли из Предбайкалья вместе с племенем первопредка монголов Буртэ-Шоно. Тогда хори носили тотемное имя *нохой* (собака). Хори-буряты стали причислять себя к бурятам и называться так только по приходе русских. До этого хори представляли собой обособленное племя с давней историей, их называли хорёдами, хориларами, хори-туматами.

По фольклорным записям С.И. Боло, у народа саха были три предка: Эллэй, Омогой и Улуу-Хоро [43]. О переселении хоролоров идет речь в другом предании: «Человек по имени Улуу Хоро, имевший много людей и скота, появился с востока. Он сам переселялся верхом на быке. Переходя через Алдан, Амгу, Татту, он дал им имя. Остановился в Борогонском улусе, в озере Мюрю» [44]. Русские чиновники И. Эверс и Грановский на основе преданий составили список племен, прибывших на Среднюю Лену. Так, судя по нему, первыми прибыли хоро и туматы и только после них саха и ураанхай, затем батулинцы и баягантайцы [45].

В материалах участников экспедиции И.И. Биллингса есть сведения о том, что к племени Омогоя потом присоединились бурят-хоринцы. Следовательно, они утверждали, что хоринцы – иноплеменники, которые позже присоединились к якутам-саха и долго среди них сохраняли свой язык [46]. Таким образом, вхождение хоринцев в

состав племени Омогоя – батулинцев или же меркитов, могло происходить еще на территории Забайкалья.

Данное утверждение опирается и на фольклорный источник. Как пишет С.И. Боло, прибывшие хоролоры имели владык по имени Улуу-Хоро и Тыгын, пригнали с собой много коров и лошадей. Они истребили тунгусов и заняли их земли. После этого Тыгын вместе с хоролорами поселился около оз. Ытык-Куол. Он в этом крае стал очень богатым и занялся войной. Он впервые дал названия многим местам: Алдану, Амге, Таатте, Вилюю, Яне [47]. В долине Туймаада раньше жили хоро. Но впоследствии воинственный Тыгын Тойон, убив сильного богатыря рода Хоро, занял места, на которых ранее проживали хоро, взял все их богатства и людей их присоединил к себе [48]. Таким образом, вместе с хоро мог прибыть Тыгын – т. е. владыка, наследник престола, из властвующего у монгольских племен меркитского рода.

Хоринцы были истреблены кангаласцами, ведомыми сыновьями Тыгына на оз. Мюрю. Однако, по другим данным, Тыгын не смог полностью покорить хоролоров. «Тыгын вел борьбу и с ними, но, говорят, не смог одолеть их. У якутов есть поговорка: «Стал точно хоринским божеством»» [49]. Следует отметить, что хоро проживали вокруг оз. Мюрю. Таким образом, борогонцы являются преемниками и, возможно, прямыми потомками хоролоров. Для этого мнения имеются большие основания. Хоринцы во главе с Сынаах Абыйакаан Тарбыах Тиис проживали рядом с борогонским богатырем Бэрт Хара. Показателен тот факт, что именно Бэрт Хара становится мстителем за гибель хоринцев. По другим данным, он был воспитан Сынаах Абыйыкааном [50].

Есть серьезные основания считать сыном владыки истребленных хоролоров Сынааха Амыыкаана и знаменитого борогонского тойона Легея, в некоторых архивных документах «Логуя Сигакова» [51], по ясачной книге Парфена Ходырева «князца Логуя Амуканова сына…». Весьма показательно, что, по мнению историков, уже до русского завоевания сформировались два крупных объединения: кангаласцы во главе с Тыгыном и борогонцы с тойоном Легой. Таким образом, борогонцы и кангаласцы представляли собой две соперничающие племенные группировки или возглавляли субэтносы внутри единого народа. Давняя вражда между ними, чем воспользовались сборщики ясака, дает возможность считать, что эти два племени происходили от различных этнических корней.

По Я.И. Линденау, Борогонский улус происходит от сына Эллэя по имени Боркутай. Можно обратить внимание на то, что этноним «борогон» имеет характерное для эвенкийских родов Вилюя окончание -гон, относимое В.А. Туголуковым к монголоязычным туматам. Если убрать окончание -*тай*, служащее для образования имени, и учесть, что в монгольских языках «о» заменяется на «а», получится баргу – баргут. Баргуты и соседние племена образовали догосударственное объединение Баргуджин-Токум. По Рашид-ад-дину, племена хори-тумат, баргу, байаут все назывались баргутами, так как они жили по ту сторону Селенги [52]. В хоринских легендах отцом Буряадая и Хоридоя – т. е. союзов бурят и хори, считается Барга-Батор. Этноним «баргут» возник от слова «баргу» – «могучий, богатый» в монгольском языке. Баргуты отождествляются с байырку орхонских надписей, по китайским источникам, телеским племенем байегу. Слово «байырку» тоже означает «могучий, богатый», но уже в тюркских языках.

Баргуты как ближайшие родственники рода Чингисхана, кият-борджигинов по материнской линии, сразу поддержали его и были набраны в гвардию. Поэтому баргуты рассеялись вместе с войсками Чингисхана, так, племя баргу есть среди киргизов, узбеков, много баргутов среди калмыков. К приходу русских на территории Забайкалья проживало несколько немногочисленных баргутских родов, которые в итоге присоединились к хоринцам. Невыясненной является время переселения баргутов с Баргузина во Внутреннюю Монголию, где существует отдельный народ баргу-бурят.

По бурятским преданиям, предком бурят является Барга-Батор. В некоторых генеалогических легендах саха сыном Эллэя считается Барга-Баатыр [53]. Доказательством, что борогонцы являлись потомками баргутов, является то, что в Усть-Алданском, т. е. в бывшем Борогонском, улусе встречались топонимы «Баргыдай», «Баргы». Надо подчеркнуть, что данный топоним встречался и в Яне, в Ковяи, в наслеге Могуруон Мегино-Кангаласского улуса и в Татте, т. е. в тех местах, где проживали или куда доходили хоро. В наслеге Дьаабыл Мегино-Кангаласского улуса род баргыдай (355 жителей в 1897 г.) проживал вместе с родом хоро [54].

Так, В.А. Туголуков баргутов склонен был считать потомками тюркоязычных курыкан, так как эвенки баргутов называли корчунами. Именно им приписывали курыканские древности [55]. Следует указать, что в XVII в. хоринцев иногда называли баргутами. В хрониках баргузинских бурят «баргуты-хорчины» – это хоринцы [56].

Есть предположение о том, что этноним «баргут» происходит от эвенкийского слова «барги-баргу» – «противоположный», или «баргиган» – «заречный житель», так как баргуты жили по другую сторону Селенги, чем остальные монголы. Значит, этноним «борогон» мог произойти от обозначения «заречных жителей». Так, в XVII в. на левом берегу Енисея проживал эвенкийский род «варгаган» или «варагон».

Следует отметить и близость материалов из Борогонского улуса о Бэрт Хара к южно-батурусским преданиям о «волках-бетюнцах». Например, в числе предков Бетунского наслега упоминаются братья Тиэтэйбит Боотур и Бэрт Хара [57]. Весьма показательно и то, что в некоторых ясачных документах борогонских богачей Логуй тойона и Онекуй бая причисляют к Бетунской волости [58].

В учетной книге ясакоплательщиков на Амге отмечены представители хоро, боотулу и туматов. В XVII в., по архивным документам, на территории современного Амгинского улуса располагалась Скороульская или Короуская волость. Рядом с ней располагалась Батулинская волость, т. е. на территории Амгинского улуса совместно проживали батулинцы и хоро. В некоторых фольклорных источниках амгинских хоро называли бетунцами, батулинцами или амгинскими борогонцами. Боро-ботунцами в Амгинском улусе называли предков Бетунского, Абагинского и Соморсунского наслегов. Представляется весьма любопытным вывод краеведа М. Алексеева о том, что общим названием бетунцев, боотулу и борогонцев было хоролор [59].

Воинственные бетунцы составляли одну из крупных «волостей», т. е. племен саха, к приходу русских. Следует предполагать, что бетунцы имели этническую связь с чиносцами – шоноевцами, прямыми потомками легендарного предка всех монголов Буртэ-Чино. Роды Шоно (чинос) имелись среди эхиритов и булагатов, а также хоринских бурят. Данное утверждение, доказывает тот факт, что самоназвание бурят происходит от тотемного имени Буртэ-чино.

Нужно отметить и то, что один из наслегов Западнокангаласского улуса назывался Борто. И среди нюрбинских кангаласцев имелся род Борто. Среди колымских кангаласцев существовал род боро-бортолор [60]. Название рода Борто полностью совпадает с именем праотца монгольских ханов Буртэ-чино, что буквально означает «пятнистый волк». Наличие рода с таким названием среди саха доказывает действительное существование племени Буртэ-чино и его первоначальное обитание на территории Прибайкалья.

Поэтому взаимосвязь между хоро и боро-бетунцами, а также борогонцами в составе саха может пролить свет на этногенез бурятского этноса. Так, следует согласиться с тем, что название «баргуты» было общим для монголоязычных обитателей региона Байкала, этнических предков бурят в XII–XIII вв. В то же время у монгольских племен в VIII–IX вв. в Предбайкалье, как и в Забайкалье, господствующее положение могло занимать ранее тюркоязычное племя, имевшее тотем волка. Отсюда все эти племена с тех пор иногда могли именовать себя волчьими родами, т. е. чиносцами – бурятами. Однако, безусловно, обьединяющим фактором для бурятских племен яви-

лись средневековые хоринцы – потомки динлинов. Все это свидетельствует не только о древности образования бурятского этноса, но и о том, что этноним «бурят» окончательно закрепился за бурятами в сравнительно позднее время.

К ответвлению хоро можно отнести и намский род Уодэй. Подтверждением этого является наличие топонимов Хоро Уодэй. Так, Второй Уодэйский наслег имеет название Хоро Уодэйэ. Уодэйцев можно связать с удуют-меркитами, их имя, вероятно, возникло от названия р. Уды. Весьма любопытно, то, что Ц.Б. Цыдендамбаев сближал имя рода байды с названием хоринского рода байтай [61]. Как показывает топонимика, байдунцы являются выходцами с территории современного Усть-Алданского улуса [62].

В языке северных саха Г.В. Ксенофонтов обнаружил монгольские слова, неизвестные южным скотоводам – саха. При этом, по его описанию, обряды якутов-оленеводов севера в точности совпадали с некоторыми обрядами северобайкальских бурят. Таким образом, он считал, что «намечается проживание основного ядра северных якутов в районе Предбайкалья и позднейшее продвижение их на север» [63]. В Усть-Янском и Борогонском улусах был род Нохой. Слово «нохой» в монгольском языке означает «собака». В состав эхирит-булагатов вошли нохой-уруки, отделившиеся от галзутов [64]. По бурятской легенде, их предок ходил далеко на север, где жил с собакой. Род с самоназванием «собака» входил в состав двух групп хори-бурят. По якутскому преданию, в древние времена люди вышли на Яну из Баягантайского улуса. Когда они преодолевали горные хребты, впереди у них шла собака [65].

По фольклорным данным, янские саха произошли от сына Омозоя Дайбаахы Хара. По его просьбе бог – орел Хомпорой Айыы – спустил ему с неба белую собаку, чтобы он с ее помощью добывал себе пропитание. По бурятскому же преданию, предок хори-бурят Хоредой-мэргэн двинулся в Якутию. Ему было предсказано: «Ты будешь царем здешних мест! Твое счастье здесь!» Он там женился на дочери неба, охотился на зверей. Но двинулся обратно на Байкал. Легендарный предок всех бурят Барга-Батор также побывал в Якутии. По версии бурятского предания, записанного М.Н. Хангаловым, оз. Садамтын-саган, где купаются лебеди-девы, находится в низовьях Лены в Якутии [66]. О чем говорят подобные предания? О том, что обитатели Забайкалья хоро и баргуты прекрасно знали Якутию, проникали туда.

Впервые о хори-туматах упоминается в «Сокровенном сказании монголов», где говорится, что Добун-мэргэн, кочевавший у Бурхан-Халдуна, встретился с людьми из племени хори-туматов и взял замуж дочь их предводителя Хоридоя, который до этого выделился от своих сородичей в отдельный род Хорилар. Отсюда следует, что хори выделились из состава племени тумат (дубо), обитавших в Саянах, которых считают отуреченными самодийцами. Для саянтуйской культуры в районе Прибайкалья, сменившей курумчинскую, характерны погребения в бересте, связываемые с самодийским этническим элементом [67]. Можно считать, что в эпизоде супружеского союза Добу-Мэргэнэ и Алан-Гоа закодирован результат этнического процесса породнения буртэ-чиносцев с хоринцами и баргутами. Примечательно, что Алан-Гоа из племени хорилар считается прародительницей всех монголов. Нельзя не отметить, что в имени Алан-Гоа присутствует этноним «ала-алат».

На основе фольклорных источников можно предполагать, что предки саха всех монголоязычных соседей могли обозначать именем хоро. Встречается утверждение, что «хор» является наименованием древних протомонгольских племен – сяньби, расселенных от Прибайкалья до Восточной Монголии [68]. Однако китайские источники предками шивеев (протомонголов) называют динлинов. Нельзя не подчеркнуть тот факт, что хоринцы, подобно многим тюркоязычным народам Саяно-Алтая, почитают лебедя. Таким образом, можно наблюдать, что этноним «хор» распространен от Енисея до Амура. Следовательно, этноним «хор» древнейшего происхождения и, видимо, восходит к самоназванию древнего народа, непосредственно принимавшего участие в

этногенезе алтайских и уральских народов. Его распространение от Енисея до Байкала совпадает с расселением загадочных динлинов – северных варваров.

Тот факт, что наряду с борогонцами, бетюнцами были отдельные роды хоро, позволяет предположить, что в состав саха помимо монгольского (хоро) компонента могли проникнуть хоролоры. Однако якутские хоро, в отличие от хори, почитавших лебедя, имели тотем ворона. О многом говорит и то, что хоролоры обитали на Туймааде и имели владыку Тыгын. Следовательно, кангаласцы, собственно говоря, могли выделиться в отдельный род, выйдя из состава хоро. Утверждение об истреблении хоролоров не нужно воспринимать буквально, видимо, речь идет о постепенной ассимиляции монголоязычных и о победе тюркского языка. Таким образом, сначала монголоязычные борогонцы (потомки баргутов), байагантайцы (потомки байаутов), бетюнцы (потомки бурят-чиносцев) могли перейти на тюркский язык, и это было победой рода Тыгына (меркитского клана). Бурятские хоринцы представляются потомками батулинцев (смесь монголов-нохой с меркитами-хуасай) и харганаевцев-хори.

О соотношении между бурятами и саха довольно убедительно написал Я.И. Линденау: «Правда, некоторые утверждают, что буряты составляют один народ с якутами, но для этого нет никаких оснований. Сами буряты считают, что якуты особый народ и владели этой землей, на которой живут буряты, до прихода последних. Однако у бурят, как и у якутов, существует предание, что произошли они от Омогона, которого потом киргизы или, как некоторые утверждают, монголы прогнали с Далая» [69]. Подчеркнем этот момент, что якуты – потомки прежнего населения Байкала, прогнанного монголами, от которого происходят и буряты.

Подведем итоги. Представляются не имеющими смысла все споры о бурятском или якутском происхождении общих мифологических героев Ажирай-Бухэ, Буха-нойона, Хоредоя (Кордоя), Барга-батора, культов лебедя, орла, общих этнонимов «хори (хоро)», «бурят-шоно (боро-ботун)», «хенгэлдир (кангалас)», «батулинцы (боотулу)» и таких характерных элементов этнокультуры, как хороводный танец (еохор-осуохай) и коновязь-сэргэ. Споры о исконно бурят-монгольском или тюркоязычном (якутском) происхождении средневековых курыкан, меркитов, баргутов, бурят, туматов, монголов, хори также во многом связаны с современными взглядами политического характера. Корни как якутского, так и бурятского народа лежат в самобытной курумчинской культуре, оставленной загадочным народом бома (була-алатов).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995. С. 38.

2. Там же. С. 47.

3. Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. изд-во РС(Я), 1992. Т. I, кн. 1. С. 164.

4. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. С. 28.

5. Зориктуев Б.Р. О происхождении и семантике этнонима бурят // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ, 1996. С. 17–25.

6. Зуев Ю.А. Киргизы-буруты: (К вопросу о тотемизме и принципах этнонимообразования) // Советская этнография. 1970. № 4. С. 84.

7. Боло С.И. Указ. соч. С. 31–32.

8. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I, кн. I. С. 114.

9. Там же.

10. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. С. 176.

11. Гоголев А.И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. С. 117.

12. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные: Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. С. 227.
13. Там же.
14. Там же. С. 204–205.
15. Тиваненко А. Гибель племени меркитов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. С. 54.
16. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962. С. 241–242.
17. Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч. С. 101.
18. Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 79.
19. Тиваненко А. Указ. соч. С. 57.
20. Рассадин В. Бурятизмы в современном якутском языке // О.Н. Бетлинг и его труд о языке якутов. Якутск, 1973. С. 69–78.
21. Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. С. 165.
22. Румянцев Г.Н. Указ. соч. С. 164.
23. Дугаров Д.С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. С. 213–227.
24. Бутанаев В.Я. Исторические контакты хакасов с народами Южной Сибири и Средней Азии по данным этнонимики // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тез. докл. 29-й сессии Постоянной междунар. алтаистической конф., г. Ташкент, сент. 1986 г. М., 1986. Т. 2. С. 15.
25. Кычанов Е.И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке // Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе, 1965. СОН. Т. V, вып. 1. С. 60.
26. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. С. 225.
27. Окладников А.П. История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. I. С. 72.
28. Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч. С. 277–279.
29. Коновалов П.Б. Указ. соч. С. 125–126.
30. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. С. 235.
31. Летописи хоринских бурят. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 103.
32. Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч. С. 280.
33. Петухова З.И., Васильев Ю.И. Логой Тойон // Илин. 1998. № 1. С. 69.
34. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск: Наука, 1977. С. 229.
35. Дашибалов Б.Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам: Очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. С. 61, 95–99.
36. Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. С. 176–177.
37. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 44–45.
38. Там же. С. 44.
39. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма. Новосибирск: Наука, 1980. С. 172.
40. Окладников А.П. Указ. соч. С. 27.
41. Балдаев С.П. Избранное. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. С. 82, 172.
42. Павлов Е.В. Вариативность уранического пантеона западных бурят и этническая история Предбайкалья // Этническая культура: история и современность. М.; Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2000, 2002 г. С. 51.
43. Болоо С.И. Указ. соч. С. 128.
44. Исторические предания и рассказы якутов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. I. С. 41.
45. Иванов М.С. Топонимика Якутии: (Краткий научно-популярный очерк). Якутск: Кн. изд-во, 1985. С. 27.
46. Гоголев А.И. Указ. соч. С. 117.
47. Болоо С.И. Указ. соч. С. 41.
48. Там же. С. 233.
49. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада. С. 65.
50. Иванов М.С. Топонимика Якутии. С. 27.
51. Материалы по истории Якутии XVII века. Якутск, 1970. Ч. 1. С. 13.
52. Рашид-ад-дин. Указ. соч. С. 121, 150.
53. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада. С. 128.
54. Иванов М.С. Ис иhигэр киирдэххэ (Размышления об истоках языка). Якутск: Кн. изд-во, 1988. С. 100–101.
55. Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 41.
56. Долгих Б.О. Указ. соч. С. 327.

57. Борисов А.А. Якутские улусы в эпоху Тыгына. Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1997. С. 86.
58. Петухова З.И., Васильев Ю.И. Указ. соч. С. 2–7.
59. Алексеев М. Ааттаммат айан аартыга // Илин. 2001. № 2. С. 23, 25.
60. Иванов М.С. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах (Топонимы Якутии). Якутск: Кн. изд-во, 1982. С. 49–50.
61. Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч. С. 202.
62. Иванов М.С. Ис иһигэр киирдэххэ (Размышления об истоках языка). С. 117.
63. Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. С. 242.
64. Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч. С. 147.
65. Иванов М.С. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах (Топонимы Якутии). С. 64.
66. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. I. С. 25.
67. Дашибалов Б.Б. Указ. соч. С. 98–99.
68. Румянцев Г.Н. Указ. соч. С. 126–128.
69. Линденау Я.И. Указ. соч. С. 136.

А.И. Шинковой

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВСЕЛЕННОЙ В ШАМАНСКОЙ МИФОЛОГИИ У НАРОДОВ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ МИРА

Вообще на свете только и существуют мифы.
А.Ф. Лосев

Не все мифы о Вселенной дошли до нашего времени в первозданном изложении. Их изустные версии постоянно менялись и обогащались индивидуально живым образным словом и метафорическими выражениями сказителей. Здесь немаловажное значение имело богатство речи рассказчика. Кем-то высказанная мысль о природе мироздания могла исходить не только из обжитых густонаселенных мест, но и из любого глухого угла, пробуждать интерес у пытливых умов, способных истолковывать услышанное слово на свой лад. Нельзя не удивиться способности человека хранить разные исторические предания, мифы и донести их изустно из дремучего прошлого через десятки поколений до того периода, пока не нашелся способ письменно зафиксировать эти невероятные легендарные картины мира. История знает немало людей, способных сохранять в своей памяти огромные запасы человеческой мудрости или умело изложенные фантазии. В 1961 г. венгерский этнограф Шандор Эрдес поведал общественности о сказителе по имени Лайоша Ами, оказавшем неоценимую услугу науке. Лайоша не был обучен грамоте. Зато обладая феноменальной памятью, он сумел пересказать 250 народных сказок и легенд, объемом превзошедших знаменитый сборник «Тысяча и одна ночь» [1]. Не менее интересный случай отметил М. Горький, хорошо осознававший, насколько поучительны иные изречения в живом пересказе. В частности, он писал: «Русская песня – русская история, и безграмотная старуха Федосова, уместив в своей памяти 30 000 стихов, понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей» [2]. Действительно, способность человека хранить в памяти большие объемы информации и пересказывать ее своими словами поразительна. Философу Ф. Бэкону приписывают слова, что «человек думает, что ум управляет его словами, но случается также, что слова имеют взаимное и возвратное влияние на наш разум. Слова, подобно татарскому луку, действуют обратно на самый мудрый разум, сильно путают и извращают мышление».

В отличие от основных общепринятых мировых религий, в шаманизме не было признанных идеологов и толкователей обрядовой практики и обычаев. Как не было в шаманском мировоззрении и письменных источников, на которые можно было бы сослаться при произнесении песен, обращенных к небесным божествам и родовым духам. Также в нем мы не найдем никаких выдвинутых доктрин. Складывается впечатление, что в шаманизме все возможно. В среде шаманистов наиболее авторитетным знатоком веры признавался шаман. Европейцы нередко его этимологически отождествляли то с волхвом, то с ведуном. Шаман камлает по причине перехода в его тело силы предков утха (бур.). Против духов шаман знал заклинания, проводил жертвоприношения, исполнял песенные монологи и умел в процессе камлания заинтриговать и держать в душевном напряжении плохо осознающих происходящее впечатлительных людей. Наконец, он еще был врачевателем, провидцем и предсказателем погоды.

На всем евразийском пространстве и далее его с незапамятных времен сложились вековечные основы представления о Вселенной, словно услышанные из одних уст и распространенные повсеместно. К примеру, Г.Н. Потанин находил много общего в русских народных сказках и шаманских легендах. Он также делал предположение о том, что «не только русский миф, но даже скандинавский и греческий мифы, по-видимому, явились из Монголии», т. е. с современной ее территории, так много он под-

мечал в них общего. При этом Потанин придавал особое значение сибирскому шаманизму, способному представиться в ходе его изучения в совершенно новом свете [3].

Практически во всей этнокультуре народов Сибири и Центральной Азии и даже у американских индейцев выработалось сходное воззрение на устройство мира, согласно которому он делился на три-четыре основные зоны: небесную, промежуточную, земную и подземную. Скажем, тибетцы тяготели к шаманской по существу религии бон-по. Бонские жрецы – шэны – мир делили на белый небесный, заселенный богами, красный средний – людьми, синий нижний – водяными духами. Все три сферы объединяет мировое дерево. Главное божество у них – Шенраб-Мибо – Совершенный шаман, или жрец [4]. Приняв же буддизм (северный ламаизм), тибетцы еще долго не забывали старую религию и продолжали представлять мироздание как состоящее из шести небесных сфер, две из них принадлежат земле, четыре же считаются сферами высших обитателей и находятся далеко за пределами земли [5].

Нельзя с уверенностью сказать, что сибирская шаманская концепция Вселенной базируется исключительно на исконно местных умозаключениях. Казалось бы простое верование постоянно усложнялось добавлениями, своими и иноземными легендами, благодаря чему оно становилось еще привлекательнее. Исследователи стали находить в этом веровании элементы еще более древних религий. Целый ряд шаманских сегментов, вплоть до сибирских, восходят к древнему культу Митры, который был занесен в Центральную Азию в форме религии бон, впитавшей элементы староиранского зороастризма. Основоположник зороастризма пророк Спитама Заратуштра за зримого Бога в физическом мире принимал свет. В свою очередь, митризм корнями уходит в индоиранскую мифологию. С митризмом были знакомы на территории современной Европы, что подтверждает головной убор папы римского, называемый митра. То же название перешло к шапке высшего православного священника, митра архимандрита или митрополита. В ведических гимнах небожитель Митра представлен создателем Дня, богом Света и Вселенского Разума, приносящим в жертву Сурье (богу Солнца) животное (быка) белого цвета [6]. Сложный сгусток представлений о мире проник в культы Тибета и Монголии, затем на сибирских просторах, в этом сплаве племен и народностей, соединился с шаманизмом, где было немало самодостаточных культовых элементов. Частично они сохранились до сих пор, не случайно румынский ученый-религиовед Мирча Элиаде высказывал мнение, что шаманизм – это прежде всего сибирское и центральноазиатское явление [7].

Таким образом, широкое распространение многоэтажной модели Вселенной основано на многовековой развитой духовной культуре. Чем развитее были древние культуры, тем в более сложные сюжеты конструировались мифологические представления о Вселенной. Надо полагать, что когда люди наносили петроглифы на скалы, то уже тогда задумывались о Вселенной, которая у них имела упорядоченную, структурированную систему мировоззрения. Концепция архаичных пластов, ступеней мироздания перешла в мировые религии: буддизм, христианство, ислам, где новые веры долгое время оставались пропитанными мифологией прошлого [8]. В той же Библии мироздание представлено трехчастным, хотя в ней не наблюдается четкости и в обозначении, скажем, подземного мира применяются различные термины [9]. В славянской древности использовалось понятие «обитель божества Триглава» – воплощения трех сфер мироздания [10]. К примеру, скажем, по славянскому народному поэтическому разумению, Небо – терем Божий, а звезды – очи взирающих оттуда ангелов, облака же уподоблялись мозгу, наполняющему гигантский череп – Небо [11]. В известном науке древнеславянском Збручском идоле некоторые ученые видят Вселенский столб с трехъярусным делением по вертикали [12].

млей легендарной прародины. Этот пуп Рима рассматривался как центр Мира. Многим народам мир представлялся в форме круга или квадрата. По неведомо каким образом широко распространенным канонам, как правило, в центр круга устанавлива-

лись шест, столб или ритуальная береза – символ священной мировой горы Сумеру. Подобным образом выстраивалась концепция мира у многих народов, включая сибирские. Искусственная вертикаль есть ось мира – мифический образ космического устройства, как некое космическое дерево, способное указать тому же шаману связующий путь, по которому он способен достичь через транс другие уровни мироздания, будь это Верхний мир небожителей или Нижний мир, где царят гнетущие человека демоны. Всякий раз, следуя этим путем, шаман помогал своему роду, племени и всему народу [13].

Сложившаяся у сибирских народов мифологическая концепция мира сходна с концепциями других народов. Здесь также Вселенная образно рассматривается в виде могучего дерева, где крона – Верхний небесный мир, ствол – Средний земной и корни – Нижний подземный мир. Тунгусские шаманы такое дерево называют словом «туру» – «дорога, по которой шаман или его молитвы идут к небу» [14]. Туру – это еще сакральный путь Великого Турана, где с древнейших времен по полосе Южной Сибири пересекались культуры разных эпох и народов. Опять-таки «на бубнах кетских [енисейских] шаманов земля изображалась в виде большого круглого диска, со всех сторон окруженного семью морями. Над нею простираются семь небес, а под ней располагаются семь подземных миров». У ненцев, нанайцев и других народов Вселенная распадалась по вертикали на три составные зоны. Коряки Камчатки делили Вселенную то на пять ярусов, то на три [15].

Традиционная концепция о Вселенной, состоящей из трех сфер, представлялась загадочному народу айну, обитавшему на дальневосточных рубежах России. Теперь их незначительная часть осталась жить лишь на японском острове Хоккайдо. Если обнаруженные в Забайкалье А.П. Окладниковым костяки «селенгинского человека» отнесены Г.Ф. Дебецем к бронзовому веку, примерно 2 700 лет [16], то этническая история айнов, чьи предки были представителями неизвестной науке древнейшей расы, насчитывает не менее 7 тыс. лет. У айнов Верхний и Нижний миры делились на мир богов и мир усопших людей, посередине – аину мосир – мир айнов, за которыми неусыпно наблюдают звезды – глаза богов [17].

Неизвестные сибирские мифотворцы отнесли небесных богов к высшей иерархической ступени шаманского пантеона. В нем отображены как фантастические представления, так и явные отголоски земной жизни, частично или целиком приобретшие некие знаковые функции в шаманских культах. Будто бы взяты были те культы в практическое бытие человека из условного принципа: «Все, что существует на Земле... есть тень того, что существует в высших сферах» [18]. Иначе говоря, согласно шаманскому представлению о мироздании, на земле – как на небе. Но устоялось и обратное умозаключение. В песнопении шаманов Алтая звучат слова: *«Да будет на земле пуп неба! Да будет на небе пуп земли!»* [19]. На небо подобно миражу проецируются земные события с их людскими страстями, включая общие для человечества три неотъемлемые составляющие: рождение, линию жизни и смерть. Свыше данный тайный код жизни позволяет человеку жить на земле, чтобы с ее окончанием войти в нее же. Итак, мифологии разных народов доносят до нас довольно-таки сходные многоярусные космологические концепции мира. По ним Вселенная состоит из трех частей, распадающихся на верхнюю небесную – обитель богов, нижнюю подземную преисподнюю – вместилище ада, где правят демоны и духи, и наземную среднюю – обиталище людей и всего сущего. Силы природы в шаманизме персонифицируются в небесных, подземных и наземных образах. Рассмотрим каждую из этих частей шаманского представления о мироздании.

Верхний мир шаманского пантеона. По представлению монгольских и бурятских шаманистов, Верхний мир делится на две зоны. Первую зону населяют огкторские белые боги – обитатели недосягаемых высот, они представляют собой верховную власть всего сущего в мироздании. В космогонической мифологии ряда монгольских народов указывается, что еще не было земной атмосферы, а эти божества существовали в безмерной вышине в обители – огкторго (окторгоин). Оттуда огкторгойн мянган бурхад

– тысяча небесных божеств, бесконечные безначальные (эфирообразные) бессмертные небожители – огкторгойн оллон саган бурхад, иначе огкторгойские белые боги, зародили все сущее на земле [20]. Православный священник И. Подгорбунский, занимавшийся изучением шаманизма у монголов и бурят, писал, что высшие боги – это духи бесформенные и бестелесные, не подлежащие никакому представлению [21]. Задолго до появления у бурят православных миссионеров и ламаистских подвижников желтой веры они воздавали хвалу белым богам, т. е. бессмертным белым бурханам [22]. Слово «бурхан» было настолько популярно, что пока в Забайкалье утверждался ламаизм, по обыкновению шаманисты, обращенные в ламаизм, называли Будду «бурханом».

Вторая зона Верхнего мира у монголов и бурят считается промежуточной. Она находится в обозримой человеческим глазом части неба, на половинном расстоянии между огкторго и землей. Здесь подобно даосским небожителям бессмертным ба-сяням, находящимся в вечной праздности, располагались высшие небожители. Но в отличие от китайских богов, они наделены были не только светлыми, но и темными силами. Их называют тэнгэрины, или божества тэнгрии (монг.). Эти божества обитают в небесном доме (слог «тэн» – «небо», второй слог «гэр» – «дом, войлочная юрта»).

У алтайских народов есть легенда о небесном Тэнгэре Кайра Кане, главном среди богов, являвшемся одновременно отцом и матерью рода человеческого и создавшем себе подобное существо, названное человеком. Этот человек летал вместе с Каном в небесах не в силах опуститься ниже, так как всюду была вода. Тогда Тэнгэр Кайра Кан заставил человека нырнуть глубоко в воду, извлечь оттуда землю и рассыпать ее поверх вод. Но человек оказался алчным, он спрятал про запас во рту часть суши. Узнав об этом, Кайра Кан назвал человека Эрликом и изгнал его в нижний ярус подземного царства [23]. В японской мифологии верховные боги Идзанами и Идзанаги сами произвели землю, всколыхнув морскую пучину жезлом, а упавшие с посоха капельки образовали гряду островов Ниппон.

История появления в шаманском пантеоне тэнгриев сложна и запутанна. Им посвящено огромное количество литературы. В ней часто наблюдается расхождение мнений исследователей по поводу термина «тэнгри». Давно подмечено, что ключ к разгадке загадок мифологии, археологии и этнографии лежит в языках. Так, в китайской письменности используется иероглиф 天 «тэн», обозначающий слово «небо», две верхние горизонтальные черты 二 словно две небесные зоны, под которыми находится человек 人. Этот же иероглиф в японском языке имеет то же значение «тэн» – «небо», например, в словах «тэнгоку» – небеса, рай; «тэнку» – небосвод; «тэнно» – император, сын неба. В русском языке слово «тэн» вошло в слово «тент», что означает плотную ткань – брезент, позволяющий прикрыться от атмосферных осадков и холодного ветра. Слово это есть своеобразная метафора «тэн» – «небесный свод» или «небесный шатер земли» в ограниченном пространстве человека. Встречается слово «тэн» в древнегреческой мифологии, но в противоположном рассмотренному понятию значении. Оно вошло слогом в слово «тэнара», так называлась пещера мертвого царства Аида, которая условно ограничивала небесный свет жизни от тьмы подземного мира.

Пожалуй, слово «тэнгэр» лишь в широком смысле может заменить слово «небо», словно отраженное в монгольском озере Тэнгри-нор, где вода соленая. Слово «тэнгри» не может быть монгольского происхождения, тем более бурятского. Слово «небо» – на монгольском языке – «гог», «кока», голубое небо – «коке» (пишется с двумя точками над буквой «о»). На это обратил внимание известный монголовед, академик Б.Я. Владимирцов [24]. По мнению же доктора исторических наук Ю.М. Бутина, слово «небо» по-монгольски звучит как «тэнгэр», по-бурятски – «тэнгэри». Он же приводит пример из древнекорейского языка, где существуют сходное слово «тенгыри» – небо, высшее божество – и производное от него имя мифологического Тангуна, основателя Древнего Чосона [25]. М.Н. Хангалов разделял у бурят названия тэнгэри – дневное небо и огк-

торго – ночное [26]. Напротив, согласно изысканиям А.В. Потаниной, выражение «ху-ху-тэнгри» – голубое небо, противопоставляется «окторгоин-тэнгри» – ночное небо, небо красной зари, где под словом «тэнгри» подразумевается только видимая часть неба. Позже термин «тэнгри» стали использовать в значении «духи» [27]. То, что небесные тэнгри-боги еще и духи, подтверждается посредством некоторых имен, дополненных термином «тэнгри». В основном это мифологизированные герои, получившие дополнения к своим именам уже после смерти, т. е. имеющие посмертные имена. Г.Н. Потанин упоминал об одной монгольской легенде, в которой говорится о шамане по имени Бут Тэнгри, который будто бы был современником Чингисхана [28]. Бурятский ученый Д. Банзаров называл монгольского шаманского бога Хаджир Чингис тэнгри – «сын неба» [29]. Будущий правитель монгольской империи Темучжин получил свое новое имя Чингисхан от шамана по имени Тэб-Тэнгри, по разумению которого оно ассоциировалось с именем духа сына Неба Хаджир Чингис Тэнгри – одного из гениев Хормусты [30]. Опять-таки о легендарном сибирском народе савирах, который переселился в предгорья Кавказа, писал хазарский царь Иосиф, упоминая при этом, что этот народ поклонялся чудовищно громадному герою Тенгри – богу неба и света [31].

Вообще-то есть все основания полагать, что верование и обряд поклонения тэнгриям, «хух тэнгэр» – тэнгэрианство – поклонение Небу, а точнее, поклонение богам тэнгриям, были внесены в шаманизм как часть иной, дошаманской, религии, существовавшей в домонгольский период в Центральной Азии. Тогда почитались культы Багатур тэнгри, Дайсун тэнгри, Дайчин тэнгри и т. п., перешедшие к монголам от кочевников Центральной Азии, в прошлом имевшие общее название – военный культ «девяти главных тэнгриев», иначе – «девяти братьев Далха» – божеств-оберегов воина [32]. Культ неба у степных народов Центральной Азии бытовал в среде тюрков. Не случайно ведь термин «тэнгри» стал входить во многие фразеологизмы, где корень «тэн» имел разные значения. Как уже было указано, корень «тэн» встречался в исторических именах и именах легендарных персонажей далекого прошлого. Точно так же предшественники монгольской государственности уйгуры, чей каганат занимал огромную территорию от Алтая до Большого Хингана, имели правителя кагана (князя) по имени Тэнри, правившего с 759 по 779 г. В период его правления уйгуры помогли остановить в Поднебесной империи междоусобную войну, благодаря чему обогатились да еще дополнительно получили «пожалования» Танского двора [33].

В любом случае во вторую небесную зону шаманского пантеона вошло огромное число сверхъестественных сущностей с именем «тэнгр». Ныне живущий забайкальский шаман Б.Д. Базаров выделил 275 тэнгриев. Из указанного числа – 99 пестрых тэнгриев, 77 чистых тэнгриев, 55 белых тэнгриев, 44 восточных, огненно-красных тэнгриев [34]. Есть в этом некая экзотерическая аллегория планетарного духа: когда на заре человечества начинался антропогенез четырех доисторических рас, то первая раса была лунного цвета, вторая – желтая, третья – красная, четвертая – коричневая, ставшая черной от греха – смешивания рас [35]. Буряты чаще называют имена 100 тэнгриев, а тунгусы поклонялись только девяти тэнгриям, при сохранении общего их характера [36].

Было время, когда в монголо-бурятском мифическом мире боги мирно сосуществовали на Небе под началом всесильного бога Асаранга тэнгэрина, первого по рангу среди равных богов. Судя по всему, корневая основа имени этого бога заимствована из ведической культуры. Аса-ас – это всегда первый, т. е. человек – профессионал в своем деле. В шаманском пантеоне бог Асаранга оказался смертным, и, как бывает с человеком, он состарился и умер. По данным Л.Ю. Дондоковой, «Асаранга богдо тэнгэрин погиб в борьбе против западных добрых тэнгэринов» [37]. Поэтому чаще властителем Неба называется Эсэгэ-Малан тэнгри. Этого бога бурятские шаманисты упоминают, когда призывают подчиненных ему заянов, т. е. «творцов» у шаманов, ставших после смерти духами, а также

его имя звучит в песнях и сказках [38]. Со смертью Асаранга небожители разделились на 55 западных и 44 восточных тэнгрия. И как только случилось разобщение их, так и вражда прошла между ними. Во главе западных, белых, добрых сил стоял Хан-Тюрмас (Хормуста), во главе восточных, темных, злых – Ата или Атай-Улан тэнгри. Иногда его еще называли красным тэнгрием. Легенды по-разному передают причину разногласия богов. Есть версия, что спор возник из-за желания Атай-Улана тэнгри расширить свои владения за счет владений Хормусты тэнгрина [39]. По другой версии, вражда между богами Хормустой и Атай-Уланом возникла из-за одновременного сватовства к небесной красавице Цэцэг [40], дочери западного бога Сэгэн Сэбдэга. Этот бог отличался сильной магией волшебства. В пантеоне тэнгриев он считается богом колеблющимся [41]. В обоих случаях Хормуста вышел в единоборстве победителем, убил врага, а рассеченные части его тела сбросил на землю, из-за чего там случился хаос и мор людей. Куски тела бога темных сил превратились в чудовищ, на посылках у которых было множество помощников, в монголо-бурятской мифологии – злых низших существ. Тем временем от всего произошедшего на земле наступили засуха, падеж скота, болезни и голод людей. Те обратились за помощью к небу. Чтобы спасти людей и все живое на земле, тэнгрии послали к ним орла. Этот орел-посланник выследил девушку-пастушку, от связи с которой родился мальчик, будущий первый шаман [42]. Сибирские народы в орле видели божество, творца и родоначальника. Буряты, якуты, алтайцы да и американские индейцы считают орла или орла-кондора прародителем шаманов, которые, в свою очередь, отождествляют себя с птицей. Давно уже ольхонские буряты признают своим тотемом орла, хранят предание о пещере, называемой Бурхан, где якобы обитает дух орла – первого шамана и хозяина острова. По поверью якутов, орел является животворящей птицей шаманов, а его культ скрывает тотемные истоки [43]. Любопытно сопоставить, оказывается, орел у древних славян выполнял связующую роль между Верхним и Нижним мирами [44].

Ученый-этнограф Г.Н. Потанин в письме к М.Н. Хангалову просил выяснить, существуют ли у бурят легенды о хане Тюрмасе или хане Хурмасе и Хорсо, чтобы прояснить для себя, что́ это за божество [45]. Так вот, если углубиться в происхождение имени Хормуста, то выяснится, что ему отводилось немаловажное место в дошаманском культе Неба. Так, в эпосе «Гэсэр», распространенном у многих народов азиатского востока, в самом начале этого литературного памятника говорится о противоборстве Хормуста и Атай-Улана. Согласно тексту эпоса, Хормуста был отцом главного героя произведения Гэсэра. Из рук бога Хормусты Гэсэр получил бронзовый меч перед тем, как спуститься на землю и сразиться с 15-головым чудовищем Асурай. Культ меча ученые склонны соотносить с Тагарской культурой, тождественной культуре динлинов, существовавшей в Юго-Восточной Азии за тысячу лет до хуннов. Бурятский писатель А.Л. Ангархаев склонен думать, что Хормуста мог появиться в среде хунну и уже от них трансформировался у монголов [46]. Есть и другое мнение. Своим происхождением Хормуста обязан иранской или даже протоиранской культуре, отмечал Б.А. Рыбаков [47]. Там был верховный бог, мудрый владыка, творец вещественного мира – Ахура Мазда-Ормузд, олицетворявший собой свет и противопоставлявшийся в древнеперсидской религии мраку – Ариману (Анхра Манью) [48]. Имя Ахура, по-санскритски Асура из Вед, где первоначальное ему *«Аср» – «Огнезаклинатель», близкое этрусскому слову «Аесар»* – бог [49]. Отсюда выстраивается Хормуста (Хурмаст), наконец, Хорс – солнце-светило. В том же значении в «Слове о полку Игореве», писанном старинным русским языком, есть упоминание о Хорсе: «К петухам в Тмуторокань поспеет, Хорсу путь его перебегая» [50]. Находящийся в районе Севастополя древний Хорс – город солнца, позже Корсунь и Херсонес, где сохранялись языческие традиции, с христианизацией Руси подвергся нападению киевского князя Владимира. В мифологии тувинцев упоминается персонаж Курбустухан, иначе Хормуста – владыка неба. Отмечался Курбусту ораны – мир Курбу-

сту как часть светлой Вселенной [51]. С проникновением в Туву ламаизма у местных шаманистов смешались сюжеты мифов. И наряду с Хормустой, ставшим синонимом Неба и света, в пантеон Верхнего мира вошли буддийские бодхисатвы [52]. Арийцы снабдили Монголию своими сюжетами, и бодхисатва Авалокитешвара (санскр. Avalokitesvara) – бог, который смотрит вниз, монголизирован в ламаистское Арья-Бало, который «был известен в Южной России под именем Арысь-поле; Арысь являлся в формах Харысь, Хорос, Хорс…», к тому же культ Арья-Бало знаком на кельтском западе [53], где также воздавали должное культу меча. Следовательно, этот культ каким-то образом трансформировался в Европу. В «Сокровенном сказании монголов», где упоминается о шаманизме – черной вере монголов, в параграфе 103 говорится о молении Чингисхана Солнцу [54]. Выходит, Чингисхан был приверженцем культа света, к чему были склонны многие древние народы Евразии. И рубин – солнечный камень в перстне с солярным знаком – свастикой – знак солнцеворота на правой руке Чингисхана, имел глубоко сакральное значение [55]. В монгольском доклассовом обществе власть правителя была неразрывно связана с властью ритуальной. Верховный правитель выполнял еще функции первосвященника и символизировал способность контактировать с Небом. «Его личная харизма была харизмой рода, племени, этносоциального организма любого уровня» [56]. Вполне вероятно, что, имея единовластие в стране, «Чингисхан стал духовным отцом своей нации и выполнял функции ее главного шамана» [57].

Похоже, что имя Хормуста стало универсальным во многих мифологиях. Оно встречается в полном функциональном согласии в ипостаси то высшего Бога, то Неба, то Солнца в тех или иных культурах, хотя звучит на языках по-разному. То же относится к слову «Солнце», у которого всегда было много синонимов. Например, в санскритском словаре можно встретить не менее 37 названий солнца [58]. *«Солнце-царь, сын Сварогов, еже есть Дажь-бог»*, – говорится в Ипатьевской летописи. У бурят есть словосочетание «Хурса наран» – яркое солнце. Небо одарило Землю светом планет и звезд, служащих людям ориентиром в вечности. В старинных преданиях и шаманских гимнах бурят встречаются посвящения небесным светилам Земли – Солнцу (Нарами) и Луне (Хара). Прибайкальские буряты свое отношение к Солнцу выражали ласковыми эпитетами «алма-нара эхэ» («широкая и светлая красавица мать») или «алтан наран бабай» («золотое солнце отец»). Сопоставление Солнца с матерью и отцом не случайно, ведь они дают своим детям возможность видеть свет жизни. На многих старых шаманских костюмах сохранились подвески в виде металлических кружочков, символизирующих Солнце. Сходные кружки с гладкими краями или обработанными на концах так, словно диск излучал солнечные лучи, находили в ритуальных местах сжигания умерших шаманов. На ритуальных лентах шаманов и на предметах поклонения духам – онгонах священное изображение Солнца рисовали просто, как рисуют дети, кружком с лучами на красной или синей материи, олицетворявшей «хохо монхон тэнгэри» – «вечное синее небо». Иногда на лентах Солнце вышивали красной ниткой с лучами и подвешивали к шаманской короне. Семантическое происхождение таких атрибутов имеет прямую связь с древнейшим культом почитания Солнца, в том числе у монгольских и тюркских народов.

Итак, небесное царство богов, как и персонифицированных земных героев, составляет особую повествовательную линию космогонических воззрений, пересекающихся по именам и даже по сюжетам у разных народов. Помимо общеизвестного бога Хормусты, называемого еще Хан Хюрмас, у монголов и бурят, он еще старший сын Баяна сагаана (Альган Сагаан бурхан) тэнгрина – Белого небожителя – прародителя 99 шаманствующих тэнгриев. Уже упомянутый Эсэгэ-Малан, властитель Неба, почитался как младший брат Солнца и Луны. Он и хан Тюрмас (Хорс) тэнгри имели по три сына. По давнему представлению людей монгольского мира, тэнгрии, следующие за высшими богами, также обладали могучей внешностью, были важными, ибо лишь

подобного вида боги могут заступиться за народ, быть хранителями и царей, и простолюдинов. В зависимости от местности происхождения легенды имена тэнгриев могут не совпадать по написанию, также различными могут быть их функции.

Дело в том, что в монгольской степи долго не было единого разговорного языка. Еще в середине XIX в. селенгинские буряты говорили на чистом монгольском языке, как монголы халхи [59]. В Забайкалье пришли монгольские племена атаганов, табангутов, хатагинов, цонголов, несшие родовые представления о мире. Прошло немного времени, и однажды в Тункинскую степь, над которой властвовал дух Шаргай Нойона, пришел сойотский род, который вскоре совершенно обурятился [60]. Этот род на своем наречии долго сохранял представление о Вселенной, невольно противопоставляя его сказаниям разных этнических групп, живших в лесостепной местности. Теперь у бурят выделяют в языке три диалекта, подразумевающих три лексических и морфологических оборотов речи. Поэтому с появлением возможности письменно зафиксировать разные представления о Вселенной любой этнической группы нельзя было избежать фонетических особенностей их диалекта.

Имена тэнгриев использовали в своей устной речи забайкальские шаманы, будучи, как и народные сказители, главными хранителями мифологии веры. Но после притеснения и высылки шаманов ламами за Байкал произошло смешивание сюжетной линии мифотворчества с местными прибайкальскими наработками народа. Приведем список имен могущественных западных и восточных небожителей, составленных по обе стороны Байкала по разным источникам. Манхамалаан, Удай Мунгэн, Оер Сагаан, Оер Мунгэн, Хизаар Сагаан. Тэнгрии грома и молнии: Буудал, Хан Буудал, Ясалили Яшал, Харайн Буудал, Тат Хара. Сахилгаан Сагаан – покровитель хоринцев да и всех бурят, Луу, ведающий водой. Тэнгрии светила небесные: Сэгээн Сэбдэг, духовный отец Белоголового «орла», посланного на землю, от которого произошел первый шаман. Делоон Хухэ (или Долон-Хохо) – один из семи синих тенгэринов, обеспечивающих землю водой. Болур Сагаан – покровитель белых шаманов, защищает их от восточных тэнгэринов и злых заянов. Ухаасалбон, Суя Сагаан (молочно-белый), Хан-Сагаан – покровитель и путеводитель бурят, Алтан, Седол Сагаан. Тэнгрии атмосферных явлений: Будургуй Сагаан – покровитель булагатов, Зада Сагаан, Зада Улаан, Мэндэри, Сайр Сагаан, Гурбан Сальтин, Турбан Хируус. Тэнгрии, к которым обращались в случае болезни: Галзцу, Ухин Хара, Хожиринги Долоон. Дайбань-Хохо – покровитель западных и белых кузнецов. Асарангуй Арбан Гурбан – покровитель всех черных и злых шаманов, заянов и прочих недобрых духов. Тэнгрии, отвечающие за страсти и разные наклонности человека: Батар Улаан, Дайсан, Хисаанай. Тэнгрии судьбы: Зол-заяша, Аха Дуде Юсэн Сулдэ, Заян Саган (синоним Хан Хюрмаста). При этом в каждой территориальной и племенной группе существовали также десятки других божеств, таких как покровитель эхиритов Хухэ Мунгэн тэнгри, покровитель хонгодорцев Ураг Сагаан тэнгри и т. д. Шаманисты имели своего Прометея по имени Гал-Нурма тэнгри, давшего людям метеорит, благодаря которому те получили огонь [61]. Также бурятами Прибайкалья упоминались тэнгрии: Хиат, Боляшнгут, Сахиман, Хан Бото, Гужар Бото, Охин, Гутар Гунгэн тэнгрии и т. п. [62]. Иногда называлось обобщающее число тэнгриев. Небу покровительствовали восемь тэнгриев, грому и молнии – десять, небесным светилам – восемь, болезням – три тэнгрина и т. п. [63]. В литературе и архивных источниках встречаются и другие имена тэнгриев. Они, как и указанные выше небесные божества, делятся на правителей, на тех, кто наделен полномочиями распоряжаться громом и молнией; светилами небесными; атмосферными явлениями; болезнями, страстями и теми или иными наклонностями человека, как и его судьбой. Поэтому-то люди обращаются к тэнгриям за помощью. Однако высшие силы, как огкторские белые боги, так и тэнгрии, напрямую с людьми не общаются. Для непосредственного взаимодействия с людьми тэнгрии посылают своих детей – хатов (монг. буумал бурхад) – земных помощников, которым помогают многочисленные слуги, поделенные по частям света и наделенные властью над людьми [64].

Средний мир. Очередная мифологическая зона шаманского мироздания – земная – с ее разнообразной формой жизни, включая общность людей. Вестники тэнгриев на земле – их дети – хаты, духи – обосновались на вершинах гор. Горы во многих мифологиях символизировали близость к Небу, значит – к богам. Поэтому тюрко-монгольское слово «хада» («хата») означает «гора», где проживают посланцы неба. Не зря же монголы добавляют к названию горы слово «хада», например, голец Улан-хада. Корневая основа слова «хада» использовалась древними народами в значении «бог». Так, прототипом славянского бога молнии Перуна был восточный бог Хаддада. Примечательно, что у южных славян, селившихся на равнинной местности, слово «хата» означает дом, иначе – искусственная возвышенность с обязательным духом-домовым в нем. В сирийской мифологии упоминается Хадат, повелитель изобилия на Земле. Египтяне поклонялись богине любви и судьбы Хатор, которая изображалась с головой коровы и солнечным диском между рогами.

Как и тэнгэрины, хаты делились на западных, восточных и еще водяных. И. Подгорбунский слово «хат» считал формой множественного числа от «хан» – князь, царь. Самый популярный у бурят – западный хат Буха-ноен баабай, князь-бык, иначе – бык господин батюшка, предположительно был исторической личностью. К западным хатам, по данным того же православного священника Подгорбунского, относятся до 90 имен: Хан Шаргой ноен, Булаг-саган-ноен, Моргон дэгэ и пр. Из старинных преданий и шаманских гимнов дошло до нас имя «царя» Хан Шаргая. Будучи главой западного хата, спустился он на землю на облаке в сопровождении орла по приказанию тэнгриев. На горе Халма восседал он на соловом коне в полном вооружении полководца. Под мечом его присягали ему подданные [65]. Если западные хаты относились к людям, другим живым существам доброжелательно, то восточные злобные хаты, напротив, насылали им всякие неприятности и болезни. Во главе восточных хатов обозначен Эрлик-хан, известный еще как князь подземного мира. В его подчинении находится несметное число недоброжелательных к живым существам средних духов-бохолдоев, делимых по категориям и распределенных как на земле, так и под землею [66]. Бохолдои, как злые духи, по своей природе всегда были настроены против живых людей и домашнего скота. Духи-бохолдои есть за редким исключением невидимые духи, ставшие таковыми после выхода из тел душ умерших людей, одетые в их одежды и ездившие на лошадях, на которых везли хоронить покойников. Монголы считали, что душа вещественна, поэтому видима, но ее видеть дано не всем людям. Если же душа становится после смерти человека духом, то духу по силам сделаться видимым оборотнем. В классическом репертуаре японской драмы духи-оборотни часто являются людям. «О, ужас! О, страх! Из чащи темных деревьев, застлавших сиянье луны, нездешнее выходит созданье. Пугающе грозен лик [его]… принявший человеческий облик» [67]. В среде древних славян тоже бытовал мифологический персонаж волколак – человек-оборотень, в него обращались колдуны, чтобы творить людям зло [68]. Не только японцы, монголы или буряты, но и китайцы, корейцы и многие прочие народы верили в такое же перевоплощение души. Их прозаические произведения позднего средневековья насыщены повествованиями подобного характера. Они циркулировали и в устной форме. Рассказов на этот счет достаточно.

Шаман внушал верующим, что всякая болезнь, постигшая тело человека, есть непременно действие нечистой силы, иначе – злых духов. Каждый предмет и каждое явление причисляются к духам, число которых может быть бесконечным (духи воды, гор, лесные, местные и т. п.). Духи боятся железа, металлических предметов, изготовленных с помощью огня кузнецом. Потому-то шаман привешивает всякие безделушки к своей одежде.

К водяным хатам у бурят относятся не менее 27 существ. Это Гохоши, покровитель рыбной ловли, Гульмэши, покровитель невода, и др. [69]. Автор книги «Буряты» Б.Р. Зориктуев также называет 27 водяных ухан-хатов – эжинами (хозяевами) вод, во главе с Лупсон (Лопсон)-ханом [70]. Духов водяных хатов, как и духов местностей

эжинов, задабривали онгонами, символизировавшими разных духов, в том числе и духов предков. Так, например, в Балаганской волости Иркутской губернии буряты совершали религиозный обряд онгоном, выполненным в виде рисованного хурага, изображавшего ухан-хатов – девять водяных царей, во главе которых стоял Уха-Лубсон [71]. А китайцы, которые ужасно боятся холодной воды, при спуске на воду новой лодки, чтобы задобрить духа воды, приносили в жертву петуха.

Бурятский Лубсон (Лопсон, Лусун, Лусуд, Лубсан) произошел от древнеуйгурского Лу, во множественном числе по-китайски Лусы – змееподобные существа. В Китае от Лу производят луе-дух и относят к богам тэнгри, его аналог Лун – дракон, вобравший в себя части тела не менее девяти животных (змея, тигра и т. п.) [72]. Этот дракон – древнейший символ гармонии двух стихий – Неба и Земли, часто вводимый рисованным элементом, украшающим предметы декоративно-прикладного искусства. Например, на стенках сосудов изображали в облаках дракона, из пасти которого изрыгалась на землю вода в виде дождя. Буряты называют три вида Лубсанов. Первый саган Лубсан – белый Лубсан; второй хано Лубсан – синий Лубсан; третий хара Лубсан – черный, сердитый Лубсан. В отличие от первых добрых покровителей воды, черный Лубсан строго наказывал людей за нечистоплотность, осквернение водоемов, источников и рек. Считалось большим грехом как угодно загрязнять воду, тем более пускать в нее кровь животных, бросать железные предметы и т. п. [73]. В религиозной культуре ительменов считалось, что местные духи вод и гор «нуждались в пище: отсюда категорический запрет на спасение утопающих или засыпанных снежной лавиной» [74]. Схожий обычай наблюдали у эвенков. Те никогда не поднимут пищу, упавшую на землю. Объясняли это тем, что та пища уже «съедена» хозяином земли [75].

Тэнгрии желали, чтобы люди имели кров и пищу. Они через хатов способствовали размеренной поступательной жизни на Земле. Но не все складывалось просто у людей. Как объясняли шаманы, людям часто приходится страдать от разных потусторонних напастей. Сказитель аларский шаман Илья Хангалов считал, что людям стали сильно вредить не в меру расплодившиеся духи-шутхуры. Эти дьяволы были особенно активны летом. Посредством шаманов люди обращались за помощью к Небу. Сначала шутхуров пытались усмирить добрые духи – хаты, но у них не хватило сил справиться с нависшим над людьми злом. Тогда хаты обратились к поддержке тэнгриев. Те начали поражать дьяволов громом и молнией, принося им боль и страдания. Особенно они старались направить молнии на их младенцев, которым еще не исполнилось года. По истечении этого срока извести шутхуров оказывалось маловероятным делом, так как те становились бессмертными. Шутхуры прятались от небесной кары кто где: под деревьями, под скалой, под животными и людьми. Вот почему в учинившейся суматохе от грозы страдали и невинные животные и люди [76].

Некоторые бурятские шаманисты верят, что молнии на Землю пускает бывший шаман Куходэй-моргон (Хоходой-мэргэн), ставший небожителем-полубогом, ведающим громом и молнией. На земле он был великим шаманом и охотником. Однажды в погоне за тремя маралами Куходэй не заметил, как вместе с ними очутился на Небе, где маралы превратились в три звезды Ориона. Там же, на Небе, остался и старый шаман, лишь изредка стрелами молний напоминая людям о себе. Иногда он помогал своему роду выбрать шамана [77]. Предание бурят гласит, что люди страдают не только от шутхуров, но и, чаще, от болезней и голода, теряют доброту и прочие хорошие человеческие качества. Якобы виной всему был управляющий землей Шэгэбэни-бурхан, который обманом и кражей получил право владеть ею. Из-за него жизнь на земле во всех отношениях ухудшалась, мельчал и человек во многих своих проявлениях, даже в телесном росте. По этому поводу шаманы причитали: «Лошади ваши без ног, тела без тени, лошади ваши с зайцев, тела ваши с локоть...» [78]. Как только такое случится, так настанет конец всей жизни на земле, а вместе с этим и окончание срока правления Шэгэбэни-бурхана. Тогда

тэнгрии исполнят волю белых бурханов небожителей, спустят на землю синего козла, под копытами которого она воспламенится. Обогнет тот козел землю от края до края – и очистится она в огне вплоть до «третьей» мерзлоты. По шаманской мифологии, Земля промерзла в три слоя. Лишь после этого очистительного огня землей будет управлять другой бурхан, чистый и безгрешный. Он вновь сотворит людей, уже счастливых, способных достичь ростом 80 локтей, и будут те люди жить на земле по 8 тыс. лет [79]. Этот сюжет шаманской мифологии пересекается с сюжетом о ведическом Агни – боге огня, который ездил верхом на козле и распоряжался огнем как очистительной силой от всякой скверны. В сказках разных народов очистителем людей от алчности и корысти выступает благородный олень, из-под копыт которого также летят искры.

Шаманское предание о возможном появлении на земле людей гигантского роста хранилось долгое время многими поколениями неграмотных бурят. У живущих в Восточных Саянах скотоводов-номадов сохранилось предание о великане, прозванном Горома (большой человек), который крал у людей скот [80]. Оно удивительным образом перекликается с отдельными публикациями на эту же тему, с той лишь разницей, что в них говорится о прошлой истории нашей планеты. Об этом оставлено достаточно сообщений древних писателей. Филострат свидетельствовал о скелетах великанов в 22 и 12 локтей длиной. Библейский Ной был ростом в 15 локтей. В 1683 г. один китаец вспоминал в Сы-Чуане, как его отец подарил ему кости двух великанов [81]. В 1858 г. европейские газеты писали о «гробнице великанов», обнаруженной близ Карфагена. В наши дни в Эквадоре найдены человеческие кости, останки человека огромного роста, что учеными не опровергается. Подобного рода утверждения есть в автобиографической книге «Доктор из Лхасы» тибетского ламы Т.Л. Рампа, писавшего, что видел «прекрасно сохранившиеся тела гигантов, которые достигают десяти, а то и пятнадцати футов в высоту» [82]. О великанах былой цивилизации рассуждала, не без основания, теософ Е.П. Блаватская в книге «Тайная доктрина». В частности, она писала: «И откуда же свидетельства (о великанах. – А. Ш.) хорошо известных классических писателей, философов и людей, никогда не имевших репутацию лжецов?» [83]. Еще Ф. Шеллинг отмечал: «То, что живет в сказаниях мифологии, несомненно, когда-то действительно существовало, и современному роду человеческому предшествовал род богов» [84]. Мифология, свидетельства классических и современных авторов удивительным образом перекликаются с открытиями археологов в наши дни. Летом 2007 г. специальная экспедиция под патронажем правительства России вела раскопки старинной уйгурской крепости, находящейся на острове в Тыве. Там археологами был обнаружен скелет человека европеоидного типа большого роста. Возраст находки предположительно 2 000 лет. Аналогичную находку обнаружили 7 августа 2008 г. Первый канал телевидения России в выпуске новостей сообщил о том, что в Грузии, в Боржомском ущелье, обнаружили скелет человека, чей рост достигал 3 м, находке несколько тысяч лет. Тем самым подтвердилась бытующая в тех местах древняя легенда о великанах, некогда обитавших на Кавказе. Попробовал бы кто-нибудь из современных скептиков ради торжества истины обоснованно опровергнуть древние письмена и сказания, на которые ссылались многие античные и средневековые авторы, когда к тому же обнаруживаются все новые и новые артефакты.

Нижний подземный мир. Согласно представлению о мироздании, помимо Высшего и Среднего мира был еще подземный нижний мир, обиталище духов во главе с грозным Эрлик-ханом. Имя Эрлик, иначе Илькан (по-монгольски Яма, по-китайски Ян-лован) считается тюрко-монгольского происхождения, так как оно есть на древнетюркских рунических надписях. Ученый-этнограф Н.Ф. Катанов записал в 1889 г. у урянхайцев (тувинцев) рассказ, в котором говорилось о двух братьях – Эрлике, Эдзене и сестре Орусь. Однажды Эрлик посадил в свою чашу цветок, а его младший брат Эдзен пересадил тот цветок себе. Узнав об этом, Эрлик обиделся и предсказал, что подданные Эдзена, т. е.

Богдохана, обитатели Китая и Монголии, будут ворами и мошенниками. Самому Эрлику сделался подвластным подземный мир, а Орусь – Россия. Они все так бы и жили вместе, если бы не предсказание Эрлика [85]. В сибирской мифологии, например, у тувинцев третий уровень мира представляется адом, он есть традиционный антипод неба. Сюда, в подземный мир тьмы, злые духи доставляют отловленные ими же души людей. В этом «тыважин оран» Эрлик сортирует умерших людей по 88 темницам [86]. Эрлик делит их на хороших и плохих, перемещает соответственно в «шамбал тыважин» – место размещения душ достойных людей, и «тама тыважин» – место менее достойных [87]. В якутской мифологии Эрлик выступает в двух ипостасях, сначала в роли небожителя, затем, после ссоры с Ульгенем, творцом земли и людей, он обратился духом в Нижнем мире и стал властелином подводного царства [88]. Похоже, такая темная сила, как Эрлик, своими деяниями сравним со злым духом Люцифером из европейских средневековых сказаний. Также крылатый этрусский бог смерти Хару сортировал сердца умерших людей. Бог Хару и тюркский Эрлик-хан выполняли в потустороннем мире черную работу. Отсюда термин «хара» означает не только «черный», но и еще «судьба, предназначение». В Монголии простой народ именовали харахуны, а словом «харачу» обозначали чернь, более низкого социального положения людей, в отличие от «нойонов» – степной аристократии [89]. После смерти харахуны и харачу относились к потусторонним силам низших духов, называемых «hарь-мя-hаны», души раболепствующих, бесправных при жизни людей.

Бурятский шаман Б.Д. Базаров считает, что слово «хара» происходит от слова «хари» – человек другого рода. Восточным 44 тэнгэринам, иначе хара тэнгэринам, черные шаманы совершают обряд ночью, когда отсутствует луна, по-бурятски хара. По одной из версий бурят, так поступал первый тюрко-монгольский шаман Хара Гырген – Черный Гырген или Моргон-хара (Морго-хан) [90]. Понятийное выражение хара – черный давно переплелось с религией, хотя слово «хара» имеет куда более широкое значение, чем просто «человек другого рода». Бурятский ученый Доржи Базаров свою диссертацию назвал «Черная вера или шаманство у монголов». Не иначе как «черная вера» черных шаманов иносказательно могла означать «заимствованная или зависимая вера».

В процессе долгого противостояния ламаизма и шаманизма ламы использовали слово «хара» во вред шаманству, писал Базаров [91]. Вот один из примеров. Шаманы как заступники всячески берегли души живых людей от посягательств Эрлик-хана. По устному преданию, этим отличался шаман по имени Моргон-хара (Хара Гырген) – черный шаман, запиравший души людей в свои шаманские бубны. Благодаря этому люди могли жить, как боги, вечно. У Морго-хара был младший брат Мэхэшэ-саган, который, в отличие от старшего, стал ламой. Он дивился выходкам шамана, пытавшегося влиять на поступательный жизненный ход людской истории. Видимо, не зря демон тьмы Эрлик обратился к Бурхану багши с жалобой на шамана за то, что тот оставляет его без подданных. В мире людей должно быть равновесие светлого начала и темного конца, решил Бурхан. Он вызвал Морго-хара на соревнование в беге, предварительно обратившись в его брата Мэхэшэ-сагана. Было решено устроить бег у горы Сэмбэр-Уна (имеется в виду гора Сумеру. – А. Ш.), известной у шаманистов тем, что на нее время от времени спускаются пять тэнгриев – «хан заян табан тэнгэри». Буряты верили, что те пять тэнгриев способствуют богатству и прибыльной торговле. Перед началом бега договорились о том, что бежать будут от черного камня, расположенного с северной стороны и символизирующего край мертвых душ, к белому камню, размещенному с южной, светлой жизненной стороны. Если шаман прибежит к белому камню первым, то он оставит у себя все души людей и будет их оберегать от посягательств Эрлика-хана. Но если первым будет Бурхан багши, то шаман отдаст ему половину людских душ, вынув их из бубнов. Как ни старался шаман, но победить в беге Бурхана ему не удалось [92]. Здесь просматривается намек на то, как якобы Мэхэшэ-саган – белый лама побеждает не просто черного, но и чуждого в религиозном отношении

шамана, хотя победа ему досталась не без хитрости и коварства. Буддисты не гнушались заимствовать в свой пантеон божеств из других религий. Чтобы связать шаманское божество Эрлик-хана с буддизмом и обратить к этой религии новых верующих, Эрлику был найден буддийский аналог в образе Чойджала – главного судьи над умершими душами. В буддийских дацанах в религиозной танцевальной мистерии цам ему посвящена самая большая маска в виде головы быка с пятью черепами вверху.

Сохранилась и другая интерпретация сюжета. По нему шаман Моргон-хара обладал таинственным чародейством и сверхъестественной силой, превосходившей даже силу злого духа Эрлик-хана. Поэтому правитель Нижнего мира никак не мог справиться с душами людей, которых оберегал шаман. Злые духи, направляемые Эрлик-ханом, старались поймать душу человека, когда та, покинув тело спящего человека, отправлялась странствовать. Как только пойманную душу запирали в аду, так сразу же человек, лишившийся души, заболевал. И если к нему не вызывали шамана, то такой человек обязательно умирал. Морго-хара всегда мог вызволить душу из заточения ада и вернуть ее в тело человека, после чего тот выздоравливал и мог бы жить вечно. Однако такое положение вещей не устраивало Эрлик-хана. Тот стал жаловаться богу неба Эсэгэ-Малан-тэнгэри на шамана. Желая проверить правдивость жалобы правителя подземного мира, тэнгэри поймал душу человека, сунул ее в бутылку, а отверстие прикрыл пальцем руки. Когда позвали Морго-хара к больному, шаман стал камлать, затем приступил к поиску души человека. С помощью хэсэ (бубна) он посетил Верхний и Нижний миры, обследовал на земле леса, пещеры, побывал под водой, нигде не мог найти душу. Наконец, нашел ее в бутылке. Но вызволить душу больного своей силой шаман не мог, так как ему пришлось бы соперничать с самим небесным богом. Тогда Морго-хара пошел на хитрость. Обратившись в осу, он ужалил в лоб Эсэгэ-Малан-тэнгэри, тот дернулся и отпустил палец, прикрывавший отверстие бутылки. В ту же секунду шаман освободил душу человека. Очень рассердился тэнгэри на шамана. «Этот шаман не уступит души людей никому, если даже у меня осмелился ее освободить», – подумал он. Главный тэнгэри решил уменьшить силу Морго-хара, сократив его бубен вдвое. С тех пор никто из последующих шаманов уже никогда не мог достигнуть силы Морго-хара. Тэнгэри жестоко наказал Морго-хара, заставив его скакать на черном камне в северо-восточной стороне мира. Постепенно тело черного шамана Морго-хара стиралось все больше и больше, когда сотрется и голова его, тогда буряты лишатся всех шаманов, так гласит легенда. А пока у оставшихся шаманов в сравнении с предшественниками обрядовая практика происходит все хуже, успехи шаманы достигают все реже и реже [93].

Примечательно, что у славянских народов под словом «черный» подразумевались невзгода, подчиненность, рабство, относившиеся как к религиозным, политическим и гражданским понятиям, так и ко всем естественным явлениям. Это слово противополагалось слову «белый», означавшему свободу, как эпитет «Белый царь, свободный царь». Не зря же буряты русского царя называли белым царем. По крайней мере, не за один цвет его кожи. Понималось же слово «чернобог» как «злой, карательный», напротив, «белбог» – «добрый, благоприятный»; «черный князь» – невольный князь, под невзгодой находящийся, как, например, Георг Черный. Или вспомним из истории такое выражение, как черные угры (венгры). Такое прозвище было дано им славянами до их появления в Европе. «В единственном лице угарь означает смельчака, сорвиголову или буяна». Так и вели себя венгры поначалу в Европе, хотя сами считали себя маджарами. «Угры числились под именем черных до слияния их в одно государство с белыми» [94]. Угры-венгры были приверженцы шаманизма, у них до сих пор в Европе сохраняются пережитки шаманизма. Будапешт считается Международным центром шаманизма. Президент центра профессор Михай Хоппал, директор Института этнологии Венгерской академии наук, считает: «В последние годы и в России, и в ближнем и дальнем зарубе-

жье растет интерес к традиционной культуре и фольклору коренных народов Сибири. Интерес растет не только среди ученых, но и среди людей далеких от науки. На то есть много веских причин, в первую очередь этот интерес обусловлен возрождением национального самосознания народов» [95].

М.С. Михалёв, докторант (на период 2012 г.) Школы этнографии и социологии Центрального университета национальностей в Китае, занялся исследованием шаманизма. Недавно ему удалось посетить Хулунбуирский аймак Внутренней Монголии, заселенный ханьцами, монголами, эвенками, нанайцами, орочонами, даурами и маньчжурами. Молодой ученый отметил, что здесь до сих пор сохраняются старинные предания, исполняются обряды и под звон бубнов звучат шаманские призывания. А в Морин-Дава, центре даурского автономного хошуна, находится крупнейший в мире музей шаманов, над которым возвышается огромная гипертрофированная бронзовая фигура шамана с бубном [96].

Во всем его грозном лике с выпученными глазами, в резком развороте туловища, словно в процессе камлания, угадывается нечто зловещее. Вся энергия его экспрессивной фигуры как бы возвещает на всю округу о том, что пока еще преждевременно говорить об успокоении духа шаманизма. Он еще жив во многих потаенных местах да и в сознании простых людей.

События последних десятилетий показывают, что прав был сын знаменитого русского скульптора И.П. Мартоса, Алексей Иванович, который, будучи в Сибири по служебным делам, писал: «Шаманизм был не искоренен, но лишь загнан в подполье и при благоприятных условиях неоднократно возрождался» [97]. Вот он и возрождается. Чтобы лучше понять его корни, нужно глубже познать его мифологию, историю, практику, а заодно и предметный мир шаманов. Наряду с шаманизмом сегодня параллельно возрождается интерес к национальной истории государствообразующего народа нашей страны. Так, петербургская газета «Фонтанка.Ру» в конце 2013 г. сообщала, что администрация Петербурга выделила 200 тыс. руб. на организацию конференции «Древняя Русь. Язычество: мифы и реальность». Оказывается, сегодня тема мифологии может быть злободневна и познавательна. Она, как и в прошлом, рождается и в наши дни, и как знать, не придется ли нашу современность изучать в будущем по устным преданиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Евсюков В.В. Мифы о вселенной. М., 1988. С. 139.
2. Горький М. Статьи 1895–1906 гг. // Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 23. С. 234.
3. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1989. Т. 3. С. 137, 165, 202.
4. Цендина А.Д. И страна зовется Тибетом. М., 2002. С. 57, 60.
5. Блаватская Е.П. Голос безмолвия: Избранные статьи. М., 2001. С. 465.
6. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. 19. С. 461.
7. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/eliade_mircha/shamanizm_arhaicheskie_tehniki_ekstaza_2/read (дата обращения: 27.03.2015).
8. Кара-Мурза С. Демонтаж народа. М., 2007. С. 175.
9. Евсюков В.В. Указ. соч. С. 110–111.
10. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 253.
11. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси: Поэтические воззрения славян на природу. М., 2006. С. 40–41.
12. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М., 2000. С. 279.
13. Бидерман Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 173, 193.
14. Бабуева В.Д. Материальная и духовная культура бурят. Улан-Удэ, 2004. С. 62.
15. Евсюков В.В. Указ. соч. С. 135–138.
16. Шулунов Ф. Селенгинский человек // Тайны Бурятии. 2005. № 3 (10). С. 11.
17. Спеваковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. М., 1988. С. 24–30, 59–61.
18. Блаватская Е.П. Тайная доктрина. М.; Харьков, 2006. Т. 2. С. 311.
19. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. Т. 2. С. 361.

20. Отдел памятников письменности Востока. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ) (далее – ИМБиТ БНЦ СО РАН). Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

21. Подгорбунский И. Шаманские верования монголов и бурят // Иркутские епархиальные ведомости. 1895. 1 янв. (№ 1). Прибавления, с. 10.

22. Термин «бурхан» (тюрк., монг.), возможно, образовался позднее через форму «будда» «будда-хан», «бурхад», что означает «бог», «божество».

23. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. С. 357.

24. Владимирцов Б.Я. Картотека топонимических, этнических, этнографических названий // Отдел памятников письменности Востока. ИМБиТ БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 162.

25. Бутин Ю.М. Корейско-монгольские и французско-таджикские изоглоссы // Сибирь и Корея в Северо-Восточной Азии: сб. науч. ст. Иркутск, 2004. С. 9.

26. Хангалов М.Н. Новые материалы о шаманстве у бурят // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1890. Т. 2, вып. 1. С. 1.

27. Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895. С. 6.

28. Письма Г.Н. Потанина. Т. 3. С. 86.

29. Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи. СПб., 1891. С. 7, 26, 78.

30. Урбанаева И.С. Монгольский мир: Человеческое лицо истории. Улан-Удэ, 1992. С. 14.

31. Тоболяков В.П. Беседы о Тобольске и его исторических окрестностях. Екатеринбург, 2002. С. 58.

32. Герасимова К.М. Боги богатства в бытовой обрядности буддистов Центральной Азии // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2005. Вып. 4. С. 89.

33. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 172.

34. Базаров Б.Д. Таинства и практика шаманизма. Улан-Удэ, 2000. С. 82–83.

35. Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Т. 2. С. 28.

36. Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1883 год. СПб., 1884. С. 6.

37. Дондокова Л.Ю. Женские божества в шаманском пантеоне бурят (начало XX в.) // Актуальные проблемы истории и культуры народов азиатско-тихоокеанского региона. Улан-Удэ, 2005. С. 392.

38. Хангалов М.Н. Указ. соч. С. 2.

39. Отдел памятников письменности Востока. ИМБиТ БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ). 198/341а, л. 34.

40. У М.Н. Хангалова имя Цэцэг транскрибируется как Сэсэк (цветок) Ногон (трава) абахай (девица). См.: Хангалов М.Н. Указ. соч. С. 3.

41. Базаров Б.Д. Указ. соч. С. 113.

42. Шинковой А.И. Мифология в шаманстве. Духи-онгоны как часть образного воззрения бурят // Тальцы. 2004. № 2 (21). С. 36.

43. Вяткина К.В. Наскальные изображения Минусинской котловины // Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1961. Т. 20. С. 191.

44. Славянские древности. М., 1995. С. 558.

45. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1990. Т. 4. С. 88–89.

46. Ангархаев А.Л. Происхождение монгольских народов в свете мифо-поэтических традиций Центральной Азии. Улан-Удэ, 2005. С. 44.

47. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 757.

48. Бидерман Г. Указ. соч. С. 237.

49. Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Т. 2. С. 133, 708.

50. Слово о полку Игореве. Л., 1985. С. 110.

51. Товуу С.С. Шаманская картина мира тувинцев // Вестник Международного центра азиатских исследований. Иркутск, 2008. Вып. 14. С. 228.

52. Соскал А.-Б. А. Духовно-культурные традиции тувинского народа и «танец орла» в национальной борьбе хуреш [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarkam.livejournal.com/172843.html (дата обращения: 26.03.2015).

53. Письма Г.Н. Потанина. Т. 4. С. 242, 285.

54. Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ, 1990. С. 34.

55. Бабуева В.Д. Материальная и духовная культура бурят. Улан-Удэ, 2004. С. 33; Оссендовский Ф. И звери, и люди, и боги. М., 1994. С. 288, 295.

56. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 343.

57. Цыденжапов Ш.Р. Чингисхан. Улан-Удэ, 1990. С. 71–72.

58. Афанасьев А.Н. Указ. соч. С. 6.

59. Иркутские епархиальные ведомости. 1864. 4 апр. (№ 4). Прибавления, с. 234.

60. Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929. С. 14.

61. Отдел памятников письменности Востока. ИМБиТ БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ). 250/342а, л. 13, 16; Базаров Б.Д. Указ. соч. С. 113. Хангалов М.Н. Указ. соч. С. 3–4.

62. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 782. Л. 45.

63. Подгорбунский И. Указ. соч. С. 12–13.
64. Отдел памятников письменности Востока. ИМБиТ БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ). 250/432а, л. 16.
65. Описание шаманских коллекций / сост. М.Н. Хангаловым. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 734. Л. 7–7 об.
66. Шинковой А.И. Указ. соч. С. 40–41.
67. Японская классическая драма XIV–XV и XVIII вв. М., 1989. С. 60–61.
68. Славянские древности. М., 1995. С. 418.
69. Подгорбунский И. Указ. соч. С. 20, 22–24.
70. Зориктуев Б.Р. Буряты. Улан-Удэ, 2000. С. 31.
71. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 734. Л. 11–11 об.
72. Чеснов Я.В. Дракон: метафора внешнего мира // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии: сб. ст. М., 1986. С. 60.
73. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 782. Л. 42. Хангалов М. Тетрадь для записывания разных материалов по шаманизму у бурят Забайкальской области. (Цугольский хушун). 1917 г.
74. Кучер В.В. Природа в традиционных представлениях аборигенов сибирского Севера // Народы Сибири. История и культура. Новосибирск, 1997. С. 65.
75. Бурыкин А.А. Религиозные воззрения эвенков // Краеведческие записки. Магадан, 1993. С. 53.
76. Отдел памятников письменности Востока. ИМБиТ БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ). Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 4/14 (дополнительное приложение).
77. Там же. Л. 6–7.
78. Там же. 393/519, л. 9 (непереработанное дело фонда).
79. Отдел памятников письменности Востока. ИМБиТ БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ). Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 1/11 (дополнительное приложение).
80. Осинцев А. Высокогорные пещеры в Восточных Саянах // Наука Приангарья. 2014. № 2 (10). С. 59.
81. Васильев В.П. Записки о Нингуте // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1857. Кн. 12. С. 86.
82. Рампа Т.Л. Доктор из Лхасы. М., 1998. С. 12.
83. Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Т. 2. С. 322–323, 868–909.
84. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М., 1966. С. 112.
85. Катанов Н.Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Все работы Катанова Н.Ф. СПб., 1909. С. 287.
86. Зоринтуев Б.Р. Указ. соч. С. 31.
87. Товуу С.С. Указ. соч. С. 230.
88. Дьяконова В.И. Предмет к лечебной функции шаманов Тувы и Алтая // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 34: Материальная культура и мифология. Л., 1981. С. 144.
89. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 45.
90. Потанин Г. Тема об усеченной голове в орде // Этнографическое обозрение. М., 1893. № 1. С. 106.
91. Базаров Б.Д. Указ. соч. С. 16–17.
92. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 782. Л. 42 об.–43, 47: Хангалов М. Тетрадь для записывания разных материалов по шаманизму у бурят Забайкальской области. (Цугольский хушун). 1917 г.
93. Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян. М., 1854 (переиздана: СПб., 2003). С. 122–123.
94. Первый бурятский шаман Моргон-хара // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1880. Т. 11, № 1–2. С. 87–89.
95. Хоппал М. В науке существует диктатура глупости [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://academ.info/news/7347 (дата обращения: 12.01.2015).
96. Михалёв М. Потаенный шаманизм // Восточная коллекция. Тамбов, 2012. Март. С. 74.
97. Цит. по: Гирченко С. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939. С. 66.

А.Д. Назаркин

ТОФАЛАРСКИЕ НАРОДНЫЕ ИГРЫ

Тофалары (тофы), самоназвание *тъофа тылы (дылы)*, – коренной малочисленный народ, проживающий на территории Нижнеудинского района Иркутской области в Восточных Саянах на границе с Тывой и Красноярским краем. Этот народ обладает своей уникальной архаичной культурой, которая остается малоизвестной.

Численность тофов по всероссийской переписи 2010 г. составила 762 человека, на территории Иркутской области проживает 678 человек. В недавнем прошлом кочевники (их основным традиционным занятием до сих пор остаются охота и оленеводство северного типа), сейчас они живут в трех поселках, построенных в первой половине XX в., когда тофы перешли к оседлому образу жизни. До 1989 г. этот народ не имел своей письменности. Родным языком (относится к тюркской языковой группе) владеют всего 93 человека (12 %).

За последние десятилетия в этнокультурной жизни тофаларского народа произошли заметные изменения. В детском саду и в школе внедряется тофаларский язык, изданы словарь и букварь. В клубных учреждениях на сцену стали приглашать знатоков фольклора, создаются тофаларские ансамбли песни и танца, каждое лето проводится большой национальный праздник «Аргамчи-ыры» («Арканные игры»). Все это стало возможным после принятого в 1990 г. постановления районного исполнительного комитета и коллегии областного управления культуры «О возрождении и развитии национальной культуры Тофаларии». В приложении к этому документу был дан план первоочередных мероприятий, предусматривающий проведение этнографических экспедиций, которые должны были изучить на месте материальную и духовную культуру народа, наметить конкретные меры для его социального и культурного возрождения.

С тофаларской культурой автор познакомился, став членом экспедиции Иркутского областного научно-методического центра народного творчества и отработав в Тофаларии два полевых сезона 1990–1991 гг. Мы побывали во всех населенных пунктах, где проживают тофы, разговаривали с людьми, родившимися еще при кочевой жизни, помнившими встречи с этнографом Б.Э. Петри в 1925 г. и с фольклористом А.К. Стояновым в 1975 г.

Начиная с XIX в. многие исследователи (М.А. Кастрен, Ю.П. Штубендорф, Н.Ф. Катанов и др.) занимались изучением этого маленького народа, его племенного устройства, этногенеза, языка, верований, прозаического и песенного фольклора. Однако внимание игровой культуре тофов практически не уделялось. До революции этот материал был отражен лишь в исследованиях В.Н. Васильева [1] и И.А. Евсенина [2]. Пожалуй, единственные из современных исследователей, кто записал и издал материалы по играм тофов, это А.К. Стоянов [3] и автор настоящей статьи [4].

В данной публикации вводятся в научный оборот дополнительные сведения о тофаларских играх, записанные нами во время экспедиции 1990-1991 гг., а также в 2001 и 2004 гг.

В XVII в. Тофалария, войдя в состав Московского государства, оставалась в составе Российской империи, затем Советского Союза и испытывала значительное культурное влияние со стороны русских. От русских тофы переняли игру в шашки, шахматы и пристрастились к картам. Этническое соседство с бурятами и тувинцами объясняет наличие в их играх и состязаниях некоторой общности. Характерной чертой игровой культуры этих народов является природосообразность – соответствие традиционных народных игр природным условиям, в которых живет и трудится народ.

Хозяйственный уклад тофов был связан с разведением оленей и постоянной сменой мест для их кормления. На местах стоянок устраивали стойбище, где возводились жилища – юрты из жердей, крытые в зимнее время года шкурами, а в теплое время – корой лиственницы или берестой. Весь необходимый скарб перевозили, навьючив его на оленей.

Национальные особенности бытового уклада проявились и в игровой культуре этого народа. «Как жили, так и играли», — говорят наши информанты.

Приводим описание 12 игр, ставших реликтовыми. Это значит, что в них уже никто не играет в обыденной жизни, но информанты помнят их по своему детству. Названия игр на русском языке сообщены информантами. Записи устных текстов изложены нами в некоторой литературной обработке. В описании игр, сохранивших название на тофаларском языке, мы опирались на правописание, приведенное в тофаларско-русском словаре В.И. Рассадина [5].

1. Чуърт ойнаар (игра в дом). Записана в пос. Алыгджер, июль 1990 г., от Варвары Васильевны Адамовой, 1917 г. р.

Любимая игра девочек. Набрав разных камней, девочки находили местом для игры, которое называлось «стойбищем». Камнями, выложенными по кругу, определялось жилище – «юрта». В юрте выкладывались камни, каждый из которых в игре был посудной сумкой, сумкой с боеприпасами или с одеждой. В качестве предметов домашнего быта использовались еловые и сосновые шишки и мелкие камушки. Надкопытные косточки изюбра или оленя, называемые «шагай», были воплощением этих животных. С ними разыгрывали различные сюжеты кочевой жизни.

2. Игра в «дочки-матери». Записана в с. Нерха, июль 1990 г., от Александры Васильевны Шибкеевой, 1923 г. р.

Любимая игра девочек. Девочкам делали куклы из стебелька ревеня, многолетнего травянистого растения, используемого в пищу. Разлохматят волокна растения, вот и волосики. Заворачивали такого «ребенка» в округло-сердцевидный лист ревеня, это была «шкура» или «одеяло». Перевязывали, и кукла готова.

Делали куклы из косточки, надкопытного сустава оленя, заворачивали суставчик тряпочкой, другой тряпицей подвязывали, как кушаком. Играючи, одевали, раздевали, представляли его ребенком. Играли и тряпичными куклами.

3. Чеъштынып ойнаар (игра в прятки). Записана в с. Верхняя Гутара, июнь 1991 г., от Владимира Яковлевича Болхоева, 1928 г. р.

Игра уличная. Участники определяют водящего. В руках у него палка, которую, подбрасывая высоко верх, он должен поймать и вернуться на исходную точку. В это время все разбегаются прятаться. Оставив палку, водящий начинает поиск. Найдя кого-либо, водящий бежит к палке и стучит ею по земле. Его задача – обнаружить и «застучать» всех спрятавшихся. Первый обнаруженный становится новым водящим.

4. «Волк и люди из чума». Записана в пос. Алыгджер, август 2001 г., от Тамары Николаевны Кочан (в девичестве Баканаева), 1953 г. р.

С провозглашением игры в ребячьей компании сразу найдется кто-то, желающий исполнять роль «волка». Этот участник отходит в сторонку.

Остальные – «люди из чума» – становятся друг за другом, берясь за пояс впереди стоящего. Первым, в роли «главы семейства», встанет более ловкий и сильный.

Игра заключается в том, что стоящий в сторонке «волк» нападает на играющих, пытается схватить кого-либо и утащить к себе в логово, участник в роли «главы семейства» старается оградить играющих, отбивая нападения «волка». Цепко держась друг за друга, члены группы маневрируют, пытаясь предугадать намерения «волка». Так продолжается до тех пор, пока «волк» не переловит всех. Затем определяются новые претенденты на роли и игра возобновляется. Играют, пока не надоест.

5. «Волк и олени». Записана в пос. Алыгджер, июль 1990 г., от Матрены Николаевны Шибкеевой, 1914 г. р.

Среди детей определяется водящий, он будет «волк», остальные – «олени». «Волк» садится на корточки в засаду, а олени ходят вокруг него табунком. Внезапно «волк» срывается с места, чтобы схватить зазевавшегося или нерасторопного «оленя». Все разбегаются. Тот, кого поймали, выходит из игры. Игра продолжается, пока не будет пойман последний участник, который и станет новым «волком».

6. Аргамчылаар (игра с арканом). Записана в пос. Алыгджер, июнь 1991 г., от Владимира Васильевича Адамова, 1927 г. р.

Хороводная игра с арканом. В старину она проводилась в местах летних кочевий, на высокогорных плато. Количество участников не ограничено. В игре используется ременный аркан, концы которого связываются. Играющие берутся руками за аркан и, растягивая его, образуют круг. Все стоят с внешней стороны лицом внутрь круга. Участники запевают песню и одновременно в ритм песни делают вытянутыми руками резкие движения вверх, ассоциирующиеся с набрасыванием аркана при ловле оленя. Один из участников – водящий, он находится в центре круга. Его задача задеть кого-либо из участников игры, тем самым сделать себе замену. В ответственный момент участники, увертываясь, могут выпускать аркан из рук, чтобы затем снова вернуться в игру.

7. Тэбек (зоска). Записана в пос. Алыгджер, июль 1990 г., от Степана Николаевича Арактаева, 1920 г. р.

Игра мальчиков. Тэбек делался из кусочка оленьей шкурки с мехом, утяжеленной свинцовой накладкой. Свинцовая пластинка прикладывалась к шкурке и крепко зажималась по кромке. Подбросив этот волан с руки, дальше его подбивали ногой. Суть игры заключается в том, что играющие, соревнуясь в ловкости, поочередно подбивают тэбек стопой ноги – кто большее число раз подобьет волан, не дав ему упасть на землю, тот выигрывает. Устраивали также перебрасывание тэбека от одного участника к другому, стоя в общем круге.

8. Неш ойнаар (игра палочками). Записана в пос. Алыгджер, июль 1990 г., от Степана Николаевича Арактаева, 1920 г. р.

Играют дети в количестве до шести человек в любое время года. Для игры делается 25 плоских, гладко оструганных палочек длиной 15 см, шириной 1 см. После определения очередности первый по очереди игрок кладет все палочки на раскрытую ладонь, затем подбрасывает их вверх и, быстро повернув руку, ловит на тыльную сторону кисти. Если на руке останется нечетное количество палочек, игрок одну откладывает себе и продолжает броски. Особенность заключается в том, что после броска на руке всегда должно быть нечетное количество палочек, дающее право получить приз – одну палочку, и продолжить упражнения до момента лишения этого права. После чего в игру вступает следующий участник.

Правила игры:

1) если после первого броска на руке остается четное количество палочек, игра продолжается, но без права получить приз – палочку;

2) когда же и после второго броска остается четное количество палочек, то право хода передается следующему игроку;

3) если после броска на руке не останется ни одной палочки, то право хода передается следующему игроку.

Игра продолжается до тех пор, пока не будут разыграны все палочки. Победитель тот, кто наберет большее их количество.

Часто игра заканчивалась тем, что проигравшие награждались щелчками, производимыми палочкой. Удерживая палочку за нижний конец, нужно оттянуть верхний

и отпустить, ударяя в лоб проигравшего. Количество ударов определяется разницей в количестве имеющихся у участников призовых палочек в конце игры.

9. Игра в оленей. Записана в пос. Алыгджер, июнь 1991 г., от Владимира Васильевича Адамова, 1927 г. р.

Играли дети четырех-шести лет. «Оленем» служил прутик. Разместив прутик между ног, играющие садятся верхом на своих «оленей», как русские на «лошадку», и игра началась.

Устраивают соревнования в беге – кто первым прискачет к намеченной цели.

10. Шантюш (игра в мяч). Записана в пос. Алыгджер, июнь 1991 г., от Екатерины Николаевны Кангараевой, 1922 г. р.

Играли дети шести-восьми лет. Игра состоит из разнообразных упражнений с деревянным мячом (шаром) диаметром в 5–6 см, который подбрасывали и ловили разными способами – двумя руками, одной правой, одной левой и т. д. Использовали для этого и еловую шишку. Играли два-три человека. Заранее договаривались о порядке выполнения упражнений. Игрок, допустивший ошибку или не поймавший мяч, передает очередь следующему игроку.

11. Стрельба из лука. Записана в пос. Алыгджер, июнь 1991 г., от Екатерины Николаевны Кангараевой, 1922 г. р.

Стрельбой из детского лука занимались мальчики. Стрелы не имели острых наконечников, были тупые по форме. Затеска топором на стволе дерева обозначала мишень. По уговору участников устанавливалось расстояние до мишени, оно обозначалось чертой, проведенной на земле. Стреляли по очереди, за этим следил старший из ребят. Он обеспечивал безопасность и определял результаты. Об очередности также договаривались заранее. Учитывалась точность попадания.

При одинаковом количестве пущенных стрел побеждает участник, попавший в мишень большее число раз.

12. Шагайлаар (игра в бабки). Записана в пос. Алыгджер, июнь 1991 г., от Владимира Николаевича Шибкеева, 1929 г. р.

В краю охотников и оленеводов особо ценились меткий глаз, метание на дальность и в цель. Играли надкопытными костями диких животных сохатого и изюбра. Бабки ставили в ряд и сбивали с расстояния каменной плиткой (битой). Игрок, сбивший бабку, забирал ее в собственность и имел право следующего броска. С промахом очередь переходила к другому игроку. В конце игры определялся победитель, им становился участник, выбивший большее количество бабок.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Васильев В.Н. Краткий очерк быта карагасов // Этнографическое обозрение. М., 1910. Кн. 84–85, № 1–2.

2. Евсенин И.А. Карагасы: (краткий очерк). Красноярск, 1919.

3. Стоянов А.К. Тофаларские народные песни: Материалы фольклорных экспедиций 1975–1976 гг. / Иркутский обл. науч.-метод. центр народного творчества и культурно-просветительной работы. Иркутск, 1980. С. 7–8.

4. Назаркин А.Д. «Аргамчи-ыры» – большой праздник маленького народа // Тальцы. 2004. № 1 (20). С. 3–9; Он же. Игры народные: методическое пособие / Новгородский обл. дом народного творчества. Великий Новгород, 2008. С. 20–21.

5. Рассадин В.И. Тофаларско-русский, русско-тофаларский словарь. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994.

Ю.П. Лыхин

ЛЕНСКОЕ ЖИЛИЩЕ В XVII–XIX ВЕКАХ

Мир окружающих нас вещей непостоянен. Время течет неумолимо, быстро меняя привычные вещи до неузнаваемости. Не исключение в этом и человеческое жилище, которое неизбежно трансформируется, приобретая в каждый новый период времени иной облик. В связи с этим сегодня уже трудно в деталях представить, как выглядели жилища ленских крестьян век или два назад. Тем не менее, попытаемся осветить этот вопрос, насколько позволяют имеющиеся в нашем распоряжении источники.

Главным, наиболее необходимым строением любого крестьянского двора в Сибири была изба – срубное жилое помещение. Само слово «изба» происходит от древнерусского «истъба» (уменьшительное «истобка»), встречавшегося в русских летописях с X в. и означавшего «дом, баня». Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, праславянская основа этого слова, по всей видимости, происходит от германского «stuba» – «теплое помещение, баня», однако в народном толковании слово «истобка» («истопка») связывалось со словами «топить», «истопить» [1]. Эта версия популярна среди народа до сих пор, ведь изба всегда была и остается отапливаемым помещением.

Основой избы является сруб – прямоугольная в плане конструкция из горизонтальных рядов бревен, связанных между собою угловыми врубками. За долгую историю бытования в конструкцию избы было внесено немало изменений, но они не коснулись главного – срубного принципа. Самая простая изба до сих пор представляет собой бревенчатый сруб с размещенной внутри печью.

В зависимости от того, какая печь устраивалась в срубе, изба называлась «черной» или «белой». Название черной (курной) избы определяла установка в ней беструбной русской печи, топившейся по-черному. Дым, выходя из устья такой печи, заполнял жилище и оседал копотью на потолке и верхней части стен. Для выхода дыма из избы необходимо было открыть дверь или специальное дымовое отверстие (волоковое окно).

В XVII – начале XVIII в. черные избы в среде русского населения преобладали по всей территории Восточной Сибири. И.Г. Гмелин, участник Второй Камчатской экспедиции, находясь в 1730-е гг. в Илимске, центре Илимского воеводства, записал в своем дневнике: «Все жилые дома частных лиц очень плохи. Во всем городе только одна комната, свободная от дыма, но и она так плоха, что лучше нее взять черную избу. Я жил в паршивой черной комнате, в которой часто в облачную погоду среди бела дня приходилось зажигать свечу. Если я что-нибудь писал или читал, то вскоре бумага покрывалась падающей копотью» [2].

В белых избах ставились печи, дополненные трубами, выводившими дым из топки на улицу. В XVII – начале XVIII в. в Сибири белые избы являлись скорее исключением, чем правилом, хотя территориально встречались уже во многих местах, в первую очередь, конечно, в городах и острогах. Так, в 1704 г. в переписной книге постоялых дворов Енисейска не раз указывались жилища, отапливаемые по-белому – кирпичными печами с кирпичными же выводными трубами: «Да в той избе печь кирпишная, труба выводная кирпишная»; «А у того хоромного строения <...> печи кирпишные и трубы выводные кирпишные» [3].

В составленной в 1724 г. описи Братского острога были указаны «2 прикащичьи новые избы, в том числе одна белая, другая черная, промеж ими сени с казенкою» [4].

Жилище XVII–XVIII вв. могло состоять как из одной избы (однокамерное жилище), так и из избы с сенями (двухкамерное жилище). К примеру, в переписной книге конца XVII – начала XVIII в. было записано: «У иркуцкого конного казака Петра Меркулова двор, во дворе строения: изба черная с передсеньем, покрыта под одну кровлю, в сенях забран чюлан, пожитков никаких нет» [5].

С увеличением семьи или ростом ее достатка двухкамерное жилище повсеместно превращалось в трехкамерное. В конце XVII – начале XVIII в. рядом с жилой избой часто ставилась клеть – сруб без печи, предназначавшийся для хранения имущества, а также использовавшийся для проживания летом: «У иркутского пешево казака Василья Зензинова двор. На дворе хором: изба черная да клеть, в ней забрана казенка. Между избою и клетью сени под одною кровлею» [6]. Или другой пример, из окрестностей Иркутска: «В Карлуцкой деревне. У пашенного крестьянина у Гаврила Познякова с сыном его Иваном Гавриловым дворового строения: изба черная, против ея клеть, меж избою и клетью сени под одною кровлею» [7].

В этом случае изба-сени-клеть, выстраиваясь в одну линию и перекрываясь единой крышей, образовывали так называемый дом на связи, или дом-связь (трехкамерное жилище).

Изба-сени-горница – другой распространенный вариант трехкамерного жилища в Восточной Сибири в конце XVII – начале XVIII в.: «У иркутцкого посатцкого человека у Василья Елезова двор, а на дворе строения: изба черная, против ея горница, меж ими сени под одною кровлею…». Или: «В Карлуцкой деревни. У пашенного крестьянина у Митрофана Гранина двор. А на дворе строения: горница белая. Против ея изба черная, меж избою и горницею сени под кровлею» [8].

Горница – чистая половина крестьянского жилища – нередко бывала холодной, по типу клети, а если отапливалась, то только белой печью: «В горнице печь кирпишная с трубой выводною» [9].

Судя по цитируемым документам, некоторые жилые, а также разные хозяйственные постройки, входившие в состав двора, могли состоять не из одного помещения. Так, в переписных книгах упоминаются клети и амбары «о двух житьях». В одном случае отмечены «сени с перерубом». Кроме того, в клетях, а также в избах, горницах и еще чаще в сенях выгораживались кладовые, называвшиеся казёнками [10] и чуланами: «в сенях забран чюлан»; «в верхних сенях чюлан забран в косяк. У него двери на крюках»; «в избе казенка забрана в косяк. У избы и у казенки двери на крюках железных»; «в сенях подволока тесовая. Да казенка в сенях в косяк забрана. А у казенки двери на крюках железных» [11].

Часто встречающееся в этих описаниях слово «подволока» следует понимать как потолок [12]. В цитируемых документах подволока упоминается исключительно в сенях и клетях. При этом в подавляющем большинстве случаев в описаниях говорится о тесовой подволоке и лишь однажды наряду с таковой отмечена «наметная»: «В клети два окна волоковые, подволока тесовая и в сенях подволока наметная» [13]. По аналогии с описанным в Приангарье «наметным, или накидным полом», у которого доски не укреплялись в стенах, а лишь прислонялись к ним [14], можно предположить аналогичную конструктивную особенность и у данной подволоки, тем более что она была выполнена в неотапливаемых, не требующих особого теплосбережения сенях [15].

Свидетельством достатка хозяина дома в цитируемых описаниях служили двери, навешивавшиеся «на крюках железных». Они постепенно вытесняли обычные для жилищ того времени двери на деревянном ходу: с особыми выступами на полотне двери – пятами («у оного анбара двери на пятах деревянных» [16] и соответствующими углублениями в дверных колодах – подпятниками.

Помимо горизонтальной планировки жилища необходимо обратить внимание и на его вертикальное деление. Если говорить об избе, то она могла быть «поземной», т. е. устанавливаться прямо на земле («На дворе хоромного строения: избенка поземная. Против ея клетенко. Меж ими сени под одною кровлею, все ветхое» [17], а могла располагаться на «подклете» («подклети»), т. е. на нижнем этаже, имевшем обычно подсобно-хозяйственное назначение.

В истории домостроительства известен высокий, средний и низкий подклет, образовывавшийся в зависимости от того, в какой от низа венец избы врубались доски

пола. Высокий подклет был характерен для Севера Руси, в южных же районах он отсутствовал, там изба была поземной с земляным полом.

В отличие от поземной избы, словосочетание «поземная горница» в документах конца XVII – начала XVIII в. не встречается, горница устраивалась на подклете, оправдывая свое название, происходящее от древнерусского «горьнь» – «верхний» [18]: «…горница белая на подклете, а у нее двои двери на крюках»; «…горница на подклете мерою двух сажен с аршином»; «…горница на подклете старая ветхая мерою трех сажен…» [19].

Судя по цитируемым документам, подклет горницы мог использоваться в разных целях. В одном случае упоминалась установленная в нем печь: «…горница на подклете <…> В подклете печь кирпишная с трубою выводною кирпишною» [20] (по-видимому, здесь находилась кухня), в другом под горницей была расположена мыловарня, в третьем – сени: «горница на подклете мерою двух сажен с аршином <…> под тою горницею сени забраны тесом» [21].

Разное назначение также имел подклет избы: «…изба старая мерою трех сажен с аршином <…> под тою избой анбар холодной, двери на крюках железных…»; «…изба новая мерою трех сажен с аршином <…> А под тою избою анбар. А другая половина – подполье»; «…изба новая мерою трех сажен <…> а под тою избою погреб мерою двух сажен» [22].

То же самое было характерно и для клети, под которой могли располагаться и амбар, и погреб, и хлев свиной и скотский, и др.

Таким образом, в Восточной Сибири в конце XVII – начале XVIII в. подклет выглядел по сути как самостоятельный этаж (с дверями и окнами) и использовался в самых разнообразных целях. Но с течением времени его высота стала уменьшаться, и в конце XIX в. подклет жилых крестьянских построек представлял собой лишь верхнюю часть подполья.

Неотъемлемой особенностью каждого жилища являлись окна. В конце XVII – начале XVIII в., как правило, преобладали небольшие волоковые окна, которые прорубались в одном или, чаще, в двух смежных бревнах и задвигались (заволакивались) изнутри тесовой задвижкой. Оконные проемы бóльших размеров, обрамленные колодами (косяками), образовывали колодные (косящатые) окна. В то время в одном жилище, как правило, сочетались и волоковые, и колодные окна. Судя по переписной книге постоялых дворов Енисейска, у избы начала XVIII в. могло быть одно-два колодных окна и до семи волоковых: «…изба новая мерою трех сажен. У той избы семь окон волоковых»; «…изба старая, черная, мерою полтретьи [2,5] сажени. В той избе окно колодное, пять окон волоковых»; «…изба черная мерою трех сажен. В ызбе два окна колодные, шесть окон волоковых» [23].

В горницах количество колодных окон увеличивалось до трех-четырех, а количество волоковых уменьшалось до одного-трех. По одному-два колодных и до четырех волоковых окон прорубалось в клетях и подклетах, в одном случае колодное окно упоминалось даже в бане.

Колодные, а нередко и волоковые окна имели слюдяные оконницы (окончины) [24], в которых пластинки слюды либо сшивались, либо оковывались металлом: «В избе два окна колодные, три окна волоковых, в них оконницы слюдяные, четыре шитухи, пятая з железом»; «в той избе два окна колодных, в них окончины шитухи, пять окон волоковых, в них три окончины слюдяные с железом, две шитухи»; «изба черная, одне двери на крюках, в трех окнах колодных, да в трех волоковых оконницы слюдяные в белом железе, горница белая на подклете, а у нее двои двери на крюках. В шти окнах колодных оконницы слюдяные в белом железе» [25].

Об использовании слюды в домашнем обиходе И.Г. Гмелин в 1736 г. писал следующее: «Чтобы подготовить слюду к употреблению, ее щиплют, что делается с помощью двустороннего тонкого ножа, если ее немного потрясти, то она щиплется как

угодно. Но ее щиплют не очень тонко, а так, чтобы она сохранила крепость. Во всей Сибири ею пользуются вместо оконного стекла, и фонарные стекла из больших пластин выглядят очень хорошо. Нет стекла такой прозрачности и чистоты. В России в деревнях и во многих маленьких городах ее также ставят в окна <…> Но все же она подвержена некоторым изменениям. Если она очень долго находится на воздухе, то на ней возникают постепенно пятна, которые делают ее непрозрачной, особенно если на ней оседает пыль. Жир и копоть с нее тоже нелегко удалить» [26].

Слюда была наиболее качественным оконным материалом в то время. Ни одной стеклянной оконницы в документах начала XVIII в. не упоминается за их отсутствием (во всей Сибири тогда еще не было ни одного стекольного завода). Однако не упоминаются в использованных нами описаниях и другие, менее престижные, способы заполнения оконного проема, о которых мы расскажем ниже.

Избы и другое «хоромное строение» того времени покрывались драньём, или дранью, – неотесанными пластинами, получаемыми при расщеплении короткого, до сажени длиной, бревна: «покрыты горницы и анбар и баня драньем»; «покрыта та изба и сени и клеть и сарай сенной драньем» [27]. В редких случаях особо важные строения, например «прикащичьи новые избы» Братского острога (1724 г.), были «крыты тесом» [28]. Тес расходовался бережнее, поскольку его изготовление было более трудоемким и материалозатратным. Тесины (тесницы) получали из расколотых повдоль бревен, обтесанных затем топором. Из двух половин бревна получалось всего две тесины толщиной в 6–8 см. Пиленые же доски распространились в Сибири лишь в XIX в., после того, как пилы стали общеупотребительным инструментом.

Дворы огораживались «заплотом в столбы», огороды – «частоколом». Во дворе кроме избы, горницы и клети могли также стоять амбар («анбар хлебный»), погреб («на дворе погреб с напогребицей»), баня («баня с передсеньем»), мыловарня («под горницей мыловарня»), кожевенная изба, сарай, колодец, хлев «скотской», хлев свиной, сенник («сенник рубленый»), стая («стая коневья, забрана в заплот»), «конное дворишко» и др. Вариантов в наполняемости двора было множество.

Некоторые хозяйственные постройки могли располагаться и вне двора, «на огороде», – баня, колодец, погреб и др.

Составив, таким образом, общее представление о жилище в Восточной Сибири в конце XVII – начале XVIII в., перейдем непосредственно к жилищам Приленья. Наиболее раннее известное нам свидетельство о них относится к лету 1663 г., т. е. к тому времени, когда на «великой реке Лене» появлялись первые жители. В купчей крепости, по которой для начинающего строиться Киренского Троицкого монастыря был приобретен находящийся в устье р. Киренги крестьянский двор, говорилось: «Се аз, Ленского волоку Илимского острогу Киренские Никольские волости пашенной крестьянин Петр Остафьев Аксамитов, продал есми в Никольской в Киренской волосте на усть Киренги реки двор свой со всяким дворовым строеньем Усть-Киренского новаго Троицкаго монастыря строителю черному попу Ермогену.

А тот мой двор стоит на государеве земле. А на дворе хором: изба, а против ее анбар на подклете, да изба новая скоцкая без верха, и баня. А круг двора городьба и погребы да анбар хлебной, да гумно крытое и овин.

А взял я, Петр, у нево, строителя, черново попа Ермогена, за все дворовое строение сто девяносто рублев денег, все наперед у сей купчей» [29].

Из этого описания видно, что небольшое хозяйство ленского крестьянина состояло из самого необходимого для самостоятельной жизни: поземной избы для жилья, амбара с подклетом для хранения имущества и инвентаря, бани и хлева для скота. За огороженным двором были расположены погреба для хранения продуктов, овин для сушки хлебных снопов, крытое от непогоды гумно для их обмолота и амбар для хранения хлеба.

Амбары были неотъемлемой принадлежностью каждого крестьянского двора. В конце XVII – начале XVIII в. для хранения зернового хлеба зачастую рубился отдельный амбар, а потому в одном хозяйстве могло насчитываться до трех, четырех, а то и более одноярусных амбаров. Сохранившиеся же на Лене до сегодняшних дней двухъярусные многокамерные амбары, несомненно, явление более позднего времени. Возможно при этом, что полноценный нижний этаж двухъярусных амбаров образовался из былого подклета.

К 1700 г. относится описание находившегося в д. Полоротовской двора, в котором жили «криволуцкие прикащики»:

«Двор, где живут приказные.

Изба поземная с перегородкою.

Против избы онбар двойной над струбом. А на том онбаре горенка белая с клетушкою. А в той горенке печь кирпичная с выводом. А промеж избою [и] онбаром сени.

Да избенко малое.

Стая конская. Над стаею сарай, крыт драньем.

Перед двором на улице баня с передбаньем» [30].

Конечно, двор приказчиков Криволуцкой волости – это не крестьянский двор. Иное назначение определяло и другой характер входивших в состав двора жилых и хозяйственных построек. Отсюда и перегородка в избе, нехарактерная для крестьянских жилищ того времени. Отсюда и расположенная на амбаре «горенка белая» – едва ли не первое по времени свидетельство о жилом помещении на Лене, отапливаемом по-белому – кирпичной печью с выводной трубой.

Тем не менее, планировочный принцип строения остается тем же, что и у крестьянских построек, – это связь: изба-сени-амбар.

Отдельно во дворе поставлены маленькая избушка и конская стая с расположенным на ней «сараем», по всей видимости, для сена (сеновалом).

Интересно указание на расположение бани – «перед двором на улице». Исходя из преобладавшей ориентировки домов того времени – окнами на реку, следует думать, что баня была установлена на берегу Лены по идущей перед домами улице. Такое расположение бань и сегодня продолжает сохраняться в ряде ленских деревень.

Очередное свидетельство о ленских жилищах, относящееся к 1706 г., находим в книге В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня». Подробная опись имущества зажиточного крестьянина Бубнова с заимки Воронинской в Криволуцкой волости включала в себя и перечисление построек на его дворе: «жилая изба на подклете, перед избою сени с забором, перед сеньми анбар о трех житьях, скотцкой двор на отставке, два анбара хлебные да баня, анбар да кожевня на повосте» [31].

Как правило, трехкамерное жилище в конце XVII – начале XVIII в. составляли изба, сени и клеть. В хозяйстве Бубнова клеть отсутствовала, ее заменял «анбар о трех житьях», стоявший в одной связи с избой и сенями.

«Сени с забором» здесь означают сени с отгороженной кладовой. «На отставке» – значит отдельно. То же самое означало выражение «на повосте» – так говорилось об отдельно стоявшей постройке [32].

В «Илимской пашне» В.Н. Шерстобоева сообщается также о выполненном в 1757 г. описании Киренского острога. Среди прочего в остроге находился и «ея императорского величества двор», в котором жили приказчики. В пересказе В.Н. Шерстобоева, «он состоял из избы ″поземной″, сеней, амбара. В избе имелось 2 окна косящатых и 5 волоковых, внутри находилась ″казенка″. Перед выходом из избы стоял амбар с 2 дверями, одна выводила к острогу, другая – к Лене. Перед избой имелась еще белая горница с 7 окнами и кирпичной печью, под горницей находился погреб. Позади избы и горницы видна была баня и около нее амбар ″на отставке″» [33].

В этом описании все отдельные строения и упомянутые детали нам уже знакомы.

Следующие по времени описания ленских жилищ обнаруживаются в документах конца XVIII в., связанных с куплей-продажей домов. Так, в прошении киренского купца Ивана Иванова сына Шильникова писалось: «Купил я сего октября м-ца [1796 г.] киренской городовой статной команды у капрала Ивана Иванова сына Буланова состоящей в городе Киренске собственной ево, Буланова, дом, то есть изба, чрез сени анбар, назади скотской двор з двумя хлевами и на отставке зимовье и баня и все протчее принадлежащее ко оному строение и с подворною усадебною землею…» [34].

Здесь впервые упоминается стоявшее во дворе «зимовье» – небольшая избушка, использовавшаяся как временное жилье для членов семьи, как жилье для работников или приспосабливавшаяся для хозяйственных нужд (в качестве летней кухни, например).

В другом случае, в написанном в январе 1791 г. «доношении» в Киренскую нижнюю расправу, сообщалось: «Продала я, именованная [Катерина Алексеева дочь Карабанская], здешнему городничему, коллежскому ассесору Андрею Игнатьеву сыну Белевскому собственной мужа моего дом, а имянно две горницы чрез сени и напротив горницы людские избы, на дворе горница холодная, анбар с погребом, скотской двор и баня, доставшийся мне по наследству со всеми к нему принадлежностями…» [35].

Отметим, что здесь в связи находились не черная изба и горница, как обычно, а две белые горницы, да во дворе стояли холодная горница и «людские избы». Хозяйство это, которым владел бывший киренский уездный казначей, провинциальный секретарь Карабанский, конечно, не рядовое.

Еще более интересное описание одного из хозяйств киренских жителей (казачьего сотника Ивана Качина) можем видеть в другом документе, датируемом 1792 г.: «…и хозяйство – изба, внутри оной с принадлежащими приделками, у избы ж новые двери на железных крюках и петлях, у сеней двери на железных крюках и петлях з железною защолчкою, чрес сени анбар с перерубом, первой для клажи и содержания екипажу и летнего времени жителства, в окошках окончины слюденые, ставни деревянные, для запору ставней у каждого окна скобы железные, а задвишки деревянные, подвалока тесовая, второй для клажи съесных припасов с хлебными тремя засеками, подвалока тесовая, для ходу на сени лесница тесовая, поверх подвалоки анбарная заборная дощеная казенка, в ограде двои ворота на деревянных петах, скоцкая стайка для запору рогатого скота, клев новой, поверх оной сенник заборной, крыша желобовая, вокруг садового огорода болшая часть огородбы стомовым тыном, а дастолая [остальная] покупным привозным жердовиком, в огороде баня, в садовике ж засаженых хмелевых кореньев на межах по верхну и нижну сторону огородца…» [36].

Отметим, что в этом документе впервые упоминаются оконные ставни. Исследователи деревянного зодчества отмечают, что с появлением колодного окна для защиты от холода и ветра оно сначала заслонялось деревянным (иногда обшитым сукном) щитком-«вставнем». Впоследствии вставень был прикреплен к наличнику и превратился сначала в одностворчатый ставень, а затем в привычные нам двухстворчатые ставни [37].

Здесь же в первый раз на Лене нам встречается и кровля из желобника, хотя такой вид кровельного материала в Восточной Сибири известен по документам и в самом начале XVIII в.

По следующим двум обнаруженным в ГАИО документам можно получить представление о том, как происходила трансформация жилья. В первом из них значилось: «Лета тысяча семьсот восемдесят девятого сентября в седмой день города Киренска штатной военной команды салдат Андрей Филипов сын Косыгин в роде своем не последний продал он того ж города Киренска винному приставу прапорщику Илье Петрову сыну Курбатову собственной свой дом: избу с сенми, у оных двери на крюках и петлях железных, чрез сени анбар холодней, оной дом крыт драньем и при оном баня

с передбанником, хлев скотской <…> под тем строением земли поперешнику двенатцать, длиннику тритцать сажен, взял он, Андрей, у него, Ильи, за тот дом со строением с подворною землею и усадбою денег пятнатцать рублей…» [38].

Через два года, 25 июня 1791 г., теперь уже «бывший» винный пристав Илья Петров сын Курбатов продал этот же дом подканцеляристу Киренского уездного казначейства Ивану Иванову сыну Мишарину. За время владения домом Илья Петров переделал стоящий в связи с избой амбар в горницу и теперь продал хозяйство уже не за 15, а за 35 рублей: «…собственной свой дом: избу с сенми, у оных двери на крюках и петлях железных, чрез сени горница и при оном доме баня с перетбанником и хлев скотской, под коим строением и усадбою земли поперешнику двенатцать, длиннику тритцать сажен за цену за тритцать за пять рублей» [39].

Во всех этих случаях перед нами описания жилищ горожан. С 1775 г. Киренск являлся уездным городом, хотя и совсем небольшим по количеству жителей: в 1803 г. в нем жило всего 648 человек [40]. В целом вряд ли киренские городские жилища принципиально отличались от крестьянских, хотя последние, несомненно, были беднее и проще по убранству жилых помещений, но разнообразнее по хозяйственным постройкам, связанным с обработкой сельскохозяйственных культур.

Несмотря на приведенные примеры, свидетельствующие о распространении горниц у ленских жителей, по крайней мере в домах уездного города Киренска, курные избы и в первой трети XIX в. продолжали пребывать на р. Лене в подавляющем большинстве. Так, Н.С. Щукин в книге «Поездка в Якутск», написанной на основе путевых заметок 1829 и 1830 гг., отмечал, что жители Киренского округа Иркутской губернии «имеют черные избы» [41].

В 1840 г. Н.С. Щукин вновь проехал по Лене, и во втором издании его книги появились более подробные сведения о ленских жилищах. Автор сообщал: «Селения [Верхоленской волости Иркутского округа] построены беспорядочно, и хотя нет домов, крытых соломою, зато много изб курных. В окнах по большей части слюда. Курные избы в Иркутской губернии остались только на Лене, там хотя и слабо, но все-таки защищают превосходство этих изб противу белых. Впрочем у многих крестьян есть и горницы с печками» [42].

В другом месте книги Н.С. Щукин обобщил сведения о жилищах Киренского округа: «Домы у крестьян бревенчатые, крытые тесом или дранью, с двумя дворами: передним и задним. На переднем бывают амбары для поклажи имущества и навес, под которым стоят телеги и сани; на заднем дворе держат скот. Тут же обыкновенно строится большой сеновал, или поветь, клевы для телят и ягнят. Домы по большой части курные и разделяются сенями на две половины: в задней бывает горница с печью. Хотя жители и заступаются за черные свои избы, однакож понемногу оставляют их» [43].

И еще одна цитата из другой работы того же автора, касающаяся жилищ по р. Илим (Илимская волость Киренского округа): «Домы у крестьян, по большей части, курные, но у многих есть горницы для лета, без печей; они называются клетями. Домы у казаков с печами. Опрятность – элемент в жизни сибиряка. Стены до половины черны, а пол, скамейки и стол чисты. Большой двор делится домом надвое. Двор передний обстроен амбарами, на заднем дворе скот, клевы и сенник. При каждом доме непременно огород, тут садят все овощи, не забыт и табак, а картофель с давних времен составляет народную пищу в посты. Подле огорода телятник, лужок, обгороженный жердями» [44].

Судя по этим описаниям, процесс замены черных изб на белые, который к тому времени в целом уже произошел на территории Иркутской губернии, в таких отдаленных местах, как Приленье и Приилимье, еще только начинался. Белые печи, которые ставились в горницах, в то время могли быть уже не только русскими, но и распространившимися в России голландскими (голландки), служившими лишь для обогрева помещения. К сожалению, автор не уточняет, какие именно печи видел он. Упоминание же о том, что горницы без печей (холодные горницы) назывались у илимских

крестьян клетями, – дополнительное свидетельство в пользу того, что горница в сибирских деревнях – это трансформировавшаяся клеть.

Наблюдения Н.С. Щукина о белых и черных избах подтверждаются и впечатлениями отставного титулярного советника В. Паршина, составившего в 1849 г. «Историческое, географическое и этнографическое начертание Иркутской губернии». «Крестьяне Киренского округа, – пишет он, – <…> живут в так называемых курных (черных) избах с печами без труб, и зимою любимое место у них в этих избах – на жарких палатях. Палати устраиваются из настилки досок на брусьях, между полом и потолком, но ближе к потолку, нежели полу.

Проезжий может задохнуться и ослепнуть от дыму во время топки какой-то кучи из камней и плит, называемой печью.

В почтовых станциях по берегам Лены – везде такие избы, а для проезжающих устроены особые чуланчики с камельками. При 40° мороза приют в этих чуланчиках незаманчив и проезжающий поневоле, подражая местным жителям, старается обогреться на высоких палатях, рассматривая на досуге черные, как будто обитые дорогим бархатом стены и потолки хаты под вековою сажею!

Киренские крестьяне думают, что курные избы теплее белых. Есть, впрочем, и белые дома, но у немногих вольнодумцев» [45].

В описаниях путешественников XIX в., совершавших путь по р. Лене, встречается немало интересных для нас подробностей, свидетельствующих, каким было ленское жилище того времени. В частности, многие из них обращали внимание на то, чем закрывались окна. Так, Н.С. Щукин, упомянув, что «в окнах по большей части слюда», пишет по этому поводу следующее: «Хорошая слюда чиста как стекло, превосходит его в прочности, может быть 20 процентами; но года через два, три начинает выветриваться, темнеть, лупиться, и наконец делается худо прозрачною.

Делание слюдяных окон составляло прежде особое искусство. Мне случалось видать в старинных церквах слюдяные окна, подобранные с большим искусством в рисунке. Пластинки слюды в натуральных своих формах подбираются одна к другой так, чтоб в целом вышла какая-нибудь фигура в готическом вкусе. На слой пластинок кладется по жестяной узкой полоске с обеих сторон, которые скрепляют тонкими железными гвоздями. Поперек рамы, местах в двух, или трех, смотря по величине окна, идут железные прутики, обыкновенно ребром, чтоб не заслоняли света; – к этим прутикам прикрепляется вся слюда. Искусство делать слюдяные окна скоро исчезнет, и потомкам нашим приведется, может быть, писать об нем рассуждения, как о живописи на стекле» [46].

Хотя к 1840-м гг. в Иркутской губернии стекло уже получило широкое распространение, однако качество его, особенно местного, было еще невысоким, а стоимость выше, чем у слюды, в связи с чем последняя по-прежнему продолжала преобладать в окнах ленских жилищ.

В то же время окна многих крестьянских изб закрывались и другими различными способами. Для этого использовались бычий пузырь и скотская брюшина, рыбьи паюс и кожа, пропитанная жиром или просмоленная ткань, промасленная бумага и даже обычный, взятый с реки лед. К примеру, возвращавшийся из своего путешествия на фрегате «Паллада» И.А. Гончаров, выехав из Якутска и проезжая по Витимской волости Киренского округа, 13 декабря 1854 г. сделал такую запись: «Лена, Лена и Лена! Но все еще пустая Лена; кое-где на лугах видны большие кучи снегу – это стога сена; кое-где три, четыре двора, есть хижины, буквально заваленные снегом, с отверстиями, то есть окошками, в которых вставлены льдины вместо стекол: ничего, тепло, только на улицу ничего не видать. В других избах, и это большею частию, окна затянуты бычачьими пузырями» [47].

Окна, затянутые мочевым пузырем крупного рогатого скота или тонкой полупрозрачной оболочкой, которая покрывает внутренние стенки брюшной полости животных, в крестьянских жилищах середины XIX в. были весьма распространенным явлением. П.А. Кропоткин, находясь в 1862 г. в с. Кударе (устье р. Селенги), отметил в своем дневнике, что в избах там вместо стекол везде вставлена «скотская брюшина», и записал следующее объяснение местных жителей о ее преимуществе: «Оно удобнее, потому, что как дверь отворяют, так она хлопнет, и весь снег, что намерзнет, спадет, а стекло так намерзнет, что зги не видно» [48].

Он же отметил еще один способ, которым закрывались тогда (1856 г.) окна: «…двойных рам в деревнях почти не делается, а одиночные часто состоят из кусочков битого посудного стекла, вделанного в бересту» [49].

Несмотря на все любопытные детали, которые сообщают путешественники о ленских жилищах, несмотря на то, что в их описаниях упоминаются отдельные элементы интерьера и хоть как-то говорится о планировке крестьянских дворов, все же их описания были весьма кратки и далеко не полны. Лишь со второй половины XIX в., с образованием Русского географического общества (1845 г.), а затем его Сибирского отдела (1851 г.) начинаются серьезные этнографические исследования народов Сибири, в том числе и русского старожильческого населения.

Наиболее подробные описания крестьянских жилищ на р. Лене опубликованы в 1870 г. медиками Ф. Шперком и Н.И. Кашиным. Изучая характерные для ленских жителей заболевания, они детально исследовали быт ленских крестьян. Ввиду того что выполненная этими авторами работа по обследованию жилищ имеет особую важность для нас, приведем их описания практически полностью. Так, Ф. Шперк изложил свои наблюдения о крестьянских жилищах Верхоленского округа следующим образом: «Дома (избы) строятся преимущественно из соснового леса, причем изба ставится фасадом во двор, выходя узкою своею стороной в два или три окна на улицу, и состоит из двух равных половин, разделенных проходными большими сенями, в которых четыре двери; первые ведут с чистого двора в сени, против них находится другая дверь, ведущая на задний, скотный двор; далее двери в жилую половину, обращенную к улице, и двери в белую половину, выходящую во двор и предназначенную для приема гостей и празднеств; но так как последние бывают редко, то белая половина большую часть года стоит пустая, а в зимнее время и не топленная, для сбережения дров; в черной же половине живут все, как бы ни было велико семейство; в ней приготовляют пищу, моют белье и работают. В сенях отгораживается место для кладовой (чулана) – казенки, и находятся полки и деревянные спицы (вбитые в стены) для вешания конской сбруи. Каждая из половин дома заключает в себе по две комнаты, разделенные деревянною перегородкой, идущей обыкновенно от угла печи к противоположной стене; перегородка не доходит до потолка и нередко бывает окрашена масляной краской, в синий или красный цвет. Передняя комната в каждой половине делается гораздо более просторною; в ней, при входе, над дверьми находятся полати, которые состоят из настланных досок на толстую балку, идущую от печи поперек комнаты; полати назначаются для спанья и помещения детей, так как на них воздух теплее. При входе в жилую половину, налево, у самых дверей стоит большая, кухонная русская печь, битая из глины; отверстие в печи для топки находится в меньшей комнате, против окна, и называется целом и делается полукругом, место перед целом называется шестком[3], между печью и стеной, в остающемся довольно узком пространстве, приделывается, наравне с высотой печи, служащая ей как бы продолжением деревянная пристройка и известная под названием голбчика, которая служит вечным местом для лежания ба-

[3] Под шестком, внизу печи, находится небольшое помещение для кур в зимнее время. – Примечание Ф. Шперка.

бушки или дедушки и отогревания их старых костей. За печью (под голбчиком) находится ход по лестнице в яму, вырытую под полом и называемую подпольем, которое служит для хранения овощей в зимнее время. В избе вокруг стен делаются лавки, предназначенные для сиденья, а над окнами находятся вокруг стен полки, на которых в переднем углу (божница) помещается несколько образов, с которых сошли от времени представленные на них изображения; перед этими образами обыкновенно стоят восковые тоненькие свечки; в переднем же углу ставится стол, необыкновенно массивной и прочной работы, предназначенный для трапезы и который при гостях (почетных) покрывается скатертью из самодельного, толстого холста. Комната за перегородкой называется кутью; в ней толчется с своим хозяйством все женское население избы, по обыкновению скрывающееся в ней (кутьи) при входе незнакомых людей <…>. Белая половина имеет то же устройство, с тою только разницей, что не имеет полатей, стены в ней белятся, или передний угол оклеивается обоями, на стенах висят картинки лубочного произведения, с изображением рыцарей, парадов, стражей и пр. Говоря о постройке жилищ, я должен сказать, что вообще избы малы, низки; входя в дверь, нужно беречь свою голову от ушиба; окна небольшие, слюдяные, в белой половине – из стекла. Это – устройство жилищ большей части обитателей Верхоленского округа, с тою разницей, что у одних избы немного попросторнее, а у других теснее; но у более бедных крестьян избы состоят только из одной комнаты, без сеней; вход прямо со двора, устройство же внутреннее то же самое. В округе, в редких селениях, встречаются у крестьян так называемые черные или курные избы; но подобные избы вновь не строятся, а составляют воспоминание старины; подобная изба отличается устройством только печи, которая [не] имеет трубу, и дым, выходя из чела печи, идет в отверстие, сделанное сбоку или над печью, в стене избы; это отверстие бывает величиной в небольшое окно и запирается деревянным ставнем; во время топки изба наполняется дымом и в ней делается очень холодно, так как отворяют еще двери для того, чтобы выходил дым; но когда печь истопится и отверстие для выхода дыма закроется, то изба скоро и сильно нагревается, воздух в ней походит на банный и у меня постоянно производил щекотание в горле и особенный, как бы горький, вкус во рту. Окна в этих избах делаются низко, затянуты часто бычачьим пузырем, стены и потолок от дыма прокоптевшие и совершенно черные, отчего изба имеет в высшей степени мрачный вид, даже во время солнечного дня; вечером же, при треске горящей и дымящейся лучины, вся обстановка в такой избе получает какой-то фантастический вид. В зимнее время у всех без исключения крестьян в избе держатся куры, а во время тепла – коровы, небольшие телята, а равно ягнята, поросята и собаки помещаются в жилой избе, в которой нередко живут два или три больших семейства; происходящие оттого: нечистота, вонь, духота, полусвет, сырость, а нередко и угар, составляя необходимые последствия подобного устройства жилищ и образа жизни, суть спутники жизни каждого крестьянина с колыбели до могилы. Изба строится обыкновенно так, что разделяется двор на две половины; против лицевой стороны, т. е. переднего крыльца, в недальном расстоянии ставится небольшой амбар; а на заднем дворе – сарай, обращенный открытою стороной на юг; в нем небольшая часть забирается перегородкой и проконопачивается, составляя небольшой хлев для телят и овец; сверху сарая делается род сенника, называемый поветями <…>. В телятнике или утуге у каждого домохозяина находится овин, необходимая принадлежность сельского хозяина, так как в округе без предварительного просушивания хлеб не молотится» [50].

Отметим здесь только, что утугом назывался бурятский удобряемый покос близ жилища. Это обязательное для хозяйства бурят угодье было заимствовано и живущими по соседству верхоленскими крестьянами.

Подробное описание Ф. Шперка дополняет Н.И. Кашин, который помимо Верхоленского обследовал также и Киренский округ: «Для постройки домов жители употребляют сосновый или лиственный лес, но преимущественно сосновый. Домом обыкновенно служит простая русская изба с сенями; бывают однакож и такие дома, где к сеням пристраивается и чистая горница, которая, впрочем, служит не столько для жилья, сколько для приема гостей, или же, короче сказать, живут в ней только по великим праздникам, также летом или же, наконец, занимают ее в некоторые дни, торжественные для семьи хозяина, напр., во время свадьбы, крестин и проч. Надобно также заметить при этом, что такое устройство дома, т. е. с избой и отдельною чистою горницей показывает уже более или менее значительную зажиточность владельца. Большая же часть туземного населения, чаще бедного, чем богатого, ограничивается постройкой простой избы с сенями и разве еще встречается на том же дворе где-нибудь всегда плохое, кое-как и на скорую руку состроенное зимовье, необходимое для его домашнего, всегда впрочем не богатого, хозяйства. Для окон в домах обыкновенно служит слюда, брюшина[4] и в весьма редких домах можно встретить окна из стекла, что составляет уже особенную роскошь и указывает на безбедность хозяина. Все внутреннее убранство таких домов составляют обыкновенно: в переднем углу божница с образами, по сторонам избы чаще неподвижные широкие лавки или же подвижные скамьи; в редких домах можно встретить один или два стула простой домашней работы; в переднем же углу перед лавками стоит всегда стол, редко покрашенный, преимущественно голубою или же красною красками. Тотчас от дверей кладется, обыкновенно на деревянных устоях, большая русская печь, но не из кирпичей, а преимущественно из одной глины, что составляет так называемую битую печь, которая иногда кладется без трубы. Таким образом, внутренние стены таких домов представляются грязными и черными вследствие копоти, происходящей от дыма при топке печей; для выхода же дыма устраивается особенное окно или же отворяются во время топки двери. Голландские печи бывают только в тех домах, при которых пристроена светлая и чистая горница. В некоторых домах, даже и в простых избах, встречается иногда досчатая перегородка, идущая от печи до противоположной стены и составляющая таким образом отделение для кухни. Полати и при печи пристроенная лавка или, как ее здесь называют, голбец – тоже непременные принадлежности каждого дома. Мытье и чистка домов совершается не более трех раз в течение года, а именно пред великими праздниками; но самая чистка, как почти и везде по Сибири, производится посредством скобления стен и полов ножами. Такая работа нередко продолжается дня два и совершается, при недостатке в доме женского пола, помощью соседок, по очереди, в каждом доме.

Для освещения домов обыкновенно служит лучина, особенно по деревням и селениям Киренского округа; весьма редко встречаются свечи и то своего домашнего приготовления, так называемые свечи ма́канцы, или же бывают и литые, но в таком случае им вместо формы служат или кишки домашних животных, или стебли борщевика (Heracleum Sphondilium L.) и дягиля (Angelica – Archangelica L.).

Спят жители обыкновенно на полатях, печи, голбце, лавках; но большею частью на полу. Подстилкой служит постоянно потник (войлок) или же всякое носильное платье, вместо одеял служит то же самое. В зимнее время в тех же хатах помещаются телята, под печью куры и в то же время – многочисленное семейство; все это вместе, конечно, производит нестерпимо душную атмосферу. Клопы и тараканы тоже непременная принадлежность каждого дома.

Надворных пристроек при дворах почти никаких нет. Один частокол или жердевая изгородь составляет весь двор и те же жердевые изгороди отделяют домашний скот от скирдов хлеба, помещаемых иногда на задних дворах. Только у некоторых зажиточных крестьян можно встретить некоторые необходимые надворные строения» [51].

[4] Peritoneum домашних животных. – Примечание Н.И. Кашина.

Трудно переоценить значение приведенных текстов. Перед нами самые полные и подробные описания крестьянских жилищ населения р. Лены за весь исследуемый период. Как зафиксировали авторы, во второй половине 1860-х гг. существовало два типа жилых построек, основным из которых являлась простая изба, подчас даже не имевшая сеней.

Сегодня нам трудно представить жизнь в обычной для того времени крестьянской избе, особенно в курной: закопченные потолок и стены, маленькие окна, закрытые брюшиной или потускневшей слюдой, ни электричества, столь обыкновенного для современного жителя, ни даже керосиновой лампы, изба освещается «горящей и дымящей» лучиной... В одном небольшом помещении размещается вся семья, насчитывающая до десяти, а то и более человек, здесь же куры, телята, собаки, а также непременные спутники тогдашней жизни – клопы и тараканы…

В «Заметках о Киренском округе и реке Лене», опубликованных в «Иркутских губернских ведомостях» в 1860 г., о жителях подобных изб сообщались еще некоторые интересные подробности: «Умываются не всегда, а голову чешут еще реже. Белье переменяют только в экстренных случаях, а потому в ихнем белье обитает изумительное количество насекомых паразитов. Для полноты картины нужно прибавить, что белковые собаки зимою и летом постоянно бывают в избах и составляют что-то вроде членов семейства, потому что нередко едят из той же посуды, в которой готовят себе пищу их хозяева» [52].

Все же, говоря о черных, или курных, избах, Ф. Шперк и Н.И. Кашин отмечали, что хотя на Лене они еще сохранились, однако «вновь не строятся». Таким образом, к 1870 г., через 40 лет после посещения тех же мест Н.С. Щукиным, у ленских крестьян произошел переход к отоплению жилищ по-белому, белые избы на Лене стали преобладать. Эту перемену зафиксировал и П.А. Кропоткин, проплывший по р. Лене в 1866 г. [53].

Другим типом жилища на Лене, о котором писали Ф. Шперк и Н.И. Кашин, была связь. Она появлялась у более зажиточных крестьян, которые к жилой избе пристраивали через сени «светлую и чистую» горницу. Предназначенные «для приема гостей и празднеств» и свидетельствующие о достатке их хозяев, горницы в крестьянских жилищах того времени большей частью стояли пустыми. Отапливались они как русскими, так и повсеместно распространившимися голландскими печами. В горницах, в отличие от изб, не было полатей, стены белились или оклеивались обоями, украшались образами и лубочными картинками, окна стеклились. Обставлялись горницы не только обычными для изб столами и скамейками, но и другой, более представительной, мебелью – стульями, шкафами для праздничной посуды, деревянными кроватями и др.

Следует отметить еще одно новшество в интерьере жилища, на которое обратили внимание Ф. Шперк и Н.И. Кашин. В 1860-е гг. на Лене вместо занавески «из ситца или своедельной ткани» [54], отделявшей куть от остальной части избы, становится обычной деревянная перегородка – заборка, появление которой, по всей видимости, было связано с распространением пилы и более дешевых, по сравнению с тесом, пиленых досок. Перегородки в домах и предметы мебели нередко красились масляной краской, однако свидетельств о художественных росписях их авторы не приводят, хотя в том же Киренском уезде, на р. Илим, такая традиция в конце XIX в. существовала [55].

Использование же краски в интерьере ленского крестьянского жилища фиксируется уже в начале XIX в. Так, в 1801 г. при описании имущества крестьянина с. Чечуйского Логина Федорова сына Мишарина упоминается и «стол, раскрашеной разными красками» [56].

Несмотря на всю полноту и детальность описаний Ф. Шперка и Н.И. Кашина, авторы, к нашему сожалению, совершенно не уделили внимания такой сфере крестьянского домостроительства, как конструкция жилища. А в этой сфере в последующие десятилетия начинают происходить существенные перемены.

В последней трети XIX в. на Лене распространяется еще один тип дома – пятистенок. Прием переруба избы капитальной стеной, в результате чего обра-

зовывался пятистенок, был известен в Сибири с первой четверти XVII в. [57]. Однако тогда он не получил широкого применения. Исследователи связывают распространение пятистенка с распадом больших, неразделенных, семей, что повсеместно стало происходить в XIX в. [58].

Помимо пятистенка появляются другие типы жилища: шестистенок, крестовик. При этом меняется способ рубки: вместо традиционного угла «с остатком» (рубка «в обло»), как дома, так и хозяйственные постройки рубят с чистым углом – «в лапу». Двухскатная щипцовая крыша на самцах и слегах, на потоках и курицах быстро начинает меняться на стропильную, часто четырехскатную. Дома теперь строятся бóльших, чем прежде, размеров и с бóльшим количеством окон.

Изменяется и внутренняя планировка жилища, что обусловлено иным размещением русской печи. Печь уменьшается в размерах, отодвигается от входной стены к середине помещения и разворачивается на 180 градусов, устьем в сторону двери. В освободившемся пространстве перед печью теперь размещается кухня, в стене которой напротив устья печи прорубается дополнительное окно. В то же время сзади печи появляется пространство для отдельной, выгороженной заборкой, чистой комнаты – спальни. Полати в таких домах уже не устраиваются: при новом расположении печи, отодвинутой от входа, они и не могут быть устроены на прежнем месте. Полати в избе перестают быть необходимыми [59].

К сожалению, редкие опубликованные свидетельства современников и скудные архивные источники последней трети XIX в. не дают возможности полноценно осветить и проиллюстрировать все эти перемены. Более подробно и доказательно описать ленское жилище в указанный период можно по результатам многочисленных полевых исследований, проводившихся в Иркутской области во второй половине XX – начале XXI в. как архитекторами, так и историками, в том числе автором данной статьи. Однако это, на наш взгляд, тема отдельной, самостоятельной, статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007. Т. 2. С. 120.

2. Цит. по: Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. С. 167.

3. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390: Переписная книга постоялых дворов Енисейска. Л. 15, 15 об.

4. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 78.

5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2700: Переписная книга строения, комнат, имущества (посуда, одежда, иконы), скота Иркутских посадских людей, пеших казаков и посадских людей г. Илимска, Кабанского острога, Селенгинска, Удинска. Л. 4 об.

6. Там же. Л. 5.

7. Там же. Л. 7.

8. Там же. Л. 3 об., 6 об.

9. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 15 об.

10. От слова «казна», означавшего в Древней Руси запасы всякой домашней рухляди, драгоценных камней, денег и проч. (Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. Т. 26. С. 930).

11. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 18, 21 об.; Ф. 214. Оп. 5. Д. 2700. Л. 2, 4 об.

12. См. словарь В.И. Даля: «Подволочить крышу, настлать потолок или накат, отделить чердак настилкою» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 3. С. 165).

13. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 19 об.

14. Сабурова Л.М. Русское население Приангарья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1: Приангарье. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1971. С. 61.

15. Так же как и пол, потолок в деревенских жилищах мог быть двойным: «черным» и «чистым». В последнем случае бревна потолка, засыпавшиеся сверху землей, снизу подшивались тесом, что и составляло собственно подволоку – нижнюю сторону потолка. Слово «подволока» здесь приобретало зна-

чение «чистого потолка» (Леонов Г.А., Леонова Т.Г. Народная культура Илимского края: по архивным материалам рубежа 1920–1930 гг. Омск: Амфора, 2009. С. 426, 427). В городских хоромах подволоки могли быть резными, расписными, золочеными, украшенными слюдой, металлом, костью и т. д. (Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч. I: Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 75).

В курных деревенских избах устраивать подволоку (чистый потолок) не было никакого смысла. Непонятно, однако, почему в цитируемых документах подволока не упоминается при описании горниц.

16. Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2013. Ч. 2. С. 785.

17. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2700. Л. 8.

18. Отсюда же, кстати, и слово «горничная», т. е. «служанка при верхних покоях, в которых жили господа и гости» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007. Т. 1. С. 442).

19. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2700. Л. 2; Кн. 1390. Л. 22 об., 53 об.

20. Там же. Л. 15 об.–16.

21. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 53 об.

22. Там же. Л. 17, 19, 55.

23. Там же. Л. 16 об., 19 об., 22.

24. По В.И. Далю, оконница – это «рама, переплет оконный, в который вмазываются окончины, стекла, но местами и окончину, стекло, зовут оконницей» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. С. 664).

25. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 24, 57 об.; Ф. 214. Оп. 5. Д. 2700. Л. 2.

26. Цит. по: Зиннер Э.П. Указ. соч. С. 175.

27. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 54 об., 56 об.

28. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 78.

29. Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: Документальное повествование. Иркутск, 2008. С. 95.

30. Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2013. Ч. 3. С. 709.

31. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 280. См. также: Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 3. С. 818.

32. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г. Панин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 43, 81, 107.

33. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 18.

34. ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 26.

35. ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 12.

36. ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 51. Л. 29–29 об.

37. На Илиме еще в 1920-е гг. продолжали использовать соломенные коврики, которыми вместо ставень закрывали снаружи окна домов: «Маленькие «волоковые» окна исчезли лет 30 назад. Ставень совсем не имеется. Вместо них употребляются «ковры», которые плетутся из ржаной соломы и перебираются конопляной веревкой. На ночь закрывают ими снаружи окна и припирают их палками – мороз не так лезет» (Леонов Г.А., Леонова Т.Г. Указ. соч. С. 206).

38. ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

39. Там же. Л. 5.

40. Шахеров В.П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск, 2000. С. 44.

41. Щукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1833. С. 33.

42. Щукин Н. Поездка в Якутск. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1844. С. 43.

43. Там же. С. 111.

44. Щукин Н. Поездка на реку Илим. [Б. м., б. г.]. С. 35.

45. Архив Русского географического общества. Р. 59. Оп. 1. Д. 15: Историческое, географическое и этнографическое начертание Иркутской губернии, составленное отставным титулярным советником В. Паршиным. Л. 303 об.–304 об.

46. Щукин Н. Поездка в Якутск. 2-е изд., испр. и доп. С. 43, 96.

47. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 549.

48. Дневник П.А. Кропоткина. М.; Пг., 1923. С. 66.

49. Кропоткин П.А. Дневники разных лет. М.: Сов. Россия, 1992. С. 370.

50. Шперк Ф. Верхоленский округ Иркутской губернии // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. С. 158–160.

51. Кашин Н.И. Эндемия зоба и кретинизма в приленской долине и по другим местностям Иркутской губернии // Медико-топографический сборник. С. 260–262.

52. Заметки о Киренском округе и реке Лене // Иркутские губернские ведомости. 1860. 1 окт. (№ 40). Часть неофициальная, с. 3.

53. Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983. С. 134.

54. Заметки о быте поселян Иркутского уезда // Иркутские губернские ведомости. 1857. 22 авг. (№ 15). Неофициальная часть, с. 4.

55. Леонов Г.А., Леонова Т.Г. Указ. соч. С. 357–397.

56. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 232. Л. 205.

57. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1981. С. 108.

58. Липинская В.А., Сафьянова А.В. Жилище русского населения южной части Тюменской области (середина XIX – начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974. С. 183.

59. Лыхин Ю.П., Аболина Л.А. Русская печь на берегах Лены // Русская Америка и Восточная Сибирь: материалы регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Кяхта, 14 авг., 2009 г.). Иркутск, 2011. С. 212–213.

Р.В. Агапитова

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ КУЛИНАРИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ (XVII – начало XX в.)

Одним из важнейших элементов материальной культуры народа является его традиционная система питания. Питание стоит в тесной связи с хозяйственными условиями и занятиями этноса. На Руси одним из главных занятий населения было земледелие, поэтому основу питания составлял хлеб. Как известно, крестьянское земледельческое освоение Сибири началось позднее промыслового, в связи с чем спрос на хлеб возник здесь раньше его предложения, таким образом, именно этот временной промежуток особенно важен для понимания сложившихся позднее кулинарных пристрастий сибиряков.

В начальный период освоения Сибири перебои в снабжении вызывали как отсутствие местной продовольственной базы, так и трудности с доставкой продуктов из-за Урала. Поэтому первопроходцы и переселенцы нередко испытывали недостаток продовольствия. Продукты собирательства, охоты и рыболовства рассматривались русским населением в этот период лишь как подспорье или временная замена привычных продуктов.

Одно из съедобных растений, растущих на берегах Енисея и других рек Восточной Сибири, получило название «борщ» или «борщевик». Оно использовалось русскими первопроходцами вместо капусты при приготовлении щей.

Черемшу – род чеснока без луковицы, росшую по лесистым горам, собирали, отрезали ствол у корня, толкли в деревянной чашке, посыпали солью и хлебали с квасом или засушивали в пучках, толкли и употребляли как начинку к мучным блюдам. Также на зиму засаливали или высушивали лук, сарану, кипрей, которые заготавливали и местные жители. Употребляли в пищу грибы, ягоды, различные травы.

В то же время первопроходцы края испытывали определенные трудности и в переориентации питания на продукты охоты и рыболовства. Так, в северных областях русские вынуждены были выпекать лепешки из толченой сухой рыбы и икры, а основой питания стала рыба.

Скопление значительного количества промышленных людей, отправляющихся на промыслы, резко повышало спрос на сушеную и соленую рыбу, являвшуюся важным источником питания самих промышленников и единственным кормом для их собак.

Технология заготовки рыбы и ее переработки была перенята у местного населения («юкола» — вяленая рыба, «порса» — сушеная мелкая рыба, «юрок» — вяленая без костей). Основным способом заготовки рыбы была засолка. Рыбу потрошили, пластали и, не снимая чешуи, солили на месте промысла, зимой — замораживали. При длительном хранении рыбу «глазировали», т. е. на морозе несколько раз окунали в холодную воду со снегом.

Особенно ценились лосось, стерлядь, осетр, горбуша, байкальский омуль, хариус.

Рыбий жир, почти не употреблявшийся русскими в европейской части страны, в Сибири получил широкое распространение и даже вывозился на ярмарки. Готовили его, перетапливая в котлах куски рыбы с небольшим количеством воды. Сибирячки считали жир линей особенно хорошим при выпечке пирогов.

Очень любили сибиряки рыбку «с душком». Этот момент нашел отражение в воспоминаниях старожилов: «Летом я иногда обращался к бабушке: «Сквась-ка омулька, жарину доспей». Бабушка брала свежего омуля, заворачивала его в зеленую траву и клала в теплое место. На другой день рыба была с душком, из нее бабушка делала жаркое» [1].

По всей северной полосе России был популярен пирог с рыбой. В Сибири пекли его, как и на европейском Севере, запекая рыбу целиком в тесте. На столе пирог разламывали и ели запеченную рыбу с нижней, пропитанной жиром корочкой.

Особой популярностью в Сибири пользовались строганина и расколотка. Их делали из различных видов рыбы: чира, нельмы, осетра, муксуна, гольца, тайменя.

В Прибайкалье самой любимой рыбой, используемой для приготовления строганины, был омуль. Его мясо содержит большое количество жира, и поэтому при заморозке оно не теряет своих вкусовых и питательных свойств.

Для приготовления строганины тушки омуля обезглавливали, чистили и потрошили, а затем замораживали. А когда нужно было подать на стол, не размораживали, как обычно, а просто строгали рыбу ножом. Получившиеся нежные тонкие стружки и называются строганиной. При употреблении рыбьи стружки обмакивали в смесь соли и черного перца. В качестве дополнения к строганине также использовали сибирскую ягоду, например бруснику.

Второе блюдо, которое также делалось из сырой рыбы, – это расколотка. Тушку замораживали точно так же, как для строганины, но при этом не отделяли голову, не чистили и не потрошили. После заморозки рыбу отбивали чем-то тяжелым, например обухом топора. При этом мясо внутри шкуры раскалывалось на небольшие кусочки и потом легко отделялось от нее. Ели кусочки расколотки точно так же, как строганину, – обмакивая в соль и перец.

Но конечно, существенную роль в питании сибиряков играли продукты охоты. Так, в документах XVII–XVIII вв. упоминаются медвежатина, оленина, сохатина, зайчатина, куропатки, рябчики, гуси и т. д.

Академик И.Г. Гмелин, путешествуя по Сибири в 40-е гг. XVIII в., отмечал, что «съестные припасы очень дешевы, рыба превосходная, мясо и дичь — в изобилии» [2].

Мясо в пищу шло свежее — «свежина», соленое — «солонина» и вяленое — «провеслое» («провесное»).

«Провесную» говядину готовили таким образом: в январские морозы вешали на подставки, устроенные на кровле дома, куски говядины, слегка посоленной. Там мясо висело до Пасхи, пока не высушивалось морозом и ветром, которые придавали ему особенный вкус и превращали мясо в «лакомый кусок», требующий крепких зубов [3].

Но самым любимым традиционным блюдом сибиряков были пельмени. Считается, что название этому блюду дала его оригинальная форма. Слово «пельмень» произошло от пермяцкого «пельнянь», означающее «тестяное ухо» («пель» – «ухо, ушко», «нянь» – «тесто, хлеб»). Со временем слово «пельнянь» переиначили в «пельмянь» и далее – в «пельмень».

Сибирские пельмени отличались небольшими размерами, чтобы они быстрее готовились и их было удобно употреблять по одному.

Действительно вкусными сибиряки считали те пельмени, которые были приготовлены сразу из нескольких видов мяса, по крайней мере, трех разных («на трех мясах»): говядина, свинина, сохатина. Соотношение видов мяса — равное, по одной трети. Обязательное условие — фарш должен быть мелкорубленным. Могли готовить пельмени и из выловленной рыбы. Кроме того, в фарш иногда добавляли лесные ягоды, например клюкву.

В Сибири пельмени часто готовили впрок – поздней осенью вся семья садилась за стол и лепила их в большом количестве на всю зиму. Мужчины обычно рубили мясо в корытцах, женщины месили тесто, а дети раскатывали его. Одной из главных пельменных традиций была лепка «счастливого пельменя». В последний слепленный пельмень закладывали какую-либо необычную начинку: перец, монетку или просто тесто. Считалось, что тот, кому в процессе поедания попадется такой пельмень, будет счастливым, удачливым и его желания исполнятся.

После лепки пельмени замораживали и хранили в ларях. При сибирских морозах они способны храниться всю зиму, не теряя своих вкусовых и питательных качеств.

Замороженные пельмени обязательно брали с собой охотники, уходящие зимой на промысел.

Но главным продуктом питания русских сибиряков был хлеб. «Коли хлеба край, то и под елью рай» – гласила народная пословица.

На начальном этапе освоения Сибири хлеб доставлялся из европейской части страны. По мере развития полеводства центральное место в питании сибиряков занял ржаной хлеб. В XVII в. посевы ржи в Сибири преобладали.

Хлеб пекли из кислого теста, которое в специальной деревянной посуде – «деже», заквашивали дрожжами, пивной или квасной гущей, а чаще всего – остатками теста от предыдущей выпечки. Пекли хлеб на чисто выметенном поду русской печи, в виде небольших круглых коврижек. Вынутый из печи хлеб ставили «бочком» в сельницу (сельница – плоская деревянная чаша для просеивания муки и замешивания теста), застланную полотенцем, и, когда он остывал, выносили в амбар или чулан. «За хлебом нужен уход. Чуть что-либо не впору: или растворить на холодной воде, или остудить, или поставить на горячее место – будет неудача, которую иногда перестряпывают, складывая разломанные ковриги в квашню, заливая водой и заквашивая; получается хороший, слегка красноватый хлеб» [4].

В неурожайные годы в хлеб добавляли молотую сарану, дикую гречиху («кандык»), а на Севере — рыбную муку и даже мох.

Кроме ржи яровой и озимой в Сибири с XVII в. выращивали и другие хлебные культуры: ячмень, овес, понемногу пшеницу и, в частности, ее древнюю разновидность – полбу, а также гречу и горох.

Успехи полеводства позволяли не только восстановить, но распространить и развить лучшие достижения народной кулинарии. Например, русские принесли в Сибирь большое разнообразие хлебных изделий. Из кислого теста, заведенного из любой имеющейся муки (ржаная, пшеничная, просяная, гречишная, овсяная, гороховая), пекли блины, являвшиеся излюбленным блюдом ямщиков и проезжающих на станах, блинами угощали и гостей. Их выпекали на специальных сдвоенных или строенных блинных сковородах и очень тонкими. Испеченные блины промазывали маслом, складывали один на другой высокой стопкой и снова ставили в печь для запекания. Вынув, разрезали ножом и ели, запивая молоком или квасом.

Часто пекли различные пироги, называвшиеся в зависимости от начинки репниками, морковниками, капустниками и пр. Основу пирога составлял тонкий раскатанный круглый пласт теста – сочень. Пироги с овощной начинкой делали закрытыми, придавая тесту форму лодочки, или сгибали сочень пополам и защипывали края («сгибень»). Пироги в Сибири пекли двух видов: из кислого теста, выпекавшиеся на поду у русской печи и называвшиеся подовыми, и жареные – «пряженые» на жире, из кислого или пресного теста. Обычно пироги начиняли различным мясом, овощами и ягодами, творогом, яйцами и пр. Особенной любовью пользовались пироги с черемухой, которую высушивали и толкли или мололи в муку.

Повсюду в Сибири были популярны шаньги, выпекавшиеся также русским населением в Приуралье и в северных губерниях России. Шаньги – круглые лепешки – делали из двух сортов теста: на сочень из пшеничного или ржаного теста, края которого загибали, клали начинку из ячневого теста. В Сибири начинки стали разнообразить, используя творог, овощи и др. Перед тем как ставить в печь, шаньги густо смазывали сметаной, отчего поверхность их после выпечки приобретала глянцевитый блеск.

Из хлебного жита делали распространенные у русских напитки – квас и пиво, реже – брагу. Житный квас готовили из ячменя или ржаного солода. Пиво делали из ячменя, овса, ржи и пшеницы с использованием хмеля и дрожжей.

В дни православного поста не употребляли мясную и молочную пищу (скоромная пища в Сибири называлась «молосная»).

Обычными блюдами постного стола являлись: кисели, картофель, капуста, рыба, мучное, похлебки и щи без мяса, каши (ячменная, просяная и гречневая), различным образом приготовленные овощи и другие кушанья, приготовленные на «семенном», т. е. растительном, масле. Масло отжимали большей частью из конопли, а также изо льна. Щи в Сибири варили преимущественно из ячменной крупы, соответственно традициям северорусской кулинарии. Похлебки готовили из гороха и овощей.

Обычным блюдом в пост была также и моченая брусника.

Многие блюда постного и скоромного стола ели, заливая их или запивая традиционным русским напитком – квасом. Хлебный квас повсюду сопутствовал русскому земледелию.

Сибиряки, имевшие по нескольку коров, могли собирать помногу молока и использовали его в различных видах. Летом обычно в пищу шло сырое, топленое и квашеное («толстое») молоко. В зимнее время его замораживали, иногда при этом его смешивали с сырыми яйцами. Поскоблив замороженное, ели слегка подтаявшую строганину, а по мере надобности молоко размораживали. В европейской части страны на Крещение готовили мороженые сырчики. В Сибири этот прием стали применять для долговременного хранения продукта. Творог смешивали со сметаной, раскладывали в чашки и выставляли на мороз, получающиеся пластины круглой формы называли также сырчиками. Их ели в мороженом виде или оттаивали, смешивали с яйцами и клали как начинку в ватрушки.

В XVIII в. к хлебным приравнивалась также овощная культура – горох, из которого делали муку, а из стручков и облущенных плодов готовили различные блюда типа каш. Из гороховой муки делали простые по кулинарии блюда, поэтому их часто ели на завтрак (гороховый кисель, заваруху, затирку, запеченное тесто, пресные блины).

Более других выращивали репу и капусту, которые были полевыми культурами, их запасали также в больших количествах на зиму. Репу употребляли в пищу в пирогах и пареную в печи, ели с квасом или суслом, морковь, свеклу, тыкву парили («паренки») и ели в пост с растительным маслом. Каждый вид овощей обычно готовили отдельно. Овощи с резким, острым вкусом – редька, лук, чеснок и хрен – хорошо сохранялись в течение зимы в свежем виде. Редьку, порезав ломтиками, ели сырую с маслом, сметаной, квасом. Хрен натирали и сушили, добавляя в щи и квас.

Картофель появился в Сибири только во второй половине XVIII в. На территории Прибайкалья он также распространяется в этот период. В 1767 г. Илимской воеводской канцелярией во все волости были разослалы указы о разведении картофеля [5]. Но новая овощная культура не была принята сибиряками. Уже в 1812 г. из Иркутского губернского правления в волости были отправлены «Правила о разведении земляных яблоков или картофеля», которые гласили: «Овощ сей, составляя здоровую и вкусную пищу, служит большим подспорьем хлебу, и потому разводим должен быть везде – а более там, где бывает недород хлеба» [6]. Только по прошествии определенного времени постепенно картофель занял важное место в рационе сибиряков.

Среди особенностей питания сибиряков единодушно назывались обилие мясных блюд и пристрастие к чаепитию.

Помимо кваса традиционными для Сибири были «ягодные водицы», настои на смородинном листе, травах, медовые напитки.

На всю зиму повсеместно запасали кедровый орех. Из кедрового ореха отжимали масло, но главное – орехи были неизменным угощением на вечерках и посиделках. Чисто сибирским, старинным напитком было «кедровое молочко», приготовленное из толченого кедрового ореха. Иркутянка Лидия Ивановна Тамм вспоминала, что в ее семье долгими зимними вечерами после ужина все собирались за обеденным столом, на котором стоял большой таз, а рядом лежал увесистый кулек кедровых орехов. Кто-то вслух читал книгу или газету, а остальные щелкали орехи и сбрасывали их в таз. Потом орехи прополаскивались, подсушивались, шелуха отвеивалась, а ядра прокаливались в печке до густо-желтого цвета. Орехи толкли в керамической ступе керамическим пестиком до состояния кашицы. Затем кашицу подогревали в кринке, но следили, чтобы она не закипела. В кринку наливали из чайника кипяток. Все это тщательно размешивалось, и вверх поднималось масло, его сливали в отдельную посуду. Эту операцию повторяли до тех пор, пока не появлялось «молочко». Молочко сливали в другую посуду и снова повторяли операцию, пока оно не переставало появляться. Молочко это

пили с чагой – березовым грибом. Оставшийся кедровый жмых скатывали в коврижку, получалась избоина. Ее ели как пастилу или клали в чай. Избоину держали в чулане, она могла храниться всю зиму, не портясь и не замерзая [7].

Кроме этого в Сибири широкое распространение имели также суррогаты чая: брусничник и «шипишной цвет» (шиповник). Они хорошо просушивались, складывались в горшок, заливались небольшим количеством обычного чая и «морились» часа три в печи. После этого их заваривали, подобно черному чаю, в чайниках и употребляли чаще всего дома.

С XVIII в. в Сибири появляется чай, ставший любимым напитком сибиряков. Крестьяне обычно пользовались наиболее дешевым сортом чая – кирпичным, вывозимым из Китая. Сибиряки «так привыкают к нему, что он делается для них необходимым. Многие женщины съедают даже листья чаю или выварки, которые называются «шара»… В Пост варят его с толчеными вместе со скорлупою кедровыми орехами и с толченым конопляным семенем вместо молока» [8].

А.П. Степанов, первый губернатор Енисейской губернии, писал: «Во всякой деревне можно отыскать самовары. Большая часть крестьян пьет чай через сахар (с прикуской)». А Н.М. Ядринцев отмечал, что «сибирский чай всегда сопровождается «прикусками», пирогами и прочим» [9].

В Восточной Сибири из чая варили очень питательные напитки, которые отражали влияние местных народов и были широко распространены среди всех слоев населения: «хурча» (с высушенными и толчеными зернами пшеницы), «пережар» (с мукой, обжаренной на рыбьем жире), «затуран» (с добавлением соли, молока и муки, поджаренной на каком-либо масле) – этот бурятский напиток был особенно любим русским населением [10].

Состав продуктов разнился по времени года: осенью и зимой было много мяса, весной и летом – зелени. Самое трудное время наступало весной. «У нас Микола (праздник св. Николая угодника – 22 мая. – Р. А.), – говорили крестьяне, – на столе голо». К страде хозяйки припасали более калорийные продукты, что называли «бабий копеж».

Когда ехали на работу в поле, то брали с собой сало, яйца, хлеб, вяленое мясо, квас, молоко, сметану. Иногда уже на месте варили незамысловатый суп и готовили чай. В дорогу обычно брали ржаной хлеб, калачи, тушеное или поджаренное мясо, сало и рыбу.

Таким образом, благодаря успехам в развитии полеводства в XVIII – начале XIX в. в Сибири была восстановлена традиционная основа русской народной кулинарии с привычным соотношением растительных и животных продуктов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990. С. 87.

2. Цит. по: Андюсев Б.Е. Мир старожилов Сибири [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://andjusev.narod.ru/b/ergo6.htm (дата обращения: 02.04.2015).

3. Ядринцев Н.М. Сибирское хлебосольство // Восточное обозрение. 1893. 9 мая.

4. Липинская В.А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1987. С. 39.

5. Шахеров В.П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск, 2000. С. 27–28.

6. ГАИО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 6: Правила о разведении земляных яблоков или картофеля. 1812 г.

7. Тамм Л.И. Записки иркутянки. Иркутск, 2001. Ч. I. С. 34–35.

8. С.П. Крашенинников в Сибири: Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966. С. 72.

9. Цит. по: Андюсев Б.Е. Указ соч.

10. Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. М.: Логос, 2001. С. 34.

ТОПОНИМИКА

Ю.П. Похабов

О ПАЛЕОАЗИАТСКОЙ ВЕРСИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГИДРОНИМА «БАЙКАЛ»

Озеро Байкал, равно как и тайна его имени привлекают внимание многих исследователей. Иркутский ученый С.А. Гурулёв вроде бы поставил точку в этом вопросе топонимики: название озера заимствовано бурятами из якутского языка в нарицательном значении «море» [1]. Однако, как ни странно, никто из исследователей не уделил должного внимания тому факту, что название оз. Байкал не является эксклюзивным. Цитируя якутского топонимиста Багдарыына Сюлбэ о существовании в Якутии немалого количества водоемов с названиями *Байгал, Байхал, Байагал,* которые русские картографы занесли на карту как *Байкал*, С.А. Гурулёв оставляет факт наличия Байкалов-двойников без комментариев [2].

Сколько в России Байкалов?

На территории России от Волги до Охотского моря существует около 30 географических объектов с названием *Байкал.* Это озера, реки, ручьи, урочища, горы, перевалы, населенные пункты и даже залив. Кроме упомянутых якутских озер к их числу относятся: два озера в Томской области и по одному озеру в Башкортостане и Нижегородской области; внутренний залив Сахалинского залива Охотского моря у северного берега острова Сахалин; ручей Байкал в Перми; пять перевалов в Забайкалье; поселки в Иркутской области и Приморском крае, а также деревня и село в Татарстане [3].

Наибольшее число географических объектов с названием *Байкал* в Красноярском крае. Здесь находится шесть озер, два урочища, речка, ручей, поселок и гора [4], в том числе:

«Таймырский автономный округ: **озеро** у пр. бер. р. Щучья ниже устья р. Купец, бас. р. Пясина, Дудинский р-он; **озеро** в 1 км от лев. бер. р. Мал. Таръяха в верховье, бас. р. Енисей, Усть-Енисейский р-он;

<…>

Эвенкийский автономный округ: **озеро** у пр. бер. р. Ниж. Тунгуска, ниже р. Ейка, Илимпийский р-он;

<…>

Туруханский район: **озеро** в 2 км от пр. бер. Моргуновская, бас. р. Енисей;

<…>

Енисейский район: **озеро** в 1 км от пр. бер. р. Кеть выше устья р. Норосовка; **озеро** на левобережье р. Енисей, в 2 км к зап. от пос. Байкал; **поселок** на лев. бер. р. Енисей выше дер. Южаково;

<…>

Пировский район: **ручей** л. п. р. Еловка (л. п. р. Белая) бас. р. Енисей; **урочище** на лев. бер. р. Еловка выше устья руч. Байкал;

<…>

Большемуртинский район: **урочище** к юго-вост. от п. Большая Мурта;

<…>

Березовский район: **речка** впад. в оз. у прав. бер. р. Енисей, территория ЗАТО (Закрытое административно-территориальное образование) Железногорск;

<…>

Партизанский район: **гора** на пр. бер. р. Рыбная ниже устья руч. Асафьев».

Объяснять такую распространенность топонима «Байкал» одним лишь «перепевом» названия знаменитого озера было бы наивно и нелогично, особенно когда речь заходит о речках и, тем более, о горах и перевалах. Наверняка есть логическая и смысловая связь в названиях-двойниках, даже если учитывать их возможные искажения из-за ассимиляции, адаптации и народной этимологизации первичных названий вследствие естественных языковых различий и особенностей народов, когда-либо живших рядом с Байкалами-двойниками. Более того, сама по себе такая распространенность названия требует внимания и объяснения, поскольку исключает простое совпадение. Рассмотрим это на примере названия речки Байкал в г. Железногорске, где я родился и прожил большую часть жизни.

Речка Байкал в Железногорске Красноярского края.

Речка Байкал протекает практически через центр г. Железногорска (в прошлом – это Красноярск-26) [5], основанного в 1950 г. и расположенного на правом берегу в 4 км от Енисея, в предгорьях Атамановского хребта – отрогах Енисейского кряжа, в 64 км от краевого центра – г. Красноярска [6].

Железногорский краевед С.П. Кучин приводит такие сведения о Байкале: «Ручей назван так, по-видимому, из-за холодной прозрачной воды. Начиная от истока на протяжении 10 км течет по горной ложбине, затем, по выходу из горной части, ручей на протяжении 3-х км течет по наклонной к Енисею равнине и теряется в болоте. Общая длина ручья 13 км. Площадь водосбора 16 кв. км. Отметка истока – 370 м, отметка горизонта воды у устья – 133 м. Общее падение ручья – 237 м. Средний уклон составляет 14,8 м/км. Ширина ручья 1–2 м. Глубина – 0,3–1,0 м. Средняя скорость 3–0,6 м/сек. Ручей Байкал в пределах города протекает по искусственному руслу. Раньше, до середины 50-х годов, он протекал по равнинной части, сильно извиваясь (меандрируя) из стороны в сторону во всю ширину улицы Андреева. Берега его были в зарослях черемухи, смородины, ивы и других кустарников. Сейчас он протекает по искусственному каналу, облицованному бутовым камнем. От улицы Школьной и ниже по течению он перекрыт, взят в трубу. Кроме этого, в зимний период, чтобы избежать наледей, грозящих разрушением мостов, его воды пропускают через специально проложенные в берегах трубы» [7].

В черте города речка Байкал течет по искусственному прямолинейному каналу U-образной формы длиной около 800 м и глубиной 4–5 м. До вхождения в канал значительную часть своей длины Байкал струится в ущелье по одному из «логов, прорезающих Атамановский кряж. Вверху нависают скалы, внизу русло речки с крутыми ярами, обрывами, с зарослями, сквозь которые пробраться очень трудно. На меандровых поворотах кое-где заводи, омутки, камни. Таким же диким было русло Байкала и там, где сейчас улица Андреева» [8].

Никаких причин связывать название речки Байкал с якутским языком, а тем более с морем не существует. В окрестностях города протекает множество других речек: Кантат, Калантат, Сайлык, Тартат, Толгут, Тель, Итат и др. Нет сомнений, что эти названия имеют древние корни, поскольку встречаются в разных местах Красноярского края, иногда в разнообразных вариантах своего современного произношения, например Сайлык, Сайлыгхем, Сайылык, Сайэлык.

Известная в Железногорске журналистка Н.Е. Алтунина пишет: «Байкал – по свидетельству старожилов и первопроходцев – на территории города находился изна-

чально. В системе малых речек он к моменту застройки города уже имел свое название. Разбираться, почему звучало имя так, а не иначе, было недосуг, а потом и вовсе к нему привыкли. Лишь посмеивались над изумлением новичков да шутили над командированными: «У нас тут до Байкала рукой подать – хочешь порыбачить?»» [9].

Экскурс в историю местности, где протекает речка Байкал в Железногорске.

Железногорск расположен в местности, которая в начале XVII в. была известна русским как Тюлькина землица по имени ее владельца князца Тюльки. На севере граница Тюлькиной землицы лежала против устья Ангары, на юге – по вершинам рек Большой Кемчуг и Бирюса, на западе – по р. Большой Кемчуг, на востоке – в 20–30 км почти параллельно Енисею. После строительства Красноярского острога в 1628 г. название *Тюлькина земля* исчезло из русских документов и появились названия *Аринская подгородная земля* и *Качинская подгородная земля*, указывающие на конкретные этнические группы кочевавших там племен, соответственно, аринов и татар. Аринская подгородная земля постиралась от речки Качи по левобережью Енисея и речки Есауловки по правобережью Енисея до Казачинского порога. На западе и востоке границы Аринской подгородной земли совпадали с границами Тюлькиной земли. Соседями аринов на севере были родственные самодийские племена весловцев, на юге по Каче – качинские татары, по Есауловке родственные племена ястинцев, на западе – чулымские татары – кызылы.

Впервые русские, тогда еще кетские служилые люди, предприняли попытки собирать ясак в Тюлькиной земле в 1607 г. В дальнейшем кетские, а затем енисейские казаки собирали в Тюлькиной земле ясак в 1609–1610, 1619–1620 гг. Имеются сведения о существовании казачьего зимовья в устье р. Тель в 1620 г. [10], где впоследствии возникла д. Быковская. В начале 1620-х гг. в устье Качи, на месте будущего Красноярского острога, у русских уже имелось укрепленное зимовье, в котором в 1624 г. останавливался Андрей Дубенской, отправленный за ясаком в Тюлькину землю и с заданием отыскать место для будущего острога [11]. Позже в Аринской подгородной земле, в окрестностях будущего Железногорска, начали появляться первые русские деревни [12]: Кольцово (Ясаулово) (1637), Куваршино (1640), Частоостровское (1644), Шивера (1650), Барабаново (1650), Атаманово (1650), Айканова (1660), Додоново (1680). Все указанные деревни находились на расстоянии от 43 до 93 верст от Красноярска вниз по Енисею, сам Железногорск соответствует примерно положению д. Додоново в 67 верстах от Красноярска, а устье Байкала находится на расстоянии 73 верст от Красноярска.

Обращает на себя внимание одна из записей в переписной книге Красноярска и Красноярского уезда за 1671 г.: «Десятник Иван Ефремов сын Байкал живет в селе Ясаулове» [13]. Село Ясаулово – это бывшая деревня Кольцово, основанная в 1637 г. атаманом Милославом Кольцовым на правой стороне Енисея в устье речки Есауловки. До 1680 г. на правой стороне Енисея вниз по течению от д. Кольцова до устья Теля русских деревень не было, поэтому не исключено, что десятник Иван Ефремов имел прямое отношение к речке Байкал, расположенной примерно в 30 км от села, например «отец Ивана мог быть остяком и жить на речке Байкал» [14].

Таким образом, окрестности Железногорска на расстоянии 30 км от города выше по течению Енисея и до устья Ангары находятся на территории, по которой издревле кочевали кетоязычные племена аринов [15]. С аринами русские люди находились в дружеских отношениях и с первой половины XVII в. уже начали обживаться на территории их кочевий. Исходя из этого, русские первожители имели возможность собрать обширные сведения о данной местности и сохранить аборигенные гидронимы, как они поступали тогда более чем в 80 % случаев [16].

Известно, что кочевые племена аринов были далеко не первыми обитателями окрестностей Железногорска. Археологические раскопки, которые проводились на

территории ЗАТО Железногорск, свидетельствуют о наличии здесь многочисленных стоянок древнего человека 20, 4 и 2,5 тыс. лет назад [17].

Что общего у красноярских Байкалов?

Первое что бросается в глаза – это то, что 8 из 12 географических объектов Красноярского края, именуемых Байкал, являются гидронимами. Известно, что именно в гидронимах, а также в названиях горных цепей, перевалов и других крупных географических объектов в первую очередь сохраняется древний языковой субстрат – остатки языка народов, живших исконно на территориях, подвергшихся впоследствии освоению другими народами и племенами [18]. «Сибирские аборигены жили по берегам многочисленных таежных речек и крупных озер. Кочуя по огромной территории или живя оседло, они прекрасно ориентировались на местности. Особенно хорошо эти народы знали названия рек, так как реки были единственным путем для передвижения в этом таежном крае. Вот почему названия рек передавались от народа к народу» [19].

Следующее важное наблюдение – это то, что все восемь гидронимов «Байкал» расположены в широтном диапазоне между Крайним Севером и г. Железногорском Красноярского края, где к приходу русских обитали следующие народы:

Таймырский автономный округ [20] – долганы, якуты, ненцы, энцы, нганасаны и эвенки;

Эвенкийский автономный округ [21] – эвенки и якуты;

Туруханский район [22] – кеты, селькупы, эвенки;

Енисейский, Пировский и Березовские районы – кетоязычные племена кетов, котов, асанов, аринов, яринцев, бокатинцев и т. д. [23].

Кетский язык входит в енисейскую языковую семью, в которую, наряду с кетским, включаются языки зафиксированных в XVIII в. в верховьях р. Енисей, а ныне ассимилированных аринов, асанов, котов и некоторых других народов [24].

Ненцы, энцы, нганасаны и селькупы относятся к самодийцам, их языки относятся к самодийской языковой группе [25].

Эвенкийский язык относится к тунгусо-маньчжурской языковой группе [26].

Долганский язык относится к тюркской языковой группе и считается диалектом якутского языка [27].

Наиболее древними из известных племен Красноярского края были угроязычные европеоидные динлины – носители Тагарской культуры, относящейся к периоду VII–II вв. до н. э. [28].

Пожалуй, самое важное наблюдение – все гидронимы «Байкал» в Красноярском крае находятся в местностях, где никогда не проживали тюркоязычные племена.

И наконец, главное – хорошо видно, что языки всех групп населения Красноярского края, где распространены гидронимы «Байкал», так или иначе связаны с палеоазиатскими языками, к которым принадлежат енисейские, чукотско-камчатские и юкагирские языки. В свою очередь, юкагирские языки принадлежат к уральско-юкагирской языковой семье, в которую входят самодийские и финно-угорские языки, а также имеют параллели с тунгусо-маньчжурским языками. Якутский язык хоть и относится к тюркской группе, но резко отличается от остальных языков этой группы наличием лексики, возможно, палеоазиатского языка.

Что общего у красноярских и иркутских Байкалов?

С.А. Гурулёв, рассматривая версию динлино-кетского варианта происхождения названия оз. Байкал, сделал следующий вывод: «Серьезным препятствием в данном варианте (причастности кетоязычных племен к названию озера. – *Ю. П.*) выступают два обстоятельства: отсутствие исторических доказательств и слабость языковой основы. И все же вариант имеет перспективу, поскольку кетские (енисейские) языки остаются недостаточно изученными. И если появятся обоснования связи названия Байкал с ке-

тоязычными основами, то это, скорее всего, подведет как бы недостающее звено под… якутский вариант и значительно раздвинет временные границы существования названия Байкал, так как кеты и тем более динлины, несомненно, проживали вокруг Байкала ранее тюрок и монголов. И при этом не исключено, что якутское слово **байагъал** с нарицательным значением окажется заимствованием из древних языков» [29].

Оказывается, красноярские и иркутские Байкалы связывают племена, кочевавшие в среднем течении Енисея и вблизи оз. Байкал задолго до прихода тюркоязычного населения.

Что общего у топонимов, начинающихся со слога «бай»?

Этноним с корнем «бай~бая» имеется у большинства тунгусо-маньчжурских народностей, а также у бурят, монголов, якутов, казахов, енисейских палеоазиатов, кетов и у некоторых самоедских племен (энцы). По предположению Г.М. Василевич, эвенкийский этноним «баикшин~баишин» распространялся из района Прибайкалья на запад, северо-восток и восток. При этом группы бай могли выйти на восток от территории Оби до Байкала и войти в состав других племен [30].

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что на территории Красноярского края практически все топонимы, начинающиеся со слога «бай», являются гидронимами [31]. Это озера: Бай-Кюэль, Байгабет, Байкал, Байкат, Байкатурку, Байкунаку, Байкуратурку, Байтукина (интересно, что «кюэль» по-якутски и «турку» по-нганасански обозначают озеро); реки: Байкал, Байкан, Байкит, Байкура; заливы: Байкуранеру, Байкуратурку.

За пределами Красноярского края мне удалось обнаружить и идентифицировать следующие географические объекты, начинающиеся с «бай»: гора Байтаг в Забайкалье; Байда – местность на берегу оз. Байкал; перевалы: Ак-байтал на Восточном Памире, Байри в Прибайкалье, Байконур в Забайкалье; реки: Байгыр, Байсик, Байга в Забайкалье, Байдук в Коми, Байдашка в Челябинской области, Байта в Карелии.

Внешне оронимы (наименования гор, перевалов), начинающиеся с «бай», выбиваются из перечня гидронимов, но имеют одну общую характерную особенность, связанную с водой, например, гора Байтаг находится в верховьях р. Куды, в местности Байда в пещерах находятся запасы целебной воды (аршан), абсолютно все перевалы являются гребнями, разделяющими долины рек.

Это дает повод задуматься, что «бай» в начале топонимов может указывать на отношение географического объекта к наличию воды. Это несколько необычный взгляд на происхождение топонимов, поскольку слог «бай» в топонимах традиционно относят к тюркскому языку и переводят как «богатый». В случае же с красноярскими гидронимами, начинающимися со слога «бай», их связь с тюркскими корнями, очевидно, несостоятельна.

В то же время известно, что слог «ба» в русском произношении и написании самодийскоязычных речных названий происходит от камасинского «бу» и маторского «бы», что означает «вода», «река», и присутствует в названиях рек Буйба, Ерба, Колба, Шуба, Башеба, Чиримба, Кирба, Туба, Ирба и др. М.Н. Мельхеев заострял внимание на том, что в тувинских названиях Бий-Хем и Каа-Хем, не объяснимых по-тувински, элементы «Бий» и «Каа» происходят от самодийских формантов: «би», «ка», «ке», означающих «река». Также хорошо известно, что воду обозначает характерный угорский гидронимический элемент «ва» [32]. Подобную же закономерность отмечал А.Х. Востоков, выделив форманты «ва» и «ба» в названиях рек Сылва, Колва, Нева, Эльба, Лаба и т. д. [33].

Самодийцы населяли огромную территорию Восточной Сибири. Интересно, что многие гидронимы Красноярского края, начинающиеся со слога «бай», принад-

лежат именно к ареалам проживания самодийцев: северной территориальной группы – это ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, и южной территориальной группы, ныне исчезнувших саянских самодийцев (камасинцы, койбалы, маторы, тайгийцы, карагасы и сойоты) [34]. Обе территориальные группы самодийцев были разделены кетским этническим массивом.

Таким образом, заманчиво предположить, что именно самодийцы донесли до нас субстрат палеоазиатских языков в виде слогов «бай» и «ба», которые обозначали воду. Но какую? Это зависит от того, где эти слоги размещались в слове. Вода в своем качестве может быть какой угодно: спокойно текущей, бурлящей, стоячей, рекой, озером, морем, заливом, грязной, чистой, пресной, соленой, теплой, холодной и пр. Исходя из этой логики, например, «вода-озеро» (Бай-Кюэль) или «вода-река» (Бий-Хем) уже не кажется тавтологией.

Второй слог «кал» в слове «Байкал».

По наблюдениям многих ученых, занимающихся топонимикой, в географических названиях Европы, России, Азии присутствуют части – слоги, форманты по А.Х. Востокову, или языковые кварки по В.А. Аференко [35], которые повторяются в разных языках с незначительными фонетическими различиями и обладают одной и той же семантикой. Такие слоги «обнаруживаются не только во многих индоевропейских языках, но и в языках других семей – картвельских, уральских, семито-хамитских, тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, дравидийских. Следовательно, древность данных слогов бесспорна и ведет нас к гипотезе о существовании единого протоязыка, остатками которого и являются такие слоги. Протоязыка, распространенного в свое время не только на территории Евразии, но и на других континентах. Время его существования приблизительно 40 000 лет назад. Остатки этого реликтового языка сохранились в названиях природных объектов, особенно крупных – гор, рек и озер» [36]. Представление о количестве и значении таких слогов сегодня постоянно расширяется [37].

Вполне допустимо полагать, что качество воде в гидрониме «Байкал» придает второй слог «кал».

По версии Е.А. Мироновой, слог «кал» обозначает груды породы, земли, которые будучи вынутыми на поверхность, образуют холм, насыпь [38]. Именно в таком значении слог «кал» употребляется при наименовании объектов, расположенных либо на возвышенностях, либо точно на границе возвышенности или нагорья с низиной, либо высоко в горах: горы Кала, Калабосо, города Акала Саркал, Калангала, Калараш и многие другие. Наконец – это просто скала.

Казалось бы, что тут общего может быть с наименованием оз. Байкал? Однако обратимся к бурятской легенде, согласно которой на месте Байкал-моря раньше была земля, а затем «земля провалилась и стало море» [39]. Это очень похоже на процесс горообразования, вследствие чего сегодня «Байкал окружен почти со всех сторон высокими горами», что «отражается на глубине и крутосклонности вместилища байкальских вод» [40].

Так что же такое Байкал?

Предположим, что «бай» обозначает воду, а «кал» – породу, поднятую из земли на поверхность, образующую холм, например в результате горообразования. Вместе – это не что иное, как вода на месте вынутого из земли грунта с холмистыми берегами (в окружении холмов, скал). А вода, как мы помним, может быть в разном качестве: лужа, река, озеро, море и пр. В нашем случае лужа и море не могут быть Байкалом, не может быть Байкалом и равнинная река в глубоком овраге, а вот горная река в глубоком скальном каньоне или озеро с крутыми скалистыми берегами – вполне.

Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что в названии знаменитого озера и речки в Железногорске присутствуют общие признаки – это «вода на месте вынутого из земли грунта с холмистыми (крутыми, скалистыми) берегами».

Очевидно, рано ставить точку...

Разумеется, все сказанное является первой попыткой взглянуть на проблему появления названия оз. Байкал с точки зрения распространенности самого гидронима. Необходимо сравнивать особенности рельефов местности в расположении других Байкалов, изучать народы, жившие там в древности, и находить их общие языковые закономерности.

Также мне представляется несправедливым, что в многочисленных версиях происхождения названия оз. Байкал С.А. Гурулёвым не рассматривалась версия палеоазиатского происхождения.

Исходя из этого, очевидно, рано ставить точку в разгадывании тайны названия Байкала…

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гурулёв С.А. Что в имени твоем, Байкал? Иркутск: Оттиск, 2010. С. 75.

2. Там же. С. 10.

3. Озеро – «тезка» Байкала и где находится [Электронная версия] // Политический форум о политических событиях в России, Украине, бывших странах СССР. Режим доступа: http://politikforum.ru/archive/index.php/t-6468.html (дата обращения: 26.08.2011); Хребты [Электронная версия] // Природа Байкала: сайт. Режим доступа: http://nature.baikal.ru/ (дата обращения: 05.10.2013); Байкал (значения) [Электронная версия] // Википедия: свободная энциклопедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/ (дата обращения: 28.08.2011); Ручей Байкал [Электронная версия] // Святой источник: сайт. Режим доступа: http://svyato.info/permskijj-krajj/perm/1436-ruchejj-bajjkal.html (дата обращения: 05.10.2013); Байкал // Большая Советская энциклопедия / гл. ред.: А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Сов. Энциклопедия, 1970. Т. 2. С. 532.

4. Заступенко Н.А. Полный словарь названий географических объектов Красноярского края: в 2 т. Красноярск: Поликом, 2006. Т. 1. С. 59.

5. Железногорск (Красноярский край) [Электронная версия] // Википедия: свободная энциклопедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/ (дата обращения: 31.08.2011).

6. Кучин С.П. ЗАТО Железногорск (Закрытое административно-территориальное образование). Природа. Железногорск: Полиграфист, 1998. С. 8.

7. Там же. С. 45.

8. Аференко В.А. Атомград и его окрестности от А до Я. Железногорск: Диамант, 2007. С. 34.

9. Алтунина Н.Е. Легенды Байкала // Город и горожане. 2000. 20 июля. № 27. С. 5.

10. Аференко В.А. От казачьих форпостов до Атомграда. Железногорск. 2000. С. 192.

11. Безъязыков Л.В. Красноярск изначальный. Красноярск: Кн. изд-во, 1978. С. 13–16, 60–61.

12. Аференко В.А. Вековые корни: Книга краеведа. Железногорск: Полиграфист, 1997. С. 40–41.

13. Цит. по: Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 220.

14. Аференко В.А. От казачьих форпостов… С. 35–36.

15. Западная Сибирь в 13–16 веках [Электронная версия] // PROTOWN.RU: Федеральный сайт. Режим доступа: http://protown.ru/information/hide/6539.html (дата обращения: 05.10.2013).

16. Корытный Л.М. Реки Красноярского края. Красноярск: Кн. изд-во, 1991. С. 21.

17. Кучин С.П. Указ. соч. С. 63–64.

18. Миронова Е.А. Универсальность семантики слогов протоязыка [Электронная версия] // Organizmica: журнал, посвященный фундаментальной науке – «Организмике». Режим доступа: http://www.organizmica.org/archive/507/ussp.shtml (дата обращения: 05.10.2013).

19. Воробьева И.А. Загадки названия рек [Электронная версия] // Перуница: русский языческий сайт. Режим доступа: http://www.perunica.ru/istoria/570-zagadki-nazvanij-rek.html (дата обращения: 05.10.2013).

20. Таймырский автономный округ [Электронная версия] // Википедия: свободная энциклопедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/ (дата обращения: 31.08.2011).

21. Эвенкийский автономный округ [Электронная версия] // Википедия: свободная энциклопедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/ (дата обращения: 31.08.2011).

22. Туруханский район [Электронная версия] // Википедия: свободная энциклопедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/ (дата обращения: 31.08.2011).

23. Селезнев Е.С., Селезнева Т.А. На земле древних кетов [Электронная версия] // Тайшет: сайт. Режим доступа: http://taishet.ru/history/sel1.html (дата обращения: 05.10.2013).

24. Шеломова Т. Кеты [Электронная версия] // Этноэнциклопедия: сайт. Режим доступа: http://www.etnosy.ru/node/236 (дата обращения: 05.10.2013).

25. Терещенко Н.М. Самодийские языки. Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 320–325.

26. Эвенки [Электронная версия] // Википедия: свободная энциклопедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/ (дата обращения: 31.08.2011).

27. Долганы [Электронная версия] // Википедия: свободная энциклопедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/ (дата обращения: 31.08.2011).

28. Мельхеев М.Н. Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. С. 17.

29. Гурулёв С.А. Указ. соч. С. 55.

30. Ушницкий В.В. Тунгусские роды Якутии XVII в.: вопросы происхождения и этнической принадлежности [Электронная версия] // Институт проблем освоения Севера: сайт. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a9/124-129-ush.pdf (дата обращения: 31.08.2011).

31. Заступенко Н.А. Указ. соч. С. 59–60.

32. Мельхеев М.Н. Указ. соч. С. 17, 19.

33. Миронова Е.А. Указ. соч.

34. Самодийцы [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/ (дата обращения: 26.08.2011).

35. Аференко В.А. Красноярская старина от А до Я: (архивные этюды). Железногорск: ООО «Диамант», 2008. С. 3–4.

36. Миронова Е.А. Указ. соч.

37. Тюняев А.А., Чудинов В.А., Миронова Е.А. Праязык: Опыт реконструкции [Электронный ресурс] // Organizmica: журнал, посвященный фундаментальной науке – «Организмике». Режим доступа: http://www.organizmica.ru/archive/605/ta1.shtml (дата обращения: 05.10.2013).

38. Миронова Е.А. Указ. соч.

39. Гурулёв С.А. Указ. соч. С. 38–39.

40. Там же. С. 4–5.

К МУЗЕЙНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

В.В. Тихонов

БОДАЙБИНСКАЯ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЗОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В последние годы в социальном обществе формируется понимание того, что сохраненное историко-культурное наследие постепенно становится основой создаваемой в странах, в наш глобализационный век, когда из жизни исчезает традиционная культура, системы культурной безопасности этносов и этнических групп, традиционная культура которых в принципе является краеугольным камнем государственности стран.

Во всем мире в музеологической практике одной из основных форм объективного сохранения историко-культурной среды, сфокусированного историко-культурного пространства признаются этнографические музейные комплексы под открытым небом.

Скансенологическая практика создания этнографических музеев под открытым небом к настоящему времени насчитывает более ста лет. Она прошла путь от музеефикации отдельных объектов под открытым небом до реконструкции, насколько это возможно полноценно, фрагментов историко-культурной среды. Долгие годы скансенологическая практика была представлена коллекционными этнографическими музейными комплексами под открытым небом транслоцированного типа, когда уникальные памятники истории и архитектуры свозились в одно место и становились в экспозиционном пространстве в эффектный видовой ряд, совершенно оторванный от исторической среды. Только в 80-е гг. XX в. стали рассматриваться варианты построения экспозиционного пространства в виде фрагментарной реконструкции исторической среды, которое происходило на основе вначале укрупненного, а затем и полноценного историко-культурного зонирования музеефицируемой территории. Историко-культурное зонирование осуществлялось исходя из этно-географо-экономико-хозяйственной оценки дошедшего до нашего времени историко-культурного потенциала музеефицируемой территории, с главной задачей – выделить этномаркирующие элементы, отличающие этносы и этнические группы, а порой в зависимости от условия проживания и особенностей экономико-хозяйственной деятельности той или иной группы населения внутри одного этноса. Именно эти специфические (этномаркирующие) элементы позволяют объективно характеризовать этническую культуру этносов и этнических групп в формируемом в этнографических музеях под открытым небом экспозиционном пространстве.

Историко-культурное зонирование территории является наиболее ответственным этапом при создании этнографического музейного комплекса под открытым небом транслоцированного и реконструкционного типов. Установлено, что географическая среда, этнические особенности, экономико-хозяйственная деятельность, исторические особенности территории и многое другое формируют историко-культурную сре-

ду и определяют экспозиционную структуру музейного комплекса, особенности экспозиций, характер наполняемости экспозиций памятниками деревянного зодчества, объем присутствия в экспозициях типичного и уникального деревянного зодчества с его историей и особенностями архитектуры, хотя и фрагментарно, но тем не менее по возможности максимально характеризуют ретроспективно-историческую среду музеефицируемой территории.

Историко-культурное зонирование проводится с целью музеефикации в определенных хронологических рамках историко-культурного потенциала музеефицируемой территории с выявлением специфических отличий, обусловленных этническим составом населения, условиями природной среды, историческими обстоятельствами, экономико-хозяйственным укладом, особенностями деревянного зодчества региона, характером планировки поселений и усадеб, их традиционным размещением в ландшафте.

Музеефикация историко-культурной среды определенной территории возможна посредством как музеефицирования отдельных элементов исторической среды и объектов на их историческом месте, так и переноса объектов и фрагментов исторической среды на новое место.

В целях формирования экспозиционного пространства регионального этнографического музейного комплекса «Тальцы», отражающего историко-культурный потенциал Иркутской области, в 80-е гг. XX в. и в начале XIX в. было проведено историко-культурное зонирование всей территории региона, на основе которого автором выделено десять историко-культурных зон. Одной из них стала Бодайбинская золотопромышленная. Спецификой этой зоны, определявшей формирование ее историко-культурного потенциала, была добыча золота на суровых, значительно удаленных от основных коммуникаций, горно-таежных северных территориях Иркутской области.

Начало золотодобычи в России было положено в 1718 г., когда мастер первой в России золотопробирной лаборатории г. Санкт-Петербурга Иван Макеев из золотой породы, полученной на Нерчинском серебряном руднике, выплавил золото. Низкое содержание золота в породе не привело к масштабной золотой лихорадке.

В результате открытия еще ряда месторождений, в том числе и в Сибири, Россия к концу 1830 г. вышла на первое место в мире по добыче золота, уступив только США в 1847 г.

В 1841–1850 гг. Россия добывала 40 % мирового золота. Так, уже в 1823 г. только на Урале добывалось по 100 пудов россыпного и 16 пудов рудного золота. Практически до середины XX в. основной объем добытого в России (СССР) золота приходился на россыпные месторождения. С 1826 г. впервые государство разрешает свободный поиск золота в Сибири. В результате поиска в Предбайкалье при поддержке генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинского на берегах Ангары недалеко от Иркутска были найдены первые признаки золота. Небольшое содержание золота в россыпях не позволило добывать его промышленным способом. Поддерживая поисковиков золота, правительство назначило даже ассигнования на пять лет в объеме 1 500 руб. на разведку золотоносных россыпей на оз. Байкал и в Нерчинском округе. Результатом поддержки поисковых отрядов явилось открытие золотоносных россыпей по рекам Иркут, Китой и на Байкале в 1835 г. А уже в 1836 г. началась разработка золотоносных россыпей на р. Бирюсе, открытых золотопромышленником Г.Ф. Машаровым. Для упорядочения добычи золота в 1818 г. было издано «Особое положение о частных золотых промыслах в Сибири», несколько ограничивающее свободный поиск и разработку месторождений золота. До середины XIX в. основными золотодобывающими районами в Иркутской губернии были притоки Ангары Уда и Бирюса, а также реки, впадающие в Байкал. Россыпное золото на территории Ленского золотоносного района впервые было найдено летом 1846 г. в верховьях р. Хомолхо в мелкозалегающей россыпи одновременно двумя поисковыми партиями. Первая принадлежала

иркутскому 1-й гильдии купцу Константину Петровичу Трапезникову, вторая – действительному статскому советнику Косьме Григорьевичу Репинскому. Однако считается, что действительными первооткрывателями были их доверенные лица, начальники поисковых партий – олёкминский крестьянин Петр Корнилов (у К.П. Трапезникова) и тобольский мещанин Николай Окуловский (у К.Г. Репинского). Оба они затем участвовали в межевании первых приисков. Заявки на первые два прииска были зарегистрированы в Олёкминском полицейском управлении 7 сентября 1846 г. 19 сентября 1846 г. (по новому стилю) считается официальной датой открытия россыпного золота в Ленском золотопромышленном районе. Поиски были застолблены на «государственных пустопорожних землях», находившихся в пользовании «кочевых тунгусов Жуюганского рода». Староста этого рода Афанасий Якомин получил за каждый прииск по 25 руб. серебром, так как официально уступил эти земли золотопромышленникам. В 1846–1848 гг. продолжалось разведывание приисков, а после того как были выявлены границы россыпей, 1 июня и 2 июля 1848 г. отводчик площадей, горный инженер, подполковник Николай Николаевич Таскин официально установил границы приисков и составил межевые планы. По докладу Н.Н. Таскина и его межевым планам были утверждены первые прииски: 14 декабря 1849 г. Спасский (К.Г. Репинскому), 20 декабря 1849 г. Вознесенский (К.П. Трапезникову). Утверждение приисков произвел исполнявший обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенант Н.Н. Муравьёв.

С 1852 по 1898 г. территориально район входил в состав Якутской области (образованной в 1805 г.), которая, в свою очередь, входила в состав Иркутской губернии. В горно-административном отношении район входил в состав Олёкминского горного округа, который занимал громадную площадь, простираясь до Ледовитого океана. Именно поэтому первые прииски были зарегистрированы в Олёкминском полицейском управлении, где находился отводчик площадей под прииски. В первые годы поиски золота велись только в бассейне р. Хомолхо, уже затем последовали открытия по другим речкам и бассейнам. Открытие золота по р. Хомолхо привлекло в район сибирских купцов. В 1852 г. поисковой партией купца А.М. Мыльникова была открыта россыпь по р. Большая Валюкта (прииски Воскресенский, Михайловский). Партией почетного гражданина И. Соловьева была обследована значительная часть Олёкминской системы, доказана золотоносность р. Бульбухты (прииск «Золотые утесы»). Занимался Соловьев и добычей золота. В 1853 г. были открыты россыпи в системах речек Малый Патом (прииск Рождественский), Барчик (прииск Благовещенский), Большой Бологонак (прииски «Золотой Яр», «Золотое устье»). Поисковые партии разбрелись по северо-западной и северо-восточной части района, получившей название Северной Тайги.

В системах речек Хайверги и Тоноды действовали поисковые партии М. Сибирякова, И. Трапезникова, И. Базанова, П. Катышевцева. В 1854 г. на имя М. Сибирякова был заявлен прииск Петро-Павловский по р. Желтухе, по р. Кевахте прииск Павловский – на имя П. Катышевцева. В 1857 г. И. Соловьёвым найдено золото по р. Баракун, затем по Таймендре и Нынундре. В 1858 г. партией купца Маркова было найдено золото в верховье р. Молво, партией П. Катышевцева по р. Багажикте (Божуихте), притоку р. Хомолхо. В этом же году найдено золото по р. Кигелан.

Таким образом, итогами первого десятилетия было открытие Северной Тайги с мелкозалегающими россыпями, с незначительной мощностью торфов, без большого притока воды, иногда в мерзлоте. Такие россыпи допускали открытые работы. И.Ф. Садовников в своем «Систематическом указателе к карте золотопромышленного района Олёкминского горного округа» период до 1854 г. называет поисковым периодом. Он характеризовался чередой открытий, следовавших одно за другим с лихорадочной быстротой. О тщательной разработке россыпей тогда не шло и речи, так как изначальной целью золотопромышленников было захватить больше золотоносных площадей с воз-

можно лучшим драгоценным металлом. 1855 г. И.Ф. Садовников считает началом уже эксплуатационного периода. Район был обследован, и теперь необходимо было вернуть затраченные средства. Судьба благоприятствовала первым открывателям, и прилив капиталов в золотопромышленное дело увеличивался. Но золотопромышленники, платя большие проценты за затраченные капиталы, старались возможно быстрее вернуть их и с этой целью стали прибегать к хищнической разработке россыпей, отрабатывая обогащенные участки и оставляя пески с более бедным содержанием золота. Надежда на лучшее будущее, лучшие, еще более богатые открытия не оставляла их.

В этот период Тайга обогатилась проложенными первыми золотопромышленниками дорогами и тропами. Весь подвоз продуктов, припасов, товаров шел из Иркутска по р. Лене до Мачи, а уже далее на прииски. Таким образом, Мача стала складом сплавляемых товаров. Необходимость заставила первых золотопромышленников возводить на Мачe различного рода постройки, амбары, иметь постоянных резидентов. Здесь же производились полные расчеты с рабочими по окончании операции. Местностью владели нохтуйские крестьяне; промышленники сначала арендовали у них землю, а позднее, с целью наибольшей прочности владения ею, занимать участки под прииски. Зимой работы на приисках сокращались, хозяева приисков, их доверенные, часть служащих переезжали опять-таки на Мачу. Вскоре здесь образовалось целое селение. Оно имело церковь, в нем находилась канцелярия горного исправника, жил врач.

Необходимость летних сообщений с приисками вынудила проложить дороги. К этому времени относится прокладка прямого Мачинского тракта от Мачи до хомолхинских приисков протяженностью 300 верст. Уже от этого тракта расходились дороги на прииски из Олёкминска и Вилюйска. Вдоль дорог были построены зимовья, где содержались лошади, останавливались проезжающие. Стоит отметить, что дороги того времени строились достаточно капитально – рубились широкие просеки, выравнивалось полотно дороги, засыпались гати, целыми верстами делался настил из бревен.

Совершенно новая эра в истории района характеризовалась открытием систем рек с глубоко залегающими россыпями, но зато с более мощными и богатыми по содержанию пластами. Их добыча требовала трудоемких подземных работ и, как следствие, больших затрат капиталов. Это дало толчок быстрому развитию крупных капиталистических предприятий. В бассейн р. Вачи направляются поисковые партии купцов Трапезникова, Баснина, Катышевцева, Сибирякова, Рухлова, Ширяева, Голубева. В 1860 г. открыта система р. Ныгри, в 1861 г. поданы первые заявки по рекам Ныгри и Угахан. В это время в системе р. Ныгри, как и в других системах, было сделано много заявок, оформленных на сыновей, жен, дочерей или других подставных лиц. Это был обход закона, существовавшего до 1903 г., который запрещал одному лицу занимать под разведку и отмежевать два прииска на расстоянии ближе пяти верст. Первая заявка по р. Ныгри была зарегистрирована 8 августа 1861 г. на имя А.К. Трапезникова. Река Ныгри является одним из главных притоков р. Вачи, которая впадает в р. Жую. Длина р. Ныгри 36 км, а главнейшие притоки – р. Безымянка и ключи Верный, Сухой Лог, Зоринский. С 1863 по 1899 г. из россыпей системы р. Ныгри добыто 3 713 пудов золота. По р. Угахан первая заявка на прииск Константиновский была зарегистрирована 20 сентября 1861 г. на имя первооткрывателя ленских россыпей К.П. Трапезникова. В 1865 г. были заявлены отводы по р. Атыркан-Берикан на имя купцов Белоголового и П. Катышевцева. Позднее были открыты россыпи по рекам Нундрамич и Кадаликан.

Новая эпоха в развитии района началась летом 1863 г., когда одна из поисковых партий иркутского купца М.А. Сибирякова обнаружила золото в бассейне р. Бодайбо по р. Накатами в мелкозалегающей (пропластковой) россыпи. На его же имя 27 июля 1863 г. был заявлен и первый отвод, названный Благовещенским. Одновременно был заявлен на имя М.А. Сибирякова отвод Стефано-Афанасьевский на территории

будущего города под будущую резиденцию. В 1872 г. была образована «Бодайбинская компания», которая проводила горные работы в нижнем и среднем течении р. Бодайбо. Новооткрытая Бодайбинская система, получившая название Ближней Тайги, сразу стала центром крупных работ. Здесь была создана сеть новых дорог, появилась своя пристань на р. Витим, при устье р. Бодайбо, а позднее и железная дорога. Система Ныгри, **Угахана,** Атыркан-Берикана стала называться Центральной Тайгой (сейчас Средней). В ней сосредоточились работы крупных компаний, основанных на подземных и открытых добычных работах. Часть Олёкминской системы, которую первоначально называли Северной Тайгой, **стали** называть Дальней Тайгой. В ней долгое время работы проводились мелкими золотопромышленниками. Подвоз продуктов и товаров для Ближней и Центральной Тайги стал осуществляться от бодайбинской пристани.

В системе р. Энгажимо, правого притока р. Витим, первые заявки на отводы стали подаваться с 1870 г., разработка россыпей началась с 1891 г. и велась до 1907 г., а с перерывами ведется по настоящее время. В системе р. Тахтыги, правого притока р. Витим, первые заявки на отводы стали подаваться с 1879 г., разработка россыпей началась с 1881 г., продолжалась до 1907 г. Так была открыта золотоносность основных систем и речек. Отдельные открытия россыпей, промышленных участков продолжаются до настоящего времени. В 1910 г. произошла монополизация района акционерным обществом «Ленское золотопромышленное товарищество». В 1920 г. прииски были национализированы. Для более наглядного представления об экономическом росте промыслов рассмотрим условия их возникновения (приобретения) и добычи, разбив их на группы по крупности работ. Крупность работ зависела прежде всего от количества добычи золота, времени существования фирмы, разбросанности работ.

Наиболее крупной компанией по добыче золота в Бодайбинском районе была «Компания Промышленности и Прибрежно-Витимская компания».

С деятельностью именно этой компании связаны история развития горных работ в Витимском горном округе, в который входили бассейны рек Бодайбо, Энгажимо и Тахтыги, занятие первых отводов под резиденцию на правом берегу р. Витим, организация «Лено-Витимского пароходства», строительство Бодайбинской железной дороги от г. Бодайбо к приискам компании и ремонтных мастерских для обслуживания железной дороги.

Первая заявка на горный отвод в бассейне р. Бодайбо была сделана 5 сентября 1862 г. на имя тарского купца Я.А. Немчинова. По этой заявке 8–10 декабря 1863 г. был отмежеван прииск Андреевский по р. Бодайбо, ниже ручья Накатами, но золото сразу обнаружено не было. Лишь только в 1892 г. на нем начались добычные работы.

Золото впервые в бассейне р. Бодайбо было обнаружено поисковой партией иркутского купца М.А. Сибирякова по правому притоку р. Накатами, при слиянии притоков Догалдын и Аканак, в мелкозалегающей (пропластковой) россыпи летом 1863 г. Заявка была подана 27 июля 1863 г., по ней 12–14 декабря 1863 г. был отмежеван прииск Благовещенский. Его утверждение состоялось 1 февраля 1864 г. Горный отвод располагался в центральной части долины, протягиваясь на 4 км от устья. Одновременно доверенным (начальником поисковой партии) М.А. Сибирякова казаком Иваном Новицким 27 июля 1863 г. была сделана первая заявка на отвод под резиденцию вдоль правого берега р. Витим. Вслед за заявкой Сибирякова в бассейне Накатами последовали заявки на отводы на имя Иннокентия Трапезникова, Якова Немчинова, Ивана Базанова, их наследников, родственников и других купцов.

Отвод Иннокентьевский, в продолжении Благовещенского, был заявлен 27 июля 1863 г. на имя Иннокентия Трапезникова, отвод Ивановский по Догалдыну от устья – на имя Ивана Базанова, отвод Успенский, от которого впоследствии получил название поселок, располагался в устьевой части р. Аканак, – на имя почетного гражданина

г. Иркутска Ивана Хаминова 28 сентября 1864 г. Для эксплуатации выявленных шурфовыми работами мелкозалегающих россыпей в новооткрытой системе в 1865 г. образовались две крупные компании как паевые: «Прибрежно-Витимская компания» и «Компания Промышленности».

Фактически развитие работ этими компаниями и есть история развития золотого промысла в Витимской системе. Компаниями были обследованы, заявлены, замежеваны долины рек Накатами, Аканак, Догалдын, часть среднего течения рек Бодайбо, Онман и Энгажимо с притоками.

Владение в «Прибрежно-Витимской компанией» было разделено на 13 паев, которые были распределены между участниками следующим образом: Я. Немчинов, М. Сибиряков, И. Базанов, Инн. Трапезников имели по три пая, Петр Григорьевич Аврамов, доверенный М. Сибирякова, – один пай.

Число паев «Компании Промышленности» было тоже 13, из которых принадлежало Я. Немчинову – пять паев, И. Базанову и М. Сибирякову – по четыре пая. Как видно, обе компании были родственны между собой. Стан «Компании Промышленности» стал обустраиваться на правом борту долины р. Накатами, выше устья Догалдына, на площади отвода Александровского, заявленного на имя Александры Немчиновой 7 июня 1864 г.Стан Иннокентьевского прииска располагался выше по течению, в пределах отвода Иннокентьевского. «Прибрежно-Витимская компания» в 1865 г. приступила к разработке мелкозалегающей россыпи Благовещенского и Иннокентьевского приисков, а «Компания Промышленности» – Александровского прииска. 17 марта 1867 г. заявлен прииск Рождественский в приустьевой части р. Аканак на имя Агнии Касаткиной. В 1868 г. П. Аврамов проходкой шахты обнаружил глубокозалегающую приплотиковую россыпь. Это было величайшее открытие того времени. «Компания Промышленности» сразу приступила к ее обработке. Уже в первый год эксплуатации было добыто 65 пудов золота, во второй – 113 пудов.

После смерти Иннокентия Трапезникова, скупки паев от его наследников, перехода одного пая Я. Немчинову к П. Аврамову 4 декабря 1885 г. обе компании слились в одну под наименованием «Компания Промышленности в Восточной Сибири», а позднее ее назвали просто «Компания Промышленности». Россыпи пропластковая и глубокозалегающая Благовещенского прииска отрабатывались открытым разрезом, глубокозалегающие россыпи речек Накатами, Аканак, Догалдын – подземным способом. Из разрезов бортовые участки дорабатывались через орты.

Отводы «Компании Промышленности» были совсем не разведаны. До 1890 г. было пройдено четыре шахты на Водянистом. В 1871 г. было заложено десять шахт на Степенном, которые показали бедное содержание золота, и их бросили, не решив вопроса о богатстве россыпи. После объединения компаний горные работы стали проводиться более планомерно. «Компания Промышленности» поставила работы на левом увале, а позднее на отводах Успенском и Рождественском. По Догалдыну на Ивановском отводе подземные начались с 1886 г., после объединения компаний. Разработку Благовещенского прииска начали открытым разрезом в 1872/73 г. В 1873/74 г. была проведена большая капитальная канава верст пять длиной. Сток воды стал естественный. Доработку бортов вели ортами. Мощность торфов постепенно стала увеличиваться, и с операции 1889 г. перешли на шахтовые работы. В операцию 1893/94 г. велась отработка нижнего участка Благовещенского отвода через шахты обособленными участками с отдельным водоотливом. Горные работы на Успенском прииске начались с 70-х гг. XIX в., когда было найдено золото в системе рек Энгажимо, Илигирь, Тахтыкан-Берикан, Тахтыга. Много лет приискатели разведывали Сухой Лог, в конце концов, потеряв надежду на успех, отдали его старателям, и те в 1889 г. нашли там богатейшее месторождение золота. Узнав об

этом, хозяин «Лензолото» барон Гинзбург отобрал этот участок у старателей. К началу XX в. в Бодайбинском районе было заявлено около 600 приисков.

Названия Бодайбинских приисков, особенно открытых в первые десятилетия, носили религиозный характер: Благовещенский, Успенский, Троицкий, Никольский, Преображенский... Успех прииска и фарт зависели от воли Божьей, это понимали хозяева и строили храмы в крупных поселках, а на небольших приисках – часовни. Первая церковь в бассейне р. Бодайбо была построена на главном стане «Компании Промышленности» (пос. Успенский) в 1870 г.

Основанная в 1864 г. как приисковая, Бодайбинская резиденция (склад грузов г. Бодайбо) обслуживала Ленский золотопромысловый район; название по расположению в устье р. Бодайбо, правого притока Витима. Этимология гидронима не установлена. Город расположен между западными отрогами Северо-Байкальского нагорья и восточными отрогами хребта Кропоткина, на правом берегу Витима, у впадения в него р. Бодайбо, в 1 100 км к северо-востоку от Иркутска. В 1903 г. образован город Бодайбо, ставший главным транспортным узлом Бодайбинского административного района, в нем расположены пристань на р. Витим, автовокзал, аэропорт. Бодайбинский район образован в 1925 г. с центром в г. Бодайбо.

В Бодайбинской резиденции сооружена церковь во имя Рождества Христова на первом отводе М.А. Сибирякова Стефано-Афанасьевском на берегу Витима в 1876 г. С окончанием строительства в Бодайбо реального училища и женской прогимназии в 1914 г. при них сразу приступили к строительству Покровской церкви. Священнослужитель преподавал в училище и прогимназии Закон Божий, состоял в родительском комитете. Якутск был центром духовной власти. С установлением советской власти патриарх Тихон удалился на покой в Донской монастырь, епископ Софроний был арестован и отправлен в Москву. В г. Бодайбо никто из священнослужителей репрессиям не подвергался.

26 мая 1932 г. Христорождественская церковь была закрыта, колокола сняты. В здании размещались Дом пионеров, ДОСААФ и другие организации. Церковное кладбище было разорено. В 1946 г. здание церкви возвратили верующим, освятили. 30 декабря 1946 г. церковь была зарегистрирована в органах власти. В 1988 г. левую часть здания разобрали и пристроили новое здание, где сейчас ведется служба. Покровскую церковь закрыли, в 1926 г. разобрали. Имелись церкви на приисках Надеждинском (Иннокентьевская), Тихоно-Задонском, Андреевском, в поселках Мача, Воронцовка.

Наиболее известными золотопромышленниками были:

– Сибиряков Михаил Александрович, открыватель золота по р. Накатами, имел трех сыновей и двух дочерей. А.М. Сибиряков – крупный золотопромышленник, владелец пароходов, организатор и участник североморских экспедиций, меценат. Его сын И.М. Сибиряков с братом были компаньонами в «Компании Промышленности» и известными меценатами, финансировали ряд экспедиций;

– Немчинов Яков Андреевич – крупный золотопромышленник, меценат. После смерти оставил миллионное состояние. Один из его наследников – сын Андрей Яковлевич – компаньон «Компании Промышленности», меценат, после смерти оставил состояние в 17 млн руб. Его сестра Христина Яковлевна была женой иркутского купца В.Ф. Колыгина;

– Базанов Иван Иванович (1813–1883) – купец 1-й гильдии, золотопромышленник, действительный статский советник, почетный гражданин г. Иркутска, меценат;

– Трапезников Иннокентий – иркутский купец. С организацией компании зародилась идея создания собственного пароходства, и оно было создано под названием «Лено-Витимское пароходство» компании М. Сибирякова, И. Базанова и Я. Немчинова.

Основателями компаний было заявлено много отводов по р. Бодайбо ниже и выше р. Накатами. К наиболее значительным относились: Андреевский, Петро-Ивановский, Утесистый, Увальный, Бодайбинский, Захарьевский, Степенный.

Ленский золотоносный район раскинулся более чем на 100 тыс. кв. км и охватывает кроме Бодайбинского частично еще и административную территорию соседнего Мамско-Чуйского района Иркутской области. Резко континентальный климат района с относительно коротким жарким летом и продолжительной холодной зимой (летом +38º, зимой –60º) мало привлекает человека. На фоне общего среднегорного рельефа заметно выделяются высокие хребты – голец Тепторго на севере района (1 540 м) и голец Лонгдор на северо-востоке (1 771 м). Водоразделом между крупными золотоносными бассейнами рек Бодайбо и Вача является хребет Кропоткина с гольцом Короленко (1 690 м). С юга территория Ленского золотоносного района ограничивается Делюн-Уранским хребтом молодого альпийского типа и северными отрогами Северо-Муйского хребта.

Леса с деловой древесиной, пригодные для промышленных заготовок, занимают сравнительно небольшие площади и расположены в основном на окраинных неосвоенных территориях района. Гольцовая зона представлена кедровым стлаником и ягелем. Реки района имеют ярко выраженный горный режим и принадлежат двум крупным бассейнам притоков Лены – Витима и Олёкмы.

Рабочие, работавшие на приисках, разделялись на два разряда: на надворных и горных. К первым относились все ремесленники: столяры, плотники, слесари, кузнецы, прислуга, банщики, сторожа, ко вторым – забойщики, возчики, свальщики, промывальщики. Непосредственным начальником первых, дающим каждый день в контору отчет об их деятельности, состоял надворный смотритель, а вторых – становой, смотритель разреза, машин, отвалов. Продолжительность рабочего дня по контрактам устанавливалась 10,5–13,5 ч зимой, 12–13,5 ч летом, на подъемных работах 11 ч (1894 г.). Рабочие были обязаны выходить на работу в любую погоду, не могли отказываться работать в ночное время. Причем продолжительность ночных и дневных работ была одинаковой.

Сроки найма были определены для сибирских крестьян и мещан – один год, для жителей прочих частей империи – до пяти лет. Наем рабочих на промыслы производился по окончании летней операции, часто в различных местах Сибири. В операцию 1873/74 г. контингент приисковых рабочих состоял преимущественно из ссыльнопоселенцев и бывших ссыльнокаторжан. Для найма вне промыслов компании отправляли своих доверенных, снабжая инструкциями. Так, «Прибрежно-Витимская компания» своему доверенному на операцию 1872/73 г. в Киренском, Верхоленском, Балаганском и других округах дала указание выдавать при найме задатки рабочим от 40 до 45 руб., не нанимать рабочих старше 55 лет и тех, у которых имелись отметки о неблагонадежности. В 1897 г. наибольший наем рабочих производился компанией Сибирякова, Базанова, Немчинова. Наем велся в Иркутске, Качугском, Витимском селениях, Томской, Енисейской, Вятской губерниях.

Нанятые рабочие препровождались партиями. Все расходы на дорогу производились за счет будущей зарплаты. Их приходилось отрабатывать в течение нескольких месяцев. В 1880-х гг. увеличивается наплыв рабочих, ищущих заработки, и наем рабочих все больше стал производиться на приисках. «Компания Промышленности» в 1880–1893 гг. нанимала рабочих на двухлетний срок, и то при найме вне приисков. В 1891 г. наем производился даже без задатка. Рабочим, принятым в Иркутске, нужно было пройти, проехать расстояние 1 709 верст до Бодайбинской резиденции, а если, к примеру, из Томской губернии, то более 3 тыс. верст. Летом сообщение с резиденцией производилось пароходами. Для остановки проезжающих в зимнее время были устроены зимовья через каждые 40 км. Зимовья по р. Витим состояли из домика, амбара с сухарями, фуражом. конюшни, казармы для конюхов и домика для приходивших пешком. Рабочие тащились группами от трех до деся-

ти человек, неся свои пожитки, едва успевая доплестись к концу дня до следующего зимовья.

Помимо наемных рабочих использовался и труд каторжан, но в значительно меньших объемах.

Каторжане на приисках. Конец XIX в.

Особой категорией населения были спиртоносы, доставлявшие спирт на прииски. Рабочие покупали спирт за золото или деньги. Доставлялся спирт по таежным тропам, доступным лишь пешеходам. В 1873 г. цена за ведро спирта составляла 85 руб. Промысел спиртоносов начиная с 1875 г. стал усиливаться. За спиртом ходили на Крестовскую резиденцию, с. Витим. Спиртоносы бродили целыми вооруженными шайками. В 1882 г. ведро спирта оценивалось в фунт золота. В 1881–1883 гг. в Витимской системе было задержано 32 спиртоноса. Вынос спиртоносами золота вызвал образование партий охотников. Вооружившись, они ожидали рабочих в укромном месте, отбирая золото, убивая их. Шайки спиртоносов иногда состояли из десятков человек. Часть дороги они делали на лошадях. Не доходя до прииска, зарывали фляги зимой в снег, летом в мох. Один из бывалых шел ночью в стан. Там спиртоносы были желанными гостями и могли не опасаться выдачи урядникам. Спиртонос находил своего агента, который забирал фляги и распродавал спирт артели. В 1875 г. одна партия спиртоносов вывезла пять пудов золота. С 1885 г. движение спиртоносов еще более усиливается. С приближением общего расчета (10 сентября) спиртоносы начали являться на прииски, забирая на кухне нужные им припасы, угрожая урядникам убийством, торговали спиртом. Прииски находились как бы на осадном положении. Из ведра спирта выходило до 60 бутылок водки, цена которой была 3–5 руб. за бутылку. Выезжая из тайги, спиртоносы отбирали оленей у якутов, с помощью которых их и вылавливали. Через пять-шесть лет жизни в тайге рабочий превращался в неизлечимого пьяницу. Лишение винной порции на промыслах было самое тяжкое для рабочего наказание. Спиртоносным промыслом помимо русских занимались также китайцы. Население приисков в национальном отношении было разнородным.

Переноска в мешках старателями золотоносной породы для промывки

Золотодобыча велась четырьмя основными группами рабочих. К первой относились наемные рабочие, получавшие сдельную или повременную зарплату. Вторую составляли золотничники, выплачивавшие владельцу прииска определенное количество золотников за право работать на месторождении. Третья группа – старатели или наемные рабочие, служащие и члены их семей, «старавшиеся» на территории прииска во внеурочное время. Все зо-

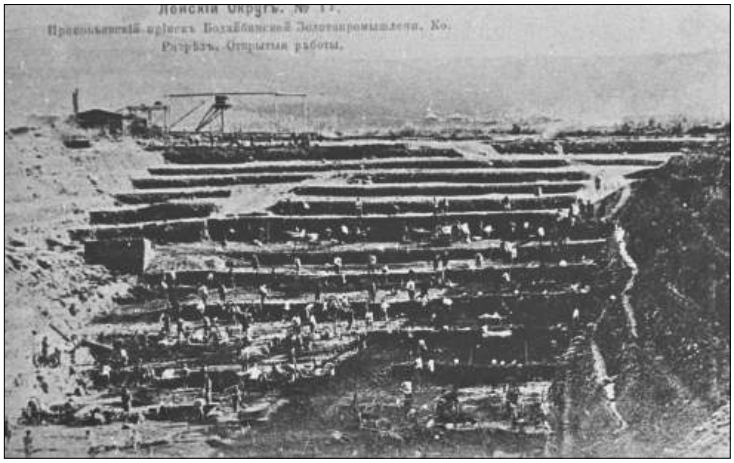
Перевозка котла для паровой машины. Начало XX в.

лото, добытое золотничниками сверх оговоренного, равно как и золото старателей, полностью сдавалось в приисковую контору за денежное вознаграждение или расчет товарами. Четвертая и очень многочисленная группа включала «хищников», которые не считались с правом золотопромышленника на монопольную эксплуатацию полученных им отводов, добывали золото там, где было выгодно, и сдавали его туда, где платили дороже. Золотопромышленники вели упорную, но малопродуктивную борьбу с «хищниками», так как добытое ими золото охотно скупалось конкурентами.

Несмотря на богатство россыпей, техника золотодобычи очень мало продвинулась вперед. Главной двигательной силой на приисках являлась конная тяга. Доставка породы в подземных выработках к стволу шахты велась тачками, иногда породу на промывку доставляли в мешках.Конной тягой велся подъем породы из шахт. Гидравлическая сила, главным образом водяные колеса, употреблялась для вращения золотопромывальных машин.

Драга № 65. Река Бодайбо.

Паровая сила тратилась на водоотлив с помощью пульзометров, насосов, на приведение в действие машин в механических мастерских. Очень редко паровая сила использовалась для подъема породы из шахт. В 1894 г. у компании было четыре паровых машины, были задействованы 753 лошади. За 1894–1898 гг. в работе в среднем находилось 3 260 человек. На подземные работы переходили при соотношении мощности торфов к мощности пласта 9/1.



Разработка золотоносных россыпей открытым карьером. Прокопьевский прииск. Начало XX в.

В 1880 г. на прииске Благовещенском была построена конная железная дорога. Деревянные вагонетки вмещали 80–100 пудов породы. На горных работах для дробления валунов употребляли порох, динамит. Рабочие и упряжные лошади

пригонялись из Томской губернии. Лошади для вьючных и верховых передвижений по тайге использовались только местные, якутские.

Из общественных зданий в 1887 г. в Витимской системе было десять больниц со 145 кроватями, в 1889 г. – 12 больниц со 152 кроватями. На мелких промыслах больниц не было.

Разработка золотоносной породы открытым карьером. Благовещенский разрез. 1890 г.

Для переплавки золота из руды в слитки в Иркутске в 1869 г. была открыта золотосплавочная лаборатория. Интересным моментом в жизни богатого золотоносного района является применение на отдельных приисках новых технологий, таких как строительство узкоколейной железной дорог. И уже в 1886 г. применяется гидравлика для добычи золота. А гидростанция – одна из первых в России – была построена на р. Ныгре в 1896 г. Строительство железной дороги от г. Бодайбо до приисков началось в 1916 г. Дорога служила для перевозки как пассажиров, так и грузов. В начале XX в. на приисках появился дражный способ добычи золота. Об объемах золотодобычи говорят следующие цифры: в 1896 г. мировая добыча золота, по приблизительным подсчетам, составила 319,1 т, из них на долю США приходилось 83,7 т, Африки – 65,5 т, Австралии – 63,0 т, России – 32,2 т, в том числе на Сибирь и Дальний Восток – 28,9 т.

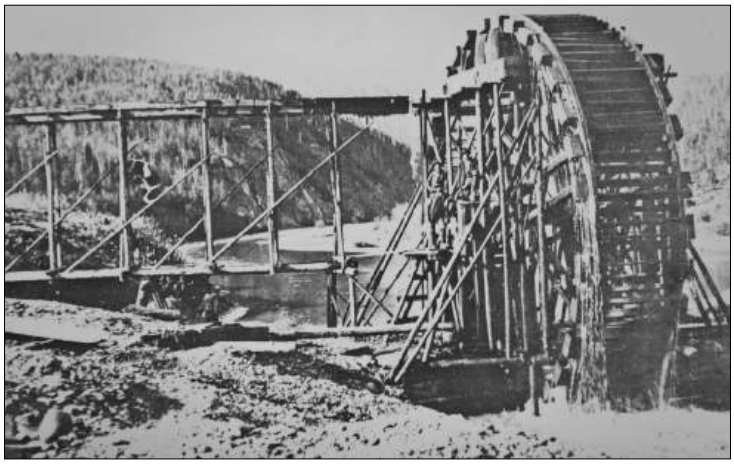
Подъем золотоносной породы из шурфа

Добыча золота в Предбайкалье в середине XIX – начале XX в. велась как ручным (старательским) способом, с помощью лотка, так и промышленным, с помощью примитивных промприборов (бутар и др.) и драг.

Добыча золота носила сезонный характер, ею занимались с мая по октябрь. Постоянно жившего на приисках населения было мало, поэтому основная часть селений состояла из временных жилищ,

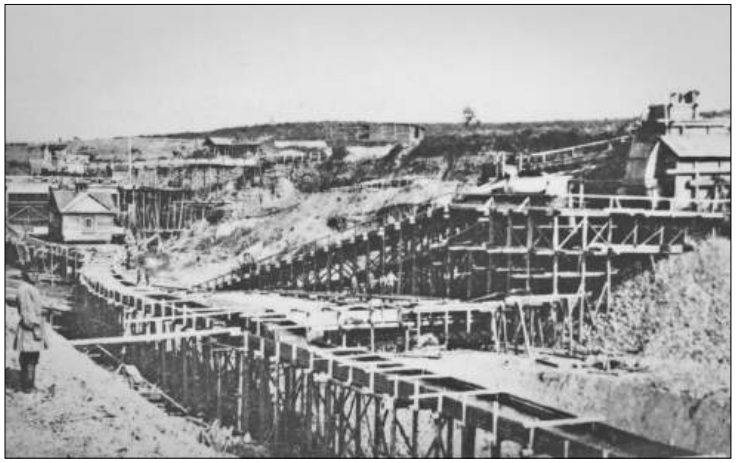
Промывка золотоносной породы на желобах. Начало XX в.

построенных из подручного материала – плитняка, карбазных досок, сухостоя и т. д.



Водоподъемное колесо. Начало XX в.

Разработка россыпей долгое время велась открытым способом в уступах многочисленных речек и ключей и из шурфов. Для подъема золотоносной породы выкапывали шурф (устройство, внешне напоминающее колодец), дном доходящий до золотоносной породы, укрепляли стенки его бревенчатым срубом, в который спускались рабочие, нагружали большие емкости – бадьи – породой и подавали наверх. Для поднятия бадьи использовался подъемный механизм в виде вращающегося вала. Вынутая песчано-водяная масса доставлялась на тачках к месту промывочных работ. Основной техникой добычи драгоценного металла была промывка золотосодержащих песков. Простейшее устройство для их промывки представляло собой наклонную плоскость с бортами, устанавливаемую на искусственной плотине на ручье. В ее головной части имелось небольшое тонкое отверстие, закрывавшееся доской, для медленного распределения воды тонким слоем по наклонной поверхности. После определенного напора воды перегородка открывалась, на наклонную поверхность рабочими подавалась доставленная из шурфа порода, и струя проточной воды несла частицы речных отложений (глину, щебень, гальку, ил) по лотковому спуску. Старатели протирали и «отмучивали» пески – растирали комья породы специальными гребками и направляли их под поток льющейся воды. Большие кусочки золота, замеченные промывальщиками в размытой породе, тут же вынимались, а мелкие оседали, не уносимые потоком воды.



Желоба для подачи воды для промывки породы машинами

Для лучшего удержания мелких частиц золота, которые вода могла легко унести, дно наклонной поверхности перегораживали поперечными пирожками-плинтусами, между которыми укладывались грубое сукно, шкуры или медные листы, натертые ртутью.

Процесс добычи россыпного золота сибирскими старателями сопровождался использованием соответствующих атрибутов и инструментов – кайла, гребка, лопаты, лотка.

Для добычи золота обязательно требовалась проточная вода. Поэтому вся добыча россыпного золота велась на ручьях и водоемах. Строились плотина и запруда для направления

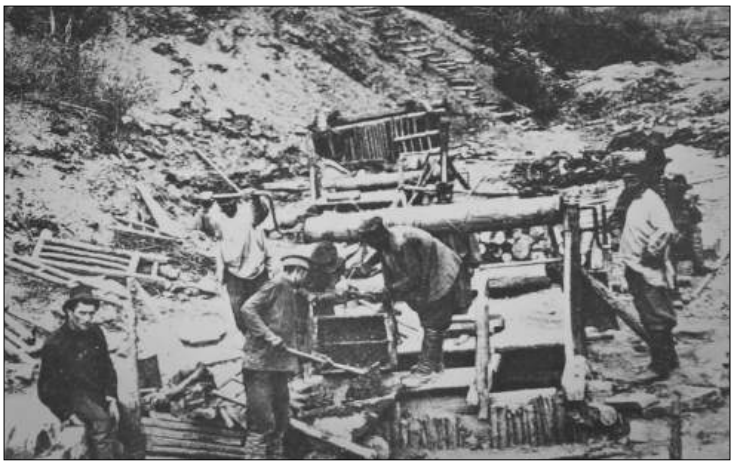
Старатель. Начало XX в.

потока воды на промывочные приборы. Иногда поток воды в промывочные лотки создавали за счет ее искусственного подъема на высоту с использованием различных механизмов.

Дележка и взвешивание намытого золота старателями. Начало XX в.

Ручной примитивный старательский способ добычи золота осуществлялся в одиночку, артелями, нередко семьями. Слово «старатель» произошло от слова «стараться», т. е. работать на совесть . Старательство – это очень тяжелый физический труд в течение всего светового дня. Для эффективной работы необходимы были навыки работы с инструментом. Кайло требовалось каждый вечер оттянуть и закалить, лопату – обрубить по краям для удобства набора на нее породы. Лоток делался на месте, он должен был быть удобным. В Сибири применяли продолговатые лотки, в отличие от круглых американских. Чаще всего лотки делали из наиболее податливого дерева – осины. По окончании золотодобывающего сезона добытое золото делили.

К месту промывки золота добирались пешком, перенося все имущество на себе. Редко пользовались лошадьми и еще реже нанимали местных тунгусов с оленями. Чаще всего использовали наиболее простой способ промывки – у ручья. Так обычно делали мелкие старатели и «хищники». Золото рыли у ручья, тут же его и мыли. Опытные таежники по цвету ручья определяли, что недалеко вверх по течению моют золото. Породу для промывки добывали либо из ям, шурфов, либо из склона, подкапывая его или делая в нем штольню. Склоны и штольни часто, особенно после обильных дождей, обваливались, унося жизни старателей. Небольшие артели для промывки золотого песка и самородков строили примитивные промывочные приспособления. Для всех видов промывочных приспособлений обязательным являлось наличие воды. Среди всего разнообразия промывочных приборов наиболее распространенными являлись следующие:



Добыча породы из шурфа

– Бочечная машина, бочка – усеченный конус 3 м длиной из котельного железа с отверстиями. Внутри бочки – железные плинтусы и зубчатые пластины. С одной стороны люк для засыпки песка, с другой – для удаления переработанной породы. В бочку, которая вращалась на горизонтальной оси при помощи водяного колеса, конного привода или парового двигателя, загружался песок и подавалась вода. Промышленная порода выбрасывалась на решето и отвозилась в отвалы, а золото с песком (эфелями) и шлихами (железом в виде опилок) через мелкие отверстия в боках

Промприбор. Отводка пустой породы. Фото В.Л. Тихонова, 1946 г.

бочки поступало на наклонную поверхность – вашгерд.

– Проходнушка, или американка, – это небольшой узкий шлюз, его делали не шире 12 вершков (приблизительно 0,5 м), дно которого вначале перегораживали поперечными порожками-плинтусами, между ними укладывались сукно или шкуры. Позднее на дно американки стали укладывать связанные из прутьев маты. Сверху по всей длине шлюз покрывали грохотом – деревянной доской с отверстиями. Пески, подаваемые на грохот, перемещались по нему под струей воды специальными гребками. Галька при этом собиралась вручную и выбрасывалась в отвал, а обогащенный песок через отверстия попадал на дно, где на плинтусах и сукне улавливалось золото. Американки имели очень широкое распространение на приисках, причем не только на золотничных работах. Их устанавливали в хвостовых частях бочечных машин и кулибинок как дополнительный узел для улавливания золота.

– Вашгерд – устройство для промывки золотоносных песков в виде наклонного стола с бортами и двумя деревянными перегородками в головной части (для распределения воды тонким слоем по поверхности). Деревянная плоскость, покрытая ворсистой шкурой, с набитыми поперек лотка брусьями. Рабочие протирали и «отмучивали» пески – растирали комья породы и направляли их под струю проточной воды, которая сносила более легкие породы и осаждала тяжелые крупинки золота.

Выемка золота с бутары (промприбора). Начало XX в.

– Бутара, устроенная более сложно. Обычно бутары состояли из двух частей: головки, снабженной грохотом, и собственно шлюза. Для увеличения улавливаемости золота в головке устанавливали «бороты»: доски, расположенные под углом и тоже обычно покрываемые шинельным сукном или шкурами. Чаще всего обходились одним бортом, но иногда последовательно укладывались две или три доски, с уклоном в противоположном направлении. На дно шлюза для улавливания золота устанавливали деревянные плинтусы или чугунные трафареты, под которые настилали все то же шинельное сукно или волосяные коврики. Бутары различались по размеру. Большей частью это были «ручные» устройства, т. е. такие, которые загружались вручную. Иногда использовались и «конные», большие по размеру, бутары, пески для загрузки которых подвозились тарантайками. Производительность конных бутар составляла 1,5 – 2 куб. сажени (15–20 куб. м) в день, причем непосредственно на промывке работало три-четыре человека.

Самым же простым способом добычи золота был и остается старательский лоток.

Все перечисленные выше способы золотоизвлечения, кроме лотков, являются уже полукустарными и промышленными. К промышленным способам извлечения золота в начале XX в. прибавилась драга.

Добыча золота лотками. Начало XX в.

Драга – плавучий горно-обогатительный комплекс для разработки обводненных месторождений полезных ископаемых, приемущественно россыпных, оснащена рабочим органом для добычи пород из-под воды, промывочно-обогатительным агрегатом для извлечения ценных минералов и транспортно-отвальным оборудованием для укладки пустых пород в отвал. Драги строились деревянными и использовали паровые машины.

Жилища старателей

Одиночные старатели, работавшие лотком, или небольшие артели, ставившие примитивные промывочные приборы на небольших ручьях, обычно оборудовали временный старательский стан, который включал в себя жилье (шалаши, землянки, в том числе землянки в склоне гор, или использовали под жилье выработанную штольню / горизонтальную выработку в склоне горы/). Ставили кострище, наземный лабаз-холодильник (как у тунгусов), стол для приема пищи и сортировки золота. Рабочие, работавшие на больших приисках, селились в больших длинных бараках. Стены бараков набирались бревнами диаметром 15–22 см, уложенными в пазы вертикально закопанных столбов. Кровля была двухскатная, держалась внутри барака на столбах. Потолков часто не было. Кровля укрывалась драньем. По обе стороны внутри барака устраивались двухъярусные нары. В проходах устанавливали печи-каменки из местного плитняка. Вход в барак был по центру

Приисковая контора. Начало XX в.

длинной стороны барака. В районе входа в центре оборудовали обеденный стол. Окна ставили вверху стен в небольшом количестве. Для управленцев, инженеров приисков строили отдельные дома. На больших приисках эти дома строились по городскому типу, без излишеств в оформлении.

Установленные в результате исследований главные этномаркирующие элементы, которые необходимо использовать при построении экспозиционного пространства в этнографическом музейном комплексе под открытым небом, следующие: при ручной добыче золота – это старательские станы на берегу водоема, состоящие из шалашей, землянок, шурфов или небольших шахт с подъемными устройствами; при промышленной добыче – это штольни, шахты, галереи для подачи воды, лотки для транспортировки породы, различного рода промывочные приспособления, а также инфраструктура жилья – дома золотопромышленников, конторы, бараки для рабочих; при дражной добыче – размещение на водоеме – карьере драги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борхвальд О.В. Словарь золотого промысла Российской империи. М.: Русский путь, 1998. 240 с.

2. Гурулёв С.А. Золото: Словарь-справочник. Иркутск, 2001. 320 с.

3. Жихевич О.Л. Из истории развития золотопромышленности в Иркутской губернии // Краеведческие записки ИОКМ. Иркутск, 2000. Вып. 7. С. 33–37.

4. Лысков О.М. История и состояние старательской добычи в Восточной Сибири // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 1999. С. 118–123.

5. Попов Н.П. Приисковый быт // Сибирская живая старина. Иркутск, 1979. Вып. VIII–IX. С. 67–108.

6. Пушкина Т.Л. Из истории предпринимательства в Иркутской губернии начала XX века. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2001. 24 с.

7. Суходолов А.П. Золотоносные районы Иркутской области // Вестник Иркутской государственной экономической академии. Иркутск, 1998. № 16. С. 20–27.

8. Уфимцев Г.Ф. «Старатель» – значит «стараться» // Тальцы. 2005. № 3 (26). С. 53–58.

9. Хроленок С.Ф. Золотопромышленность в Сибири (1832–1917): Историко-экономический очерк. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. С. 312.

10. Шарапов И.П. Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949. С. 205.

Е.Р. Ладейщикова

ТИПОЛОГИЯ ЖИЛЫХ ДЕРЕВЯННЫХ ДОХОДНЫХ ДОМОВ ИРКУТСКА

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» планирует создание городской инвестиционно-коммерческой зоны, в которой предполагается воссоздать фрагмент городской застройки Иркутска на период конца XIX – начала XX в. Для ее комплектования планируется перемещение из города ряда объектов, представляющих историко-культурную ценность и иллюстрирующих основные виды и типы жилых и хозяйственных зданий. Кроме того, в условиях музея имеется возможность воссоздания в новоделе некоторых давно утраченных, но уникальных объектов, характеризующих различные временные периоды существования города (например, архаичный так называемый «Горбатый дом»).

В Иркутске доходные дома [1] как тип архитектурного сооружения появились позднее, чем в Центральной России, а тем более в столицах Москве и Петербурге, – примерно с конца 60-х гг. XIX в. Их строительство достигло своего апогея на рубеже XIX–XX столетий и было прервано революционными событиями 1917–1920-х гг. Несколько десятилетий существования – срок относительно небольшой, но уже в начале XX в. доходные дома количественно преобладали в застройке центральной части города.

Сейчас деревянные доходные дома составляют около 70 % всей деревянной исторической застройки города, соответствующее соотношение должно сохраняться и в экспозиционной зоне. Комплектование городской зоны и отбор зданий для перемещения на территорию музея проводятся на основании комплексного изучения городской застройки соответствующего периода и выявления основных типов. В данной статье предлагается рассмотрение типологии доходных домов Иркутска конца XIX – начала XX в.

Иркутску, в силу особенностей его основания при колонизации края и существования как административно-торгового и миссионерского центра, с самого начала была свойственна активная миграция. Постоянно прибывали люди для временного проживания, назначенные на должности, следовавшие транзитом, а потому и всегда существовала потребность во временном жилье. Причины появления и массового распространения доходных домов связаны как с социальными тенденциями общероссийского характера, так и особенностями развития Иркутской губернии: государственная переселенческая политика, строительство Транссибирской железной дороги, экономический рост, развитие торговли, промышленности и золотодобычи, которые привели к изменениям в образе жизни и в формах хозяйствования. Следствием этих тенденций явилось увеличение числа городских жителей и появление новых социальных групп: с одной стороны, владельцев, предлагавших жилье внаем, а с другой – нанимателей квартир, считавших целесообразным снимать жилье, а не вкладывать средства в приобретение или строительство. Архивные материалы и справочная литература по Иркутску конца XIX – начала XX в. свидетельствуют, что большое количество служащих правительственных и частных учреждений города проживало на съемных квартирах.

Основная масса существующих сегодня деревянных доходных домов относится к концу XIX – началу XX в. Более ранний период (1850–1860 гг.) представлен лишь единичными образцами, что связано с крупным городским пожаром 22–24 июня 1879 г., во время которого выгорела вся центральная, наиболее старая часть города. В огне практически полностью была утрачена застройка XVIII – первой половины XIX в.

Пожар прервал естественное развитие городской застройки, но в то же время послужил своеобразным катализатором, значительно ускорившим процесс становления доходного домостроения. После пожара, в котором сотни семей одновременно лишились жилья, и возникшего в связи с этим его огромного дефицита стало выгодно строить

дома для сдачи внаем. Сдача помещений в аренду приносила быстрый и стабильный доход, а потому вскоре стала одним из наиболее распространенных видов предпринимательства. Но если на главных улицах возводили презентабельные двух-трехэтажные каменные доходные дома, первые этажи которых, как правило, использовали под торговлю, верхние – под различные учреждения и жилье, то жить иркутяне по-прежнему предпочитали в деревянных домах, считая их более удобными и здоровыми, а также, что немаловажно, значительно более дешевыми, нежели каменные.

Деревянные доходные дома сооружали на тихих улицах в обычных жилых усадьбах, отдельными небольшими объемами. Их этажность и габариты следовали правилам строительных и противопожарных норм. Те же требования определили и планировку усадьбы. В доходных усадьбах пространство, ранее занимаемое огородами и службами, застраивается сдаваемыми внаем домами и флигелями. Постройки располагаются с необходимыми разрывами, друг за другом в два или три ряда в зависимости от величины участка. Дворовая территория приобретает ценность именно как место для дополнительного строительства. Наибольшее распространение получили одно-двухэтажные деревянные доходные дома, сочетающие в себе особенности и преимущества как многоквартирного дома, так и особняка.

Квартиросъемщикам предлагалось жилье разных уровней комфортности, различное по составу помещений: все здание целиком, отдельные квартиры, комнаты с общими кухнями или же «углы».

Несомненно, что еще одной из причин широкого распространения доходного жилья было отсутствие юридических механизмов и правовой основы приобретения отдельной квартиры. Купить можно было либо все домовладение целиком со всеми имеющимися на нем строениями, либо пустой участок под строительство.

Документально сдача жилья в аренду, или, как тогда говорили, «в кортом» [2], прослеживается с начала XIX в. [3]. Уже с середины 1850-х гг. становится нормой подача объявлений о найме в периодической печати. В издававшихся в Иркутске газетах «Восточное обозрение», «Иркутские губернские ведомости» помещались объявления о найме примерно следующего содержания: «Отдается в наем двухэтажный вновь отделанный флигель с мебелью», или «Желающие занять флигель при доме Надворной советницы А.Н. Быковой, по 3-й части города… флигель, где квартировал г. Шварц, могут адресоваться…», или «Желающие нанять квартиру с мебелью, не менее 5-ти комнат, ценою примерно от 10 до 15 руб. в месяц. Располагающие отдать такую в наймы могут доставить сведения в Иркутскую публичную библиотеку на Большой улице…» [4] и пр., и пр.

Деревянными доходными домами владели как крупные собственники, которые строили их специально для сдачи внаем, так и небогатые горожане, для которых сдача в аренду части своего имущества была основным источником дохода. Социальная принадлежность домовладельцев самая разнообразная: купцы, мещане, бывшие ссыльные, отставные военные и пр.

Арендные отношения между домовладельцами и нанимателями регулировались законом «О найме и отдаче в содержание частных имуществ» [5].

Начальный период строительства доходных домов

Поначалу домовладельцы приспосабливали свои обычные жилые дома для аренды, выделяя для постояльцев только часть помещений. Для большего комфорта делали дополнительные пристройки и организовывали автономные входы. Специально для квартирантов во дворах ставили флигели. Но объемно-планировочное решение самих зданий на первых порах кардинально не менялось, и только со временем изменения в использовании неизбежно привели к началу преобразований и появлению специфических построек, изначально предназначенных для сдачи внаем.

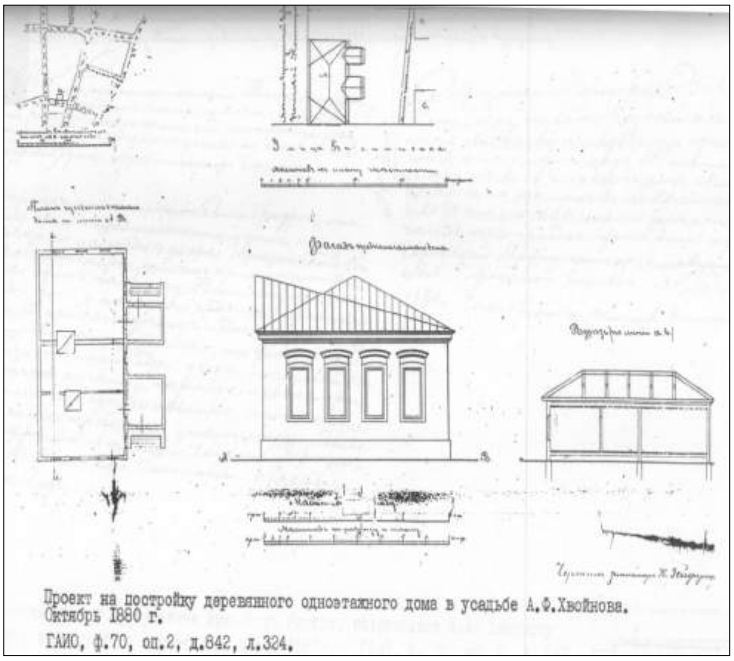
Очень интересны постройки начального периода доходного домостроения – 1850–1860-х гг., позволяющие проследить направленность трансформаций и постепенное появление специфических приемов для доходных домов. В этом смысле примечателен жилой дом по ул. Седова, 24, выстроенный в 1850–1860-е гг. (илл. 1.) [6]. Этот традиционный на первый взгляд двухэтажный с антресолью индивидуальный жилой дом, тем не менее, имеет черты доходного. На каждый этаж ведет отдельный вход, что уже говорит об автономном их использовании. Основные входы располагаются в боковом дворовом трехъярусном прирубе. Традиционно в обычных жилых особняках вход устраивался на торце бокового дворового прируба и был ориентирован в сторону двора. В данном же случае вход в помещения первого этажа находится в торце прируба, а вход в помещения второго – на боковой стороне прируба и ориентирован в сторону улицы, что является несомненным признаком наличия доходной функции.

Илл. 1. Боковой прируб с балконом в верхнем ярусе и входами на нижний и второй этажи. Фото Л.Г. Басиной, 1984 г.

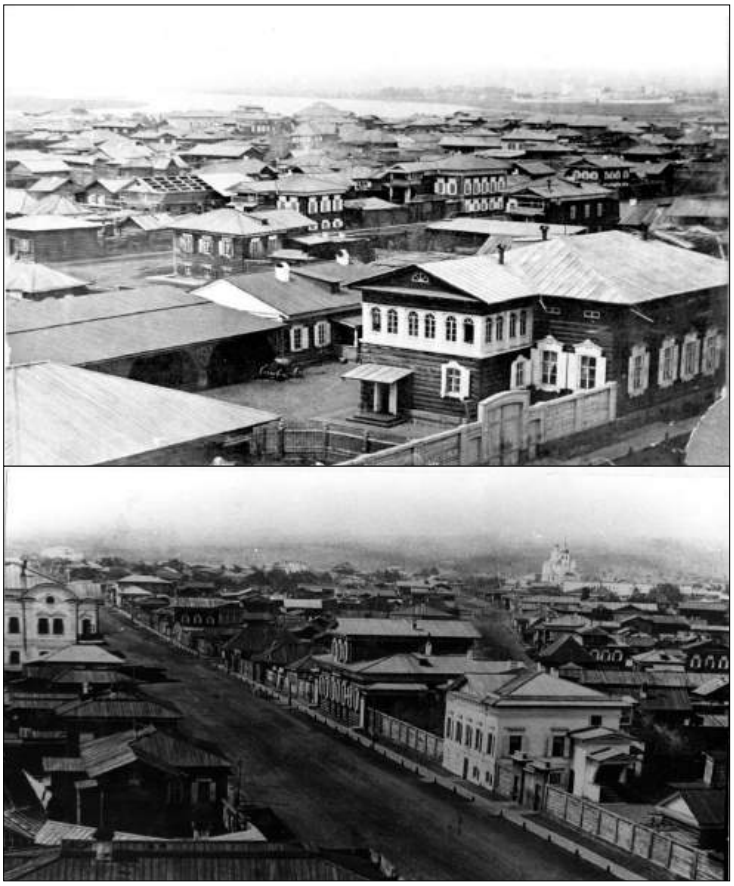
Кроме того, ранее к правому боковому фасаду дома примыкала одноэтажная пристройка (снесена в конце 1980-х гг.) (илл. 2) с двумя входами со стороны улицы, первая дверь вела в небольшую квартиру (комнату), расположенную в самой пристройке, второй вход предназначался для жилья на первом этаже. Таким образом, на первом этаже могли быть устроены по меньшей мере три «квартиры» с изолированными входами, также могло сдаваться внаем помещение на антресолях. Очевидно, что планировочное решение с раздельными входами на этажи в боковом дворовом прирубе сеней было заложено сразу при строительстве дома, а пристройка со входами со стороны улицы появилась позже.

Илл. 2. Общий вид дома со стороны улицы. Справа к дому примыкает пониженная пристройка с двумя входами. Фото Е.Ю. Барановского, 1980 г.

Сразу же после пожара 1879 г. для удовлетворения первого почти ажиотажного спроса на недорогое жилье на выгоревших участках началось активное массовое строительство зданий, специально предназначенных для аренды. В наиболее распространенных вариантах это были либо одноэтажные деревянные срубы, совмещающие в одном объеме две жилые «ячейки» с отдельными входами, либо здания, сблокированные из двух или трех срубов (илл. 3) [7]. Эти непритязательные постройки интересны именно как первый опыт массового строительства наемного жилья. Со временем их либо заменяли новыми, либо реконструировали и надстраивали вторым этажом, но саму планировочную схему продолжали использовать и в более позднее время, как в одноэтажных, так и в двухэтажных доходных домах.



Илл. 3. Проект на постройки деревянного одноэтажного дома в усадьбе иркутского мещанина А.Ф. Хвойнова, октябрь 1880 г.



Илл. 4. Панорамы города, сделанные с Благовещенской церкви А. Гофманом в 1866 г.

Типы доходных домов

По принципу организации внутреннего пространства, расположению лестниц и входов из всего многообразия деревянных доходных домов в застройке Иркутска можно выделить несколько основных типов: в местных традициях, секционный, коридорный, галерейный. Кроме того, существовали многочисленные их вариации и комбинированные виды, в том числе и с объединенными функциями, например жилья и торговли.

Тип дома в местных традициях, который, в отличие от всех остальных типов доходных домов, встречающихся также и в других регионах, был характерен именно для Иркутска.

Этот самый ранний по времени тип сложился в ходе приспособления индивидуальных жилых домов для сдачи в аренду, соединил черты народного жилища и многоквартирного дома, дал наибольшее количество модификаций и в той или иной степени повлиял на развитие других типов. Основным прототипом для него послужил наиболее распространенный в Иркутске небольшой деревянный жилой дом, предназначенный для проживания одной семьи, сформировавшийся на основе местных строительных и композиционных приемов, государственных регламентаций, климатических особенностей и жизненного уклада иркутян. Такие дома имели Г-образный план и состояли из жилого объема и бокового прируба сеней с лестницей. В верхнем ярусе прируба часто устраивались светелка или балкон, а в более поздних версиях – остекленная веранда. Внутреннее пространство жилого объема делилось легкими перегородками и центрально установленной печью на несколько

помещений, жилые покои были ориентированы на улицу, кухня и хозяйственные помещения – во двор. Для увеличения площадей в условиях запрета на строительство двухэтажных деревянных жилых зданий [8] делали пониженные частично заглубленные в землю подклеты, а в дворовой части дома устраивали жилые антресоли. Величина основного объема также могла варьировать – основной объем мог быть четырехстенным или пятистенным. На фото А. Гофмана 1866 г. зафиксированы разные варианты традиционных жилых домов Иркутска допожарного периода (илл. 4).

При приспособлении для сдачи в аренду привычных традиционных форм индивидуальных домов в первую очередь необходимо было решить две основные взаимосвязанные задачи: создать комфортные максимально изолированные от соседей апартаменты и обеспечить их отдельными входами.

Наиболее оптимальным и оправданным с экономической точки зрения стало возведение двухэтажных доходных домов с раздельным использованием этажей. Подобно индивидуальному жилому дому такие постройки также имели Г-образный план и состояли из основного жилого объема и пониженного бокового входного прируба. Каждый этаж занимала одна квартира с самостоятельным парадным входом в боковом прирубе. Входы на разные этажи размещали рядом с одного крыльца, но при этом они были раздельными. Прируб делился надвое – одна из его частей (ближняя к основному объему) включала вход на первый этаж, другая – вход и лестницу на второй. Так же как и в индивидуальных домах, в верхнем ярусе прируба обычно устраивалась просторная, хорошо освещенная веранда с высокими арочными окнами. Внутреннее пространство основного жилого объема перегородками и печью обычно делилось на три или пять комнат с кухней и прихожей. Учитывая небольшую этажность, ограниченное количество квартир и, соответственно, соседей, уровень комфортности вполне соответствовал проживанию в собственном доме.

Приведенная схема является своего рода базовой моделью. Ее простота и универсальность допускали разные варианты использования. Прием вынесения кухни и части подсобных помещений в задний лестничный прируб позволял варьировать количество помещений, сдаваемых внаем. В таком случае на каждом этаже могли разместить по две маленькие квартиры со входами в разных прирубах или одну квартиру и комнаты, арендуемые по отдельности также с раздельными входами и пр.

Объемно-планировочное решение доходных домов в местных традициях действительно во многом сходно с подобным решением частных жилых домов. Идентичны набор и соотношение объемов в целом, расположение прирубов, но что особенно важно, доходные дома возводились теми же строительными артелями, с использованием таких же конструктивных и строительных приемов и в целом продолжали развитие в русле народной архитектуры.

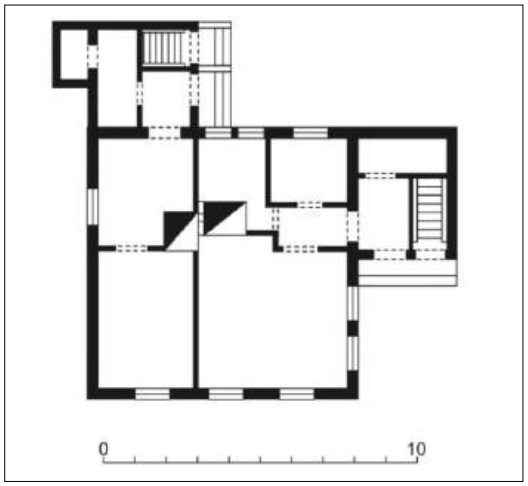
Уже в ранних доходных постройках можно отметить специфическую отличительную черту, свойственную жилью, сдаваемому внаем, – переориентация парадных входов в сторону улицы.

Последующие трансформации касаются преобразований самого входного лестничного прируба. В первую очередь меняется местоположение – прируб перемещается ближе к улице и располагается в одну линию с главным фасадом. Однако при таком положении прируба открытая со всех сторон веранда становится неудобной и даже неуместной, поскольку ее внутреннее пространство хорошо просматривается с улицы. Постепенно часто посаженные высокие арочные окна уступили место обычным оконным проемам, тем более что и сама веранда как место отдыха при наличии нескольких разных квартиросъемщиков потеряла смысл и превратилась либо в проходное помещение, либо частично была включена в состав одной из квартир.

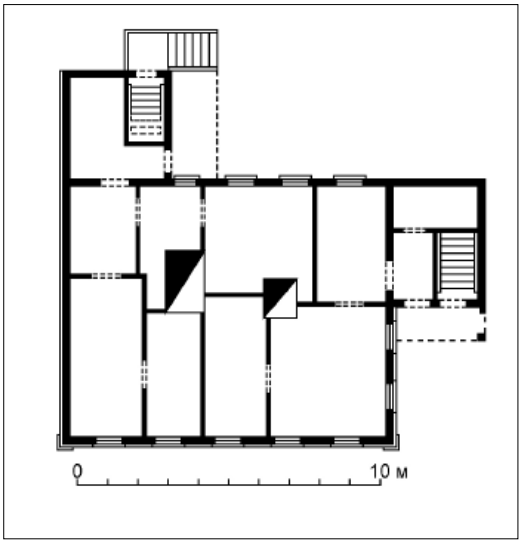
Характерный пример построек этого типа – здание по ул. Б. Хмельницкого, 9, построенное в 1881 г. на выгоревшем в пожаре участке (илл. 5). Его общий облик вполне соответствует облику традиционных особняков более раннего периода. В то же время

очевидны приемы, свойственные многоквартирному жилью: наличие двух раздельных входов, ведущих в квартиры на разных этажах, ориентация входов в сторону улицы, устройство дополнительного прируба к заднему фасаду также с двумя входами на разные этажи. В настоящее время на каждом этаже имеется по две квартиры.

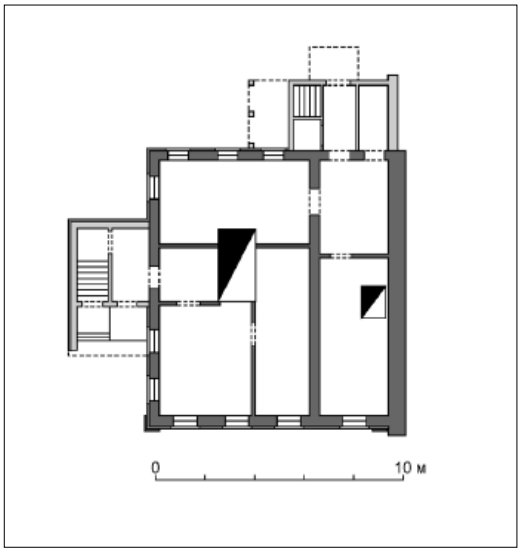
Ул. Б. Хмельницкого, 9



Ул. Декабрьских Событий, 43



Ул. К. Либкнехта, 35. Вдоль бокового фасада устроен каменный брандмауэр



Илл. 5. Примеры различных вариантов доходных домов в местных традициях

Илл. 6. Ул. Партизанская, 85

С 1863 г. была введена норма об обязательном расположении деревянных строений с соблюдением четырехсаженного разрыва от левой границы двора, в противном случае должны были возводиться брандмауэры [9]. Таким образом, дом можно было расположить у правой межи без устройства брандмауэров, а значит и без дополнительных расходов, потому наибольшее распространение получили дома с левосторонним расположением прируба. Поясним, что согласно циркуляру Министерства внутренних дел от 7 сентября 1867 г. № 667 «…под левой границей двора следует считать ту, которая находится на левой руке при выходе со двора на улицу, а не при входе с улицы на двор…» [10].

Выстроенное вскоре после пожара 1879 г. жилое здание по ул. К. Либкнехта, 35 (илл. 5) во многом сохраняет черты обычных жилых домов допожарного периода (общие пропорции, традиционное крыльцо с навесом на выкружке, пониженный первый этаж), но в то же время это уже доходный дом с автономными входами. В данном случае интересна постановка дома у левой боковой межи усадьбы с обязательным в этом случае каменным брандмауэром.

Со временем здания этого типа видоизменяются и приобретают признаки, свойственные другим типам, и все менее остаются похожими на особняки. Планировка этажей и преобразование входного прируба в лестничный блок в целом уже соответствуют секционному типу.

Секционный тип

Здание по ул. Партизанской, 85 – любопытный пример использования традиционных форм. Построенный в начале 1880-х гг. доходный дом имеет поперечный мезонин, при этом принцип организации входов и планировка в целом соответствуют доходным домам в «местных традициях».

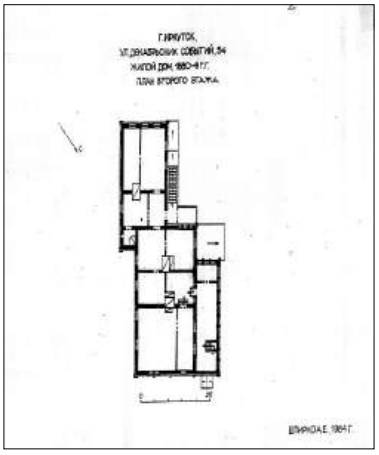
В 1880–1890-е гг. появляется много построек секционного типа. Часть из них как бы продолжала развитие и совершенствование типа дома в местных традициях.

Илл. 7. Ул. Марата, 24–26. Пример одинаковых секционных доходных домов с зеркально отраженным расположением лестничных прирубов в зависимости от положения в усадьбе. Первоначально эти здания входили в состав одной усадьбы и были построены с учетом требований Строительного устава. Левое здание поставлено непосредственно у межи, правое – с необходимым отступом в четыре сажени. Между зданиями был устроен въезд во двор.

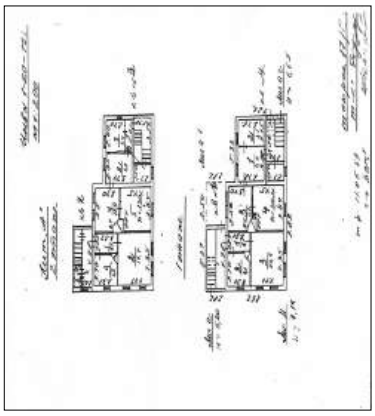
Другая часть была связана с профессиональной архитектурной деятельностью и появлением новых планировочных приемов.

Дальнейшее развитие домов в местных традициях и преобразования их в полноценные секционные дома были связаны с увеличением доли жилых помещений и совершенствованием входных лестничных прирубов (илл. 7).

Со временем появляются различные варианты их устройства и блокировки. Исчезновение сплошного остекления веранды по двум или трем сторонам дало возможность размещения прируба с любой из боковых сторон основного объема; в узких или тесно застроенных усадьбах лестничный прируб мог перемещаться на задний фасад. Также происходят трансформации прируба по высоте и объединение его под одну крышу с основным объемом и далее включение прируба в общий объем дома (илл. 8).



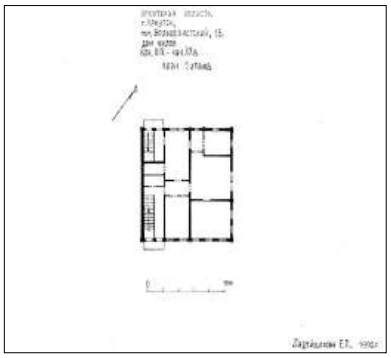
Ул. Декабрьских Событий, 54



Ул. 5-й Армии, 43

Ул. Красногвардейская, 25 – лестница включена в общий объем на дворовой части дома

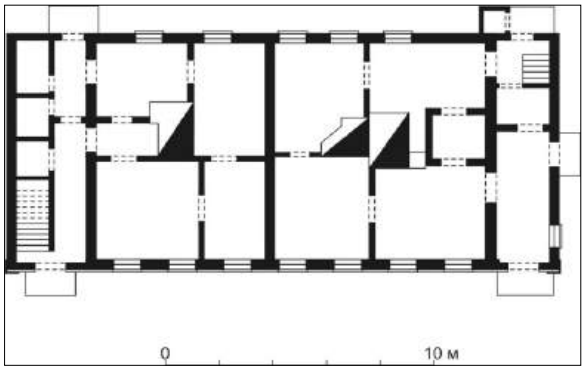
Пер. Большевистский, 13



Парадная и черная лестницы расположены по одной оси и объединены в общий объем

Илл. 8. Примеры секционных доходных домов

Ул. Грязнова, 19. Общий вид со стороны улицы



План первого этажа

Пропильная резьба убранства наличников

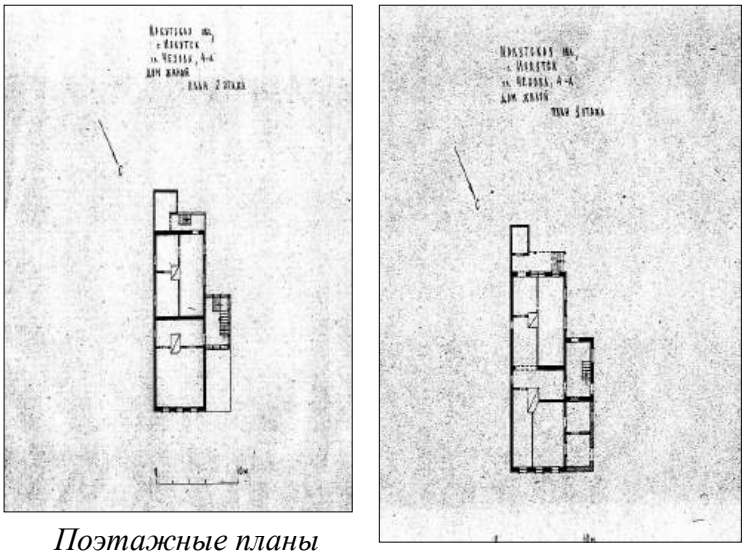
Илл. 9. Ул. Грязнова, 19

С учетом действовавших в то время нормативных ограничений габаритов деревянных зданий и требований к устройству входов и лестниц распространение получили одно- и двухсекционные здания.

В двухсекционных постройках для кардинального увеличения жилых площадей использован опробованный прием блокировки двух жилых модулей. При этом расположение дома и места примыкания входных прирубов варьировались в зависимости от конфигурации и размеров усадьбы. Если позволяла ширина участка, дом ставили вдоль улицы, а прирубы располагали по торцам, и тогда все квартиры имели парадные входы с улицы. Для уменьшения общей ширины объема либо один, либо оба прируба помещали на задний фасад. В узких усадьбах дом ставили торцом к улице. В любом случае на каждом этаже получалось по две полноценных квартиры с отдельными входами. Имелись различные варианты устройства входных прирубов, которые различались как по общим габаритам, так и по характеру примыкания к основному объему: пониженные относительно основного объема под самостоятельными крышами; равновысокие; меньшей или одной ширины с основным объемом и т. д. Пример двухсекционного доходного дома – здание по ул. Грязнова, 19 (илл. 9).

Два его лестничных блока, расположенных по торцам, включены в об-

Ул. Чехова, 4 . Общий вид со стороны улицы



Поэтажные планы

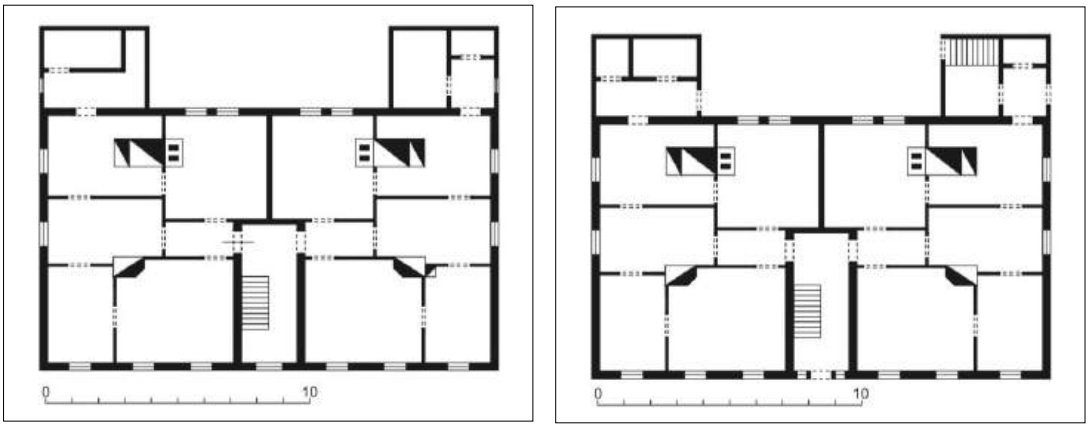
Илл. 10. Ул. Чехова, 4

щий объем, и каждый из них имеет парадный и черный входы. Общий объем разделен поперечной капитальной стеной, и на каждом этаже устроено по две квартиры с отдельными входами. Как и большинство аналогичных зданий, этот дом строился поэтапно. В 1902 г. над первоначальным одноэтажным объемом был сооружен второй этаж и реконструированы лестничные прирубы. Великолепный пропильной декор был выполнен в 1910 г. в ходе очередной реконструкции.

Интересен пример секционного дома по ул. Чехова, 4 (илл. 10). На первый взгляд он воспринимается как обычный традиционный особняк с двухъярусным прирубом сеней с остекленной галереей. Однако это двухсекционный доходный жилой дом с двумя входными прирубами. Его жилой объем, сблокированный из двух жилых модулей, поставлен торцом к улице.

Скорее исключением является вариант удвоения жилых модулей, при котором объемы блокируются входными прирубами, – доходный дом по ул. 25-го Октября, 18 (илл. 11). При такой блокировке перед входами образуется довольно удобный небольшой дворик – курдонер.

Илл. 11. Доходный дом по ул. 25-го Октября, 18



Илл. 12. Доходный дом по ул. Седова, 33. Поэтажные планы

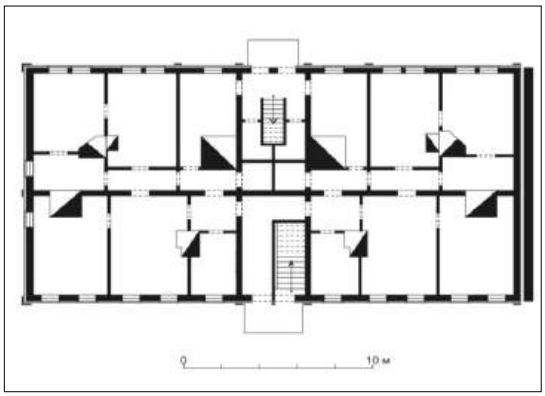
На рубеже XIX – начала XX в. появляются секционные доходные дома, выполненные по проектам профессиональных архитекторов. Такие постройки отличаются «прорисованными» рациональными планами, четким функциональным зонированием, выверенными пропорциями. Примером может служить четырехквартирный двухэтажный доходный дом с центральным лестничным блоком, построенный в конце 1880-х гг. в небольшой частной жилой усадьбе по ул. Седова, 33 (илл. 12). Этот дом состоит из поставленного вдоль улицы двухэтажного жилого объема и двух прирубов к дворовому фасаду, дополняющих общий объем до П-образной формы. Планировка основного объема строго симметрична относительно поперечной оси. По центральной оси в уличной части дома капитальными стенами выделен лестничный блок с общим парадным входом, через который можно попасть на первый и второй этажи. Дополнительные входы устроены в дворовых прирубах. На обоих этажах устроено по две одинаковые квартиры. В данном случае, так же как и в более ранних образцах, в планировке уже изначально закладывается возможность аренды части помещений пораздельности.

С 1890-х гг. получили распространение доходные дома коридорного типа, более подходящие для покомнатной аренды, ориентированные на небольшие семьи и одиночных квартиросъемщиков. Понятно, что уровень комфортности проживания в таких домах был ниже, но спрос на них имелся, и, судя по количеству, немалый.

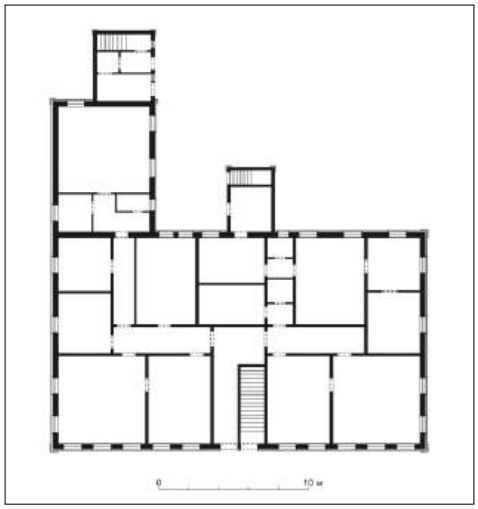
Преимущественно строились дома с центральным продольным общим коридором, объединяющим жилые помещения с входами и лестницами. Можно выделить несколько разновидностей: коридор мог быть сквозным; неполным сквозным (тупиковым с одной или двух сторон) или Г-образным, но, как правило, центральным. Иногда в одной постройке совмещали планировочные приемы, например в одной половине устраивали отдельные квартиры, другая делилась на комнаты с общим тупиковым коридором. Такая планировка позволяла совмещать покомнатный и поквартирный виды аренды.

Различаются такие постройки и по расположению лестничных блоков. Учитывая габариты зданий коридорного типа, наиболее рациональным было размещение лестничного блока по центральной поперечной оси, при этом он мог членить или весь объем насквозь, или же только его уличную часть. Имелись различные варианты устройства входов: парадный вход мог быть общим для обоих этажей, а могли быть устроены сдвоенные входы, ведущие на разные этажи. Имеется редкий пример устройства тройного парадного входа (ул. Грязнова, 9), где центральная дверь ведет на второй этаж, а боковые – в помещения первого этажа (см. илл. 13). Дополнительные входы устраивались либо на боковом дворовом фасаде основного объема, либо в дворовых прирубах.

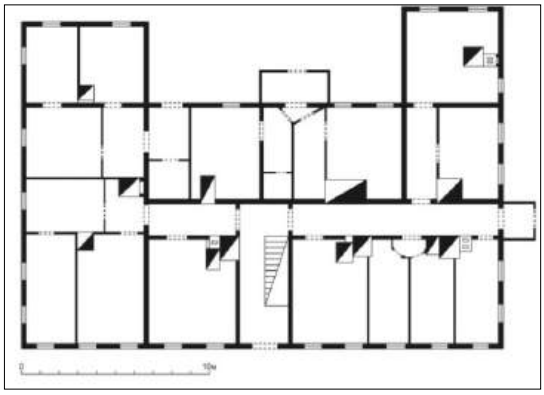
В целом доходные дома коридорного типа отличаются более крупными общими габаритами. Общая протяженность жилого объема зачастую приближается к предельно допустимой (строительные нормы допускали длину деревянных зданий не более 12 саженей – 25,6 м) [11].



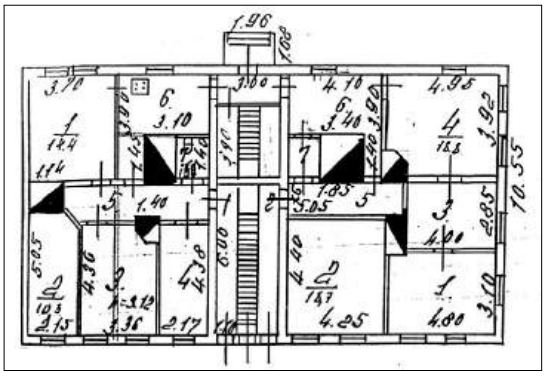
Ул. К. Либкнехта, 11



Ул. Бабушкина, 11



Ул. С. Разина, 22



Ул. Грязнова, 9. Особенность – тройной парадный вход

Планы первого этажа

Илл. 13. Примеры зданий коридорного типа

Отапливались квартиры печами, топки которых были устроены со стороны коридора.

Пример доходного дома с центральным продольным коридором – двухэтажное деревянное здание по ул. К. Либкнехта, 11 (илл. 13), построенное в 1900-е гг. Его планировка строго симметрична: по поперечной оси располагается сквозной лестничный блок, включающий парадную и черную лестницы со входами с улицы и со двора, по продольной оси – центральный коридор. К лестницам, делящим дом на две равные половины, примыкают помещения общего пользования: туалеты и общие кухни с большими печами. При всей композиционной цельности и завершенности, в планировку была изначально заложена обычная для доходных домов возможность многовариантного использования помещений – на каждом этаже можно было разместить по две большие квартиры или четыре маленьких, можно было комбинировать квартиры и сдавать комнаты по отдельности.

Дом по ул. Бабушкина, 11 (илл. 13) относится к коридорному типу с Г-образным центральным коридором, объединяющим парадную лестницу и жилые помещения с общей кухней и санузлами, вынесенными в отдельный прируб к заднему фасаду. Черные входы и лестницы устроены на дворовом фасаде в отдельных прирубах.

Доходный дом по ул. С. Разина, 22 (илл. 13), построенный в 1907 г., иллюстрирует тип с неполным сквозным или тупиковым коридором. Его крупный двухэтажный корпус поставлен вдоль улицы. В правой части устроен центральный продольный коридор, объединяющий жилые комнаты, входы и лестницы, в левой – небольшие отдельные квартиры. Парадный вход устроен по центру главного фасада, дополнительный – на боковом.

Дома галерейного типа получили наименьшее распространение. В условиях Иркутска из-за сурового климата, продолжительных и снежных зим устройство открытых галерей и открытых лестниц, которые комфортно использовать только часть года, было нецелесообразным. Но, тем не менее, существовало несколько разновидностей зданий этого типа.

В отличие от городов Европейской России, где дома с галереями появились на ранней стадии формирования доходного жилья, в Иркутске этот тип, напротив, относится к более позднему.

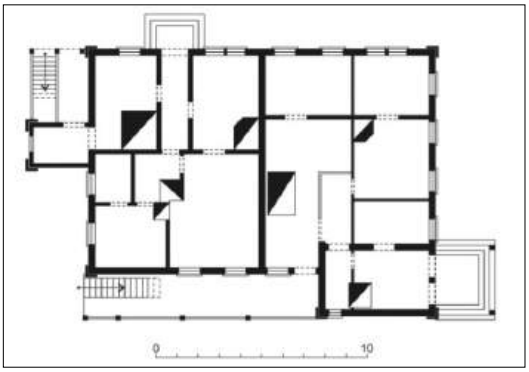
Следует пояснить, что первые галереи появились при приспособлении обычных домов для сдачи в аренду и были связаны с трансформациями входных прирубов и переориентацией входов в сторону улицы. Устроены они были следующим образом: боковой входной прируб располагался на традиционном месте, а на главном фасаде в соответствии с новыми тенденциями возводилась «фальш-стена» с парадным уличным входом (илл. 14). Между этой стеной и прирубом устраивалась открытая галерея.

Позже в связи с увеличением объемов и усложнением планировочной схемы для обеспечения отдельных входов в квартиры второго этажа на боковых и задних фасадах стали делать открытые галереи, на которые вели открытые лестницы.

Характерная особенность иркутских домов с галереями состояла именно в том, что галереи, как правило, устраивались для организации входов. Планировка при этом могла быть либо секционной, либо коридорной.

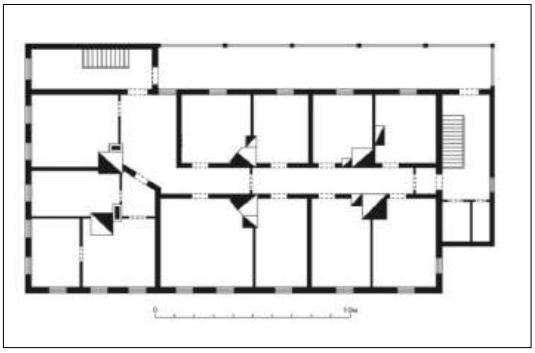
Илл. 14. Здание по ул. Грязнова, 17 – пример дома с галереей и лицевой «фальш-стеной», возведенными позднее самого дома при приспособлении его под аренду и раздельное использование этажей

Ул. Ф. Энгельса, 21



План первого этажа

Ул. Желябова, 16

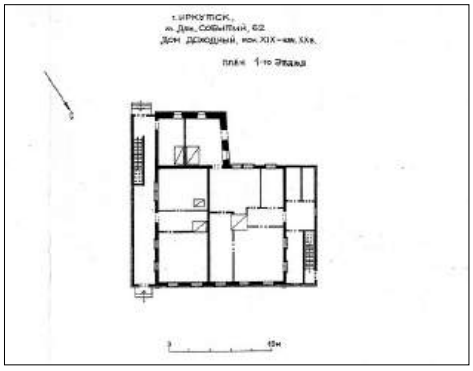


План второго этажа

Ул. Горького, 16

Ул. Горького, 16, дворовый фасад

Ул. Декабрьских Событий, 62. Открытые галереи по обоим торцам жилого объема (на левой галерее остекление – пóзднее)



План первого этажа

Илл. 15. Примеры зданий галерейного типа

В 1910–1911 гг. почетным гражданином города А.И. Шастиным по профессиональному проекту был построен крупный двухэтажный доходный дом, благодаря пышному декору сегодня известный как «Кружевной» (илл. 15). Но интересен не только декор, но и объемно-пространственное решение. В данном случае перед архитектором стояла задача размещения крупного объема в узкой, вытянутой в глубину квартала усадьбе. Дом поставили торцом к улице непосредственно у левой боковой межи. Расположение галереи на левом боковом продольном фасаде позволило, с одной стороны, создать дополнительные автономные входы, с другой – обыграть довольно неудобный, но необходимый отступ от межи для устройства окон [12]. Галерею и боковой прируб перекрыли общей с домом вальмовой крышей, акцентированной по углам фронтонами и шатрами. В результате получился выразительный усложненный объем. Первоначально дом поперечным перерубом делился на две половины, в каждой из которых была устроена просторная квартира (одинаковые на обоих этажах), т. е. планировка была секционной. Сдвоенные парадные входы в квартиры, расположенные в уличной части дома, находились на лицевом фасаде бокового прируба, дополнительные – с открытой галереи.

В доходном доме по ул. Желябова, 16 открытая галерея на боковом продольном фасаде снаружи и продольный Г-образный центральный коридор внутри объединяют входные лестничные прирубы на главном и дворовом фасадах (илл. 15). К настоящему времени открытая лестница, ведущая на галерею, утрачена. Сама галерея покоится на крестообразных консолях, а односкатный навес над ней опирается на фигурные столбики.

Положение галерей и организация входов варьировались в зависимости от планировочной структуры самого дома и его положения в усадьбе. Например, существуют здания с двумя галереями на обоих боковых фасадах или же с двумя галереями на боковом и дворовом фасадах.

Кроме доходных построек, сдававшихся только под жилье, строились дома, совмещающие жилье и торговлю. Вариантов домов с таким сочетанием было довольно много, среди них: приспособление под торговлю одного из помещений с устройством двери на уличном фасаде на месте обычного оконного проема, устройство лавки в отдельном прирубе и т. п. Но наиболее выразительный и излюбленный иркутянами тип – угловой доходный дом со срезанным внешним углом, в котором в уровне первого этажа устроен вход в торговое помещение. Встречаются и одноэтажные, и двухэтажные образцы. Один из интересных примеров – доходный дом с торговым помещением, расположенный по ул. Халтурина, 15 (илл. 16).

К сожалению, в краткой статье невозможно показать все многообразие доходных домов. Приведенные типы являются основными, а кроме того, существовало еще огромное количество комбинированных видов и модификаций. Все планировочные схемы были достаточно гибкими – постройки приспосабливались к каждой конкретной ситуации, строились поэтапно, видоизменялись и перестраивались в соответствии с пожеланиями и возможностями домовладельцев.

Илл. 16. Доходный дом с магазином по ул. Халтурина, 15. Общий вид

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Доходный дом – многоквартирный жилой дом, построенный для сдачи квартир в аренду.

2. «КОРТОМ м., кортома ж. вост. наем, съем, прокат, аренда, оброк, откуп (...). В кортом, из кортомы берут земли, воды, леса, ловли, прииски, хутора, а в Сибири также дома...» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Изд. центр «Терра», 1994. Т. 2. С. 170).

3. По информации иркутского историка А.Н. Гаращенко, известны нотариально заверенные документы по найму, датируемые началом XIX в.

4. Иркутские губернские ведомости. 1857. 17 окт. (№ 23). С. 11; 1858. 4 сент. (№ 37). С. 12; 18 сент. (№ 38). С. 12.

5. Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1: Законы гражданские. СПб., 1900. Кн. 4. Разд. 3. Гл. 2, отд. 1. Ст. 1691, 1692.

6. Это здание по ул. Седова, 24 было отреставрировано в 2010 г. В ходе реставрационных работ первый этаж, ранее существенно скрытый поднявшимся культурным слоем, был поднят до первоначальной отметки.

7. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 842. Л. 324. (Приводится по научно-исследовательской документации «Историко-архитектурное обоснование реконструкции исторического квартала № 21 Центральной части г. Иркутска», Бубис Н.Г., Ладейщикова Е.Р., архив Службы по сохранению историко-культурного наследия, № 477/Б).

8. Запрет на строительство двухэтажных деревянных жилых зданий в Иркутске был снят в 1864 г.

9. Бутырский Д. Устав строительный. М., 1903. Разд. III, п. 199. С. 135 (разъяснения в Примечании).

10. Цит. по: Памятная книжка для домовладельцев и вообще лиц, имеющих недвижимые собственности в городах и столицах. М.: Унив. типография (Катков и К°), 1868. Ч. 1. Гл. 3, п. 3. С. 17.

11. Бутырский Д. Указ. соч. Разд. IV. Гл. III, отд. 2, п. 192. С. 128.

12. Согласно Строительному уставу, дом, поставленный у самой межи, не должен иметь окон на двор и крышу своего соседа (Бутырский Д. Указ. соч. Разд. III, п. 192. С. 192).

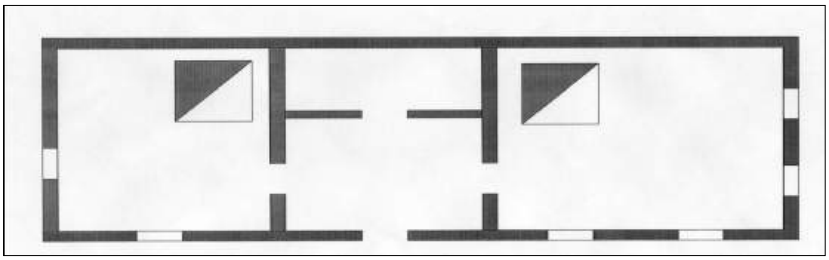
Е.Ю. Колганова

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ УКРАИНЦЕВ В АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ «ТАЛЬЦЫ»

Основной поток украинских переселенцев в Сибирь и в частности в Предбайкалье пришелся на время столыпинской аграрной реформы. Большинство украинских переселенцев останавливались в тех регионах, где природно-климатические условия были близки условиям районов выхода, чаще это были степные и лесостепные земли Западной Сибири (Томское Приобье, Омское Прииртышье, Бараба). Кроме того, огромный массив украинского населения сформировался на территории современного Алтайского края, в районах так называемого Степного Алтая (включая Кулундинскую степь). В меньшей степени переселялись украинцы на территорию Восточной Сибири.

В 2013–2014 гг. сотрудниками Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» были организованы экспедиционные обследования сел, образованных во время столыпинской аграрной реформы, с целью сбора информации по этнографии для формирования в музее переселенческой экспозиционной зоны, призванной отразить традиционную народную культуру украинцев, белорусов, татар, поляков, голендров, переселившихся на территорию Предбайкалья из-за малоземелья на родине, а также с целью показа адаптации крестьян к новым природным и климатическим условиям.

Среди обследованных деревень Предбайкалья особый интерес вызвала д. Батама Зиминского района Иркутской области, основанная переселенцами из Волынской губернии в 1908 г. Дома в Батаме рублены из окантованных бревен, снаружи обмазаны глиной и побелены, покрыты драньем или тесом в несколько рядов. Внешне строения вполне соответствуют типичным украинским домам-мазанкам.



Дом украинских переселенцев в д. Батама Зиминского района Иркутской области. Фото Е.Ю. Колгановой, 2013 г.

Дом украинского крестьянина в музее архитектуры и быта «Пирогово», Киев. Фото с сайта музея

Часть домов в Батаме, построенных из кругляка, снаружи тоже побелены. Такие дома также несут следы традиционного жилища данного народа, так как для Волыни была характерна побелка и по глиняной обмазке, и по срубу. Большая часть украинских домов в деревне ориентирована не по отношению к улице, а по сторонам света: дом стоит в глубине усадьбы, вход обычно обращен на юг, юго-запад. Это связано с преобладанием разбросанного плана украинского села на родине. Немногочисленные хозяйственные постройки переселенцев располагались без определенного порядка в усадьбе, лишь клуня (амбар) всегда устраивалась отдельно от дома. Это вызвано соображением пожарной безопасности.

Что касается плана и внутреннего расчленения дома, то преобладающим типом жилищ украинских переселенцев в Батаме является трехкамерный, или трехраздельный, дом, состоящий из хаты и коморы (кладовой), соединенных сенями, или хаты и хатины, такой тип аналогичен дому-связи у русских старожилов, в котором сени соединяют избу и горницу. Вход в трехраздельный дом осуществляется всегда через среднюю часть.

В 2014 г. в музей «Тальцы» из д. Батама Зиминского района для формирования украинской усадьбы в переселенческой экспозиционной зоне был вывезен дом украинских переселенцев по столыпинской аграрной реформе, построенный в 1910 г. Дом состоит из хаты и холодных сеней с коморой, обладает явно отличительными от русского старожильческого дома Предбайкалья элементами: строение обмазано глиной и побелено с наружной стороны; не имеет подклета; было покрыто коротким драньем в несколько рядов, отсутствуют ставни, окна обрамлены простыми рамками, дощатый потолок вразбежку с выпуском торцов на дворовый фасад. Внутренняя обстановка также имела свои особенности. Русская печь, находившаяся по левой стороне от входа, устьем была направлена не к противоположной торцовой стене, как в интерьере русских старожильческих домов, а к продольной стене с окнами. Спальное место в виде нар, настланных на уровне 1 м от пола, находилось за печью, в то время как у русских в этом месте дома находилась кухонная зона (куть), а спальное место представляло собой полати, устроенные над дверью, или кровать у входа. Красный угол располагался в углу по диагонали от печи. Под иконами стояли стол, стулья, лавки. Кухонная зона находилась у входа напротив устья печи. Из утвари было много вещей, привезенных из метрополии. Главным украшением хаты были домотканые вещи: дорожки, скатерти, вышитые рушники.

В музеефицируемой хате планируется воссоздать убранство дома украинского переселенца с показом домотканины, вышитой характерным украинским орнаментом.

Столыпинские переселенцы, в том числе украинцы, испытывали большие трудности в освоении сибирских земель: вручную выкорчевывали лес, разделывали целинную землю под пашню. Чтобы показать этот процесс, в украинской усадьбе переселенческой зоны музея «Тальцы» планируется создать небольшой огород, где у посетителей появится возможность пройти за плугом или сохой несколько метров и хоть немного ощутить ту тяжесть, которую испытывали переселенцы в земледелии на новом месте жительства. В данной экспозиции можно также показать произрастание льна (именно переселенцы из центральных и западных губерний Российской империи начала XX в. привнесли на сибирские земли культуру льноводства), ржи, ячменя, овса, гречихи и пшеницы. Украинцы накопили ценный опыт возделывания различных сортов пшеницы. В Сибири это сразу выдвинуло их в основные производители зерновых культур. Экспозиция познакомит посетителей с основными сельскохозяйственными культурами, о внешнем виде которых редко имеют представление горожане, особенно представители молодого поколения. Большое значение для украинцев в земледелии и животноводстве имело производство подсолнечника. В Сибири приготовление масла из него не приобрело больших масштабов, зато обеспечило потребность региона в этом продукте в качестве корма для скота. Выращивание небольшого количества подсолнухов придаст еще больший украинский колорит музеефицируемой переселенческой усадьбе.

Издавна важное место в хозяйстве украинцев занимало пчеловодство, часто имевшее торговое направление. В Памятной книжке Иркутской губернии за 1911 г. говорится: «Пчеловодство в Иркутской губернии находится в зачаточном состоянии и опыты производятся переселенцами, которые перевозят пчел с родины. Но леса и луговая растительность, по мнению агрономов, дают неисчерпаемый источник запасов меда» [1]. Не вызывает сомнения, что фрагментарный показ данного вида деятельности (установка бортей в конце огородного участка в усадьбе украинских переселенцев) в музее «Тальцы» позволит полнее представить значение столыпинского переселения для развития хозяйства в Предбайкалье.

Сама воссозданная украинская усадьба в переселенческой зоне музея может стать площадкой для проведения традиционных украинских праздников с угощением национальными блюдами, т. е. с полным погружением в атмосферу быта и культуры украинских переселенцев начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Памятная книжка Иркутской губернии. 1911 г. Иркутск, 1911. С. 95.

А.В. Зиброва

ПОЧТОВЫЕ СТАНЦИИ В ТРАКТОВЫХ СЕЛАХ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ В XIX ВЕКЕ

Строительство почтовых станций в трактовых селах Предбайкалья в XIX в. является отличительным элементом материальной культуры старожильческого населения. Вопросы организации почтового сообщения в Восточной Сибири, в частности структурной организации отведенных под нужды почтового ведомства зданий, а также вопросы возникновения, формирования и типологии почтовых станций на сегодняшний день становятся актуальными в связи с разработкой экспозиционного пространства трактовой зоны в АЭМ «Тальцы». Проектируемый в этой зоне экспозиционный комплекс построек «Почтовая станция» в первую очередь призван отразить функциональное назначение располагавшихся на Московском тракте почтовых станционных усадеб посредством характеристики планировочных и архитектурно-конструктивных особенностей отдельных его объектов.

Проведенный анализ научной литературы по данной тематике, изучение архивных и фотографических материалов, а также натурные наблюдения предоставили возможность наиболее полного осмысления того, как выглядели почтовые станции в Предбайкалье в XIX в., на основе чего допустима реконструкция почтовой станции в экспозиции музея.

Среди дореволюционных источников следует отметить книгу В. Паршина «Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное в 1849 г.», которая есть не что иное, как добросовестная каждодневная зарисовка предпринятого автором путешествия по старому Московскому тракту. Для исследования важным является то, что автор в своем сочинении называет следующие друг за другом почтовые станции от Иркутска до Бирюсинска, отмечает протяженность пути между ними и дает краткое описание каждой из них [1].

В советской научной литературе данный аспект рассматривался А.Н. Вигилевым. Его монография «История отечественной почты» посвящена истории развития средств связи в России с древнейших времен; автор подробно останавливается также на процессе зарождения регулярной почтовой гоньбы и истории создания Московского тракта [2].

Одним из современных исследователей этого вопроса, давших подробное описание возникновения и развития сибирской почты начиная с XVII и вплоть до XX в., стал С. Гольдфарб. Собранные им материалы позволяют составить представление об особенностях ямской гоньбы в Сибири, внешнем облике и наполнении почтовых станций [3].

Систематизированные материалы экспедиций по трактовым селам Предбайкалья нашли отражение в монографии А.К. Нефедьевой и В.В. Тихонова «Московский тракт». Книга освещает жизнь русской деревни трактовой зоны Иркутской губернии в XVII–XIX вв. Внимание авторов акцентировано на архитектуре трактовых сел и развитии промыслов, в том числе и извозного [4].

В научных статьях Е.А. Андреевой [5], Н.П. Дулеповой [6] рассмотрены предпосылки возникновения почтовых станций в Восточной Сибири, основные положения, связанные с осуществлением почтовой гоньбы, приведены описания внешнего облика станционных усадеб.

Наиболее ценные сведения о состоянии почтовых станций в Предбайкалье удалось почерпнуть из архивных документов. В Государственном архиве Иркутской области в фонде Управления строительной и дорожной частями Восточной Сибири хранятся сдаточные описи, составленные на станционные дома со службами на Муринской и Мишихинской почтовых станциях, в которых зафиксированы размеры станционных построек и подробно перечислено казенное имущество.

Отметим, что почтовые станции в России являлись государственными учреждениями, где производился обмен почтой между ямщиками и станционными служащими, проезжающим предоставлялись отдых, возможность смены лошадей и средств передвижения. Однако до появления первых почтовых станций в Предбайкалье по тракту уже в XVIII в. было налажено регулярное почтовое сообщение. По колесной дороге располагались зимовья – ямские станы, ямы. Возникли ямы еще во времена татаро-монгольского ига, как способ поддержания отношений с русскими князьями. Само слово «ям» образовано от татарского «дзям», что означает «дорога», слово «ямщик» – от «ям-чи», т. е. «проводник», «путеводитель».

Внешне ямы представляли собой небольшие избы, интерьер которых был достаточно скромен – глинобитные печи, широкие лавки и нары. Ямские станы выполняли функции, возложенные со временем на почтовые станции, здесь путник за определенную плату мог получить ночлег, еду и фураж для лошадей. По сути ямы являлись первыми постоялыми дворами, обслуживанием которых занимались крестьяне.

В XIX в. происходит усовершенствование почтовых учреждений. Существовавшие ранее ямы были заменены новыми опорными пунктами – почтовыми станциями, строительство которых велось по всему Московскому тракту с промежуточным расстоянием в 25–30 верст. Станции очень быстро оформились в единую систему с практически общими правилами распорядка жизни и деятельности.

В Предбайкалье строительство почтовых станций осуществлялось по типовым проектам, утвержденным высочайшим указом 2 декабря 1848 г. [7]. Внешне станция представляла собой целый комплекс построек жилого и хозяйственного назначения, в которых располагались все необходимые для почтовой службы помещения. Так, главный фасад почтовой станции составляли станционный дом, ворота и флигель для ямщиков, соединенные высоким заплотом. В набор хозяйственных построек входили навесы для лошадей и почтового транспорта. Строительство конюшен на территории станционных усадеб было не предусмотрено «по тому уважению, что по большей части станции расположены при селениях, а где в оных, там обыкновенно находятся вблизи станции постоялые дворы. В первом случае, ямщики могут держать лошадей при крестьянских домах, а в последнем на постоялых дворах; устроение же конюшен на почтовых дворах требует значительных издержек» [8].

По периметру обширный двор почтовой усадьбы огораживался высоким заплотом. Все почтовые станции отмечались щитом с изображением государственного герба, названием места и расстояния от Петербурга. Станционный дом делился на две половины и одновременно выполнял функцию гостиницы для отдыха или же проживания проезжающих, а также жилья для служителя почты. Флигель для ямщиков являлся местом отдыха извозчиков.

Кроме казенных почтовых станций, расположенных по тракту, достаточно часто встречались станции, построенные частными лицами. Такие станции располагались в селах, в обычных крестьянских усадьбах, чьи хозяева оформили подряд с государством на осуществление ямской гоньбы и приспособили жилище под учреждение почтового ведомства.

Стоит отметить, что Московский тракт оставался главной государственной дорогой, связывавшей города и крупные села Российского государства с Китаем. По тракту осуществлялась ямская гоньба. Существовал и другой вид гоньбы – междворный, что было обусловлено необходимостью почтового сообщения между населенными пунктами, например, одной волости. Помимо основной дороги, проходившей по центру любого трактового села, Предбайкалье связывали тракты второстепенного значения – Якутский, Бодайбинский, Кругоморский (Кругобайкальский), Тыреть-Балаганский и Тункинский.

Одну из бывших частных почтовых станций сотрудникам музея удалось увидеть в с. Введенщина Шелеховского района во время экспедиции в 2004 г. Введенская почтовая станция находилась на Кругоморском тракте и являлась первым перевалочным пунктом за 25 верст от Иркутска. Станция принадлежала крестьянину Шульгину. На момент обследования от некогда действовавшей станции сохранился лишь дом, расположенный по адресу: ул. Юбилейная, 48. Постройка состояла на учете в ЦСН.

Введенская почтовая станция, вторая половина XIX в.

Здание представляло собой интересный пример жилого дома второй половины XIX в., построенного в традициях русской архитектуры. В плане дом-пятистенок, рублен «в обло», диаметр бревна достигал 40 см, крыша самцовая с фигурным коньком наверху, сохранились повалы и следы от куриц. Длинным фасадом в три окна здание выходило на улицу. Надворных построек не сохранилось. Хозяин усадьбы предполагал разобрать находившийся в его собственности дом на дрова. Памятник был утрачен.

Еще одна частная почтовая станция была обнаружена в с. Биликтуй Усольского района. Располагалась она на Московском тракте. Сведения о местоположении Биликтуйской почтовой станции удалось найти в книге В. Паршина. Автор пишет: «От Иркутска по тракту к Москве: почтовая станция Зуевская, до нее 24 версты. Через 25 верст Биликтуйская, почтовая станция в наемном доме, на левом берегу реки Китой» [9].

На сегодняшний день от бывшей почтовой станции сохранился только дом, расположенный по адресу: ул. Советская, 98. Время постройки – середина XIX в. Здание находится на учете в ЦСН. В плане дом-пятистенок, рублен «в обло», крыша самцовая, главный фасад в два окна, надворных построек в усадьбе не сохранилось. Местные краеведы не обладают информацией об истории Биликтуйской почтовой станции и о прежних хозяевах дома. В настоящее время здание приспособлено под магазин.

Несмотря на уникальность выявленных объектов и сохранность одного из них, вопроса о перевозе частной почтовой станции в музей для дальнейшего формирования экспозиционного пространства трактовой зоны не возникает, поскольку музею необходима типовая постройка. Однако на территории Предбайкалья казенных почтовых станций не сохранилось, поэтому основу строительства усадьбы «Почтовая станция» в трактовой зоне должна составить реконструкция по аналогу типового станционного здания.

Малиновская почтовая станция, 1877 г.

В фондах Иркутского областного краеведческого музея, а также в фондах Научной библиотеки Иркутского государственного университета были обнаружены фотографии с изображением несохранившихся Большеглубоковской, Мотской, Мишихинской и Малиновской казенных почтовых станций, построенных на Кругоморском тракте. Внешне станции одинаковы, однако на фотографии с изображением Малиновской почтовой станции детально просматривается не только фасад, но и планировка усадьбы в целом, а также набор хозяйственных построек. Это играет немаловажную роль в проектировании музейного объекта и в дальнейшем построении экспозиции, поэтому прообразом для строительства усадьбы «Почтовая станция» в трактовой зоне должна стать именно Малиновская станция.

Почтовая станция в с. Биликтуй, середина XIX в.

На фотографии видно, что главный фасад почтовой станции выходил на тракт и состоял из небольшого дома для проезжающих и смотрителя, ворот, флигеля для ямщиков, соединенных высоким заплотом. На въезде по обеим сторонам ворот были установлены железные фонарные столбы. На воротах установлен двуглавый орел – знак государственного учреждения. Вход в станционный дом и во флигель осуществлялся со двора. Территория почтовой станции была с трех сторон огорожена высоким заплотом. Набор хозяйственных построек был минимален: навес для лошадей и, предположительно, амбар-кобрик.

Сведений об истории возникновения Малиновского станционного дома немного. Известно, что станция была построена в 1877 г. по указанию генерал-губернатора Забайкальского края М.С. Корсакова, который летом 1870 г., проезжая по тракту с осмотром, заметил, что между станциями Мишиха и Переемная путешественники проезжали 31 версту. Дорога пролегала по гористой местности, а это представляло затруднения как для проезжающих, так и для почтовых служащих. В итоге был отдан приказ о строительстве промежуточного пункта, которым стала Малиновская почтовая станция. Название станция, по всей вероятности, получила от названия протекающей в этой местности р. Малиновки.

О габаритах почтовых станций, построенных на Кругоморском тракте, можно судить по сохранившимся в архивных документах описям. Из сдаточной описи Муринского деревянного станционного почтового дома со службами, датированной 25 сентября 1864 г.: «Дом для проезжающих и писаря в длину по улице 5 сажень, в ширину 4 сажени, с пристройкою двух ретирад, обшитых тесом. Крыша окрашена красною вохрою на масле, а обшивка дикого цвета краскою на клею. В нем комнат – 4. Окон – 9. Дверей: наружная – 1, внутренних – 2. По Главному фасу заборов, окрашенных дикого цвета краскою на клею звен – 2. Ворота, окрашенные тою же краскою на желтых петлях с крючьями и скобами – 1. Двор огорожен с трех сторон забором, который составляет и стену навеса, окрашенный дикого цвета краскою на клею, а крыша красного вохрою на масле, в них звен – 13. Два фонарных столба с желтыми фонарями, выкрашенными зеленою краскою и застекленными, стоящие 5 рублей – 2. Флигель для ямщиков в длину по улице 3 сажени, в ширину 5 саженей, обшитый тесом. Крыша окрашена красною вохрою на масле, а обшивка дикого цвета краскою на клею. В нем окон – 3» [10].

Все казенное имущество, находящееся при станционных домах, также подлежало строгому учету. Документально зафиксировано, что в комнате для проезжающих должны были находиться как минимум диван, два кресла, стол, несколько стульев или табуретов, зеркало, исправные стенные часы, ручные фонари, лампа или свечи. Если станция содержала более пяти лошадей, то комнат для проезжающих должно было быть две. Перед домом ставился столб с надписью, означавшей название станции. В ямщицкой должна была стоять печь длиною в 3 аршина, стол и лавки [11].

В описи, учиненной Мишихинской почтовой станции, датированной тем же временем, находим: «Образ во имя Спасителя в ризе под фольгою и под стеклом, стоящий 1 рубль 50 копеек, – 1. Стульчиков с выкрашенными крышками – 2. Столов под политурой, стоящих 12 рублей, – 2. Диван Турецкий, покрытый Американской клеенкой, стоящий 20 рублей, – 1. Кушетка под политурой, обитая Американской клеенкой, стоящая 25 рублей, – 1. Стульев под политурой, стоящих 25 рублей, – 12. Стол для смотри-

теля с ящиком, окрашенный, стоящий 5 рублей, – 1. Орел над воротами, выкрашенный и позолоченный, стоящий 15 рублей, – 1» [12].

Большеглубоковская почтовая станция. Фото В.П. Сукачёва, середина 1890-х гг.

Мотская почтовая станция, 1890-е гг.

Восточный берег Байкала. Телеграф на станции Мишиха, конец XIX в.

В таком облике предстает типичная для трактовых сел Предбайкалья казенная почтовая станция. Свое назначение станции сохраняли вплоть до начала строительства Транссиба в 90-е гг. XIX столетия. С этого времени основной объем почтовых, торговых и пассажирских перевозок приходился на железную дорогу, а Московский тракт постепенно превратился в дорогу местного значения.

Планируемый к реконструкции экспозиционный комплекс построек «Почтовая станция» в трактовой зоне АЭМ «Тальцы», безусловно, будет соответствовать тематической направленности трактовой зоны, поможет обозначить специфику Московского тракта и определить один из основных видов деятельности старожильческого населения, а именно занятие почтовым извозом. Поскольку типовые станционные постройки располагались по тракту на значительном расстоянии от населенных пунктов, то при построении экспозиции следует соблюдать историческую достоверность. В музее почтовая станция станет объектом, открывающим трактовую зону, и будет занимать территорию напротив церкви. Главный фасад почтовой станции составят дом для смотрителя и проезжающих, ворота с установленным на них государственным гербом и флигель для ямщиков, соединенные высоким заплотом. Во дворе по линии строитель-

ства станционного дома расположатся хозяйственные постройки – амбар-кобрик и навесы для лошадей.

На территории реконструированной усадьбы «Почтовая станция» предполагается создание постоянных экспозиций «Дом станционного смотрителя» и «Дом ямщика», знакомящих посетителей с историей возникновения и развития почтового сообщения в Предбайкалье, а также с бытом крестьян, занимавшихся обслуживанием тракта в середине XIX – начале XX в. На подворье планируется представить коллекцию гужевого транспорта. В итоге усадьба «Почтовая станция» должна стать одним из центральных объектов экспозиционной трактовой зоны в АЭМ «Тальцы».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Паршин В. Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное в 1849 г. М., 1851. С. 9.
2. Вигилев А.Н. История отечественной почты: в 2 ч. М., 1977.
3. Гольдфарб С.И. Иркутская почта: Очерки истории. Иркутск, 1998.
4. Нефедьева А.К., Тихонов В.В. Московский тракт. Иркутск, 2010.
5. Андреева Е.А. Езда по Большому сибирскому тракту в XIX в. Дорожные впечатления современников // Труды Томского областного краеведческого музея: сб. ст. Томск, 2002. Т. XII. С. 22–29.
6. Дулепова Н.П. Из истории строительства Кругобайкальского тракта // Русская Америка и Восточная Сибирь: материалы регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Кяхта, 14 авг. 2009 г.). Иркутск, 2011. С. 199–204.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 (1825–1881). Т. XXIV (1849). Ч. I. 23010. С. 93.
8. Там же. Т. VI (1831). Ч. I. 4628. С. 451.
9. Паршин В. Указ. соч. С. 9.
10. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 453. Л. 66.
11. ГАИО. Ф. 198. Оп. 4. Д. 7. Л. 58.
12. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 453. Л. 73.

В.В. Тихонов

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ – ПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ТЕРРИТОРИЯ СКАНСЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В РОССИИ

Рубеж XX–XXI вв. окончательно засвидетельствовал практически полное исчезновение из жизни социумов патриархальной среды, очевидцами которой были еще представители предыдущего поколения. Современные глобализационные процессы с каждым годом все больше и больше меняют историко-культурную среду. Культурологический процесс сохранения историко-культурной среды посредством этнографических музейных комплексов под открытым небом стал нарастать с рубежа XIX–XX вв., и, по данным Е. Чайковского, к концу XX в. в мире было создано более 4 500 музеев этнографического типа (11). Россия в этом плане значительно отстает от мирового сообщества, имея на сегодняшний день всего 24 этнографических комплекса под открытым небом (7 из них в Иркутской области), большинство из которых еще находятся в состоянии строительства.

Основная масса музейных комплексов этого типа в СССР создавалась методом проб и ошибок, главным образом копируя своего родоначальника, музейный комплекс «Скансен» (Швеция). Только в 70–90-е гг. XX в. появились первые фундаментальные разработки в области создания этнографических музейных комплексов под открытым небом и стало формироваться скансенологическое направление в музеологии. Необходимость сохранения историко-культурного наследия, что возможно посредством создания этнографических музейных комплексов под открытым небом, обусловливает потребность перехода от метода проб и ошибок к научно обоснованному процессу системного определения как роли культурного наследия в социокультурном пространстве, в том числе в конкретном регионе Российской Федерации – Иркутской области, так и существенных признаков традиционной культуры, подлежащих музеефикации, а также определения территорий социокультурных общностей, сформировавших этномаркирующшие элементы историко-культурной среды.

Первым этнографическим музейным комплексом регионального масштаба в Иркутской области стал музей деревянного зодчества «Тальцы» (г. Иркутск), основанный в 1966 г. и принявший своих первых посетителей в 1980 г., а в 1996 г. переименованный в Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» (2, с. 13).

Формирование экспозиционной инфраструктуры музея впервые в СССР (России) велось на основе полномасштабного историко-культурного зонирования территории Иркутской области. К 2010 г. основной этап историко-культурного зонирования закончился выделением на территории области десяти историко-культурных зон, девять из которых возможно реконструировать экспозиционным способом в региональном транслоцированном этнографическом музейном комплексе под открытым небом «Тальцы». Это зоны: ангаро-илимская, трактовая, верхоленская, бодайбинская золотопромышленная, городская, переселенческая, бурятская, эвенкийская и тофаларская. К настоящему времени закончено создание ангаро-илимской экспозиции. В стадии строительства находятся бурятская и трактовая экспозиции. По временной схеме реконструированы эвенкийская и тофаларская экспозиции. Остальные экспозиции находятся в стадии комплектования объектами

деревянного зодчества. Музейный комплекс «Тальцы» при завершении его строительства в Иркутской области станет основным региональным этнографическим музейным комплексом под открытым небом, полноценно музеефицирующим в своих экспозициях всю историко-культурную среду региона (5).

Вторым этнографическим музейным комплексом под открытым небом муниципального типа, также создаваемым на основе транслокации, стал архитектурно-этнографический музей «Ангарская деревня» (г. Братск), основанный в 1975 г. и принявший своих первых посетителей в 1982 г. Музей расположен в 12 км от г. Братска на берегу Братского водохранилища. В музее сформированы две экспозиционных зоны – русская и эвенкийская. Русская экспозиция представляет собой улицу с односторонней застройкой, состоящую из усадеб: Скрипова (вторая половина XIX в.), С.Б. Погодаева (вторая половина XVIII в.), Б.М. Пастухова (первая треть XIX в.), Непомилуева (1880 г.), Коморникова (конец XIX в.). В состав экспозиции входят: угловая башня Братского острога (XVIII в.), церковь Михаила Архангела с колокольней (1882 г.), мангазея (конец XIX в.), кузница (начало XX в.), водяная мельница (начало XX в.) (6, с. 96). Вторая эвенкийская этническая экспозиция состоит из осеннего, летнего и зимнего эвенкийских стойбищ, чума шамана и эвенкийских захоронений. Рассматриваются перспективы дальнейшего развития существующего экспозиционного пространства, а также создания новой экспозиции – бурятской этнической.

В последние годы из зоны затопления водохранилища Богучанской ГЭС в музей перевезен ряд объектов деревянного зодчества. В настоящее время анализируется и рассматривается вариант их использования не столько для музейного комплекса «Ангарская деревня», сколько для создания этнографического музейного комплекса под открытым небом рядом с урбанизированным Усть-Илимском. Предлагаются иные варианты (7, с. 64; 10).

Третьим этнографическим музейным комплексом под открытым небом в Иркутской области является экспозиция «Утэг» (усадьба) при Государственном национальном музее Усть-Ордынского Бурятского АО в районном центре Усть-Ордынский. Этнографическая усадьба начала создаваться в 1990 г. на территории площадью 875 кв. м. Для формирования утэга вывезли и собрали в теплом варианте дом начала XX в. из с. Шетхулун Баяндаевского района Иркутской области и восьмистенную юрту начала XX в. из улуса Бохалдун этого же района, двухкамерный амбар начала XX в. из самого поселка Усть-Орда, служивший до перевозки в музей складом в детском саду. Экспозиция до конца не сформирована и работает только периодически принимая туристические группы (6).

По мнению автора, будущее развитие музейного комплекса можно предложить в варианте дополнения к существующему утэгу еще одного утэга, таким образом сформировав уже фрагмент бурятского улуса-зимника Предбайкалья. А на резервной территории музея (1 га), на восток от улуса-зимника, вполне возможно формирование второй экспозиции – улуса-летника из двух-трех деревянных юрт. Расширение музейного комплекса позволит полноценно реконструировать историческую среду коренной народности Предбайкалья – бурят и одновременно частично решить социальную проблему поселка – создать дополнительные рабочие места.

Четвертым музейным комплексом является «Усадьба голендра Гимборга – переселенца периода столыпинской аграрной реформы». В 2012 г. автор статьи для музеефикации историко-культурного наследия столыпинских переселенцев – голендров приобрел усадьбу с домом, создал в ней музей и передал государству. Сейчас усадьба голендра Гимборга является филиалом музея «Тальцы» (6, с. 101). Усадьба практически полностью сохранилась в первозданном виде. Она состоит, как и остальные усадьбы пос. Пихтинска, из дома постройки 1912 г., где под единой крышей собраны жилая часть – так называемая «хата», стайка и хозяйственный двор. К дому с торцовой стороны хозяйственного двора пристроен навес. Все строения крыты драньем-оригиналом 1912 г. В скотном дворе колодец с журавлем и баня, последняя, по всей видимости, послевоенной постройки. «Хата» в 1960-е гг. была обита досками и утеплена опилками (8, с. 4–30).

Этот музейный комплекс по типу относится к локальным усадебным этнографическим музеям под открытым небом – резерватам. Комплекс функционирует с 2013 г. В перспективе предполагается достройка дворовой инфраструктуры.

Пятым этнографическим музеем под открытым небом стала «Усадьба польского переселенца Зелинского периода столыпинской аграрной реформы». 10 июля 2010 г. в торжественной обстановке в пос. Вершина отмечалось 100-летие переселения польских шахтеров в Иркутскую губернию и образования поселка. Кульминацией этого события стало открытие музеефицированной мемориальной усадьбы польского переселенца периода столыпинской аграрной реформы Зелинского. Инициатором и непосредственным исполнителем музеефикации усадьбы стал автор данной статьи (9; 6, с. 102). Воссоздание усадьбы выполняется на внебюджетные средства. Усадьба Зелинского к настоящему времени практически полностью воссоздана. Она состоит из дома, рубленного «в лапу», с двухскатной кровлей и пристроенными сенями, а также из амбара, стайки, навеса и колодца.

Сегодня этнографический музей под открытым небом «Усадьба польского переселенца Зелинского периода столыпинской аграрной реформы» работает в составе польского культурного центра и обслуживается на волонтерских началах.

Шестой этнографический музейный комплекс под открытым небом в Иркутской области представлен этнографическим музейным комплексом под открытым небом «Баяндаевский», пос. Баяндай.

Этнографический музейный комплекс муниципального типа стал создаваться в 2010 г. (6, с. 102). Концепцией музейного комплекса предусматривается реконструкция историко-культурного наследия белорусских и татарских переселенцев периода столыпинской аграрной реформы и коренной народности региона – предбайкальских (западных) бурят. Экспозиционная часть музея должна быть представлена усадьбами татар и белорусов, а также утэгом-зимником (усадьбой-зимником) предбайкальских бурят. К настоящему времени сдан в эксплуатацию в 2012 г. утэг-зимник, состоящий из дома-четырехстенка с пристроенными сенями.

В состав инфраструктуры утэга входят восьмистенная юрта с пристроенной кладовой, перевезенная из улуса Баянгазуй, навес для скота и одноярусный однокамерный амбар с залобником. Утэг огорожен набранным из бревен забором. В утэге колодец с журавлем. Рядом с колодцем колода с выбранной емкостью – поилка для скота.

В настоящее время ведется строительство инфраструктуры белорусской усадьбы. Гарантом продуктивной работы музейного комплекса является нахождение его на оживленной туристической трассе Иркутск – Малое море (оз. Байкал) (2, с. 102).

Мемориальный дом-музей Иннокентия Вениаминова занимает особое место среди музеев Иркутской области (1; 6, с. 102). Святитель, митрополит Московский и Коломенский стал просветителем народов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Аляски. Иннокентий Вениаминов был ученым, языковедом, этнографом, строителем, художником, прекрасным резчиком по дереву (3). Являлся крупным церковным деятелем, уделявшим большое внимание обучению грамоте детей народностей севера Аляски, открывая для них школы в самых глухих местах (4).

Дом-музей как экспозиция был открыт в 1997 г. в связи с 200-летием со дня рождения Святителя по инициативе и на средства Иркутской епархии. Вновь сформированный этнографический музейный комплекс под открытым небом находится в 300 км от Иркутска в с. Ангинском Качугского района, где родился Святитель (6, с. 102). Пока основой музея является мемориальный дом, состоящий из четырехстенка и пристроенных сеней. Концепцией развития комплекса предполагается воссоздать аналог крестьянской усадьбы рубежа XVIII–XIX вв. верхоленской историко-культурной зоны, состоящей из дома и хозяйственной инфраструктуры: амбаров, завозни, навеса для лошадей, стайки. В перспективе предполагается на базе музейного комплекса формирование православного культурно-просветительного центра.

В целом Иркутская область в контексте скансенологической практики стала презентативной территорией в Российской Федерации, ведь семь из 24 этнографических музейных комплексов под открытым небом находятся на территории области, при этом в отличие от аналогичных музейных комплексов страны, которые являются по масштабам музеефицируемой территории региональными, в Иркутской области имеются как региональные, так и муниципальные и локальные (усадебные) этнографические музеи под открытым небом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нефедьева А.К. Ангинские корни свт. Иннокентия Вениаминова // Тальцы. 1999. № 5. С. 15–21.

2. Тихонов В.В., Нефедьева А.К. Основные направления развития Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2006. 214 с.

3. Тихонов В.В. Особенности музеефикации архитектурно-этнографических комплексов Предбайкалья: автореф. дис. … канд. культурологии. Кемерово, 2004. 18 с.

4. Тихонов В.В. Перспектива сохранения материальных носителей культуры, связанных с русской колонизацией Северо-Запада Америки // Русская Америка: материалы III Междунар. науч. конф. «Русская Америка» (Иркутск, 8–12 авг. 2007 г.). Иркутск, 2007. С. 489–497.

5. Тихонов В.В. Особенности формирования экспозиционной инфраструктуры АЭМ «Тальцы», отражающей традиционную культуру коренных народов Предбайкалья // Вестник Забайкальского государственного университета. Чита, 2013. № 1 (92). С. 13–18.

6. Тихонов В.В. Перспективы развития этнографических музеев под открытым небом в Иркутской области // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово, 2013. № 22/2. С. 93–105.

7. Тихонов В.В. Этнографические музеи под открытым небом Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2013. № 1 (53). С. 61–66.

8. Тихонов В.В. Этнографический музей «Усадьба голендра Гимборга – переселенца периода столыпинской аграрной реформы». Иркутск, 2013. 32 с.

9. Тихонов В.В. Этнографический музей «Усадьба польского переселенца периода столыпинской аграрной реформы Зелинского». Иркутск, 2013. 19 с.

10. Шевгенина Л.А., Семенов В.М. Ангарская деревня // Тальцы. 1997. № 1 (2). С. 33–39.

11. Czajkowski J. Muzea na wolnym powietrzu w Europie. J. Rzeszow; Sanok: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1984. 431 [5] s.

ПАМЯТНИКИ ИРКУТСКА

А.Н. Гаращенко

ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ – УСАДЬБА ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ В.В. ЖАРНИКОВА

Интересный факт: в Иркутске сохранилось (в хорошем состоянии или частично) несколько усадеб, принадлежавших бывшим городским головам, в которых они непосредственно проживали. Наиболее известны усадьбы Сибиряковых (бульвар Гагарина, 24) и В. Сукачева (ул. Декабрьских Событий, 112), но можно отметить и территории И.С. Хаминова (ул. 5-й Армии, 26 и 28), Дудоровского (ул. 5-й Армии, 65, часть здания, выходящая на ул. Я. Гашека), Трапезниковых (ул. Пролетарская, 10, ул. Желябова, 6), В.Н. Баснина (ул. Свердлова, 35в), Медведниковых (ул. Халтурина, 13), В.В. Жарникова. О последней мы и расскажем.

Но перед тем как непосредственно перейти к самой усадьбе, предлагаем совершить небольшой экскурс в историю города и познакомиться с исторической характеристикой места, которое сегодня известно иркутянам по его современному адресу – ул. Горького, 34.

История места

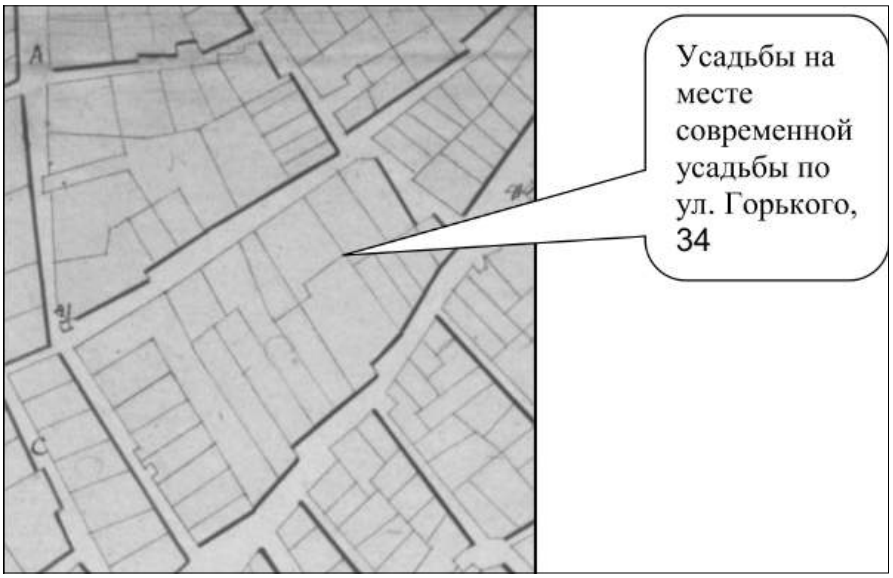
Данная усадьба находится в части квартала 8, ограниченного улицами: Сухэ-Батора, К. Маркса, Горького, Ленина, которые ранее назывались соответственно Тихвинская, Большая, Харлампиевская и Амурская.

Территория, на которой располагается усадьба ул. Горького, 34, до революции имела адрес: ул. Тихвинская, 5/42, а в 1919 г. – ул. Тихвинская, 7/44 (в нашей статье мы будем использовать в наименовании усадьбы современную нумерацию – ул. Горького, 34). То, что нумерация в дореволюционный период была двойной, указывает на ее угловое расположение, а то, что одна из цифр, а именно 5, нечетная, объясняется тем, что отсчет усадеб до революции по Тихвинской улице (ул. Сухэ-Батора) велся от Большой (современная улица К. Маркса) к набережной Ангары, а в последующее время направление поменялось.

Эта территория находилась в древнейшей части города, обживание которой относится к первой половине XVIII в. На плане Иркутска 1729 г. этот участок располагался приблизительно в части города за Богородской церковью (впоследствии Тихвинской) [1], точное местоположение определить невозможно.

На плане города 1768 г. уже показан квартал, где позднее будет располагаться интересующая нас усадьба, территория квартала обозначена застроенной «дворами обывательскими» [2].

На плане 1780-х гг. (считается планом 1784 г.) мы видим, что город разросся еще больше. На этом плане впервые показана разбивка кварталов на участки. Но так как за-



Илл. 1. Фрагмент плана г. Иркутска 1784 г.

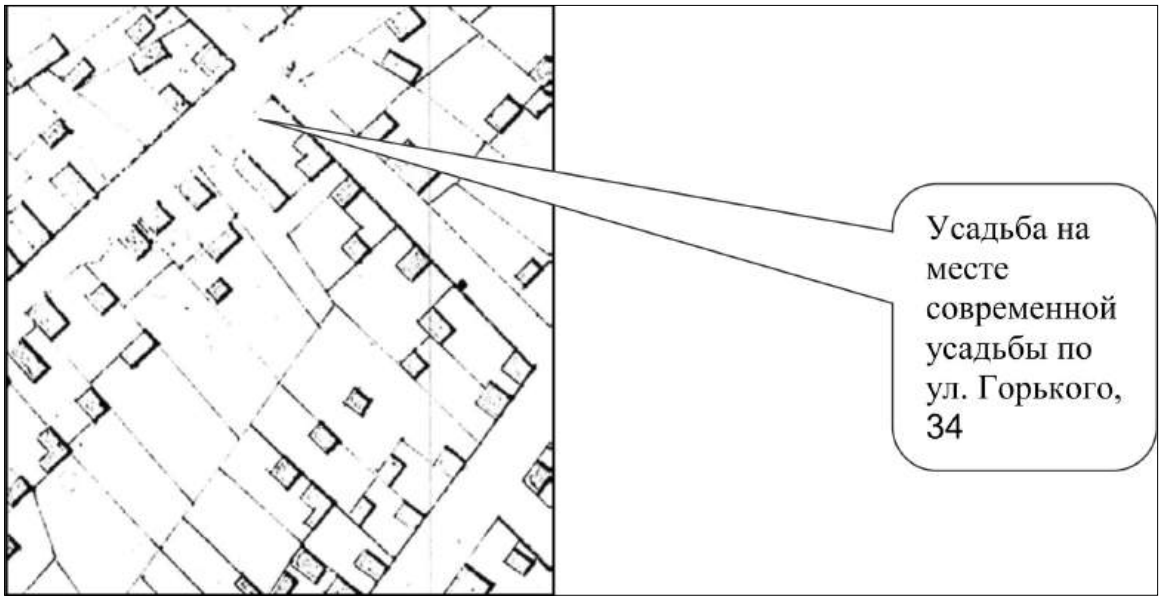
стройка города в это время отличалась хаотичностью, улицы были кривыми, отсутствовала планомерность в застройке, то трудно доподлинно определить место будущей усадьбы, можно говорить о его приблизительности. План показывает на месте территории нынешней усадьбы два владения (илл. 1) [3].

Во второй половине XVIII в., благодаря деятельности Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, проявляется тенденция упорядочения строений и планировки поселений, закрепленная в законодательной политике по градостроительству.

В 1792 г. Екатериной II был высочайше конфирмован план Иркутска, в соответствии с которым должно было в дальнейшем происходить его развитие.

В начале–второй половине XIX в. развитие городской усадьбы в сибирских городах происходит на фоне становления регулярного характера градостроительства в России. Складываются нормативно-правовые требования к архитектуре и застройке городов, повлиявшие на трансформацию внутренней организации сибирских усадеб.

План Иркутска 1843 г. дает нам первое представление о застройке усадебных мест в этом районе через полвека (илл. 2) [4]. На нем видно, что усадьбы были застроены жилыми домами и хозяйственными постройками, располагали дворовыми тер-



Илл. 2. Фрагмент плана г. Иркутска 1843 г.

риториями с огородами. Интересующая нас усадьба имела почти квадратную форму, находясь на углу Тихвинской и Харлампиевской улиц.

К началу 1860-х гг. усадьба сохранила свою форму, что просматривается на плане города съемки 1862–1864 гг. (илл. 3) [5]. На этом плане она обозначена под номером 526.

Илл. 3. Фрагмент плана г. Иркутска 1862–1864 гг.

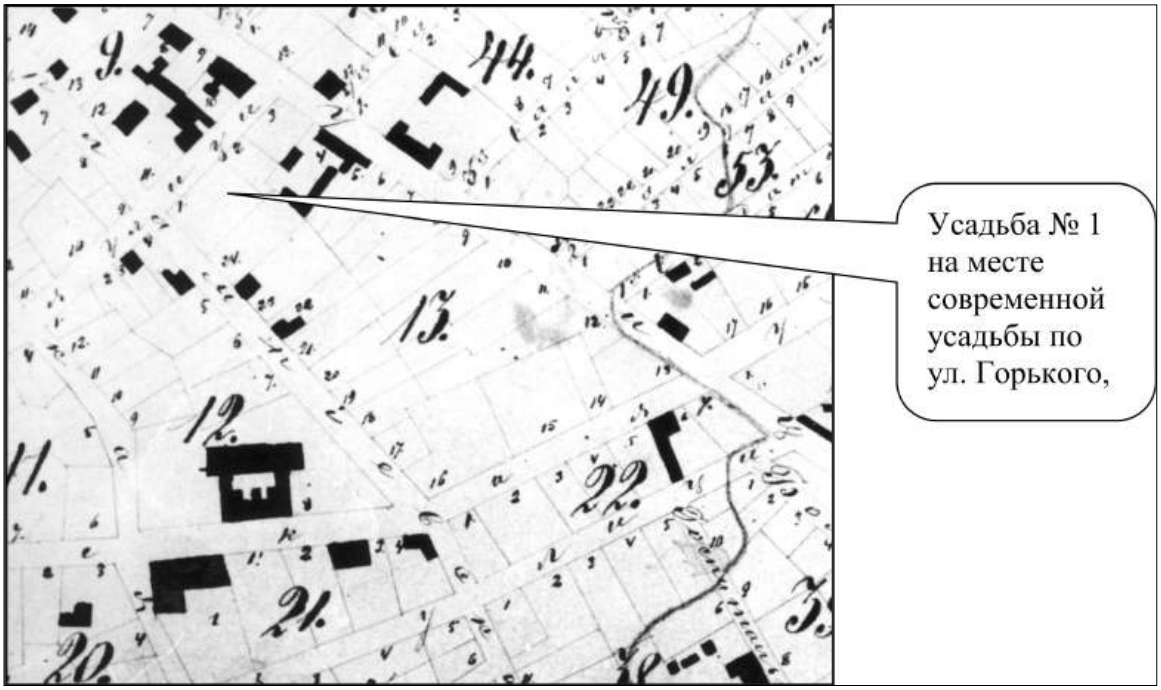
В дальнейшем усадьба фактически сохранила показанные на плане 1843 г. размеры и форму, об этом свидетельствуют планы 1881, 1899 и 1929 гг. (илл. 4, 6, 7).

В исторической ретроспективе города в середине XIX в. место, где находилась усадьба, как уже отмечалось, представляло собой пересечение улиц Харлампиевской и Тихвинской, расположенное несколько удаленно от торговых центров города – купеческого и мещанского торговых рядов на Тихвинской площади (современный сквер им. Кирова) и мелочного базара (район площади Труда). Большая улица (современная улица К. Маркса) в это время еще не имела значения главной торговой улицы города, которое она приобретет к концу XIX в. После пожара 1879 г. торговые ряды восстановлению не подлежали, что свело на нет роль Тихвинской площади как торгового центра и укрепило значение других центров – мелочного и сенного базаров, а особенно Большой и Пестеревской улиц.

Этот квартал, в том числе территория, на которой ныне находится домовладение ул. Горького, 34, попал в зону огромного иркутского пожара 24 июня 1879 г. Все деревянные постройки в нем были полностью уничтожены.

Послепожарную ситуацию городской застройки можно рассмотреть на городском плане 1881 г. [6], где усадьба в квартале 13 отмечена под № 1 (илл. 4). На этом плане обозначены только каменные строения в городе. Наша усадьба каменной застройки в этот период не имела.

В целом вторая половина XIX – начало XX в. связаны с интенсивным развитием в Сибири городского жилищного строительства. В ряду факторов, способствовавших данному процессу, можно отметить экономический рост на фоне активного развития промышленности и торговли, строительства железной дороги. Ярким свидетельством бурного строительства жилых построек в 1880–1900-е гг. можно считать Иркутск.



Илл. 4. Фрагмент плана г. Иркутска 1881 г.

Повлиял на изменение архитектурного облика столицы Восточной Сибири и опустошительный пожар, после которого центральная часть города представляла собой практически пустошь.

В последней четверти XIX в. и в первые десятилетия XX в. интересующее нас домовладение входило в квартал, который, согласно решению городской думы от 11 апреля 1883 г., должен был застраиваться по линии Большой, Тихвинской и Амурской улиц только каменными домами [7]. Но на линию Харлампиевской улицы это решение не распространялось. Это повлияло на застройку усадьбы в будущем. Главный деревянный дом стоял по ул. Харлампиевской, а на линию Тихвинской улицы выходил обширный сад.

Интересно отметить стоимость земли за квадратную сажень на этом участке. По данным конца XIX в., одна сажень по ул. Харлампиевской в этом районе стоила 4 руб., а по Тихвинской улице – 12 руб. Указанная стоимость по Тихвинской улице была одной из высоких в городе, в то время больше (15 руб.) стоила земля только по части Большой (ул. К. Маркса), по Пестеревской (ул. Урицкого) и части Ивановской (ул. Пролетарская) улиц. К 1909 г. стоимость земли в городе резко увеличилась – почти вдвое, а по ряду улиц и втрое. Так, земля по Тихвинской улице стала стоить 25 руб., а по Харлампиевской – 18 [8].

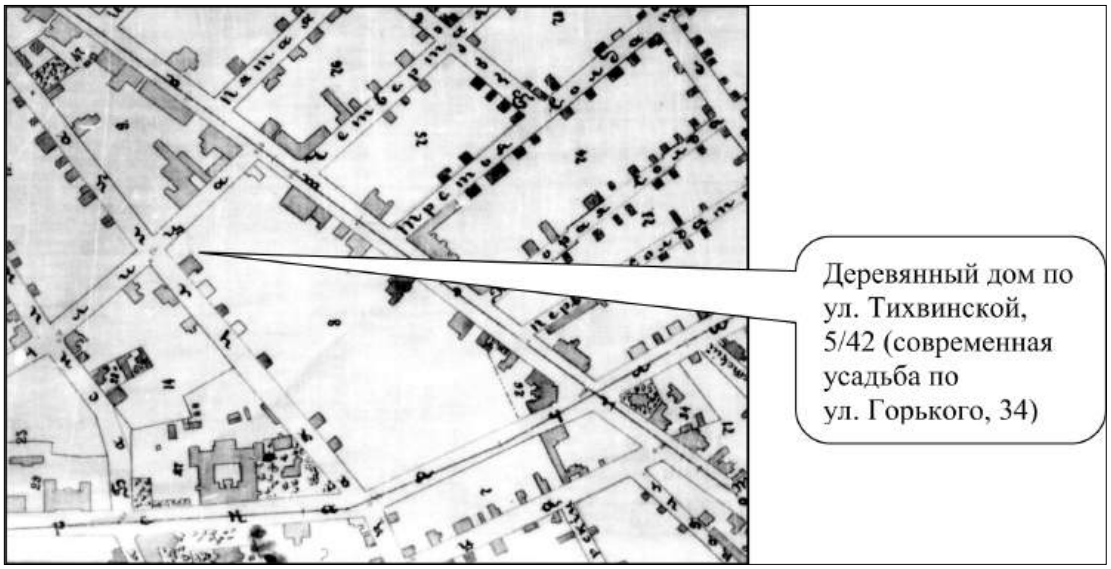
Перейдем теперь непосредственно к усадьбе по ул. Горького, 34 и будем рассматривать ее в границах исторической усадьбы ул. Тихвинская, 5/42.

Первую информацию о ее застройке дает план 1843 г., на котором обозначена парцелляция квартала. Согласно этому плану, исследуемая усадьба имела приблизительно те же размеры, что и сегодня, и занимала то же угловое место. Функционально она делилась на двор и хозяйственную часть. Во дворе мы видим дом, расположенный по красной линии Тихвинской улицы и имеющий Г-образную форму. В хозяйственной части показано какое-то достаточно протяженное строение по задней меже усадьбы. Все постройки были деревянными, как свидетельствует экспликация к плану. Можно с уверенностью предполагать, что в середине XIX в. усадьба была ориентирована на Тихвинскую улицу, куда выходили жилой дом и, как правило, въездные ворота (см. илл. 2).

Через 20 лет картина несколько меняется. Об этих изменениях мы узнаем из плана съемки 1862–1864 гг. (см. илл. 3) и фотографии А.К. Гофмана, сделанной до

1867 г. (илл. 5). Усадьба не изменила своих размеров. На плане видно, что дом по красной линии Тихвинской улицы сохранился, но появилась новая небольшая постройка (на плане она имеет квадратную форму), находящаяся примерно на месте существующего дома, по красной линии Харлампиевской улицы. Что это за строение, сказать сложно из-за отсутствия архивных материалов, можно предположить, что это был флигель.

Илл. 5. Вид с Тихвинской колокольни в сторону Иерусалимской горы. Фрагмент. Фото А.К. Гофмана, до 1867 г.



Илл. 6. Фрагмент плана города Иркутска 1899 г.

Как уже отмечалось, территория, где расположена усадьба, попала в зону большого городского пожара 22 и 24 июня 1879 г., когда выгорела почти вся центральная часть. Находившиеся в ней деревянные строения полностью выгорели, и поэтому говорить о постройках, произведенных ранее 1879 г., не приходится.

После пожара, судя по выявленным архивным документам, усадебное место до 1893 г. не застраивалось. В документе за 1893 г. есть фраза: «пустопорожнее место земли по 1-й части Иркутска на углу Тихвинской и Харлампиевской» (подчеркнуто мною. – *А. Г.*) [9].

Усадьба начала застраиваться в конце XIX в., когда ее владельцем стал В.В. Жарников.

Застройка усадьбы и ее владельцы

Выявленные материалы не дают возможности точно определить владельцев усадьбы первой половины и середины XIX в. Вероятно, в последней четверти XIX в., а возможно и ранее, она принадлежала Петру Илларионовичу Александрову. Такое предположение мы делаем на основании данных списка недвижимого имущества, перешедшего к наследникам И.И. Базанова – Варваре Петровне Кельх и П.А. Сиверсу.

Это место было куплено наследниками Базанова, в частности А.П. Сиверсом, «…по акту, совершенному 27 мая 1886 г. под № 140» у Петра Александрова [10]. Место, как мы уже отмечали, было пустопорожним. Наследники И. Базанова после смерти П.А. Сиверса (на июнь 1892 г.) владели недвижимым имуществом, куда входило в том числе «…6) Место земли на углу Харлампиевской и Тихвинской улиц, купленное в 1886 г. за 2 600 р., оцененное по городской оценке за 2 590 р.».

Приобретя землю, ни П.А. Сиверс ни В.П. Кельх построек на ней не производили. После смерти П.А. Сиверса вступившая в наследство Кельх продала в апреле–мае 1893 г. В.В. Жарникову пустопорожнее место по 1-й части Иркутска на углу Тихвинской и Харлампиевской улиц за 2 тыс. руб. В это время, согласно документам, земли в усадьбе числилось: «по улице спереди и уступам 36,5 саж., позади 36 саж., со сторон: правой – 23 саж., и левой – 22,5 саж.» [11]. Отметим, что сам Жарников проживал в это время на Амурской улице (ныне ул. Ленина) в доме чиновника Лялина.

И вот с этого времени могла происходить застройка усадьбы новым владельцем.

К сожалению, архивных материалов (заявления от владельца, разрешения на постройки, планов места) выявить не удалось, поэтому период строительства деревянного дома по красной линии Харлампиевской улицы можно определить как промежуток между 1893 г. – временем приобретения В.В. Жарниковым усадебного места, и 1898 г., когда этот дом был зафиксирован на городском плане. Мы определяем как крайнюю дату именно 1898 г., когда производилась съемка, а не 1899-й, год окончания создания плана. Принимая во внимание, что строительство дома (возведение сруба, усадка, отделка), как правило, продолжалось около двух лет, время окончания строительства можно уточнить и определить периодом 1895–1898 гг.

На плане 1899 г. хозяйственные строения не обозначались, поэтому о времени их возникновения в усадьбе сведений нет. Скорее всего, они возводились одновременно с главным домом. С большой долей уверенности можно сказать, что формирование усадьбы в том виде, в каком она дошла до настоящего времени, завершилось к концу XIX в. Дальнейшие изменения не носили кардинального характера.

В 1919 г., после смерти В.В. Жарникова, его «недвижимое имущество с домом и домовыми постройками на углу Харлампиевской и Тихвинской улиц под № 7-44» по оценке для взимания городских земских сборов оценивалось в 12 300 руб., а по полису Иркутского общества взаимного страхования 1918 г. – в 30 000 руб. В это же время его размеры

составляли: «по улице Харлампиевской – 23 саж., по левой меже – 36 саж., по правой меже Тихвинской улицы – 22,5 саж., по задней в трех линиях – 18 – 14 и 4,5 саж.» [12].

Согласно реестровому плану квартала 8 центральной части Иркутска (илл. 7), по измерению, произведенному в 1929 г., в усадьбе было застроено 733,93 кв. м, не застроено 1023,07 кв. м, соответственно, общая площадь составляла 1 757,00 кв. м.

Илл. 7. Фрагмент реестрового плана квартала 8 центральной части Иркутска с усадьбой по ул. Горького, 34. Съемки 1929 г.

Усадьба представляла собой достаточно уютный уголок Иркутска, хотя и находилась в самом его центре. Во многом на это положение влияло наличие большого сада. Подобные усадебные сады были не редкостью для города, скорее, довольно частым приятным явлением. К примеру, через дорогу находился сад в усадьбе купцов Громовых [13].

Если говорить о самом доме, необходимо отметить, что к его созданию мог «приложить руку» профессиональный архитектор. Из-за отсутствия архивных материалов мы не можем с уверенностью это утверждать, а только предполагаем. Архитекторов и гражданских инженеров, которые также выполняли проекты зданий, в это время в городе было несколько. Это В.А. Рассушин (до 1894 г. занимал должность городского архитектора), А.И. Кузнецов (городской архитектор в 1895–1902 гг.), И.Ф. Тамулевич, Ф.Ф. Коштял, А.П. Артюшков (приехал в Иркутск в 1895 г.), Д.Р. Магидей (приехал в Иркутск в 1895 г.) и др. По нашему мнению, наиболее возможными кандидатами являются первые двое. Они имели опыт проектирования деревянных особняков в городе. Из известных построек Рассушина можно назвать дома по адресам: бульвар Гагарина, 34, ул. К. Маркса, 10, ул. Желябова, 2, ул. Володарского, 3. Кузнецовым выполнены дома по ул. 5-й Армии, 51, пер. Хасановскому, 1. Более определенно авторство дома по ул. Горького, 34 можно установить только при нахождении соответствующих документов.

Илл. 8. Главный дом в усадьбе

Архитектурные особенности памятника

Чтобы подробно ознакомить читателя с архитектурными особенностями дома, воспользуемся его профессиональным описанием из обследования архитектора М.Г. Степанова, которое было подготовлено в ходе разработки реставрационной документации объекта.

«Объемно-пространственная структура здания сформирована значительным по габаритам одноэтажным основным объемом, который покрыт многоскатной вальмовой крышей с треугольным фронтоном в центральной части бокового (северо-восточного) фасада. К противоположному боковому (юго-западному) фасаду примыкает равновысокий двухэтажный объем, покрытый, единой с основным срубом, вальмовой крышей, и невысокий одноэтажный пристрой под двускатной крышей с фронтоном. Конек крыши пристроя располагается на уровне фриза основного сруба. Со стороны заднего (юго-восточного) фасада к двухэтажному объему примыкает меньшая по высоте каменная пристройка под вальмовой крышей, конек которой расположен на уровне карниза основного объема. С этой же стороны к основному объему пристроена в более позднее время остекленная веранда под односкатной крышей. В целом первоначальное объемно-планировочное решение достаточно традиционно и сохранилось полностью.

Планировка здания в основном близка первоначальной, об этом свидетельствуют сохранившиеся потолочные тяги и падуги. Оригинальная планировочная структура, очевидно, была продиктована нетривиальными запросами владельца.

Просторные высокие помещения основного объема не имели прямой связи и сообщались между собой через широкие коридоры-холлы. Один такой коридор-холл выходил в прируб, через который был организован парадный вход в здание со стороны ул. Горького. Другой сообщался с двухэтажной частью основного объема здания, во внутренней части которого также был выделен высокий коридор, ведущий в каменную пристройку. В этом же коридоре расположена узкая открытая лестница, ведущая на низкую антресоль, обращенную в сторону двора. Под антресолью устроены невысокие помещения. В каменной пристройке кроме узкого коридора, ведущего на хозяйственный (черный) вход в сторону двора, имеется еще одно довольно просторное помещение.

Под жилыми помещениями в одноэтажной части основного объема устроен каменный подвал, разделенный перегородкой на два смежных помещения. Этот подвал был освещен через окна в приямках со стороны двора и со стороны сада. Небольшой подвал также имеется под каменной пристройкой, по планировке идентичный с его первым этажом. Из коридора подвала каменного пристроя вела каменная подземная галерея в сторону амбара, о чем свидетельствуют сохранившийся понижающийся свод и ступени, ведущие вниз.

Все помещения отапливались печами, выходившими в широкие коридоры-холлы. В советский период в процессе благоустройства здания и приспособления его к функциям детского учреждения были демонтированы печи, установлены оштукатуренные дощатые перегородки и изменены некоторые проемы. В это же время к заднему фасаду пристроена остекленная веранда.

Первоначальная планировка, представленная капитальными стенами и дощатыми перегородками, отчетливо читается благодаря сохранившимся подлинным обрамлениям высоких проемов в виде деревянных колод с подлинными двустворчатыми дверями и элементам декоративного оформления потолков и стен.

Здание, скорее всего, не было банальным жилым домом, а имело более широкие представительские функции дома-особняка, что наложило свой отпечаток

на его планировку. Функционально здание было разделено на три части: парадную, жилую и хозяйственную. Помещения парадной части, обращенные в основном на главный фасад, имеют значительную высоту, более пышную отделку и сгруппированы у главного входа в дом. Жилые помещения, так же как и парадные, расположены в одноэтажной части основного объема, однако обращены они в сторону двора и сада и при той же высоте имеют более скромную отделку. Они сгруппированы вокруг коридора, который, сообщаясь с парадными помещениями, связан также и с хозяйственной частью дома. Хозяйственные помещения не имеют декоративной отделки и сгруппированы в двухэтажной части основного объема. Вероятно, в этих помещениях жила прислуга. Помещение, расположенное в каменной пристройке, возможно, использовалось как ванная комната и туалет, поскольку его потолок украшен сложной филенкой. Кухня, скорее всего, располагалась в подвале, где сохранилась большая печь.

Основным достоинством домов-особняков была значительная комфортность. Как правило, они благоустраивались по последней моде и богато декорировались. Пышность и обилие декора как бы подчеркивали высокий социальный статус дома.

…Внешнее декоративное убранство практически полностью сохранилось в первоначальном виде. Филенчатые погонажные изделия и пропильная резьба, использованные в отделке фасадов, не отличаются изысканностью рисунка, однако выполнены весьма добротно.

Интерьеры основных помещений здания сохранились достаточно полно и наиболее ценные элементы находятся в удовлетворительном состоянии. В них наиболее ярко воплощена идея, олицетворяющая состоятельность и высокий статус хозяина дома. Особый интерес и высокую ценность имеет кессонированный потолок одного из помещений, обращенного на главный фасад и, очевидно, имевшего особое назначение.

В целом памятник представляет большую ценность как образец представительного дома-особняка с хорошо сохранившимися подлинными основными конструкциями, элементами декора фасадов и уникальной отделкой интерьеров».

И если об авторе проекта нет ясности, то о хозяине усадьбы можно рассказать много интересного.

Василий Васильевич Жарников (1859 – 20 июня 1919 г., г. Иркутск), потомственный почетный гражданин, выходец из купцов, сам купец 1-й гильдии, православный, иркутский городской голова в период с 3 февраля 1898 по 25 июня 1902 г., гласный Иркутской городской думы с 1889 по 23 марта 1917 г. В общей сложности В.В. Жарников служил городу 31 год.

10 июня 1878 г. окончил Московскую практическую академию коммерческих наук. В Иркутске жил с 1884 г. Участник торгового дома «Жарников и Первунинский», который занимался продажей чугунных и приисковых товаров. Совместно с Б.П. Шостаковичем, С.И. Тельных и А.П. Пятидесятниковым в 1898 г. учредил АО «Обь-Енисейское торгово-промышленное товарищество» (производство рыбных и звериных промыслов, изготовление консервов и торговля).

Илл. 9. Василий Васильевич Жарников

С 1889 г. – член комиссий: для составления нового проекта устава заведения Н.П. Трапезникова; по утверждению кассовых отчетов городской управы за 1879–1887 гг. С 1892 г. – член губернского по городским делам присутствия. Член общества помощи учащимся в Восточной Сибири; комитета вспомоществования рабочим, прибывшим из неурожайных мест Европейской России; учетного комитета банка Е. Медведниковой; попечительского совета ремесленно-воспитательного заведения Н.П. Трапезникова от правительства (с 8 октября 1902 г.); комитета по строительству памятника Александру III (1901–1908 гг.).

С апреля 1895 по 1896 г. – заведующий хозяйственной частью строительства городского театра, успешно руководил ходом работ по возведению здания «под крышу и отчасти постройки самой крыши». С 13 июля 1898 г. – представитель города в правительственной комиссии по трапезниковскому капиталу. Член комиссии по устройству новой скотобойни и организации ветеринарно-санитарного надзора за привозимыми в город мясными продуктами.

Высочайше утвержден 10 июля 1898 г., а 13 августа 1898 г. вступил в должность городского головы (избран 3 февраля 1898 г. при 36 «за» и 13 «против» голосах гласных). Занимал должность до 1 июня 1902 г. В думе поддерживал интеллигенцию, придерживался либеральных взглядов.

С 1902 г. – член комиссий: по разработке вопроса о сооружении в Иркутске водопровода (с 1903 г. – председатель); по выяснению нужд города в предметах первой необходимости. Член губернского по промысловому налогу присутствия; учетного комитета городского банка Е. Медведниковой. С 1903 г. – председатель правления Иркутского добровольного пожарного общества, один из главных его меценатов. Председатель базарной комиссии; член комиссии по благоустройству Иркутного предместья. Член попечительского совета 1-й женской гимназии им. И.С. Хаминова. В 1908 г. – член городского по квартирному налогу присутствия; попечительского совета ремесленно-воспитательного заведения им. Н.П. Трапезникова; председатель комиссии по соблюдению подряда по оборудованию городской электрической станции. С 1913 г. – член пожарного совета; комиссии по устройству и выкупу водопровода у водопроводного товарищества. Один из крупных владельцев городской недвижимости. С 1905 г. – председатель Иркутского добровольного пожарного общества. Пожертвовал на Иркутский университет 10 000 руб.

Он был инициатором устройства водопровода и кропотливо проводил в жизнь эту идею, приняв важное для городского развития решение – строить хозяйственным способом электростанцию, а все доходы от продажи электричества шли в городской бюджет. В.В. Жарников был купец с широким размахом, при нем город впервые попросил у царского правительства кредит в 2,5 млн руб. Это оказалось принципиальным для городского развития решением, поскольку разъяснило городскому самоуправлению позицию администрации о выдаче кредитов городам – Иркутск не мог получить кредит более 700 тыс. руб., так как платежи по займу только с такой суммы мог обеспечить городской бюджет. Необходимо отметить, что никакой последовательной политики городского развития у Жарникова не было, однако благодаря его усилиям в Иркутске в 1905 г. появился водопровод, а в 1910 г. – электростанция, что включило город в список 145 из 762 русских городов, имеющих к 1913 г. водопровод.

И хотя водопровод в Иркутске был построен частными предпринимателями, руководила их действиями думская водопроводная комиссия, возглавляемая В.В. Жарниковым. Комиссия разрешила прокладывать частный водопровод с условием, чтобы диаметр, тип и технические условия укладки труб соответствовали характеристикам проектируемого городского водопровода и могли войти в проектируемую общую го-

родскую водопроводную сеть. Именно водопроводная комиссия указала на то, чтобы пожарные краны располагались в самых бойких местах города и была устроена самостоятельная водопроводная станция.

В.В. Жарников был не просто купцом, разделявшим либеральный настрой того времени, а активным участником думского либерального движения начала XX в. Либерализм дум выражался в движении за созыв общероссийского съезда городских голов. Инициатором этой идеи был уфимский городской голова А.А. Малеев. В мае 1901 г. Жарников получил от него конфиденциальное письмо с просьбой о ходатайстве или от думы, или от себя лично о разрешении периодических съездов городских голов и представителей дум в одной из столиц. В результате Иркутская городская дума – единственная из сибирских дум губернских городов – обратилась с таким ходатайством к царскому правительству. 9 декабря 1904 г. на заседании городской думы было оглашено заявление нескольких гласных (И.П. Фатеев, А.С. Первунинский, В.В. Жарников, Н.П. Поляков, И.И. Попов и С.Н. Родионов) от 20 ноября о возбуждении ходатайства о разрешении съезда представителей городских самоуправлений. По их инициативе дума единогласно постановила: «1) возбудить в надлежащем порядке перед министром внутренних дел ходатайство о разрешении съезда представителей городских самоуправлений для обсуждения вопросов, подлежащих ведению городских общественных управлений…» [14]. Эта иркутская инициатива была одной из первых в Сибири.

Однако, несмотря на либеральные взгляды, В.В. Жарников был достаточно консервативным в отношении перемен в текущей работе городской думы и управы. Когда на одном из заседаний думы было предложено изменить канцелярский порядок управы, он отметил: «…не нужно менять такой порядок, с которым все, служащие в канцелярии, так равно и публика, уже свыклись. Я не скажу, что установившийся у нас канцелярский порядок был бы безусловно хорош – нет, я вижу в нем некоторые недостатки, но на практике очень часто бывает так, что самый лучший порядок приносит худшие результаты, чем порядок, хотя и менее совершенный, но такой, к которому уже все привыкли» [15]. Вполне может быть, что именно из-за такого отношения городского головы к 1 января 1901 г. образовался дефицит в городском бюджете в сумме 45 221 руб. 79 коп. Специальная комиссия, созданная для выяснения этого вопроса, нашла, что причина образования дефицита заключалась в том, что управа, вопреки ст. 140 Городового положения, самостоятельно производила не разрешенные думою расходы. Кроме того, в 1898–1900 гг. многие расходы производились управою по постановлениям думы, но на покрытие этих расходов не были вносимы кредиты в дополнительные сметы. Получается, что это общий стиль работы и думы, и управы в период руководства ими В.В. Жарникова.

Главный редактор «Восточного обозрения» гласный И.И. Попов охарактеризовал его как купца независимого и либерального, но вместе с тем несдержанного. Он писал, что «за свое главенство Жарников успел испортить свои отношения с Горемыкиным и Моллериусом (генерал-губернатор и иркутский гражданский губернатор. – *А. Г.*). Но это не имело дурных последствий для городских дел». «Дума не подлаживалась к администрации», – вспоминает И.И. Попов [16]. Например, в 1894 г. министр финансов утвердил правила об открытии особых касс для приема государственного квартирного налога, а в октябре 1894 г. городская управа уведомила казенную палату, что прием квартирного налога возложен управою на ее кассира. В 1900 г. Государственный совет утвердил действие Положения о государственном квартирном налоге, которое распространялось на Иркутск с 1 января 1901 г. Иркутск, согласно этому Положению, был отнесен ко второму классу. В связи с этим управ-

ляющий Иркутской казенной палатой в декабре 1900 г. обратился с ходатайством об утверждении в управе кассы для приема платежей государственного казенного налога. Однако городская дума, приняв во внимание заявление городского головы В.В. Жарникова, что учреждение в управе кассы для приема платежей государственного квартирного налога значительно обременило бы канцелярию городской управы, отклонила ходатайство управляющего казенной палатой. И это несмотря на то, что согласно Инструкции о применении Положения о государственном квартирном налоге прием заявлений, подаваемых домовладельцами, возлагается в числе прочих учреждений и на городскую управу.

При В.В. Жарникове была создана училищная комиссия. Инициатором ее создания стало хозяйственное отделение городской управы. Председателем училищной комиссии был избран И.И. Попов. Первое заседание комиссии состоялось 30 ноября 1898 г. На нем обсуждался вопрос об инструкции, на основании которой она должна была действовать. Среди документов, изученных комиссией, кроме Городового положения 1892 г. и Положения о городских училищах 1872 г. была и инструкция Санкт-Петербургской училищной комиссии. 7 декабря 1898 г. подобная инструкция была принята Иркутской думой. В инструкции были прописаны обязанности комиссии: благоустройство школ и развитие народного образования в Иркутске путем открытия новых школ и расширения старых, открытие библиотек, читален, музеев, книжного склада, устройство народных чтений, лекций; обсуждение всех касающихся этого дела общих вопросов; составление докладов и отчетов в думу; рассмотрение всякого рода просьб и жалоб, требующих ее постановлений; ведение школьной статистики. Кроме того, комиссия распределила между своими членами училища и возложила на каждого из них наблюдение за порядком хозяйственного управления училищем, о котором должны даваться членами отчеты в определенные сроки. Комиссия должна была собираться не менее одного раза в месяц. Одним из первых ее мероприятий стало празднование столетия А.С. Пушкина. В Пушкинских днях приняли участие все учебные заведения и общества Иркутска. На Тихвинской площади была отслужена панихида по поэту, после которой с балкона городской думы И.И. Попов произнес речь о значении Пушкина. В течение нескольких дней в театре и общественном собрании давались юбилейные спектакли и вечера не только для учеников, из которых каждый получил полное собрание сочинений А.С. Пушкина, но и для народа. Празднества удались, и И.И. Попова благодарили городская дума, учебные заведения и сам А.Д. Горемыкин как попечитель округа.

Итак, В.В. Жарников был богатым купцом, хорошо знавшим нужды города. С формальной точки зрения, именно такого городского голову хотело бы видеть во главе города царское правительство. Но те условия, в которых приходилось работать, в том числе взаимоотношения с администрацией, делали из аполитичных по своей сути купцов либералов, критиковавших правительство. Не случайно В.В. Жарников был не единственный купец в Иркутской городской думе, разделявший либеральный настрой того времени. В других городах России тоже преобладали подобные умонастроения, которые в итоге вылились в думское движение за созыв съезда городских представителей.

Интересен и такой факт в биографии Василия Васильевича, как участие в организации городской милиции в 1905 г.

В 1905 г. в Иркутске, как и во всей стране, были народные волнения, которые в советской историографии именовались как революция 1905–1907 гг.

За событиями, происходившими в столицах, внимательно следили в Иркутске. 10 марта 1905 г. на заседании думы было доложено заявление 29 гласных от 20 фев-

раля следующего содержания: «На основании Высочайшего указа Правительствующего Сената, предначертавшего способ радеющим об общей пользе и нуждах государственных дать возможность быть непосредственно услышанными Государем, имеем честь предложить Иркутской городской думе немедленно избрать комиссию и поручить ей в кратчайший срок выработать, для представления в Совете министров виды, предположения и соображения по вопросу об усовершенствовании государственного благоустройства, улучшении народного благосостояния и порядка проведения в жизнь преобразований, возвещенных в рескрипте Министерству внутренних дел» [17]. Дума постановила: просить гласных, подписавших заявление, образовать из себя комиссию и принять на себя председательство гласного И.И. Попова, общественного деятеля, редактора газеты «Восточное обозрение». Комиссией были составлены «Всеподданнейший адрес по поводу видов, предположений и соображений по вопросу об усовершенствовании государственного благоустройства» и записка в Совет министров. И.И. Попов в своих воспоминаниях утверждает, что именно он составил эти документы. Он пишет: «В обоих этих документах кроме требования свобод и созыва народного представительства… много места было отведено критике самодержавного режима, было указано, что японская война начата не из-за национальных интересов, а благодаря проискам частных лиц – Абазы, Безобразова и вообще концессионеров на Ялу. Резко осуждалась политика Плеве, смерть которого все русское общество приветствовало. В адресе и записке указывалось, что революция уже началась и репрессиями ее не остановить, а необходимы коренные реформы и в первую очередь изменение основного закона… При обсуждении адреса предлагались поправки и дополнения. Между прочим, В.В. Жарников внес предложение, чтобы царь никогда не носил военной формы; кто-то предлагал требовать особого парламента для Сибири и так далее. Адрес и записка были приняты в редакции комиссии» [18].

Но при внимательном знакомстве с текстом адреса в официальном издании – «Известиях Иркутской городской думы» [19] и в отдельно изданном «Протоколе заседания комиссии…» [20] видно, что в нем нет тех вещей, о которых говорит мемуарист, но которые он, возможно, подразумевал. Скорее всего, автор хотел выдать желаемое за действительное и несколько приукрасил факты, особенно в отношении своего радикализма.

Революционные события в нашем городе начались в октябре 1905 г. с забастовки железнодорожников [21]. Обстановка в городе обострялась, происходили митинги, забастовки и, как следствие, аресты. Но самым страшным стали начавшиеся черносотенные погромы. Городская полиция явно не справлялась со сложившейся ситуацией. Для борьбы с ними стали возникать отряды самообороны.

На погромы отреагировала и городская дума. После многодневных дебатов по рассмотрению вопроса о необходимости организации самообороны на городские средства 15 декабря 1905 г. состоялось чрезвычайное заседание думы, на котором прозвучал доклад комиссии по вопросу об организации в Иркутске охраны от погромов и грабежей. После обсуждения доклада на голосование была предложена следующая резолюция: «Считает ли дума вправе и своею обязанностью, в видах местных нужд, немедленно организовать **городской караул** (выделено нами. – *А. Г.*) на основе доклада комиссии». Отличия между самообороной и караулом, как отмечают исследователи, были не просто существенны, а принципиальны. Как говорилось позднее в решении Иркутской судебной палаты, они заключались в том, «что учреждение “караулов” по закону допустимо и входит в круг обязанностей городских управлений (Ст. 63 и 108 Гор. Пол.), между тем, на устройство “городской самообороны” никаких указаний в законе нет; таким образом, постановление об учреждении “самообороны”, независимо от других последствий, яви-

лось бы для лиц, участвовавших в нем, незаконным и преступным». Дума постановила: «1. Немедленно организовать караул на основах доклада комиссии; 2. ассигновать на расходы по организации и содержанию караула… до 25 тыс. руб.» [22].

В связи с этим 23 декабря «городская управа… определила выдать и выдала в распоряжение казначея исполнительной по организации караула комиссии Собакарева 5 000 рублей». После этого председатель комиссии Г.Б. Патушинский «препроводил Губернатору для сведения копию инструкции функционирующего в Иркутске отряда конных караульных, учрежденных для охраны личной и имущественной безопасности, с уведомлением, что именной список будет препровожден дополнительно».

В свою очередь того же 23 декабря губернатор письмом пригрозил, что если дума не ассигнует средств на усиление полиции, а также на увеличение содержания существующему штату, то он будет вынужден нанять потребное число городовых без согласия думы, но за счет городских средств.

Это несколько «напугало» думу. 27 декабря она постановила: 1) предложение губернатора об ассигновании средств на увеличение штата полиции на 200 человек с содержанием каждому по 30 руб. – отклонить; 2) на увеличение жалованья нижним чинам существующего штата полиции до 30 руб. в месяц ассигновать на время с 1 января 1906 г. впредь до наступления нормальных условий жизни города; 3) просить губернатора в силу данных ему чрезвычайной охраной полномочий узаконить существование городского конного караула и просить губернатора учредить особые военно-полицейские команды для ограждения личной и имущественной безопасности жителей города [23]. Здесь нужно обратить внимание на сочетание слов – чрезвычайная охрана. Положение о чрезвычайной охране было введено в Иркутске 24 декабря. Оно давало большие полномочия органам правопорядка, но еще более радикальные меры в борьбе за наведение порядка дозволяло военное положение, введенное в городе 31 декабря, подчинение властям должно было стать беспрекословным. Вся власть была сосредоточена в руках временного генерал-губернатора Иркутского и Балаганского уездов К.М. Алексеева, который издал постановление, гласящее: «В пределах городов Иркутска и Балаганска и их уездов сформирование и существование, без разрешения правительственной власти, с какой бы то ни было целью вольных вооруженных отрядов и так называемых дружин самообороны безусловно воспрещается. В виду этого никаких сборов в пользу таких отрядов не должно быть произведено…». Городская дума, обсудив на своем чрезвычайном заседании 7 января сложившуюся ситуацию, постановила: «Городской караул расформировать, удовлетворив караульных месячным жалованием…» [24]. Так закончился кратковременный период деятельности самообороны, организованной городским общественным самоуправлением Иркутска. Тем не менее, как считают современные исследователи, сам факт возникновения (и пусть непродолжительной, но все-таки деятельности) организаций самообороны и «караула» убедительно свидетельствовал о гражданской состоятельности иркутского общества, а следовательно, его глубокой культуре, о доминировании в нем не разрушительных, а созидательных тенденций.

За такое «самоуправство» думцев последовали репрессивные меры. Временный иркутский военный генерал-губернатор своим приказом устранил от должности городского голову П.Я. Гаряева. В январе 1906 г., боясь ареста, уезжают из города ряд гласных: И.И. Попов, Н.П. Поляков, А.С. Первунинский, С.С. Кальмеер. 25 января по распоряжению местных жандармов был арестован гласный думы, председатель Иркутского городового Сиротского суда И.И. Концевич, а 22 апреля иркутский военный генерал-губернатор устранил его от занимаемой должности, и по освобождении из тюрьмы он высылался из

пределов генерал-губернаторства [25]. Видимо, сложившаяся в городе обстановка неблагоприятно действовала на работу думы, ряд ее членов – Б.П. Шостакович, К.М. Жбанов, П.В. Собокарев, К.Н. Сапожников – по разным причинам сложили с себя обязанности гласных. 16 сентября 1906 г. против гласных, активно проявивших себя в период «смутного времени» в Иркутске, были возбуждены судебные дела. Они обвинялись в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 273 Уложения о наказаниях, которая гласила: «Если и без всякого явного восстания или сопротивления властям, от правительства установленным, несколько человек согласятся не исполнять какое-либо предписание сих властей или уклонятся от исправления каких-либо законных государственных или общественных повинностей, то за сие зачинщики и подговорщики подвергаются лишению некоторых особенных, на основании 50 ст. сего уложения, прав и преимуществ и заключению в тюрьме на время от одного года и четырех месяцев до двух лет». В числе «виновных» были: А.С. Первунинский, Г.Б. и Я.Г. Патушинские, П.Я. Гаряев, К.М. Жбанов, П.Р. Кравец, В.В. Жарников, И.И. Попов, И.И. Концевич, Н.П. Поляков, А.Ф. Красиков, П.П. Гундерин, И.С. Фатеев, П.В. Собокарев, Я.С. Комаров и Т.К. Чевилев, у которых была взята подписка о неотлучке. Нужно отметить, что после прошедших в феврале 1906 г. выборов в новый состав думы попали не все из вышеперечисленных лиц, а только А.С. Первунинский, П.Р. Кравец, В.В. Жарников, Н.П. Поляков, А.Ф. Красиков, П.П. Гундерин и П.Я. Гаряев (причем последний 9 марта 1906 г. был избран городским головой, но министр внутренних дел не утвердил его в этой должности). На заседании 2 ноября 1906 г. дума была вынуждена вывести их из своего состава до окончания судебного производства [26].

Решение вопроса затягивалось. Лишь к ноябрю 1908 г. Иркутская судебная палата, рассмотрев дело «Об организации городской самообороны в г. Иркутске», определила: 1) бывшего городского голову Петра Яковлевича Гаряева и бывших членов городской управы Якова Семеновича Комарова и Петра Васильевича Собокарева подвергнуть выговору; 2) П.В. Собокарева, Г.Б. Патушинского, Я.Г. Патушинского, Т.К. Чевилева, Н.П. Полякова, А.Ф. Красикова, И.И. Концевича, К.М. Жбанова, В.В. Жарникова, П.Р. Кравца, А.С. Первунинского, П.П. Гундерина, И.С. Фатеева, И.И. Попова на основании п. 1 ст. 771 Устава Уголовного судопроизводства признать по суду оправданными. Но с этим решением не согласился прокурор и опротестовал его в Сенат. 14 апреля 1909 г. в уголовном кассационном департаменте Сената рассматривалось дело об организации в Иркутске в 1905 г. городской милиции и ассигновании на нее денег. Сенат утвердил решение Иркутской судебной палаты в отношении городского головы Гаряева, членов управы Комарова, Собокарева (о выговоре), в отношении 12 гласных решение палаты отменил, приговорив их к 15 руб. штрафа. Вот так закончилось дело об «иркутской самообороне», среди активных участников которой был В.В. Жарников.

Василий Васильевич помимо описываемой выше усадьбы имел недвижимое имущество на Большой улице – аптеку, открывшуюся в середине 80-х гг. XIX в. и первоначально принадлежавшую его первой жене Августине Иосифовне (умерла в 1905 г.); усадьбу на Александровской улице (ныне ул. Профсоюзная), которую, в связи с удаленностью от центра, можно рассматривать как загородную, но которая имела для хозяев определенное значение, о чем свидетельствует такой факт: 3 декабря 1896 г. супруги Жарниковы пожертвовали в Глазковскую Николо-Иннокентьевскую церковь металлическую художественной московской работы одежду на св. престол и напрестольное серебро-позлащенное Евангелие, всего на сумму 1000 руб. [27].

После смерти первой жены Василий Васильевич женился на Надежде Дмитриевне, урожденной Болотовой. Детей у них не было, как и в первом браке. Вместе с

супругами в усадьбе на углу Тихвинской и Харлампиевской, а также в доме по Александровской улице проживали брат и две сестры В.В. Жарникова со своими семьями.

Умер Василий Васильевич 20 июня 1919 г. [28].

Еще при его жизни именем Жарникова была названа улица в Глазковском предместье (ныне ул. Клары Цеткин).

После окончательного установления в городе советской власти, в начале 1920-х гг., усадьба В.В. Жарникова, как и большинство других купеческих усадеб, была муниципализирована.

Сведения о ее дальнейшей принадлежности выявить достаточно сложно.

По некоторым данным, в конце 1920-х гг. в усадьбе располагалась амбулатория Бурнаркомздрава [29].

В 1934 г. в бывшем купеческом особняке Жарникова по решению партийного руководства города был размещен детский сад № 41. Рассчитан он был на 47 детей. Первой заведующей стала М.С. Шкурина. Работали в саду в основном не специалисты, а просто грамотные, интеллигентные люди.

Детский сад вел огромную работу по вовлечению женщин в общественно полезный труд под руководством женсовета. Воспитатели добровольно работали не только с детьми, но и с мамами, занимались ликвидацией неграмотности, читали лекции по гигиене, кулинарии, учили рукоделию, рассказывали о делах государства. К воспитателям шли за любым советом.

Детский сад жил трудно, получал только самое необходимое. Настоящим богатством были энтузиазм, инициатива и добросовестность сотрудников. Разруха и голод, царившие в стране в первые десятилетия ее существования, сказывались и на детях. Не только сиротство, но и недоедание были причиной умственной и физической запущенности. Калорийными продуктами считались маргарин и рыбий жир, роскошью – леденцы.

Никаких материалов для обучения не было. Нарядная игрушка считалась роскошью, преобладали самоделки, сначала тряпичные, потом набитые опилками. Ими играли все дети поочередно.

С 6 марта 1945 г. детским садом заведовала З.Е. Дельведерская, а с 20 февраля 1946 г. – Н.Н. Владимирцева. Работали в саду истинные подвижники.

После войны сад стал санаторным для детей, больных дифтерией.

«В 1968 г. заведующей детским садом стала Л.Н. Реуцкая – деятельный, активный, неравнодушный человек. Она проработала в детском саду ровно 20 лет. Мысль о том, как облагородить сад, не покидала ее ни на минуту. Она сама помогала разбирать огромные, под потолок, печи, белила потолок, руководила ремонтом, подавая пример строительной бригаде».

Много лет поработала заведующей Л.Я. Поджарова. Она старалась делать все для того, чтобы небольшой домик на ул. Горького был для детей родным, чтобы малыши росли здоровыми, и самой большой наградой считала слова родителей: «Мы доверяем ребенка только в Ваши руки. В руки добрые и надежные».

Старалась поддерживать садик на соответствующем уровне и последняя заведующая В.Ю. Разова [30].

В 1944 г. на основании постановления мэра Иркутска от 3 марта № 46/384 усадьба закреплялась за детским садом.

Любопытно, что в самых ранних материалах БТИ (начала 1930-х гг.) относительно времени строительства главного дома отмечено, что он был возведен в 1933 г. По нашему мнению, это явная ошибка. Вероятно, это дата проведения самой инвентаризации перед передачей усадьбы под детский сад.

Заключение

Настоящая усадьба является включенной в «Перечень объектов историко-культурного наследия Иркутска» под № 77 (ул. Горького, 34, лит. А, А1, А2, А3, а1 – «Особняк», вторая половина XIX в. ГО, решение облисполкома № 73 от 22.02.90). Мы рассмотрели все возможные исторические аспекты, связанные с усадьбой по ул. Горького, 34. И если в 1990 г. объект ставился на государственную охрану как имевший по большей части архитектурную ценность, то теперь можно сказать, что настоящее здание несет и конкретную историческую нагрузку, так как связано с личностью В.В. Жарникова, купца, городского головы, вошедшего в историю нашего города и имевшего общественный статус в иркутском обществе. Тем самым ценность ее возрастает как бы вдвойне.

В результате исследования можно предложить следующее: разместить на главном доме памятную доску примерно следующего содержания: **«В этой усадьбе в 1894–1919 гг. проживал Василий Васильевич Жарников, купец 1-й гильдии, городской голова в период 1898–1902 гг.,** гласный городской думы с **1889 по 1917 г., активный общественный деятель Иркутска»**.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. План города Иркутска 1729 г. // РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 69.
2. План города Иркутска 1768 г. // РГАВМФ. Ф. 3/л. Оп. 23. Д. 3529.
3. План города Иркутска 1780-х гг. // Геттингенская библиотека Нижнесаксонского университета, отдел рукописей, коллекция барона Аша, № 267.
4. План губернского города Иркутска. 1843 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 8.
5. План губернского города Иркутска, съемка 1862–1864 гг. // ИОКМ. Фонды. № 11 А/3.
6. План губернского города Иркутска, съемка 1881 г. // ИОКМ. Ф. 8141. Д. 3.
7. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 56. Л. 60.
8. Расценочная ведомость на незастроенные или вновь застроенные участки земли, находящиеся в селитебной черте г. Иркутска на 1909 г. // Известия городской думы. 1909. Т. 2. С. 198–199.
9. ГАИО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 786. Л. 2.
10. ГАИО. Ф. 161. Оп. 3. Д. 50. Л. 41 об.–44, 89–89 об., 192.
11. ГАИО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 786. Л. 2.
12. ГАИО. Ф. 161. Оп. 6. Т. 2. Д. 19. Л. 2, 16.
13. Усадьба Громовых располагалась на месте ныне существующего здания по ул. Горького, 36, от нее сохранились дом (ул. Сухэ-Батора, 15 и 15а, а также два нижних этажа дома по ул. Горького, 36а).
14. Известия Иркутской городской думы. Иркутск, 1904. Т. II, № 17–24. С. 194.
15. Петров А.В., Плотникова М.М. Городские головы, гласные и депутаты Иркутской думы 1872–2011: биографический справочник. Иркутск, 2011. С. 65.
16. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 75, 48.
17. Известия Иркутской городской думы. Иркутск, 1905. Т. I, № 1–8. С. 201.
18. Попов И.И. Указ. соч. С. 249–250.
19. Известия Иркутской городской думы. Т. I, № 1–8. С. 201, 248–252.
20. Иркутск. Городская дума: Протокол заседания комиссии от 19 марта 1905 г.; Проект Всеподданнейшего адреса; Проект докладной записки в Совет Министров; в Иркутскую городскую думу… по вопросу о программе съезда городских представителей [Б. м., б. г.].
21. Об этих событиях уже рассказывалось на страницах журнала «Земля Иркутская». См.: Романов Г., Лобанцева И. Террор и власть // Земля Иркутская. 1997. № 8. С. 53–56; Серебренников И. «Красные» дни в Иркутске (посвящается М.Е. Амосовой) / публ. П. Конкина и П. Новикова // Там же. 2010. № 1 (36). С. 76–96.
22. Известия Иркутской городской думы. Иркутск, 1905. Т. III, № 17–24. С. 317–319, 328, 332–342.
23. Там же. С. 353.
24. Там же. 1906. Т. I, № 1–4. С. 19, 26.
25. Там же. Т. III, № 17–20. С. 14–15.
26. Там же. Т. IV, № 20–24. С. 250–252.

27. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / изд. подг. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1993. С. 359.

28. Составлено по: ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 995. Л. 1, 4–4 об., 7–8; Д. 1125. Л. 1 об., 3, 4, 8, 11–12, 15–15 об.; Д. 1704. Л. 135 об.–136; Д. 1667. Л. 3; Д. 2201. Л. 10 об.; Д. 2527. Л. 17–20; Известия Иркутской городской думы. Иркутск, 1898. Т. 2, № 21–22. С. 701–703; 1899. Т. 3, № 20. С. 282; 1902. Т. 1, № 1–2. С. 1, 6; 1902. Т. 3, № 23–24. С. 16; 1903. Т. 1, № 7–8. С. 31–32, 38–39; Петров А.В., Плотникова М.М. Указ. соч. С. 60–67; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири / под ред. А.С. Зуева, В.П. Зиновьева. Новосибирск: РИПЭЛ, 1995. Т. 2, кн. 1. С. 14-15; Ковалева А.С. Василий Васильевич Жарников – иркутский городской голова // Земля Иркутская. 2001. № 15; Гаврилова Н.И., Гаращенко А.Н., Колмаков Ю.П. Городские головы // Там же. № 16. С. 29–31; Серебренников И.И. К вопросу о реформе Городового положения // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1913. № 1. С. 9; К вопросу о водопроводе в Иркутске: доклад гласного Иркутской городской думы В.В. Жарникова. По Зимину, В.Е. Тимонову и трудам водопроводных съездов. Иркутск: Паровая тип. И.П. Казанцева, 1904. С. 20; Исцеленнов И.Ф. Пожарные команды г. Иркутска: доклад о передаче в ведение городского общественного управления полицейских пожарных команд. Иркутск: Тип. М.П. Окунева, 1909. С. 99; Иркутск. Городская дума: Протокол заседания комиссии от 19 марта 1905 г.; Проект Всеподданнейшего адреса; Проект докладной записки в Совет Министров; в Иркутскую городскую думу… по вопросу о программе съезда городских представителей. С. 23–24; Попов И.И. Указ. соч. С. 75; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. С. 188, 274, 291, 310, 373, 359, 380, 408; Он же. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост., предисл. и примеч. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1994. С. 53; Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., автор предисл. и примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 121–122, 153, 226, 269, 282, 302, 379.

29. Список абонентов Иркутской городской телефонной сети. Иркутск, 1929. С. 165.

30. Дошкольное образование города Иркутска на рубеже веков / под ред. В.С. Басюка, Г.А. Ицковой, В.А. Куковской. Иркутск, 2008. С. 29–31.

АРХИТЕКТУРА

А.Ю. Исаев

ТРИЛИСТНИК НА ПОДЗОРАХ ИРКУТСКА

В течение XIX в. пропильная резьба стала одним из наиболее распространенных мотивов русского деревянного зодчества и совершила своего рода революцию в декоре жилых построек, существенно изменив внешний вид города и деревни. Просто, несложно, недорого и в то же время изящно, нарядно, гармонично! Две взаимодополняющих ипостаси – красота и доступность – определили повсеместность распространения и всеохватность применения: пропильный декор протянулся горизонталями подзоров [1] и вертикалями пилястр [2], причудливо заиграл в пышном оформлении наличников [3], растекся по плоскости стени фронтонов [4], дотянулся до ворот, оград и хозяйственных построек! Трудно в этой роли вообразить любой другой вид декора, скажем, барокко [5] или рококо [6]: безусловно, великолепно, но безумно дорого и сложно! Да и далеко не каждому по плечу: без профессионалов – резчиков, а то и скульпторов! – и начинать не стоит! Поэтому, органично войдя в привычную повседневность, многие виды декора остались лишь капельками-вкраплениями подлинных шедевров деревянного зодчества! Распространенными, но далеко не массовыми.

Другое дело пропильная резьба: в ней все намного проще и доступнее – создал или скопировал понравившийся рисунок, растиражировал его по трафарету, а дальше остается и требуется совсем немногое – дрель или коловорот, лобзик, время, терпение и упорство! Вроде бы каждому по плечу, но результат, как и во всяком другом деле, у каждого свой. У одного – тщательно пропиленный узор с подработанными резцом краями мало чем отличается от высокохудожественной прорези великих Мастеров прошлого, а у другого – как будто начинающий подмастерье работал или даже ребенок развлекался: симметрия непостижимо, но уловимо асимметрична, в рисунке проскальзывает не то угловатость, не то незавершенность, а порою он вообще смотрится как на корове седло. В общем, грубая или, как в народе говорится, топорная работа.

Правда, нельзя не отметить, что в этом широко распространенном и весьма привычном идиоматическом выражении форма совершенно не соответствует содержанию. Да и придумал его, скорее всего, какой-нибудь кабинетный теоретик, бравший в руки топор только при рубке дров, бывшей для него серьезной, а то и вовсе не разрешимой проблемой. А изначально топор являлся одним из основных и излюбленных инструментов русских плотников: наши предки владели им виртуозно и буквально чудеса творили!

«Настоящий Плотник все делает топором!» – еще в детстве неоднократно слышал я из уст моего деда. Рассудительный, спокойный, мастеровитый, слов своих он на ветер не бросал, потому со временем воспринял я это выражение как народную мудрость. Да и наглядные примеры не заставили себя долго ожидать. Константин Григорьевич Исаев хоть и провел всю жизнь среди двигателей и машин, шоферя и мас-

теря, но навыков предков не утратил и с деревом обращался споро и умело. О таких говорят: «мастер на все руки» – мало что у него выходило неказисто, разве что когда образования не хватало. Однако далеко не все были согласны с подобным отношением к работе топором – и однажды в обоснование правоты собственных слов он у всех на глазах минут за пятнадцать на спор с соседом вырезал деревянную ложку. Топором! Правда, и топор у него был! Такие теперь только в музеях и увидишь.

Но в прошлом именно топоры были основным орудием производства настоящих русских Мастеров. Причем существовало невообразимое сегодня множество их форм, видов и размеров, предназначенных для различных видов работы. А вот пилы на Руси были не в чести и долгое время применялись для выполнения весьма ограниченного числа операций. Уравнять значимость пилы с топором, сделав ее столь же необходимым и общеупотребительным орудием, каким она является в наши дни, было делом долгим и далеко не простым. Рука не поднималась, а сознание не принимало.

Но «omnia fluent, omnia mutantur» [7]. В первой половине XVIII в. в России, «поднятой на дыбы» железной волей Петра [8], интенсивно развивался ряд производств, в больших объемах потреблявших лес и древесный уголь, что быстро привело к стремительному уменьшению площади лесов в окрестностях крупных промышленных центров. В 1750-х гг. государство начало активно вмешиваться в сферу лесопользования и законодательно регламентировать ряд производственных операций, связанных с использованием древесины. В частности, было запрещено использование тесаного леса. Практически людей административно принудили использовать пиленые доски вместо теса. Реакция населения и возможные последствия никого не интересовали.

А между тем именно широкое использование пиленого леса привело к значительным изменениям в технологии сооружения кровли деревянных срубов и декоре жилых сооружений. Самцовые [9] конструкции уступили место стропильным. Торцы лаг и стропил во избежание гниения прикрыли тонкие пиленые подзорные доски, слишком хрупкие для всех уже существующих видов декора и методов его нанесения. Вот тут-то и началось широкое использование пил, легко справлявшихся с обработкой краев тонких подзорных досок и позволявших создавать незатейливые узоры на их плоскости путем соединения просверленных отверстий прямыми и криволинейными пропилами. А чуть позже изобретение и широкое распространение лобзика позволило без особых усилий создавать пропильные узоры любой сложности. Это и стало последней каплей, определившей переход к их повсеместному распространению – словно вешние воды в половодье, ажур пропильной резьбы окутал деревянные срубы городской и сельской России.

Достаточно простые фигуры и пропилы, сливаясь в сложные живописные композиции, в солнечные дни обогащаются еще и игрой светотени, а кроме того, изящные тени подзоров вынесенных от стены карнизов вслед за солнцем скользят по плоскости стен, постоянно изменяя размеры и очертания!

За два века существования пропильной резьбы русские Мастера создали бесчисленное множество сюжетов и вариаций различных видов орнамента: геометрического, растительного, зооморфного, антропоморфного и разной степени сочетания их элементов и деталей. При этом параллельно друг другу шли два взаимообусловленных процесса – поиск новых форм и непрерывное совершенствование удачных сюжетов, получавших все более широкое распространение, а также отсеивание не глянувшихся, не прижившихся, не получивших признания, лишь какое-то время сохранявшихся в небольшом количестве на уже украшенных ими зданиях.

Одним из наиболее излюбленных и тиражируемых элементов декора стало изображение трилистника – достаточно простого, выразительного, известного с глубокой древности абриса, легко узнаваемого по сопоставлению с цветочными бутонами и листьями различных растений. Свободно свисающие с нижнего края подзорных досок, заключенные в округлые или сердечкообразные открытые и закрытые контуры, в другие простые и сложные геометрические формы, бесконечно варьируемые и видоиз-

меняемые, порою стилизованные почти до неузнаваемости, они не только украшают внешний вид зданий, но и передают им какую-то свою, особую, лишь им присущую ауру, создают настроение и радуют глаз многих поколений.

В процессе работы над статьей возникла было идея провести сопоставление рассматриваемых видов растительного декора с их аналогами и прообразами в Природе. Но как это сделать, не будучи знатоком ни в ботанике, ни в цветоводстве, когда давным-давно позабыты даже давнишние школьные уроки по не самому любимому мною предмету?! Конечно же, обратиться к Профессионалам! И начались бесконечные хождения по школам и вузам: несколько иркутских школ и гимназий, школа искусств, училище искусств, кафедра ботаники госуниверситета… Но все, как в бессмертных сюжетах великой российской классики: «Вы бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, бывает и к гадалкам… Как первое, так и второе, так и третье совершенно бессмысленно….» [10]. Наконец, в краеведческом музее довелось услышать приятное и тешащее, но в то же время досадное и обескураживающее: «О чем ты говоришь?! Кроме тебя, этим в Иркутске никто не занимается!» Последней попыткой и едва ли не криком отчаяния стало размещение нескольких уже готовых рисунков растительного орнамента на некоторых исторических сайтах Иркутска с просьбой о помощи в определении видовой принадлежности и истоков творчества иркутских Мастеров. Увы! И здесь без классики не обошлось: «…ленивы и не любопытны…» [11].

Оставалось лишь последовать еще одной российской народной мудрости: хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, – сделай его сам! Побродив по бесконечным тупикам и просторам инета, нашел несколько удачных рисунков и фотографий местной и российской флоры, имеющих определенное родство или сходство с некоторыми из сюжетов пропильного декора. Но далеко не со всеми. Насколько они удачны – судить уже вам, дорогие читатели и коллеги! Буду искренне признателен и благодарен за ваши советы, подсказки, консультации по вопросам аналогии представленных здесь рисунков и материалов с их природными истоками и аналогами!

Приемы и методы получения изображений трилистника на подзорных досках, их форма и стилизация

Изображения трилистника, как и многих других фигур и сюжетов на подзорах деревянного Иркутска, получаются с помощью применения нескольких несложных приемов обработки края и площади горизонтально и вертикально расположенных подзорных досок. Одним из наиболее простых и широко распространенных методов изображения трилистника является его получение с помощью разного рода криволинейных пропилов нижнего края подзорной доски, свисая с которого трилистник как бы свободно парит в воздухе, соседствуя с бесконечным рядом своих собратьев-близнецов (рис. 1). Порою изображение является достаточно простым, дополняясь лишь небольшим количеством разнообразных пропилов поверхности доски (круги, овалы, треугольники, четырехугольники, ромбы, квадраты, сердечки и др.).

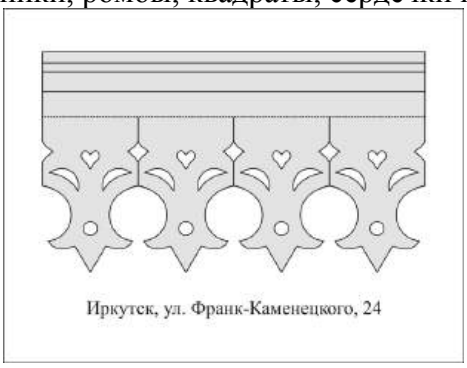


Рис. 1. Ул. Франк-Каменецкого, 24. Фрагмент подзорной доски фриза

Однако слишком простые решения при создании композиций пропильного декора встречаются достаточно редко: для настоящего Мастера простота хуже воровства. Гораздо чаще силуэты трилистника усложняются дополнительными порезками (рис. 2–3), порою усложняющимися настолько, что возникают достаточно сложные композиции, где трилистник является уже не основой сюжета, а лишь одной из его составляющих (рис. 4–5).

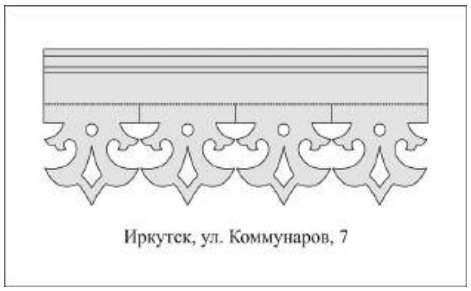


Рис. 2. Ул. Коммунаров, 7. Фрагмент подзорной доски фриза

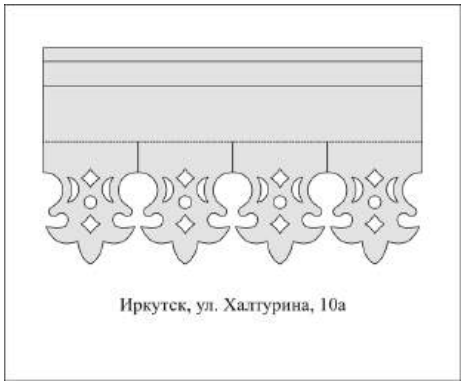


Рис. 3. Ул. Халтурина, 10а. Фрагмент подзорной доски фриза

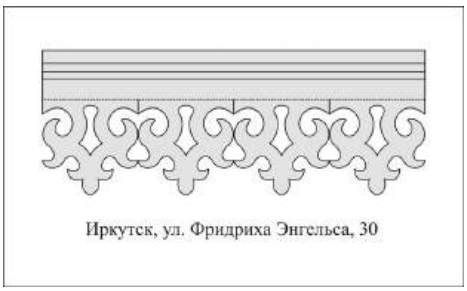


Рис. 4. Ул. Ф. Энгельса, 30. Фрагмент подзорной доски фриза

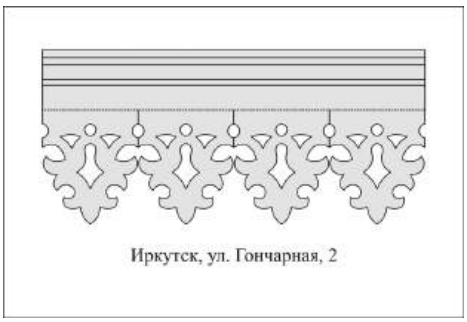


Рис. 5. Ул. Гончарная, 2. Фрагмент подзорной доски фриза

Но это лишь первый шаг в развитии сюжета! На подзорах Иркутска широко распространены изображения трилистника, как бы вписанного в открытые геометрические фигуры. В силу особенностей порезки и незамкнутости нижнего края абрисов трудно сказать, в какие именно: округлые, овальные, сердечкообразные (рис. 6).

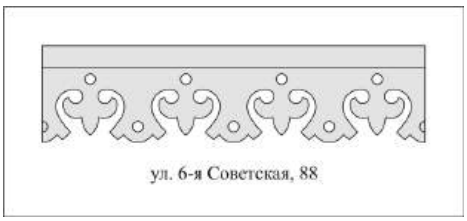


Рис. 6. Ул. 6-я Советская, 88. Фрагмент подзорной доски карниза

И здесь нам впервые приходит на помощь Матушка-Природа: если не гоняться за экзотикой дальних стран, где, разумеется, тоже имеются свои варианты и аналоги, то можно сказать, что такие порезки очень напоминают абрис лепестков фиалки – сердечкообразный верх и неопределенные очертания низа, где лепесток срастается со стеблем цветка (рис. 7).

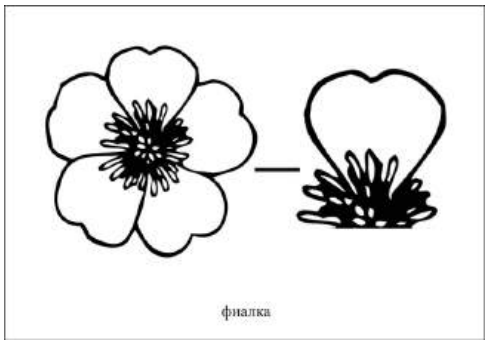


Рис. 7. Фиалка

Порою контуры геометрических фигур не имеют самостоятельного значения и аналогов в растительном мире, порою – сливаются в схематичное (рис. 8–9) или достаточно реалистичное (рис. 10) изображение листовой части цветка, листья которой как бы ниспадают справа и слева от изображения трилистников.

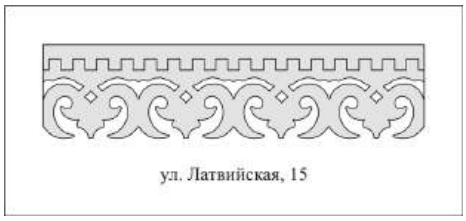


Рис. 8. Ул. Латвийская, 15. Фрагмент подзорной доски карниза [12]

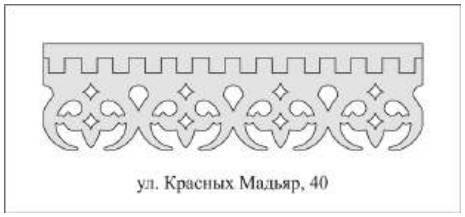


Рис. 9. Ул. Красных Мадьяр, 40. Фрагмент подзорной доски карниза

Рис. 10. Ул. Декабристов, 8. Фрагмент подзорной доски карниза [13]

В последних двух примерах (рис. 9, 10) абрис трилистника создается уже комбинированием обработки края доски и сквозными пропилами ее плоскости, что увеличивает жесткость подзорной доски за счет дополнительного крепления боковых лепестков трилистника к ее плоскости.

Надо отметить, что данный способ создания абриса трилистника достаточно широко распространен на подзорах Иркутска (рис. 11).

Рис. 11. Ул. Красных Мадьяр, 4. Фрагмент подзорной доски карниза [14]

Еще одним способом создания абриса трилистника являются криволинейные пропилы плоскости подзорной доски, которые как бы вписывают его в округлую (рис. 12) или сердечкообразную (рис. 13) замкнутую фигуру.

Рис. 12. Ул. Некрасова, 14. Фрагмент подзорной доски карниза [15]

Рис. 13. Ул. Красноказачья, 15. Фрагмент подзорной доски карниза [16]

Далеко не всегда изображения трилистника на одной подзорной доске выполнены с использованием одних и тех же приемов и методов. Достаточно часто встречаются различные комбинации создания абрисов трилистника: чередование свободно ниспадающего и заключенного в замкнутую геометрическую фигуру: округлую (рис. 14) или сердечкообразную (рис. 15).

Рис. 14. Ул. Красных Мадьяр, 19. Фрагмент подзорной доски карниза

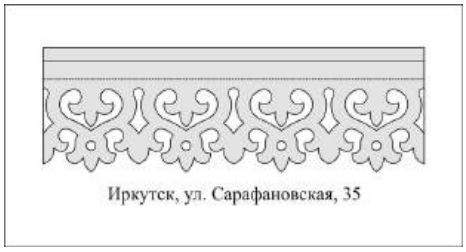


Рис. 15. Ул. Сарафановская, 35. Фрагмент подзорной доски карниза [17]

Подобная композиция, выполненная на вертикальных подзорных досках, добавляет еще один способ формирования абриса трилистника, когда он образуется соединением двух симметричных половинок, рядом расположенных досок (рис. 16–18, 20–26, 29, 31–43, 45). Здесь также возможны самые **различные сочетания двух** (рис. 16–21)

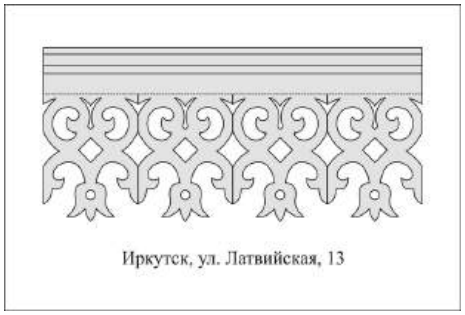


Рис. 16. Ул. Латвийская, 13. Фрагмент подзорной доски фриза [18]

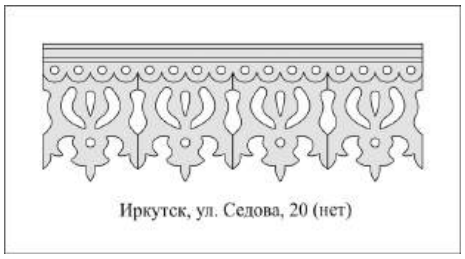


Рис. 17. Ул. Седова, 20. Фрагмент подзорной доски фриза

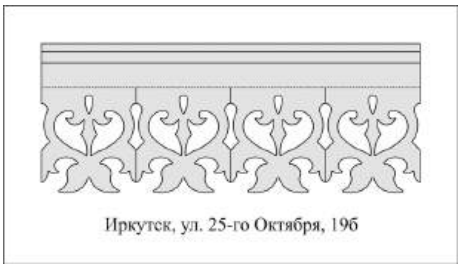


Рис. 18. Ул. 25-го Октября, 19б. Фрагмент подзорной доски фриза [19]

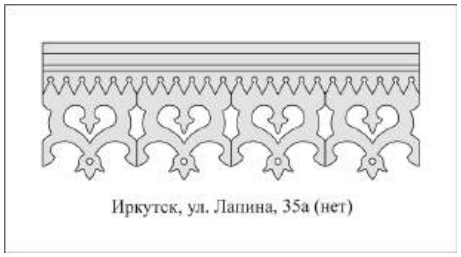


Рис. 19. Ул. Лапина, 35 (повреждено пожаром). Фрагмент подзорной доски фриза

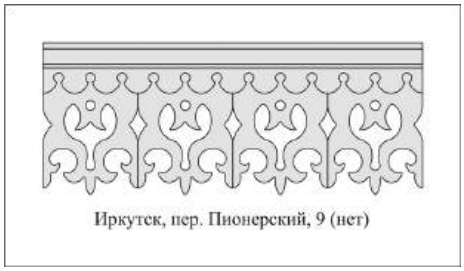


Рис. 20. Пер. Пионерский, 9 (утрачен). Фрагмент подзорной доски карниза

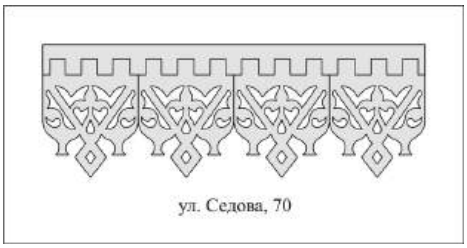


Рис. 21. Ул. Седова, 70. Фрагмент подзорной доски карниза [20]

или трех видов трилистника (рис. 22–25),

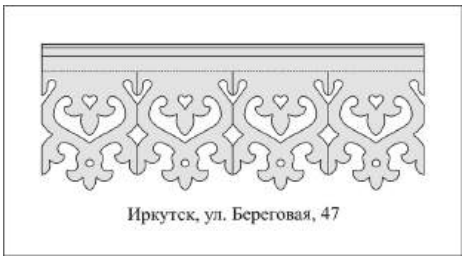


Рис. 22. Ул. Береговая, 47. Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 23. Ул. Софьи Перовской, 38. Фрагмент подзорной доски фриза [21]

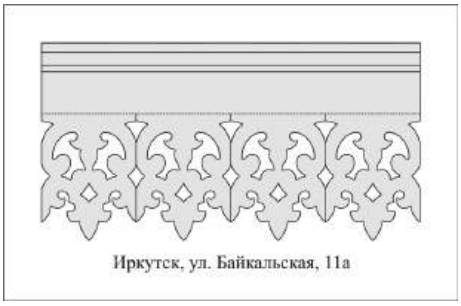


Рис. 24. Ул. Байкальская, 11а. Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 25. Ул. Байкальская, 15а. Фрагмент подзорной доски фриза

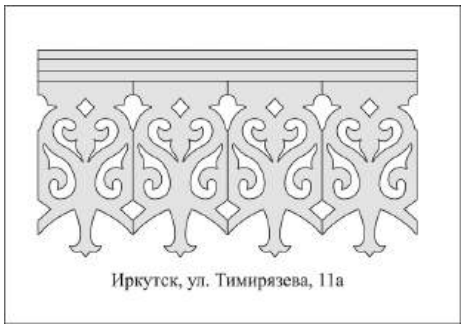


Рис. 26. Ул. Тимирязева, 11а. Фрагмент подзорной доски фриза [22]

двух видов трилистника, один из которых является стилизацией (рис. 27–30),

Рис. 27. Ул. Гаврилова, 9 (утрачен). Фрагмент подзорной доски фриза

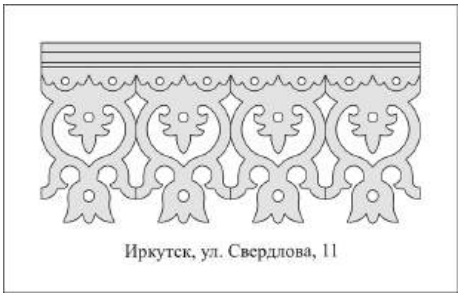


Рис. 28. Ул. Свердлова, 11. Фрагмент подзорной доски фриза

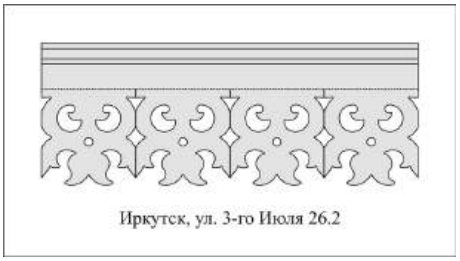


Рис. 29. Ул. 3-го Июля, 26.2 (утрачен). Фрагмент подзорной доски фриза

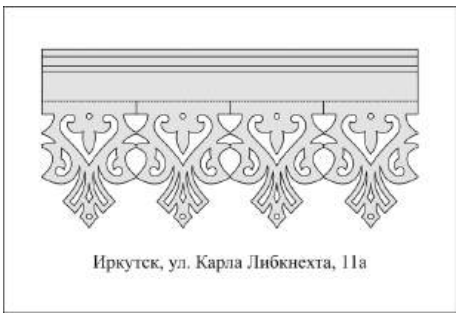


Рис. 30. Ул. К. Либкнехта, 11а. Фрагмент подзорной доски фриза [23]

трех видов трилистника, один из которых является стилизацией (рис. 31–43),

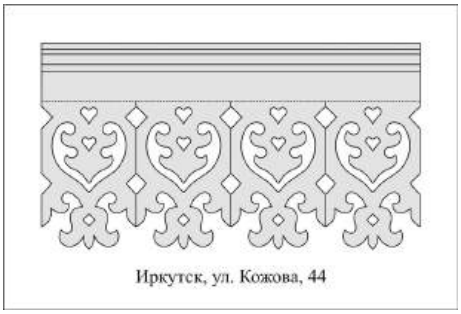


Рис. 31. Ул. Кожова, 44. Фрагмент подзорной доски фриза

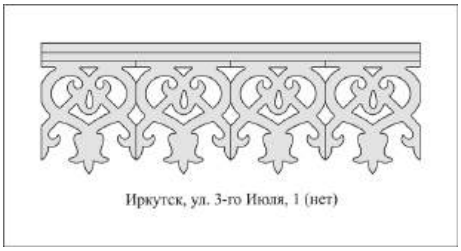


Рис. 32. Ул. 3-го Июля, 1 (утрачен). Фрагмент подзорной доски фриза

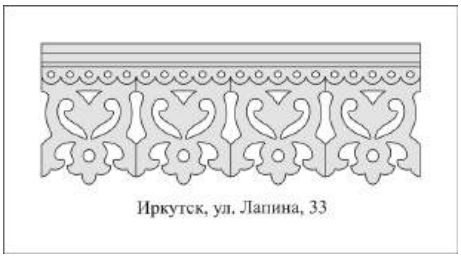


Рис. 33. Ул. Лапина, 33. Фрагмент подзорной доски фриза

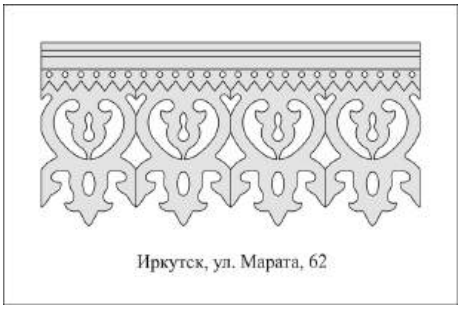


Рис. 34. Ул. Марата, 62. Фрагмент подзорной доски фриза

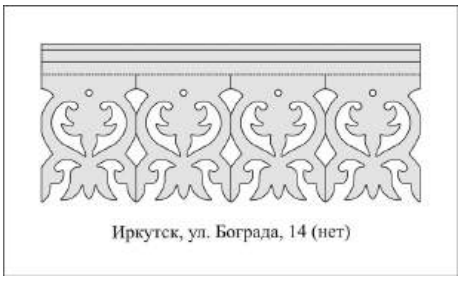


Рис. 35. Ул. Боград, 14 (утрачен). Фрагмент подзорной доски фриза

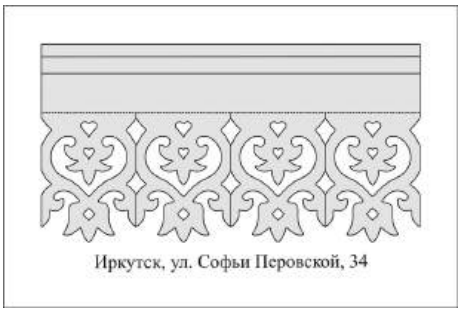


Рис. 36. Ул. Софьи Перовской, 34. Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 37. Ул. С. Разина, 33. Фрагмент подзорной доски фриза

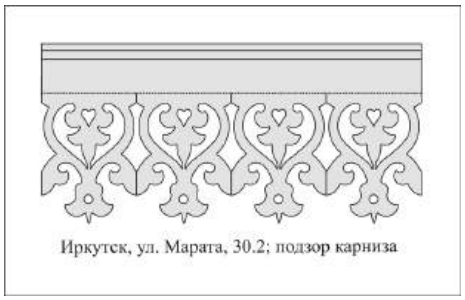


Рис. 38. Ул. Марата, 30.2. Фрагмент подзорной доски карниза [24]

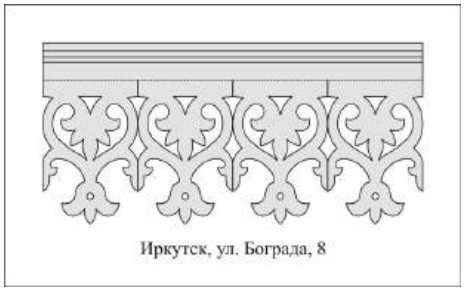


Рис. 39. Ул. Боград, 8. Фрагмент подзорной доски фриза

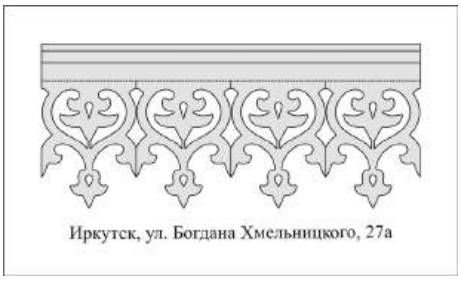


Рис. 40. Ул. Б. Хмельницкого, 27а. Фрагмент подзорной доски фриза

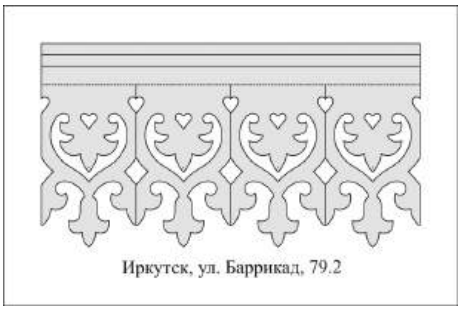


Рис. 41. Ул. Баррикад, 79.2. Фрагмент подзорной доски фриза

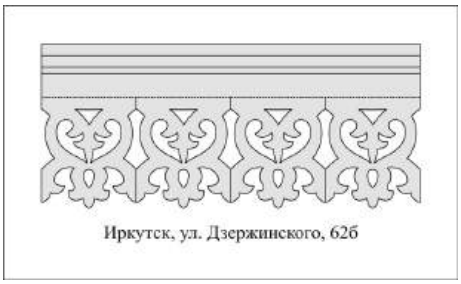


Рис. 42. Ул. Дзержинского, 62б. Фрагмент подзорной доски фриза [25]

Рис. 43. Ул. Киевская, 36а. Фрагмент подзорной доски фриза [26]

трех видов трилистника, два из которых являются стилизацией (рис. 44–45).

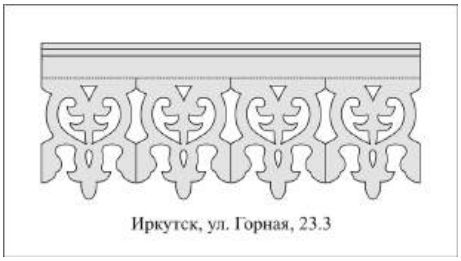


Рис. 44. Ул. Горная, 23.3. Фрагмент подзорной доски фриза

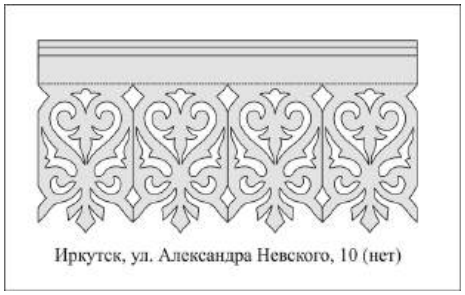


Рис. 45. Ул. А. Невского, 10 (утрачен). Фрагмент подзорной доски фриза

Перечисленные виды и формы далеко не исчерпывают всего многообразия различных видов трилистника на подзорах Иркутска. Кроме того, существует множество видов его стилизации, изменяющей вид и очертания почти до неузнаваемости.

Трилистник на горизонтальных досках карнизов

Декор на горизонтальных досках карнизов [27] деревянных зданий достаточно прост, лаконичен, невелик по размеру и не слишком далеко углубляется в плоскость доски, зачастую ограничиваясь несложным контуром разного рода пропилов по ее краю (полукружья, волна, зигзаг, кирпичики и др.), дополненных рядами сквозных прорезей в плоскости доски в виде кругов, квадратов, ромбов, сердечек и т. д. Хотя встречаются и приятные исключения, интересные сюжеты и сложные композиции, как, впрочем, и совершенно не декорированные подзорные доски. Объясняется это довольно просто. Ширина доски, несущей большую функциональную нагрузку и прикрывающей торцы стропил, не может увеличиваться бесконечно. Слишком большая ширина тонкой доски, необходимая для создания сложных пропильных композиций, нерациональна, уменьшает жесткость, увеличивает вес и напряжение, приводит к раскалыванию. Объемная прорезь плоскости доски еще больше увеличивает эти факторы. Поэтому так важны чувство меры в процессе декорирования и, разумеется, правильный подбор сорта и вида дерева подзорных досок.

На подзорных досках карнизов иркутских зданий воля и фантазия создавших их Мастеров пропильного декора представила нашему взгляду:

1) свободно ниспадающий трилистник;
2) трилистник, вписанный в открытую геометрическую форму;
3) трилистник, вписанный в закрытую геометрическую форму;
4) комбинированные изображения трилистника;
5) трилистник как основа или составляющая сложной композиции.

1. Свободно ниспадающий трилистник (рис. 14, 15). Контур свободно ниспадающего трилистника является частью контура нижнего края обработанной подзорной доски и получается наиболее простым путем создания контура фигуры – с помощью пропила просто отсекается все лишнее, мешающее увидеть прекрасное. Так в свое время определял сущность работы скульптора Микеланджело, один из титанов итальянского Возрождения.

На обоих фрагментах подзорных досок представлены комбинированные композиции, созданные последовательным чередованием повторяющихся сюжетов. Декор подзоров карниза на ул. Красных Мадьяр, 19 (рис. 14) составлен чередованием свободно свисающих трилистников и трилистников, вписанных в округлую форму, – различного вида цветочных бутонов, окаймленных, как и в природе, короной различной формы листиков.

Гораздо сложнее композиция, составленная последовательным чередованием трех видов трилистника, представленная на подзорах карниза на ул. Сарафановской, 35 (рис. 15). Два из них предстают как свободно ниспадающие, образующие полный абрис нижнего края подзорной доски, а третий вписан в сердечкообразную форму на ее плоскости. Подобное построение композиции, различающейся лишь небольшими частностями пропилов, встретилось нам только на достаточно компактной территории иркутских предместий Рабочее (ул. Сарафановская, 37; Освобождения, 103; Баррикад, 79; Береговая, 47) и Марата (Войкова, 16). Подобное построение композиции широко представлено на подзорах фризов города, только там оно формируется слиянием абрисов вертикально установленных подзорных досок.

2. Трилистник, вписанный в открытую геометрическую форму (рис. 6, 8–10, 46–49). Не слишком большая, но достаточно интересная группа. Вследствие отсутствия нижней части трудно определить, в какие же именно геометрические фигуры вписаны трилистники. Их контур также является составной частью абриса нижнего края обработанной подзорной доски. Они мало похожи друг на друга, обладают индивидуальной формой и объемом, различным соотношением частей, способов и мест сочленений с окружающей их открытой окружностью, в ниспадающих дугах которой схематично проявляются ниспадающие то ли листья, то ли травы, полукольцом охватывающие цветки неведомых растений (рис. 8–10, 46–49). Подзоры на 6-й Советской, 88 (рис. 6) являются своего рода развитием достаточно распространенного в Иркутске приема оформления подзорной доски, в вырезанные округлые части которой в качестве существенного дополнения вписан трилистник.

Рис. 46. Ул. Каштаковская, 20. Фрагмент подзорной доски карниза

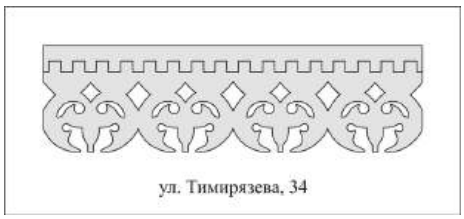


Рис. 47. Ул. Тимирязева, 34. Фрагмент подзорной доски карниза

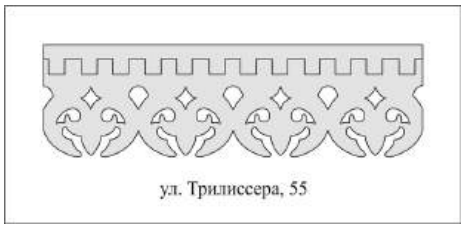


Рис. 48. Ул. Трилиссера, 55. Фрагмент подзорной доски карниза

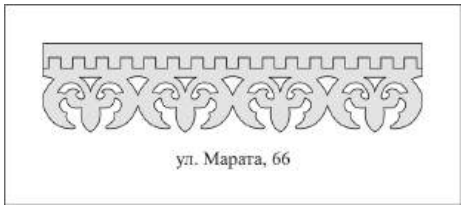


Рис. 49. Ул. Марата, 66. Фрагмент подзорной доски карниза

3. Трилистник, вписанный в закрытую геометрическую фигуру

Трилистник, вписанный в геометрическую фигуру округлой формы (рис. 12, 15, 50–52), полностью замкнут плоскостью подзорной доски и выделяется парными криволинейными пропилами. Для большей жесткости доски трилистник крепится к ней не только у основания, но и у вершины среднего листа. Трилистник на подзорных досках карнизов на ул. Красноказачьей, 20 (рис. 52) имеет достаточно редко встречающуюся в Иркутске направленность листьев вверх, а не вниз. Подзорные доски на Баррикад, 99 (рис. 53) составлены чередованием трилистников, вписанных в округлую форму, и комбинированных стилизованных трилистников, силуэт которых частично образован абрисом нижнего края подзорной доски, частью – криволинейными пропилами на ее плоскости. Аналогично оформлены и подзоры фриза этого здания. Один из немногочисленных примеров двух рядов однотипного оформления подзоров деревянных сооружений. Хотя нельзя не признать, что подобный прием в некоторых случаях выглядит довольно эффектно.

Рис. 50. Пер. Большевистский, 13. Фрагмент подзорной доски карниза [28]

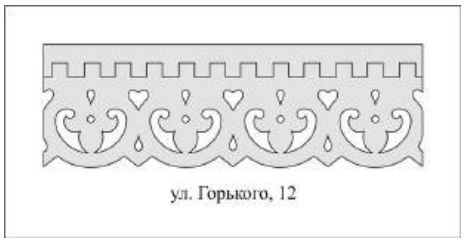


Рис. 51. Ул. Горького, 12. Фрагмент подзорной доски карниза

Рис. 52. Ул. Красноказачья, 20. Фрагмент подзорной доски карниза

Рис. 53. Ул. Баррикад, 99. Фрагмент подзорной доски карниза

Ниспадающие пары трилистников (рис. 54–56). Несколько усложненная композиция, составленная парами вписанных в собственные круги и склоненных к земле лепестков, абрис которых образуется разным числом криволинейных пропилов, создающих разное количество сочленений с плоскостью подзорной доски.

Рис. 54. Ул. К. Либкнехта, 85 (утрачен). Фрагмент подзорной доски карниза [29]

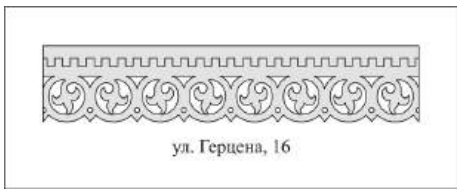


Рис. 55. Ул. Герцена, 16. Фрагмент подзорной доски карниза [30]

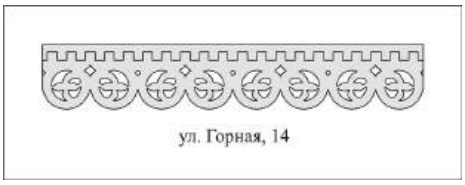


Рис. 56. Ул. Горная, 14. Фрагмент подзорной доски карниза

Раскинувшиеся пары трилистников (рис. 57–61). Еще одна несколько усложненная композиция, составленная парами вписанных в собственные круги устремленных в противоположные стороны лепестков, абрис которых образуется сложными криволинейными пропилами.

Рис. 57. Ул. Борцов Революции, 10а. Фрагмент подзорной доски карниза [31]

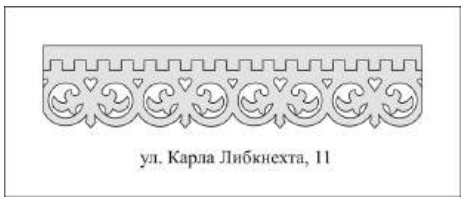


Рис. 58. Ул. К. Либкнехта, 11. Фрагмент подзорной доски карниза [32]

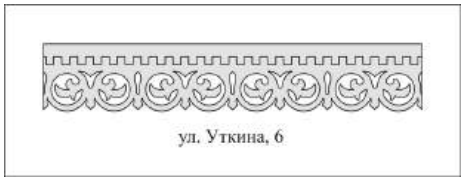


Рис. 59. Ул. Уткина, 6. Фрагмент подзорной доски карниза

Рис. 60. Ул. Горная, 19б. Фрагмент подзорной доски карниза *[33]*

Рис. 61. Ул. Декабрьских Событий, 75. Фрагмент подзорной доски карниза [34]

Трилистник, вписанный в геометрическую фигуру сердечкообразной формы (рис. 13, 15, 24–25). Несмотря на то что вписанный в сердечкообразную форму трилистник является одним из излюбленных и часто употребляемых элементов пропильной резьбы России и широко представлен на подзорах фризов Иркутска, эта форма сравнительно редко появляется на подзорах иркутских карнизов. Сами трилистники образуются сложными криволинейными пропилами, отличаются по конфигурации, размерам и количеству сочленений с плоскостью доски.

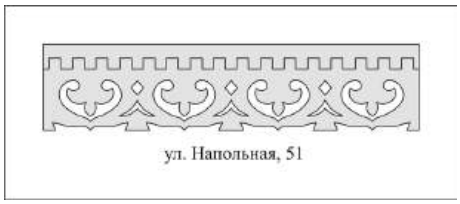


Рис. 62. Ул. Напольная, 51. Фрагмент подзорной доски карниза [35]

4. Комбинированный трилистник (рис. 11, 63–70). Название определяет не форму, а составные элементы, ее создающие, а это и нижний край подзорной доски, и геометрические пропилы ее плоскости, и не обозначенная, а лишь смутно угадываемая линия их соединения. Трилистники группы также имеют самые различные формы, размеры и соотношения своих частей. Гораздо чаще, чем в других группах, здесь наблюдается практически полная идентичность подзоров карниза и фриза (Дзержинского, 13; Дзержинского, 54б; Киевская, 29).

Рис. 63. Ул. Дзержинского, 54б. Фрагмент подзорной доски карниза

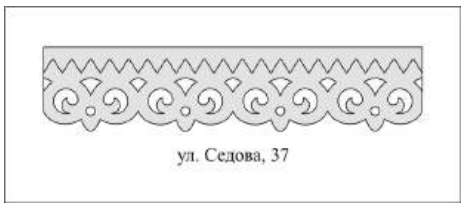


Рис. 64. Ул. Седова, 37. Фрагмент подзорной доски карниза

Рис. 65. Ул. Дзержинского, 13 (утрачен). Фрагмент подзорной доски карниза [36]

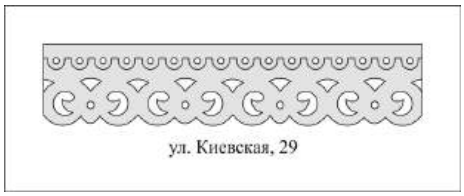


Рис. 66. Ул. Киевская, 29. Фрагмент подзорной доски карниза

Рис. 67. Ул. Партизанская, 52. Фрагмент подзорной доски карниза

Рис. 68. Ул. Пискунова, 18. Фрагмент подзорной доски карниза

Рис. 69. Ул. Провиантская, 29 (утрачен). Фрагмент подзорной доски карниза

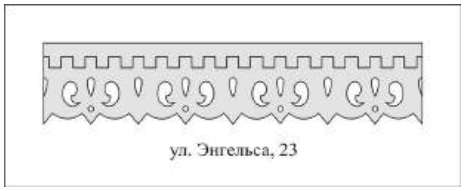


Рис. 70. Ул. Ф. Энгельса, 23. Фрагмент подзорной доски карниза [37]

5. Трилистник как основа и составляющая сложной композиции (рис. 15, 21). Таких построений сравнительно немного, и практически все они выполнены на горизонтально ориентированных подзорных досках и аналогичны или даже полностью идентичны подзорам фризов этих же зданий [38] (рис. 38, 71–73), вследствие чего будут включены в описание подзоров фризов.

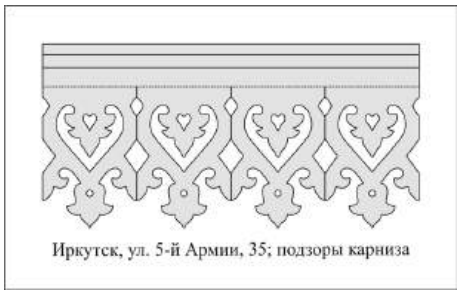


Рис. 71. Ул. 5-й Армии, 35. Фрагмент подзорной доски карниза

Рис. 72. Ул. Марата, 30. Фрагмент подзорной доски карниза

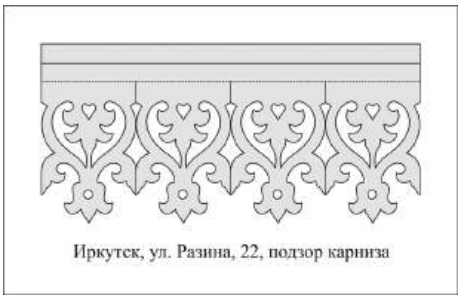


Рис. 73. Ул. С. Разина, 22. Фрагмент подзорной доски карниза

Исключение составляет уже описанная выше группа чередующегося триединства различных форм трилистника, рисунок которых практически полностью идентичен одному из мотивов оформления подзоров фризов, но в отличие от них выполнен на горизонтальной доске (рис. 15).

Еще одним исключением является также немногочисленная группа подзоров, представленная на ул. Седова, 70 (рис. 21); бульвара Гагарина, 16; ул. Марата, 34 и еще несколь-

ких аналогичных им, рисунок которых в корне отличается от композиций на подзорах фризов этих же зданий. На них устремленные вверх трилистники, созданные криволинейными пропилами различной сложности, являются чередованием цельных фигур, принадлежащих плоскости одной вертикальной подзорной доски, и фигур, образованных при сочленении двух соседствующих подзорных досок. Эти трилистники в целом идентичны по размерам, пропорциям, объемам и соотношению составляющих их частей, но в то же время являются своего рода композициями-оборотнями: всмотришься в них повнимательнее – в верхнем ряду появляется череда каких-то фантастических рассерженных монстров с нахмуренными бровями, а в нижнем – пары прильнувших друг к другу птичек!

Трилистник на вертикальных досках фризов

Композиции пропильной резьбы, представленные на подзорах фризов [39] деревянных домов, несомненно, пышнее, богаче, ярче, разнообразнее. И это также вполне объяснимо: фризы в первую очередь декоративный элемент. Их появление было вызвано не жесткой необходимостью, аналогичной той, что продиктовала необходимость и неизбежность появления подзорных досок карнизов, а стремлением еще больше украсить здание. При этом вертикальное расположение подзорных досок позволяет значительно увеличить площадь пропильного узора. Многие деревянные сооружения напрочь лишены самих фризов, а не только украшающих их подзоров. Вместе с тем нередко богатый пропильный орнамент подзоров фризов дополняется замысловатыми композициями накладной пропильной резьбы по площади самих фризов. Глаз не оторвешь!

Трилистник на подзорах фризов представлен практически теми же сочетаниями, что и на подзорах карнизов, но имеются и некоторые существенные отличия. В частности, практически неизменной частью сложных композиций является составной трилистник, образованный при сочленении рядом расположенных вертикальных подзорных досок. Вместе с тем на подзорах фризов отсутствует трилистник, вписанный в незамкнутые геометрические фигуры, если, конечно, не считать таковыми некоторые слишком низко опускающиеся половинки составных трилистников. Таким образом, мастерство и вдохновение наших предков подарили нам:

1) цельный свободно ниспадающий трилистник по центру пропильной доски как основа композиции;

2) цельный свободно ниспадающий трилистник по центру пропильной доски как составляющая сложной композиции;

3) составной свободно ниспадающий трилистник на стыке пропильных досок как составляющая сложной композиции;

4) трилистник, вписанный в закрытую геометрическую форму как составляющая сложной композиции.

1. Цельный свободно ниспадающий трилистник как основа композиции (рис. 1–5). Как и во многих других группах, размеры, очертания и соотношение частей трилистника в таких композициях самые разные. Как общую тенденцию, характерную для большинства изображений трилистника на подзорах фризов, можно отметить неизменную устремленность центрального листа вниз, его треугольную, арочную или купольную форму. Данную группу характеризует направленность боковых листов в стороны, расположение их почти под прямым углом к центральному и небольшой изгиб вверх верхушки листа. Композицию, представленную на подзорах фризов по ул. Франк-Каменецкого, 24 (рис. 1), можно рассматривать как творческое развитие одного из основных мотивов подзоров фризов, перенесенную с горизонтали на вертикаль, с приданием выступу между двумя открытыми округлыми врезками формы трилистника. Еще сильнее это развитие прослеживается на подзорах фризов по ул. Халтурина, 10а (рис. 3): соотношение размеров округлых врезок и трилистника сильно изменяется, последний начинает явно доминиро-

вать. На подзорах по ул. Ф. Энгельса, 30 (рис. 4) и Гончарной, 2 (рис. 5) возрастает площадь и криволинейность пропилов, рисунок получает большую воздушность и изящество.

Однако таких достаточно простых композиций сравнительно немного. Чаще всего при рассмотрении пропильной резьбы подзоров фризов мы сталкиваемся с огромной вариативностью в соотношении различных видов, размеров и пропорций трилистника, входящего в рассматриваемые изображения, что для большей ясности стоит разделить цельную композицию на составляющие и провести как бы различные классификации на основе отдельных видов составляющих ее трилистников. На основании некоторой степени внешнего сходства с выбранными нами цветами мы попытаемся разделить все это разнообразие на отдельные составляющие. В этом нам помогут изображения тюльпана (рис. 74), колокольчика (рис. 75, 76) и ландыша (рис. 77). Разумеется, полученные нами группы носят достаточно условный характер.

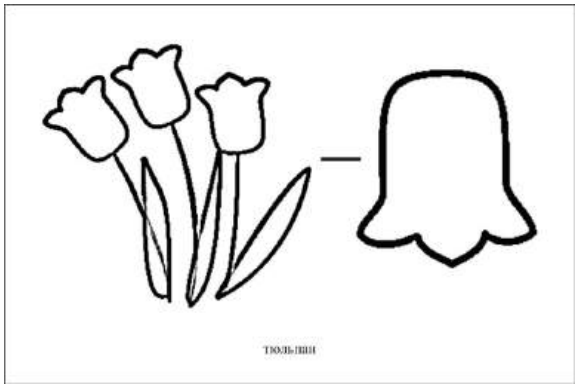


Рис. 74. Тюльпан

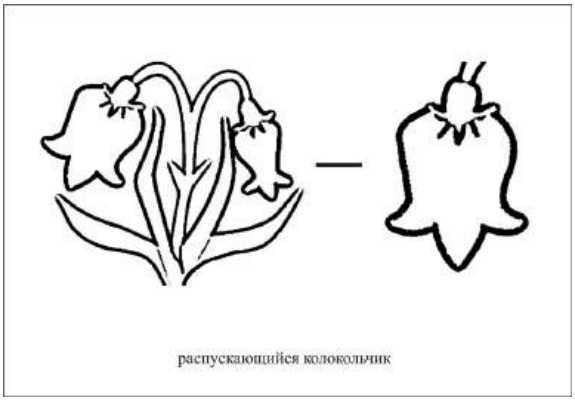


Рис. 75. Распускающийся колокольчик

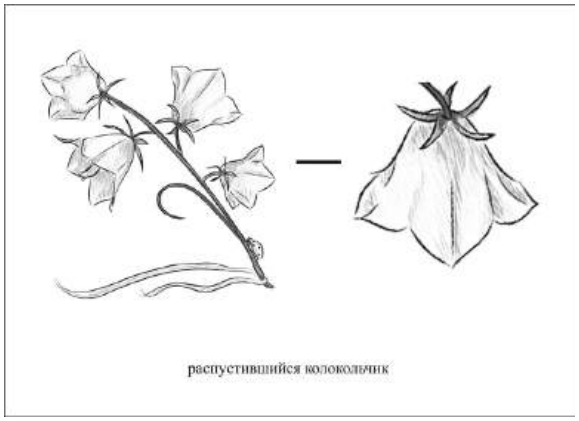


Рис. 76. Распустившийся колокольчик

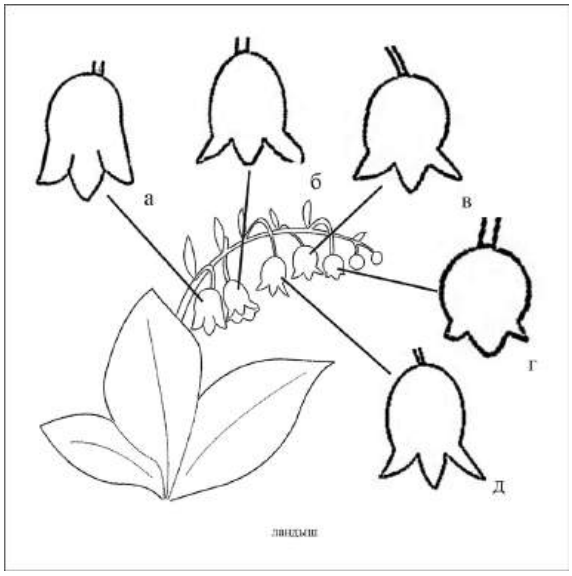


Рис. 77. Ландыш: а – увядающий ландыш; б, в, д – распустившийся ландыш; г – распускающийся ландыш

2. Цельный свободно ниспадающий трилистник как составляющая сложной композиции (рис. 78–114).

Распустившийся ландыш. Листья трилистника направлены вниз и их концы изгибаются незначительно. Несколько вариантов группировки на основании длины центрального листа.

Распустившийся ландыш 1. Примерно одинаковая длина листьев пропильного узора (рис. 16, 27, 28, 35, 78–81).

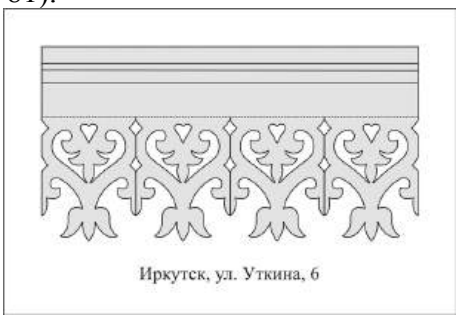


Рис. 78. Ул. Уткина, 6. Фрагмент подзорной доски фриза

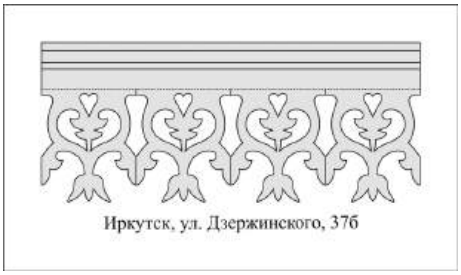


Рис. 79. Ул. Дзержинского, 37б. Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 80. Ул. Дзержинского, 37в. Фрагмент подзорной доски фриза

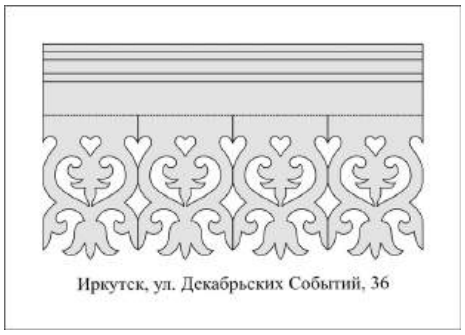


Рис. 81. Ул. Декабрьских Событий, 36. Фрагмент подзорной доски фриза

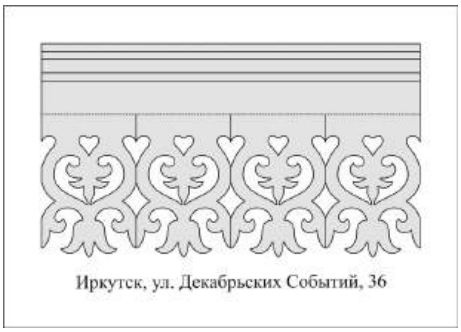


Рис. 82. Ул. Декабрьских Событий, 36. Фрагмент подзорной доски фриза

Распустившийся ландыш 2. Центральный лист длиннее боковых (рис. 36, 83–86).

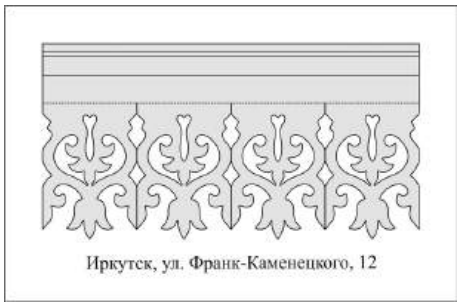


Рис. 83. Ул. Франк-Каменецкого, 12. Фрагмент подзорной доски фриза

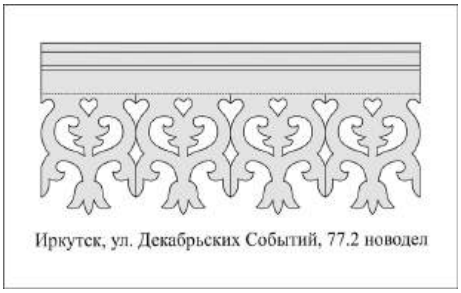


Рис. 84. Ул. Декабрьских Событий, 77.2 (новодел). Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 85. Ул. Горная, 19б. Фрагмент подзорной доски фриза

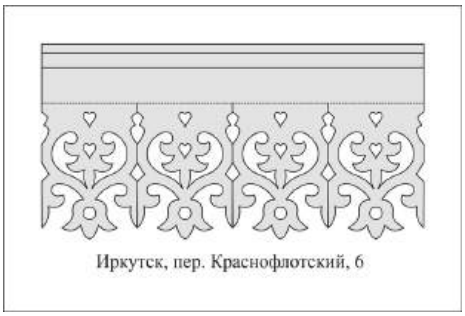


Рис. 86. Пер. Краснофлотский, 6. Фрагмент подзорной доски фриза

Распустившийся колокольчик 1 (рис. 17, 37, 72, 73, 87–93).

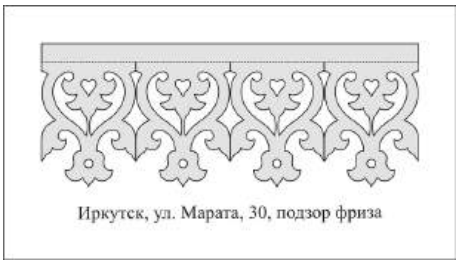


Рис. 87. Ул. Марата, 30. Фрагмент подзорной доски фриза

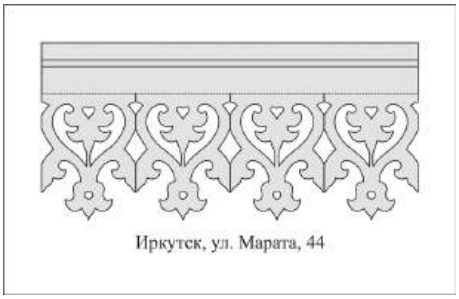


Рис. 88. Ул. Марата, 44. Фрагмент подзорной доски фриза

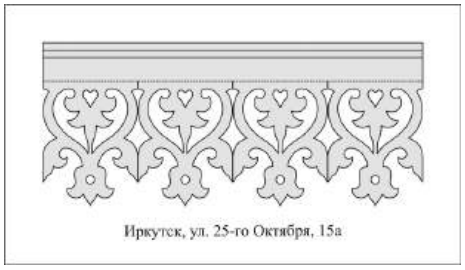


Рис. 89. Ул. 25-го Октября, 15а. Фрагмент подзорной доски фриза

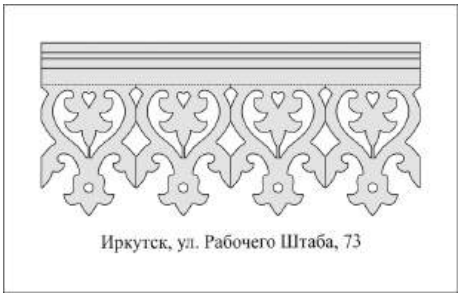


Рис. 90. Ул. Рабочего Штаба, 73. Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 91. Ул. Кожова, 32. Фрагмент подзорной доски фриза

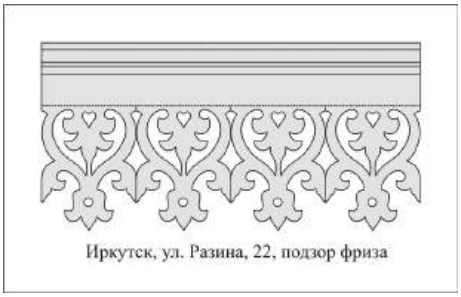


Рис. 92. Ул. С. Разина, 22. Фрагмент подзорной доски фриза

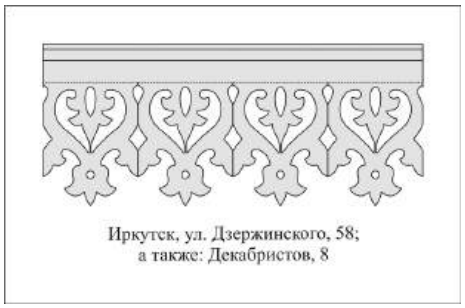


Рис. 93. Ул. Дзержинского, 58; Декабристов, 8. Фрагмент подзорной доски фриза

Распустившийся колокольчик 2 (рис. 32, 34, 40, 71, 94–101).

Рис. 94. Ул. 5-й Армии, 35. Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 95. Ул. Партизанская, 26. Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 96. Ул. Б. Хмельницкого, 30а. Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 97. Ул. Решетникова, 3. Фрагмент подзорной доски фриза

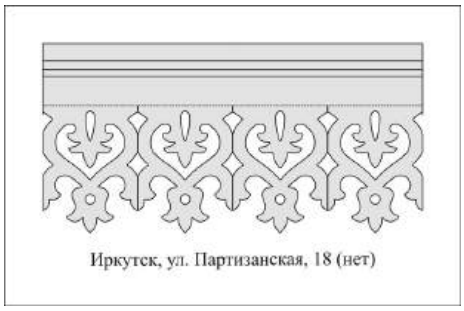


Рис. 98. Ул. Партизанская, 18 (утрачен). Фрагмент подзорной доски фриза

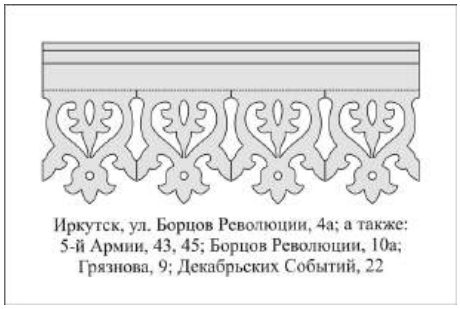


Рис. 99. Ул. Борцов Революции, 4а. Фрагмент подзорной доски фриза [40]

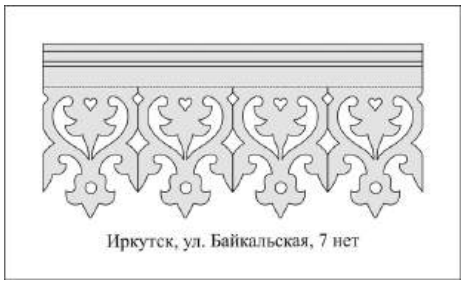


Рис. 100. Ул. Байкальская, 7 (утрачен). Фрагмент подзорной доски фриза

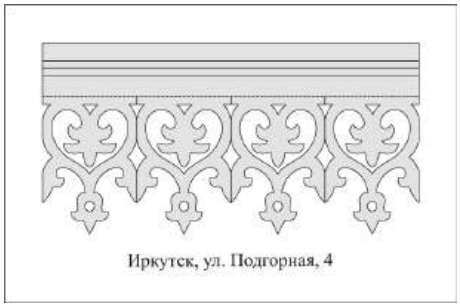


Рис. 101. Ул. Подгорная, 4. Фрагмент подзорной доски фриза

Распустившийся колокольчик 3 (рис. 21, 39, 102–108).

Рис. 102. Ул. Киевская, 11в. Фрагмент подзорной доски фриза

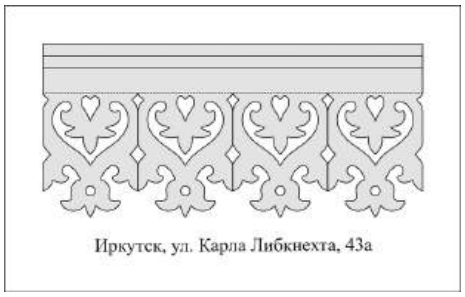


Рис. 103. Ул. К. Либкнехта, 43а. Фрагмент подзорной доски фриза

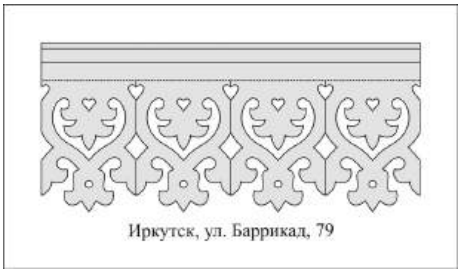


Рис. 104. Ул. Баррикад, 79. Фрагмент подзорной доски фриза

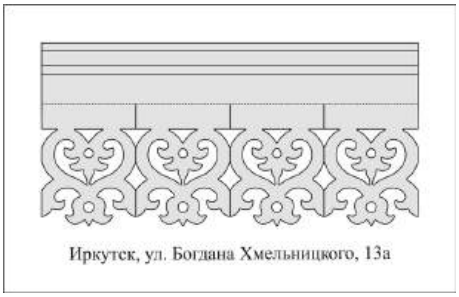


Рис. 105. Ул. Б. Хмельницкого, 13а. Фрагмент подзорной доски фриза

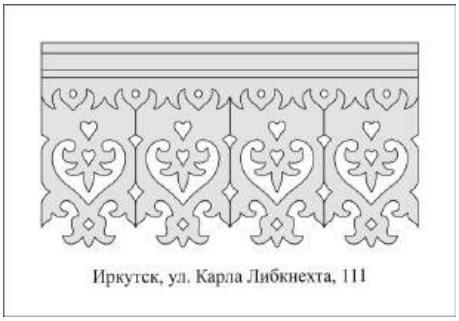


Рис. 106. Ул. К. Либкнехта, 111. Фрагмент подзорной доски фриза

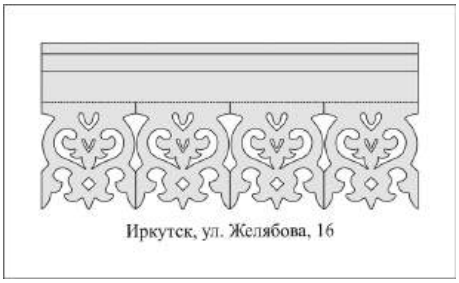


Рис. 107. Ул. Желябова, 16. Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 108. Ул. Кожова, 13б. Фрагмент подзорной доски фриза

Тюльпан (рис. 33, 38, 42, 109–111).

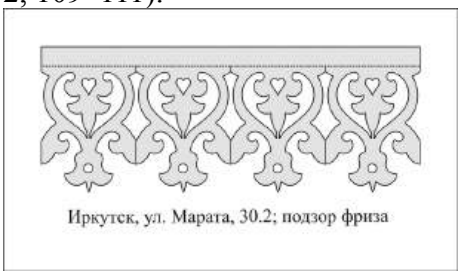


Рис. 109. Ул. Марата, 30.2. Фрагмент подзорной доски фриза

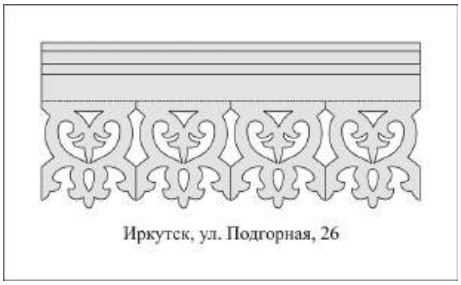


Рис. 110. Ул. Подгорная, 26. Фрагмент подзорной доски фриза

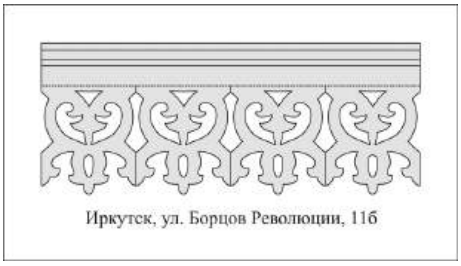


Рис. 111. Ул. Борцов Революции, 11б. Фрагмент подзорной доски фриза

Разное (рис. 25, 41, 44, 45, 112–121).
Декор, составленный сочетанием трилистников

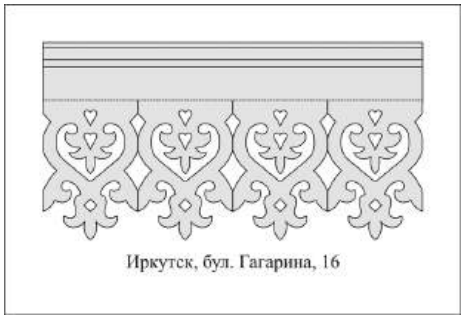


Рис. 112. Бульвар Гагарина, 16. Фрагмент подзорной доски фриза

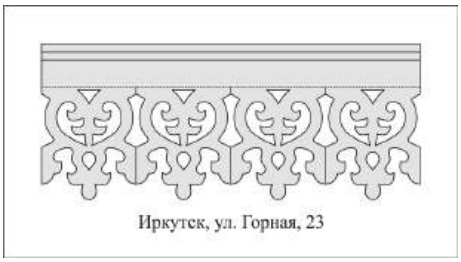


Рис. 113. Ул. Горная, 23. Фрагмент подзорной доски фриза

Декор, составленный сочетанием трилистников

Рис. 114. Ул. Подгорная, 37. Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 115. Ул. Дзержинского, 44б. Фрагмент подзорной доски фриза

Декор, составленный сочетанием трилистников, один из которых является стилизацией

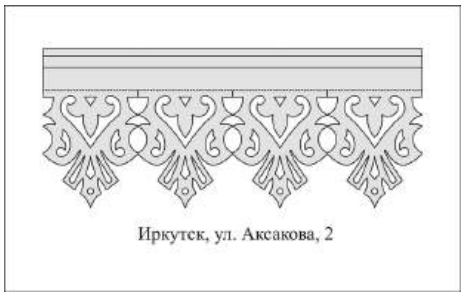


Рис. 116. Ул. Аксакова, 2. Фрагмент подзорной доски фриза

Декор, составленный сочетанием трилистников и двулистником

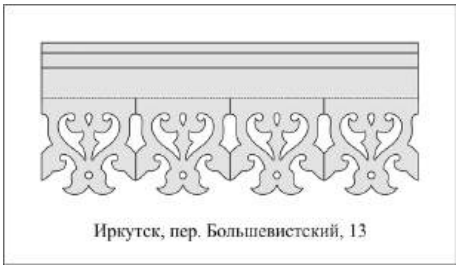


Рис. 117. Пер. Большевистский, 13. Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 118. Ул. Дзержинского, 8. Фрагмент подзорной доски фриза

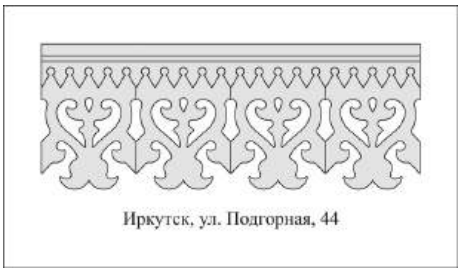


Рис. 119. Ул. Подгорная, 44. Фрагмент подзорной доски фриза

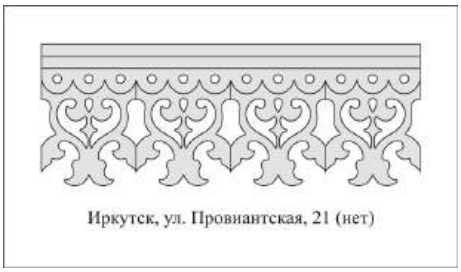


Рис. 120. Ул. Провиантская, 21. Фрагмент подзорной доски фриза

Рис. 121. Ул. Седова, 53б. Фрагмент подзорной доски фриза

3. Составной свободно ниспадающий трилистник на стыке пропильных досок как составляющая сложной композиции (рис. 16–18, 20–26, 29, 31–43, 45, 71–73, 78–114, 116–120). Достаточно простой элемент пропильной резьбы, имеющий значительную вариативность в форме и размерах. В основном это ниспадающие фигуры, листочки которых устремлены вниз и/или в стороны. Однако в ряде случаев резьба строится с точностью до наоборот и листочки устремляются вверх (рис. 21, 26, 45, 113, 114).

4. Трилистник, вписанный в закрытую геометрическую форму как составляющая сложной композиции.

Трилистник, вписанный в закрытую геометрическую фигуру сердечкообразной формы. Основное направление лепестков – вниз (рис. 18, 19, 22–26, 30, 108, 114–121), единственное исключение, имеющее несколько аналогов в виде восходящих ростков, устремленных вверх, – ул. Седова, 70 (рис. 21). Ряд трилистников вырезаны в той или иной степени стилизации (рис. 27, 29, 31–34), основным видом которой яв-

ляется пятилистник или трилистник, дополненный листовой частью цветка (рис. 28, 35–45, 71–73, 78–107, 109–113).

Здесь мы наблюдаем вариант органичного сочетания пропилов и пропиленной поверхности доски: сквозной пропил создает абрис сердечка, а оставшаяся часть поверхности – трилистник. Округлые боковые линии абриса сходятся под острым углом и либо смыкаются, либо остаются разомкнутыми, в последнем случае создавая своего рода поддержку вписанному в сердечко трилистнику путем соединения его центрального лепестка с плоскостью доски в нижней части сердечка. Разумеется, пропорции и контуры этих выпиленных сердечек самые разнообразные, но в целом вполне определенные, легко опознаваемые и не требующие специального рассмотрения.

Другое дело трилистник. Здесь формы и пропорции расходятся настолько значительно, что становятся предметом пристального внимания. Некоторые из них достаточно просты, компактны, не имеют крепления в нижней части и легко прочитываются, как, впрочем, и абрис окаймляющего их сердечка (рис. 19, 23, 108). Порою фигуры, выполненные в этой манере, приобретают большую массивность и дополнительные прорези, но в целом также остаются автономными и вполне опознаваемыми.

Но как же нашим Мастерам не по душе скупость, монотонность и повторяемость незамысловатого сюжета. И вот повинуясь неудержимому полету творческой фантазии Мастера пропорции фигуры существенно изменяются: верхние боковые лепестки трилистника поднимаются повыше, а средний – вытягивается и утончается, что вкупе со сквозными пропилами плоскости самой фигуры придает рисунку гораздо большую воздушность и выразительность. Однако увеличение художественности и изящности требует введения дополнительного ребра жесткости – и тогда нижний кончик среднего лепестка бежит еще ниже и смыкается с плоскостью доски в месте пересечения боковых пропилов сердечка, как бы разделяя его на две половинки (рис. 18, 117–121). Тоже своего рода символизм: излишнее стремление к недостижимому идеалу ломает человеческие судьбы и разрывает самые сердечные и дружеские отношения!

А фантазия Мастера стремится все дальше и дальше, покоряя все новые высоты и вершины: в композицию вводятся еще два лепестка, не то превращающие трилистник в пятилистник, не то еще более приближающие абстрактный рисунок к непередаваемому изяществу Природы. Как нежные цветочные бутоны неизменно окружены листовой частью цветка самых различных форм и размеров, так и трилистник на подзорах старых деревянных домов дополнен дополнительными лепестками у основания. В некоторых композициях эти лепестки больше и шире дополняемого ими трилистника (рис. 28, 43, 72, 83, 85, 87, 105–107), иногда уступают ему (рис. 35, 40), в ряде случаев их размеры в определенной степени сопоставимы (рис. 38, 90, 97, 98, 109), а порою они образуют настолько гармоничный рисунок, что визуально из него достаточно трудно выделить трилистник как индивидуальную составляющую, чему в немалой степени способствуют дополнительные продольные пропилы, как бы сливающие все пять лепестков в единый комплекс (рис. 93, 98, 99).

Таким образом, искусство мастерство наших предков и предшественников оставило нам высокие образцы воистину замечательного художественного оформления фасадов собственных жилых домов. И в немалой степени от каждого из нас зависит, останется ли резной ажур пропильной резьбы украшением города или сгинет в пламени бесчисленных пожаров, нашей расточительности и безалаберности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подзор – деревянные доски с глухой или сквозной резьбой, окаймляющие свесы кровли.
2. Пилястра – четырехгранная полуколонна, одной гранью вделанная в стену.
3. Наличник – декоративное оформление оконного или дверного проема в виде накладных фигурных профилированных планок.

4. Фронтон – треугольная или циркульная верхняя часть здания, ограниченная двускатной крышей, а также подобное украшение над окнами и дверями.

5. Барокко – вычурный и пышный архитектурный и скульптурный стиль XVI–XVIII вв.

6. Рококо – архитектурный, художественный стиль XVII–XVIII вв., отличающийся изысканной сложностью форм и причудливыми орнаментами.

7. «Все течет, все изменяется». Гераклит.

8. Петр I Алексеевич, Великий (1672–1725) – последний царь всея Руси (с 1682), первый император Всероссийский (с 1721).

9. Самцовая конструкция – конструкция крыши, в которой тес укладывается на горизонтальные бревна – слеги. Концы слег врубаются в поперечные бревна сруба, образующие фронтон.

10. Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита».

11. А.С. Пушкин.

12. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Каштаковской, 20.

13. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Тимирязева, 34; Трилиссера, 55; Марата, 66.

14. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Седова, 37; Дзержинского, 13; 1-й Советской, 34; Некрасова, 19; Гончарная, 8; Пискунова, 8; Провиантская, 13; Провиантская, 21; Киевская, 29; Партизанская, 52; Пискунова, 18; Провиантская, 29; Ф. Энгельса, 23; Пискунова, 33 (утрачено).

15. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Борцов Революции, 4а; Горького, 12; Красноказачья, 20; пер. Большевистский, 13.

16. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Напольная, 51; Напольная, 61; Уткина, 36.

17. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Сарафановская, 37; Освобождения, 103; Баррикад, 79; Береговая, 47; Войкова, 16.

18. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Грязнова, 19в.

19. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Дзержинского, 8; Подгорная, 44; Седова, 53б; Провиантская, 21; пер. Большевистский, 13.

20. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по бульвару Гагарина, 16; ул. Марата, 34.

21. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Кожова, 13б.

22. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Подгорная, 37; А. Невского, 10 (утрачено).

23. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Гаврилова, 3 (перенесено); с небольшими изменениями – Аксакова, 2; Декабрьских Событий, 75.2; Польских Повстанцев, 14; Ф. Энгельса, 21; очень близки – К. Либкнехта, 77 и Ф. Энгельса, 31в.

24. Аналогичным образом оформлены подзоры фриза этого здания.

25. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Борцов Революции, 11б; Горная, 23; Подгорная, 26.

26. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Киевская, 32а.

27. Карниз – выступ в верхней части здания, над окном, дверью.

28. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Борцов Революции, 4а.

29. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Дзержинского, 44б; К. Либкнехта, 78.

30. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Звездинская, 13.

31. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. 5-й Армии, 43, 45; Грязнова, 9; Декабрьских Событий, 46б; Дзержинского, 8.

32. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Грязнова, 30б; Франк-Каменецкого, 12; пер. Пионерский, 10а.

33. Аналогичным образом были оформлены подзоры здания по ул. Щетинкина, 8 (утрачено).

34. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Фабричная, 5.

35. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Напольная, 61; Уткина, 36.

36. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. 1-й Советской, 34; Некрасова, 19; Гончарная, 8; Пискунова, 8; Провиантская, 13; Провиантская, 21.

37. Аналогичным образом были оформлены подзоры здания по ул. Пискунова, 33 (утрачено).

38. Здания, расположенные на ул. 5-й Армии, 35; Марата, 30; Марата, 30.2, Разина, 22, имеют одинаковое оформление подзоров карниза и фриза.

39. Фриз – декоративная композиция в виде горизонтальной полосы или ленты, увенчивающей или обрамляющей ту или иную часть архитектурного сооружения.

40. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. 5-й Армии, 43; 5-й Армии, 45; Борцов Революции, 10а; Грязнова, 9; Декабрьских Событий, 22.

41. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Декабрьских Событий, 75.2; Польских Повстанцев, 14; Ф. Энгельса, 21. Самое минимальное отличие – Гаврилова, 3; К. Либкнехта, 11а; очень близки – К. Либкнехта, 77 и Ф. Энгельса, 31в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	–	Архив Академии наук
АН СССР	–	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО	–	акционерное общество
АССР	–	Автономная Советская Социалистическая Республика
АЭМ	–	архитектурно-этнографический музей
БНЦ СО РАН	–	Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
БТИ	–	бюро технической инвентаризации
ВСГАКИ	–	Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств
ВЦИК	–	Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГАИО	–	Государственный архив Иркутской области
ГО	–	государственная охрана
ГЭС	–	гидроэлектростанция
ДАИ	–	Дополнения к Актам историческим
ДОСААФ	–	Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
ЗАТО	–	закрытое административно-территориальное образование
ИГУ	–	Иркутский государственный университет
ИЕВ	–	Иркутские епархиальные ведомости
ИМБиТ БНЦ СО РАН	–	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук
ИОГАУК	–	Иркутское областное государственное автономное учреждение культуры
ИОКМ	–	Иркутский областной краеведческий музей
КНР	–	Китайская Народная Республика
КПСС	–	Коммунистическая партия Советского Союза
НПО ПМ	–	Научно-производственное объединение прикладной механики
НПФ	–	научно-производственная фирма
ОАО	–	открытое акционерное общество
ОГИЗ	–	Объединение государственных [книжно-журнальных] издательств
ООО	–	общество с ограниченной ответственностью
РАН	–	Российская академия наук

РГАВМФ	–	Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РГИА	–	Российский государственный исторический архив
РНБ ОР	–	Российская национальная библиотека. Отдел рукописей
РСДРП	–	Российская социал-демократическая рабочая партия
РС(Я)	–	Республика Саха (Якутия)
СДИБ	–	Сборник документов по истории Бурятии
СО АН СССР	–	Сибирское отделение Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
СОН	–	серия общественных наук
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
СПФ АРАН	–	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
ЦК КПСС	–	Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦПШ	–	церковно-приходская школа
ЦСН	–	Центр по сохранению историко-культурного наследия г. Иркутска
ЦЭС	–	центральная электрическая станция
ЯГУ	–	Якутский государственный университет

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агапитова Римма Валентиновна – главный научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: agapitovarimma@mail.ru

Базалийская Ольга Тимофеевна – главный археограф отдела использования документов и работы с обращениями граждан и организаций Государственного архива Иркутской области (г. Иркутск). E-mail: ogugaio@mail.ru

Гаращенко Алексей Николаевич – историк, генеральный директор ООО НПФ «Земля Иркутская» (г. Иркутск). E-mail: ieditor@yandex.ru

Гурулёв Станислав Андреевич – кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки Республики Бурятия, действительный член Русского географического общества, почетный член общества «Родословие» (г. Иркутск). E-mail: gurstan@rambler.ru

Зиброва Анастасия Владимировна – старший научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: zibrova_talci@mail.ru

Исаев Андрей Юрьевич – историк, археолог, краевед (г. Иркутск). E-mail: isaev65@rambler.ru

Колганова Елена Юрьевна – кандидат культурологии, заместитель директора Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» по науке (г. Иркутск). E-mail: eukolganova@gmail.com

Красноштанов Георгий Борисович – исследователь (г. Москва).

Крючкова Тамара Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Иркутской Харлампиевской церкви (г. Иркутск). E-mail: kruchkova-tamara@yandex.ru

Ладейщикова Елена Робертовна – заместитель директора Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» по архитектуре и развитию музея (г. Иркутск). E-mail: er.lad410@gmail.com

Лыхин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, ученый секретарь Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: talci@irk.ru

Назаркин Александр Дмитриевич – заведующий сектором игры и игрушки Новгородского областного дома народного творчества (г. Великий Новгород). E-mail: nazarkinalex@mail.ru

Ометова Марина Леонидовна – главный хранитель Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: fondi-talci@mail.ru

Павлов Александр Анатольевич – заместитель директора по научной работе Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары (г. Братск, Иркутская область). E-mail: bgom@list.ru

Попова Раиса Васильевна – историк (г. Иркутск). E-mail: popovaraisa@inbox.ru

Похабов Юрий Павлович – кандидат технических наук, начальник центра научно-технических разработок ОАО «НПО ПМ – Малое Конструкторское Бюро» (г. Железногорск, Красноярский край). E-mail: pokhabov_yury@mail.ru

Сакович Александр Васильевич – главный специалист по учету фондов Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов (г. Иркутск). E-mail: alvas.irk@yandex.ru

Тихонов Владимир Викторович – кандидат культурологии, директор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: talci@irk.ru

Ушницкий Василий Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнографии народов северо-востока России Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск). E-mail: Aeks07@mail.ru

Чивтаев Юрий Иванович – исследователь (г. Усть-Кут, Иркутская область). E-mail: yuchivt45@yandex.ru

Шинковой Анатолий Иванович – кандидат исторических наук, ведущий специалист Иркутского областного краеведческого музея (г. Иркутск). E-mail: anshin.789@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Павлов А.А. Ангарский поход сотника Петра Бекетова 1628/1629 года (к вопросу о времени основания первого Братского острога) 7
Чивтаев Ю.И. Выход енисейцев на Лену (к вопросу о возникновении Усть-Кута) 13
Гурулёв С.А. К истории начального периода русско-китайских отношений (вторая половина XVII в.) 31
Красноштанов Г.Б. Еще раз о черном попе Ермогене 41
Красноштанов Г.Б. Илимские управители с 1720 по 1769 год 50
Базалийская О.Т. Из истории Верхоленска (хроника событий) 56
Попова Р.В. Из истории поселка Мишелёвка и Хайтинского фарфорового завода 65
Крючкова Т.А. Миссионерские станы Забайкальской духовной миссии, учрежденные селенгинским епископом Вениамином (Благонравовым) в 1860-е годы 90
Ометова М.Л. Учебные заведения духовного ведомства в Иркутской губернии (Балаганский уезд). Материалы к словарю 106
Сакович А.В. Натуральная дорожная повинность в Иркутской губернии во второй половине XIX века 125

ЭТНОЛОГИЯ

Ушницкий В.В. Бурятский, или байкальский, компонент в этногенезе народа саха 139
Шинковой А.И. Общее представление о Вселенной в шаманской мифологии у народов Сибири и Центральной Азии в сопоставлении с другими народами мира 153
Назаркин А.Д. Тофаларские народные игры 169
Лыхин Ю.П. Ленское жилище в XVII–XIX веках 173
Агапитова Р.В. Традиции народной кулинарии русского населения Сибири (XVII – начало XX в.) 188

ТОПОНИМИКА

Похабов Ю.П. О палеоазиатской версии происхождения гидронима «Байкал» 195

К МУЗЕЙНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Тихонов В.В. Бодайбинская золотопромышленная зона 205
Ладейщикова Е.Р. Типология жилых деревянных доходных домов Иркутска 221
Колганова Е.Ю. Музеефикация традиционной культуры украинцев в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» 237
Зиброва А.В. Почтовые станции в трактовых селах Предбайкалья в XIX веке 240
Тихонов В.В. Иркутская область – презентативная территория скансенологической практики в России 246

ПАМЯТНИКИ ИРКУТСКА

Гаращенко А.Н. Памятник истории и культуры – усадьба городского головы В.В. Жарникова 253

АРХИТЕКТУРА

Исаев А.Ю. Трилистник на подзорах Иркутска 273

Список сокращений 306
Сведения об авторах 308

CONTENTS

HISTORY

Pavlov A.A. The Angara Quest of Cossack Commander Petr Beketov in 1628/1629 (on the Founding Date of the First Bratsk Wooden Fort) 7
Chivtaev Yu.I. Arrival of Yeniseytsi to the Lena River (on the origin of Ust-Kut) 13
Gurulyov S.A. On History of the Initial Period of the Russian-Chinese Relations (Second Half of XVII Century) 31
Krasnoshtanov G.B. The Monk-Priest Ermogen Revisited 41
Krasnoshtanov G.B. Administrators of Ilim since 1720 to 1769 50
Bazaliyskaya O.T. From History of Verkholensk (Chronicle of Events) 56
Popova R.V. From History of Mishelevka Settlement and Khaitinsky Porcelain Factory 65
Kryuchkova T.A. Missionary Stations of Zabaikalskaya Spiritual Mission Established by Veniamin (Blagonravov), the Bishop of Selenginsk in 1860s 90
Ometova M.L. Spiritual Academic Institutions in Irkutsk Province (Balagansk District). Materials for the Dictionary 106
Sakovich A.V. Road Duty in Kind in Irkutsk Province in Second Half of XIX Century 125

ETHNOLOGY

Ushnitsky V.V. Buryat or Baikal Component in Ethnogenesis of the Sakha People 139
Shinkovoy A.I. General Representation of the Universe in Shamanistic Mythology of the Peoples of Siberia and Central Asia, Compared to Other Peoples of the World 153
Nazarkin A.D. Tofalari's Folk Games 169
Lykhin Yu. P. Lenskoye Dwelling in XVII–XIX Centuries 173
Agapitova R.V. Traditions of Folk Culinary Art of the Russian Population in Siberia (XVII – Early XX Centuries) 188

TOPONYMICS

Pokhabov Yu. P. On Paleoasian Version of the Hydronym «Baikal» 195

ON MUSEUM CONSTRUCTION

Tikhonov V.V. Bodaibo Gold-Mining Zone 205
Ladeischikova E.R. Typology of Residential Wooden Homes for Rent in Irkutsk 221
Kolganova E.Yu. Museum Representation of Traditional Culture of the Ukranians in Architectural and Ethnographic Museum «Talci» 237
Zibrova A.V. Post Stations in Highway Settlements West of Baikal in XIX Century 240
Tikhonov V.V. Irkutsk Region – a Representative Territory of Scancenological Practice in Russia 246

MEMORIALS OF IRKUTSK

Garaschenko A.N. Monument of History and Culture – the Estate of City Mayor V.V. Zharnikov 253

ARCHITECTURE

Isaev A.Yu. Trefoil on valances in Irkutsk 273

Abbreviations list 306
Information about author 308

Научное издание

ИЗВЕСТИЯ
АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ «ТАЛЬЦЫ»

Выпуск 7

Редактор и корректор: Г.Д. Лопатовская

Подписано в печать 27.10.2015 г. Формат 60*90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л.39,25. Тираж 200 экз. Заказ №... Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»,
664047, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2,
тел.: (3952) 540–940.